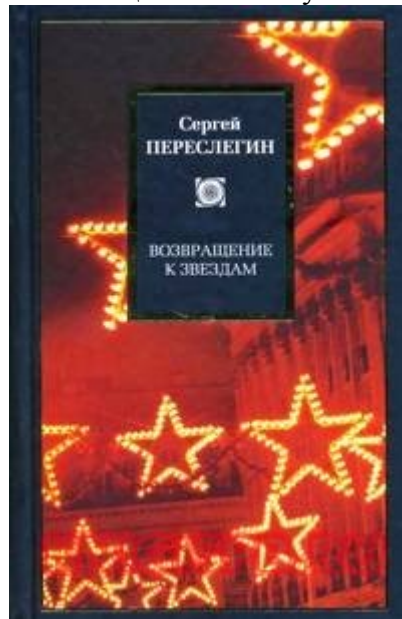

Сергей ПЕРЕСЛЕГИН ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЗВЕЗДАМ ФАНТАСТИКА И ЭВОЛОГИЯ

В настоящей книге рассматривается объединенное пространство фантастической литературы и футурологических изысканий с целью поиска в литературных произведениях ростков, локусов формирующегося Будущего. Можно смело предположить, что одной из мер качества литературного произведения в таком видении становится его инновационность, способность привнести новое в традиционное литературное пространство. Значимыми оказываются литературные тексты, из которых прорастает Будущее, его реалии, герои, накал страстей. Непривычные или неописанные в наше время, но уместные в жизненной энергетике Будущего, показывающие эволюцию наших чувств и мыслей.

ОТ РЕДАКЦИИ

АГЕНТСТВО ПЕРСПЕКТИВНЫХ ФАНТАСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПРОЕКТОВ

ЭПИЗОД II

Эпоха русского/советского книгоиздания второй половины XX — начала XXI века четко разбивается на две части: период книжного дефицита, длившийся до середины 90-х годов, и период книжного перепроизводства, настигший страну с приходом третьего тысячелетия. Эти периоды изящно различаются первым вопросом, который задают русские книгоманы при встрече. Ранее спрашивали: «Что вышло новенького?» поскольку вычитывалось практически все. Сейчас спрашивают: «Что посоветуете прочесть?», потому что в океане современных изданий под похожими обложками оказываются как волшебные агнцы, так и разухабистые козлищи. Это соблюдается и в жестко коммерческой литературе, и в литературе бытового авангарда, позиционирующего себя как Большая Литература (пишется именно в такой фэнтезийной капитализации).

Подобная невозможность отделить зерна от плевел касается всей литературы в целом, а соответственно и фантастики — одной из любимых дочерей книгоиздания и кинематографа.

Попробуем заменить стремление поставить извечную оценку «хорош вообще» на оценку «хорош для чего-то». Как известно, великий Артур Конан Дойл хотел прославиться своими нетленными произведениями фундаментального характера, а остался навсегда в истории детективными рассказами о Шерлоке Холмсе, который применил научную методологию в актуальной социальной практике. Можно смело предположить, что мерой качества литературного произведения в нашем видении становится его инновационность, способность привнести новое в традиционное литературное пространство, а отнюдь не следование неким устоям.

Подобная литературная инновационность в первую очередь характерна для фантастической литературы.

Фантастика — достаточно уникальный литературный прием, давно сформировавший свое литературное же направление. Как и всякая приличная литературная зона, она ярко и страстно исследует в лучших своих образцах человека нашего времени и человека прошлых эпох. Она использует логически-психологические головоломки и криминальные сюжеты детективного жанра. Она выстраивает характерные для женского романа семейные саги, описывающие родовые истории цивилизаций. Но есть в ее литературном пространстве уникальная область: фантастика пишет о будущем, и в первую очередь — о человеке будущего.

На основе этого хочется выстроить некое Агентство перспективных фантастических исследовательских проектов (в английском представлении — FARPA: аббревиатура от Fantastic Advanced Research Projects Agency по аналогии с известным проектом DARPA¹, подарившем миру Интернет), которое опишет важнейшие социальные вызовы и научные фронтальные исследования современности и даст отправную точку для формирования репера современной литературной критики, волшебную меру Зоила, о которой так мечтали братья Стругацкие.

Что ж, добро пожаловать в наш эксперимент: в первое литературно-критическое представление современной реальности!

Николай Ютанов

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЗВЕЗДАМ

ВСТУПЛЕНИЕ

СИНДРОМ ГЭНДАЛЬФА-СИКОРСКИ: ПРОКЛЯТЬЕ ВЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ

В каждом
живет другой
на расстоянии
в одно крушение.

Карен Джангиров

На таком расстоянии любой приказ
Превращается рацией в «буги-вуги».

Иосиф Бродский

Эта работа создавалась 17 лет: она была начата весной 1985 и закончена весной 2002

¹DARPA — аббревиатура от Defense Advanced Research Projects Agency, Агентство перспективных военных исследовательских проектов. Это главное исследовательское подразделение Министерства обороны США, основная особенность которого заключается в том, что оно занимается именно перспективными разработками, основанными на новейших достижениях науки.

года. Мир изменился, изменились и авторские замыслы. То, что некогда начиналось как рассуждение о природе Власти, вылилось в размышление о столкновениях времен и эпох. Миражи памяти стали текстами, посланными из одной жизни в другую, аналитические обзоры — комментариями к ним.

Современная теоретическая история в значительной мере опирается на концепцию Представления — метафоры одной системы в понятийных рамках другой. Так, формула есть Представление физического или химического процесса в информационном пространстве, а Медный всадник — Представление Петербурга в мире мифологем.

Эту статью можно читать как Представление Времени в Вечности. Или, если угодно — в Безвремяе.

Превращаются ли блюзы в гимны,
Или блюзы суть только письма?
Превращаются ли блюзы в слезы,
Или блюзы суть только глаза?
<...> Мы смешаем лучшее с худшим,
Мы помирим Изольду с Тристаном,
И докажем даже самым бездарным,
Что пришло уже время дарить.

Май 1998 года

Очень давно, две эпохи назад, я уже писал о Джоне Рональде Роуэлле Толкине. Тогда на русском языке были изданы только две его книги: «Хоббит» и почему-то обособленная первая треть «The Lord of the Rings» под названием «Хранители» — в великолепном, но очень вольном переводе В. Муравьева и А. Кистяковского.

В рамках эпохи нынешней та работа производит странное впечатление. Мир изменился, Толкин вроде бы остался таким, каким был, но изменились мы и читаем его теперь по-другому. А в статье 1985 г. с суровым названием «Проклятие власти», как на фотографии, запечатлелось прежнее восприятие, мирозерцание эпохи, уже ушедшей, но тогда и не подозревающей, что она исчезла.

«...Воздвигались высокие стены, образуя могучие крепости и мощные многобашенные твердыни; их владыки яростно враждовали друг с другом, и юное солнце багрово блистало на жаждущих крови клинках. Победы сменялись разгромами, с грохотом рушились башни, горели горделивые замки, и пламя взлетало в небеса. Золото осыпало усыпальницы мертвых царей, смыкались каменные своды, их забрасывали землей, а над прахом поверженных царств выростала густая трава. С востока приходили кочевники, снова блеяли над гробницами овцы - и опять подступала пустошь. Из дальнего далека надвигалась Необоримая Тьма, и кости хрустели в могилах. Умертвия бродили по пещерам, брэнча драгоценными кольцами и вторя завываниям ветра мертвым звоном золотых ожерелий. А каменные короны на безмолвных холмах осклаблялись в лунном свете, как обломанные белые зубья».

Письмо первое. Из 1987 в 1998 год

«Был в балете: мужики девок лапают...»

В. Высоцкий

Вчера, презрев приличия, возраст и некий страх быть осмеянной, посетила местный клуб любителей Толкина — разгромленную квартиру с характерным названием «Мордор». Впечатлений — масса. Отрицательных — больше. Но есть и такие, которые можно назвать высоким именем удивление — эмоцией, достойной продолжения жизни и творчества, оправдания самого что ни на есть бытового засранства во имя идеи. В общем, после «клевых и бессвязных бесед, пива и тусклого чая» они вдруг стали петь. Это меня проняло

неожиданно и сильно. Слова! Бог мой, как они собирают слова в свои песни, как это похоже на мое единственное, сокровенное, никому еще не открытое восприятие Толкина. Это даже не противоречит моему избалованному английскому.

Из музыки дивных видений,
Из слов позабытых преданий,
Игрою танцующей Тени
Соткалась ткань мироздания...

Стоит ли у Вас еще башня скорби «золотой *Минас-Турит*», или ее превратили в Казино?

Мы за тремя огнями во тьму уходим
Избранники благой земли.

Ты пишешь, что все наши надежды на свободу «предпринимательства», а значит, и творчества очень быстро обернутся выхолащиванием и того и другого, но Бог с нами — что станет с этими детьми, которые уже ушли в мир Средиземья и поселились там, общаясь через свои песни и игры с тем, что ты, кажется, назвал Текущей Реальностью? Они-то останутся целы? Мне они как-то ближе, чем ваши эти пророки: «чего боишься, то и случится», «пусть все идет, как идет» и прочие философы от Кармы в кармане. У нас это слово еще не в ходу. Зато в моде — Хранители. Это куда как более мощное самопожертвование, чем разговоры с клиентом или паствой типа: «а что такого страшного случится, если этот подвиг ты не совершишь?». НЛП пока не стало современным, я читаю в грязных распечатках «Водителя троллейбуса» Р. Бендлер² и думаю, что, если в какой-нибудь цивилизации два крохотных хоббита все еще плывут на восток, значит, «мудрые книги они в детстве читали» и честь свою, видимо, спасут, а зло увезут как можно дальше от своих маленьких счастливых земель.

Я вышла из толкнутого клуба немного ошарашенная, разговоров о чести там не было, на последней игре у них вообще победили темные силы, но в кухонном воздухе пахло стремительным Андуином, и это был Путь с течением, порогами и целью.

Про статью твою «Проклятие власти» напишу тебе завтра. А сейчас иду на «белый совет», где меня, видимо, уволят со службы за старомодные взгляды и отсутствие коммерческой смелости...

Январь 2002 года

И эти люди по сей день являются моими родителями! «Что длится целый век, тому продлиться вдвое», — сокрушенно произносят они и занимают все интернетское и вообще все компьютерное время, принадлежащее мне, казалось бы, безраздельно... Ведь компьютер подарил мне дядя. Не они, а дядя, и именно мне. Мама с папой пишут письма из завтра во вчера. А я их читаю. Они не запрещают. Мне незачем тайно подглядывать, я даже могу показать тексты подругам. Ага! Чтоб те выразительно покрутили у виска. Впрочем, у нас у всех трудности с родителями. Мои еще из лучших. Мне только 13 лет. Что обнадеживает. Они, значит, все-таки родили меня между делом, несмотря на всеобщий «Мордор». Еще я самая читающая девочка в школе. Из-за них. Привыкла. Читаю, даже когда пью пиво во дворе. Пиво горькое, а читать — это как долгая вкусная жвачка. Когда смешно, я читаю олухам вслух. Олухи — друзья. Некоторые врубаются — смеются.

Вышел фильм «Властелин Колец». Я сидела на первом ряду и очень боялась пропасть в Ортханке или свалиться с моста вслед за Барлогом, очень все было близко. Я вышла из зала: меня трясло. Всюду взрослые люди говорили про Толкина, правильный перевод и

²Ричард Бендлер (англ. Richard Wayne Bandler; род. 1950) — один из создателей (совместно с Джоном Гриндером) концепции нейролингвистического программирования (НЛП). Получил степень бакалавра философии и психологии в Университете Калифорнии в Санта-Круз в 1973 г., степень магистра психологии в Llovh Маунтейн колледж в Сан-Франциско в 1975 г.

обсуждали эпизоды битв. Я от них шарахалась, они все мне казались Саруманами, когда-то Белыми. Я прочла Толкина в восемь лет и уже подзабыла. Вот молодец, профессор, ему время не мешает управлять сегодняшними людьми, только какой ему с этого прок? Надо спросить у отца, он любит такие вопросы.

Письмо второе. Из 1998 в 1987 год

Нынче ветрено, и волны с перехлестом...

И. Бродский

Ты спрашиваешь, «что с ними станет»? А, знаешь, ничего. «...Одряхло и засохло Белое Дерево, а князь Менельдил, сын Анариона, умер, не оставив сына-наследника», горделивые замки обрушились, не то темные, не то светлые силы вырвались на свободу (предпринимательства), а эти ребята, мы зовем их, правильно, толкнутыми, остались теми же, что в мучительном 1993 году, когда в стране свершилось неназываемое предательство, или в славном 1991-м, когда были первые и в чем-то единственные «Хоббитские игрища» — с тех пор проведение их стало традицией и потеряло всякий смысл, подобно любой традиции, или в твоём 1987 году, когда смыслы еще не распакованы и семантический спектр таких понятий, как «ответственность», «свобода», «демократия», «честь», «любовь», «дружба», не сузился до современных узкоутилитарных значений.

В чем-то я, конечно, упрощаю. Многие вышли из тусовки, став писателями, издателями, бардами и капиталистами. Другие пришли в нее. Очень может быть, что в «Мордоре» не осталось никого из тех, кого ты знала. Но сам «Мордор» остался. Точно таким же. И «они» все так же хронически неспособны вымыть за собой посуду!

Суть, конечно, не в этом. Хотя и в этом тоже. Недавно достал книгу. Как ни странно, это выражение еще сохранилось — по крайней мере для немногих, читающих не только детективы и стандартизованную фэнтези с одними и теми же девицами и мечами на обложке. Никогда не любил Вальеху, но сейчас его и яже с ним просто ненавижу. Отвлекся. Так вот, книга была о Лоуренсе Аравийском. Там есть очень «толкнутый» эпизод. Лоуренс обратил внимание араба на то, что его верблюд весь покрыт чесоткой, тот в ответ рассказал англичанину, какую совершенную медико-эпидемиологическую службу арабы организуют сразу после полной победы восстания... Впрочем, сражался этот араб не хуже других.

У толкинистов тоже все хорошо с личной смелостью.

Осенью 1993 года, когда в России в очередной раз делили власть — на этот раз при помощи танков и пулеметов, — погибли многие. В том числе и ребята из московской толкинской тусовки. И совершенно напрасно, потому что в той стычке умирать было не за что и не за кого.

Неверие — основа нашего мира.

Ты возразишь, что с этим было все хорошо и в 1987 году, и даже в позолоченном восприятии прекрасных шестидесятых. Нет, не возразишь. Потому что ты читаешь Толкина и мечтаешь о преодолении «проклятья власти», о победе Белого Совета и крушении Темного Властелина Мордора. Потому что для тебя «два крохотных хоббита плыли на восток» — фраза, порождающая какую-то надежду: там и честь спасут, и зло унесет от родной земли...

Нет, я даже не циничен.

Увы, ...«все "глубокие тайны гор" обернулись бездонной ночью, открывать было нечего, жить незачем — только исподтишка добывай пищу, припоминай старые обиды да придумывай новые»... Что еще? Еще мне суждено пытаться понять: «Как же это получилось, что у нас такие души? Как же это получилось?»

Прочитав «Хранителей» (и написав «Проклятие власти»), я как-то незаметно воспылал желанием создать Кольцо. Ну, пусть не То, Единственное, но довольно похожее. Кольцо, выводящее человека из мира Текущей Реальности и открывающее перед ним Информационное пространство. Некогда Профессор владел им — судя по тому, как свободно совершал он переход между Отражениями. Да, я забыл, что ты привыкла к строгим

определениям.

Пожалуйста.

«Информационным объектом называется структурированная информация, существующая и развивающаяся независимо от своих носителей».

«Кольцом называется информационный объект, взаимодействующий с Владельцем или Создателем и лишь во взаимодействии с ним порождающий новые смыслы».

То есть Кольцо — информационный объект, созданный искусственно и «скроенный по мерке». Это — информация, которая только вместе с личностью владельца превращается в развивающийся, питающийся, функционирующий — живой — объект и которая поэтому вынуждена оберегать и лелеять этого владельца в Текущей Реальности и в информационном мире.

Вот тебе повод для размышлений. По чьему пути я иду? Ауле, Феанора, Саурона, Темного Властелина? Кстати, тебе будет интересно: на Всесоюзных «ХИ» 1993 года я был Сауроном. И меня развоплотили Хранители Кольца. Такая вот история...

Январь 2002 года

Игровиков в чатах не любят: ну их, пусть уходят в свои чаты. «Если жить не можешь, играй в куклы», — говорит Лесли про игронутых. Она недавно сделала аборт. А Пашка ей говорит: «Если не можешь играть — живи, вдруг получится». Я люблю Пашку. Он редко приходит. Для него нет роли ни в одной книжке. Он ходит, дышит себе, увлекается своей диковинной микробиологией, зовет меня Кошкой. Каждый из нас учится, как справиться со скукой: я читаю книжки, Пашка смотрит в микроскоп, Лесли собирает острые ощущения, близнецы просто толкутся. В школе все учительки носят фальшивые кольца и поблескивают ими, а что-то реальное сделать боятся. Это хуже, чем Мордор, там хотя бы ясно, куда воевать.

Взрослые думают, что мы съедены рекламой. Дураки, это они ею съедены! У нас комплексов мало, мы это все с детства видели, а иногда и пробовали, у друзей, кто побогаче. А они без этих фантиков прожили и вопят теперь: пропала культура. Вон Толкин никуда не пропал. Толпы к кино рвутся. А пока «сникерс» по телеку показывают можно позвонить, чаю налить и даже сделать математику, и никто никого не предаст при этом.

Апрель 1985 года: «Проклятие власти»

А каков он должен быть, эпос XX века? Русские былины, «Эдда», «Песнь о нибелунгах», кельтские сказания заканчиваются одинаково: герои, будь то богатыри, викинги, рыцари, либо погибают, либо — после славных блистательных побед — сталкиваются с неразрешимыми проблемами. Получается, что эпос — это память о прошлом и тревога за будущее, близкое, неотвратимое, в котором бессильны воспетые легендами витязи. Так остались в памяти народов Средиземья Элендил, Исилдур, Гил-Гэлад, сумевшие *«развеять ночь, развеять, но не превозмочь»*.

Итак, все эпосы заканчиваются ощущением тупика и страха перед грядущим, невольным желанием продлить героическое прошлое.

«Хранители» — тоже тревога за будущее, ощущение наплывающей тьмы.

Не символично ли, что эпос XX века указывает нам если не путь, то возможность пути?

Близится реальная битва за Кольцо. И вновь точной оказывается толкинская символика: не объединенные дружины Свободных Народов способны защитить мир, а взаимная верность Хранителей. Если зло рассеяно в обществе, выход один — преодолеть его в себе и друзьях. Преодолеть и нести в Затемненные Земли доброту, человечность и мудрость — единственное оружие, которое способно уничтожить Темные Силы, а не просто в очередной раз временно сломить их. Это гораздо труднее, чем воевать. Тем более что

мирный путь Хранителей остается смертельно опасным.

Им предстоит долгая и тяжелая битва. И почти безнадежная. Поэтому так горек оптимизм Толкина. Вторая часть «Хранителей» наполнена прощаниями: светлыми — с Раздолом и Лориэном, горестными — с Гэндальфом и Боромиром. Постоянно повторяется неумолимое «никогда». Никогда больше не увидят Фродо и Арагорн цветущего Лориэна. Исчезнет и никогда не вернется чудесная магия Третьей Эпохи. Никогда не жить эльфам среди исполинских ясеней Благословенного Края.

«Наш нынешний мир суров и опасен, и некоторые свободные земли затемнены, а любовь часто оборачивается печалью, но становится от этого еще прекраснее», — говорит в «Хранителях» Хэлдер.

Май 1998 года: «Власть проклятия»

С незапамятных времен структура Ойкумены, мира Обитаемого, который Дж. Толкин называет Ардой, определялась так называемыми вековыми конфликтами. Следуя романтическому, эпическому, а в конце концов христианскому западному мироощущению, мы вправе назвать их Представлениями одного вечного конфликта между добром и злом. У Толкина зло персонифицируется в образах Мелькора и Саурона и их присных, в государствах-крепостях Утumno, Ангбад, Мордор. У нас в Текущей Реальности на эту роль претендовали (за последние две сотни лет) наполеоновская Франция, николаевская Россия, кайзеровская, а затем гитлеровская Германия, наконец, Советский Союз.

Как и писал Толкин, победы всякий раз оказывались поразительно бесплодными и на смену одному Черному Властелину чуть раньше или чуть позже с неизбежностью вырастал другой, еще более черный. Его давили за умеренную цену от одного до пятидесяти миллионов человеческих жизней, и все опять начиналось сначала, так что создавалось впечатление, что кто-то очень заинтересован в вечном круговороте *«падений, побед, неизбежных прозрений»*.

Книга Толкина с этой точки зрения — продукт своей, западной (англо-саксонской) культуры.

И — ирония истории — текст создавался больше двадцати пяти лет. Практически, он был начат еще в Первую Мировую войну, а закончен, когда ушла в прошлое Вторая и на роль Мирового зла вместо побежденной и повергнутой Германии была единогласно избрана страна Советов.

Само собой разумеется, Толкин создавал эпос. Эпос из другого Отражения, и уже поэтому проводить аналогии между событиями Текущей Реальности и текстами Профессора нельзя. Но ведь проводили же! Почему-то чаще всего со Второй Мировой войной, хотя если Толкин и имел в виду какие-то осмысленные намеки на исторические события, то это, конечно, были события той войны, в которой он сам участвовал. В результате христианское содержание толкинского эпоса, посвященного борьбе со злом абстрактным и вечным, вольно или невольно претворилось в сознании тех ста миллионов или что-то около этой цифры читателей в содержание политическое, направленное против конкретного зла, персонифицированного в образе Гитлера или безличного великого вождя и учителя. А это означает, что книга Дж. Толкина, вопреки воле создателя, стала оружием в идеологической борьбе.

В результате наше восприятие «Властелина Колец» не могло не измениться. В 1985 году мы читали текст глазами если не самого Белого Совета, то, во всяком случае, людей, сочувствующих ему. Ныне же гораздо ближе нам «взгляд из Мордора», павшего, разрушенного, обесчещенного государства. И волей-неволей мы считаем толкинский эпос *историографией победителей*.

Январь 2002 года

Сто пудов, так все и было, и случится еще не раз. Взрослые, они как дети: откроют Закон и любят, а по нему выходит, что раз от разу все более трудно выиграть. Все знакомые у нас тоже такие, как мама с папой, с ними весело, они как дети, только умные дети: читают Гарри Поттера, Толкинский «кирпич», Железные, Винджа и Симмонса, Эко и Павича, ходят на «Звездные войны» и запростяк целыми днями обсуждают все это. Пашка говорит, что это поколение так и не выросло, осталось подростками: они — фантазеры, умники и затейники, они азартные и радостные, как школьники, первый раз поставившие опыт по химии. Они учат нас изобретать, а мы идем курить. Про них говорят, «они сохранили юношескую креативность», еще у них есть честь, как у мушкетеров, это когда чего-то не хочется, но ты почему-то должен. Это нам совсем не подходит. Мы хотим купить на то, что есть, а долги отдать. Если моих родителей допустить, то они вмешаются в эволюцию и сыграют с ней партию в бридж. Когда нужно отвечать за что-то, они страдают и нервничают, переключают нервы друг на друга, и честь при этом ни при чем. Они даже деньги зарабатывают — и немалые, но смотрят на них, как на чудо, и исчезают эти деньги, конечно, потому, что куда, мол, откладывать — мир переменчив. А есть-таки папы, которые сели в кресла и стали важными, но как выпьют — нет-нет да и начинают играть в электрические паровозики, игры компьютерные или жен друг у друга сманивать. В открытую. У нас во дворе, если люди определились в пару, никто им не мешает. Разойтись сами могут — тогда и разбирайте, кому кого. Осенью у нас на скамейках под липами — Мордор, а весной, так там же и Лориэн. Все от солнца зависит и от длины дня.

Письмо третье. Из 1987 в 1998 год

...Профессор был столь умеренно религиозен, что даже наше отравленное принудительным атеизмом сознание легко принимает его почти библейские истины. Мне ужасно нравятся гномы, они такие земные, основательные, так похожи в своих принципиальных злопамятствах на нас, людей. Эльфы для меня — не боги, но поэты, а им, как известно, многое прощается в обыденной жизни. Ко мне ходит ученик, платит деньги за мой консервативный английский и мечтает сделать перевод «Хранителей»: свой, уникальный и удивительный. Я же, наоборот, читаю русский текст, силясь решить сомнительную задачу — понять, что же так притягательно для меня в этом детском мире, где еще и любовь-то не родилась — только мечта о ней, эльфийская, неявная, а в цене лишь дружба да неудержимая диалектика — поступай, как велит тебе мудрость и великодушие. Что ж, дети не напрасно зацепились за такую религию.

А я все больше обращаю внимание на неодушевленные знаки — карта пленяет меня особым распределением на ней загадочных, страшных, покойных и дружественных мест, и я уже невольно окрестила Мордором мою пресловутую службу, Андуином — Неву в верхнем течении, а опустевший кинотеатр — «Минас-Тиритом». Бродя по улицам в поисках реализации разноцветных квадратиков с именами продуктов и товаров, я упоенно делю людей на гномов, эльфов и этих высокорослых дунаданцев. Всю компанию витийствующих Гуру, призывающих к погружению в «астральное сверхсознание или магическое подсознание», я априори записываю в Мордор, потому что они как раз и способствуют помрачению изрядно напуганных пошатнувшимися устоями людей. Ты пишешь, что у вас там их стало уже привычно много, а мы не хотим привыкать.

Сейчас у страны такой счастливый период, когда у многих рождается и крепнет уверенность, что все будет «лучше, чем вчера». Юные кооператоры еще не стали бандитами, а прозревшие физики не изменили своим исследовательским страстям. У нас, кто смел, тот что-нибудь да обязательно съест и по товарищеской привычке — поделится с другими. Возможности мелькают, исчезая, иногда не хватает скорости реакции их ловить. Я устаю от этой беготни за тенью и читаю по вечерам Толкина, у которого основы конфликтологии изложены образно и подробно, а все разборки заканчиваются знаком качества «честь —

ответственность — воля — судьба». Ой, как тревожит меня четвертая эпоха! В ней умрет идеализм, а с ним любовь, вышитая на знамени, и дружба, отмеченная в боях.

А среди молодежи сейчас принято играть в фаулзовские игры, они же «школа шпионов». Принято — подловить на чувствах, то есть, не открываясь самому, вскрыть «город иллюзий» другого и использовать в своих интересах. Принято вместо пленительной недоговоренности эмоций строго следить за лазейками недосказанного, чтобы потом в разговоре апеллировать: «слово не воробей» или «в твоих словах содержалось три смысла, я выбрал наиболее для меня удобный». Искренность не в чести, ведь она частенько волнительно недосказана. Дети, погибая от недостатка романтики, остервенело разыгрывают битву за Кольцо. Думаешь, они озабочены сохранением мирового баланса добра и зла? Нет, им все равно, кто победит в этой игре, им важно сохранить себя, свой неистовый романтизм души, свою детскую театральность, рожденную запрещенным бессознательным. Знаешь, среди толкнутых есть убежденные будущие капиталисты — они же, видимо, и будущие бандиты, чего они сюда ходят? — А очиститься, наверное. Хиппи, сражающиеся за мифическое кольцо, будут их первыми исповедникам, и, как знать, может быть, проповедь будет услышана.

Письмо четвертое. Из 1998 в 1987 год

В твоём письме я зацепился за словечко «проповедь». В самом деле, всем очевидна религиозность Профессора. Но всякая книга истинного католика (даже если это наставление по чистке мушкетов) — это проповедь, это исступленная защита своих чувств и убеждений, это козырная карта в вечной борьбе Света и Тьмы, Бога и Сатаны.

Так вот, хотелось бы понять, что именно содержится в проповеди Толкина? Я имею в виду не первый смысловой слой: борьба свободных народов Средиземья против народов несвободных или свободных не так, не в той мере и не тем способом. И не второй — борьба Хранителей Кольца с идеей абсолютной власти. Ведь «Властелина Колец» следует рассматривать через призму «Сильмариллиона». Сколько там занимает места поход Хранителей? Один абзац? Два? Одна-две ноты в музыке Айнур, крошечный эпизод в истории Арды.

Но закон всеобщей связи явлений говорит, что Атлантический океан весь отражается в своей капле, а музыка Айнур целиком может быть восстановлена по истории Хранителей. Другими словами, суть, глубинное содержание, смысл толкинской проповеди разлит во всех текстах Профессора и может быть однозначно восстановлен по любому осмысленному отрывку.

Когда известная тебе тусовка начала создавать, а затем и публиковать свои творения, появилось много текстов, написанных с позиций «темных». Это было неизбежно: очень уж однозначной оказывалась толкинская этика. «То хорошо, что хорошо для эльфов». В общем, «что полезно для “Дженерал Моторс”, полезно для всей Америки».

Как исполняет группа «Зимовье Зверей»: *«Того, что достаточно для Геродота, мало — для Герострата».*

Обратила ли ты внимание, сколь безлики у Толкина Враги. Как уже в мое время напишет К. Еськов, «...это и не люди были вовсе, а так... орки с троллями». Ни героев, ни женщин, ни детей — безликая масса, обреченная на уничтожение. По-видимому, до последнего человека. К. Еськов с этой точки зрения рассматривает Войну Кольца.

Кстати, Профессор постоянно пишет о «неисчислимых ордах» прислужников Зла. Но возьми его же собственные карты. Мордор занимает едва ли десятую часть Эриадора. Причем по авторскому описанию все эти земли, за исключением оазисов по берегам озера Нурнон, относятся к пустынным и полупустынным почвам. Ангбад — аналогично — расположен на крайнем севере Белерианда в зоне тундры и тоже занимает процентов 10-15 от общей площади Закатных Земель. Так что из соображений экономико-географических мы получаем, что на одного орка должно приходиться никак не менее семи эльфов — это, не

считая людей, гномов и прочих свободных народов. А кавалерии у Мелькора не должно быть вообще — ввиду полного отсутствия пастбищ. У властелина Мордора ситуация чуть получше, но именно «чуть». Кстати, Толкин не отрицает, что Белый Совет имел абсолютное преимущество в кавалерии, в том числе в тяжелой рыцарской кавалерии, главной ударной силе того времени.

И что получается? Все переворачивается с ног на голову?

Последний бой завершился
Победой темных сил.
Сапогами врагов растоптан
Прах оскверненных могил.
Не тех героев славим, не та сторона черна,
И правда лишь в том, что правдой
Проиграна та война...

Ладно, не так все просто, не так все однозначно, и с толкинской этикой тоже далеко не все так очевидно, как я написал несколькими строками выше. А сейчас меня вызывают к начальству. «Если вернусь — объясню подробнее».

Апрель 1985 года: «Проклятие Власти»

...Очень давно, еще на заре прошедшей Второй Эпохи, были выкованы Магические Кольца. В их изготовлении приняли участие эльфы, гномы и маги — народы Средиземья, фантастической толкинской страны, в которой нетрудно узнать Европу. Три эльфийских Кольца — с алмазом, сапфиром и рубином — ассоциируются со стихиями воздуха, воды, пламени. Еще семь досталось обитателям подземелий — гномам. Девять — открыли дорогу в Призрачный Мир — мир пятой, последней стихии.

Но было создано и двадцатое Кольцо.
Три Кольца премудрым эльфам —
для добра их гордого,
Семь Колец — пещерным гномам —
для труда их горного,
Девять — людям Средиземья —
для служенья черного
И бесстрашия в страженьях смертоносно твердого,
А одно — всесильное — Властелину Мордора,
Чтоб разъединить их всех, чтоб лишить их воли
И объединить навек в их земной юдоли
Под владычеством всесильным Властелина Мордора.

Единственное из всех, это Кольцо имеет название. Оно зовется Кольцом Всевластия, ибо, связав в единую цепь остальные Магические Кольца, подчинив их себе, господствует оно над пятью стихиями Средиземья.

Прозрачна и проста символика повести: Кольцо Всевластия — The Ring of Power на языке оригинала — воплощает идею абсолютной власти. Казалось бы, люди XX века имели достаточно возможностей увидеть истинное лицо всеобщей, всепроникающей власти.

«Империализм, фашизм... десятки миллионов загубленных жизней, исковерканных судеб... миллионы погибших... злых и добрых, виноватых и невиноватых»... победы превратились в поражения. Почему-то решили, что само по себе существование твердой власти, призванной обеспечить порядок и дисциплину, прогресс и процветание, необходимо и даже этически оправданно — лишь бы ее воплощением был бы человек мудрый, честный, интеллигентный...

Человечество так и не нашло в себе силы отказаться от прославления привычной системы общественных отношений, непрерывно порождающих пирамиду власти.

Это неудивительно. На рекламу своего государственного строя страны тратят большие средства, ученые и писатели отдают для этой цели свои таланты. Так в сознании людей появляется стереотип: пирамида власти необходима, без нее начинается анархия и, как следствие, полная катастрофа. Поэтому критике подвергают лишь форму государственного проявления, а не сущность власти. И она остается неизменной. Форма, впрочем, тоже — она ведь обусловлена содержанием.

Май 1998 года: «Власть проклятия»

Тоталитаризм с его вездесущей блокадой информации непрерывно порождает мифы. Кажется, А. Азимов заметил, что погруженный во тьму мозг иступленно жаждет света и творит его — иллюзорно. Так вот, одним из мифов тоталитаризма является он сам. «Сапог, топчущий лицо человека — вечно» — у Оруэлла. И именно потому, что «вечно», живет надежда, что в этой вечности под названием Государство, Партия, Империя, Абсолютная Власть и персонифицировано зло.

В известной мере мы были мудры. Мы приняли притчу о сиракузской старухе А. Франса: «Я видела много тиранов, и всякий раз плохому наследовал еще худший. Ты — хуже их всех. Из чего я заключаю, что твой преемник, если только сие возможно, будет еще хуже. Вот я и молю богов не посылать его к нам как можно дальше». Мы не ждали «добротого царя». Но зато верили в счастливое время, когда царей не будет совсем, потому что Кольцо Всевластия сгорит в недрах Ородруина.

Сейчас модно говорить, что мы не представляли себе *реальной* демократии. По-моему, *идеальной* демократии мы тоже себе не представляли. У нас был миф, что идеальная демократия это нечто, совсем отличное от тоталитаризма с его властью посредственностей над бездарностями.

А в самом деле, что должно было случиться, когда Единое коснулось вековечного огня и лишилось своей сущности и все построенное с его помощью обратилось в прах? Исчез один мир и родился другой... Лучший, худший или, может быть, такой же?

Интересно, почему Профессор не рассказал ничего осмысленного о Четвертой Эпохе?

Январь 2002 года

Против власти не попрешь! Вот учитель, например, имеет право на все, в том числе и выгнать тебя из школы, если, не дай бог, слишком много задаешь вопросов про справедливость, а учишься при этом на «три». Только и утешаешь себя тем, что у Гарри Поттера в магической школе тоже бывали разные учителя, попадались и те, которые желали его убить. Поэтому мне кажется, что некоторые педагоги и не живут вовсе, так — присланы нам для получения жизненного опыта унижения. Вот родители научить могут, у них все как-то было по-другому: науки преподавались как таинства, а работать считалось самой большой радостью. Все враждовали с Правительством и дружили друг с другом — Хоббитания какая-то, да и только. Теперь у нас, стало быть, четвертая эпоха. Чтобы мы окончательно забыли сказки, существует «Черная книга Арды» — от имени плохих. Я лично еще не научилась считать, что хорошее — это плохое, а жизнь и смерть — одно и то же. Мне еще важно пожить, может быть, закончить школу и выйти замуж за Пашку, а то он пропадет со своим микроскопом. В нашем мире маленькие наивные хоббиты стали злыми шакалями. Я знаю таких и детей, и взрослых, они считают, что все им должны вернуть, что было. Эльфами, вернее, эльфами, я называю наивных девочек, которые ходят стайками на крутые дискотеки и не ждут неприятностей. А орки, это все мы: у каждого бывает желание всех убить, особенно после школы, мы понимаем друг друга, и у нас все свободны, никто никого насильно не тянет вперед или назад. Учителя у нас у каждого свои, если есть — повезло. Этим можно окрестить Гэндальфами или Гэндальшами, а Люди — те взрослые, которые не дети, про них анекдот рассказывают:

- Что ты делаешь, мужик?
- Да, вот, фенечки плету. Три эльфам сплел, семь — гномам, а ты, смертный, хочешь фенечку?

Письмо пятое. Из 1987 в 1998 год

...Как ты страстно субъективен и безапелляционно однозначен в своих обогащенных опытом борьбы с Хаосом суждениях о Профессоре и Средиземье. Но ведь и твой злосчастный период погружения в Огранду капитализма тоже не «великий переход» в истории цивилизации. Как у А. Городницкого:

Что нам Азия, что вечная Европа,
мало проку в коммунальных теремах —
успокоится с другими Пенелопа,
позабудет про папашу Телемах.

И все вечные сюжеты повторятся и прольют воду на мельницу богатеющих нынче астрологов.

А что до нас, то недавно «промелькнула, исчезая» надежда на интеллигентное правительство. «Белым Советом» был съезд, уговоренный Горбачевым, вы еще помните такого? Жив ли розовощекий экономист Гайдар, который не понравился воинствующему обывателю — из орков он, что ли? Помните ли вы последний Съезд писателей, завершившийся «в натуре» одной короткой фразой Железникова³: «А я и до 27-го съезда КПСС был порядочным человеком».

Понимаешь, Белый Совет для нас — это Королевская площадь для Д'Артаньяна. Это та большая лодка, в которой хватает места впритык, и поэтому все сидят оптимально, потому что еще нужно плыть и берег — то виден, то нет, но он, возможно, счастливый. На этих иллюзиях в России родилось очень много детей, у нас переполнены родильные дома и не хватает детского белья и питания. «Они еще построятся в полки...» В твоё время этим детям от 8 до 14 лет. Они — последние плоды уверенности родителей в том, что можно договориться о творческой, свободной, рискованной и трудной совместной жизни и эффективной борьбе со злом предшествующего Всевластия.

В каждой стране в определенный период ее развития власть принадлежит внешнему или внутреннему Мордору. Это зло персонифицировано, и «каждый последний земледелец» знает, кто враг. Известно также и то, что, только навалившись на врага всем миром, можно его одолеть. Ценою потерь близких и ближайших и, конечно, самых уважаемых, дорогих сердцу и талантливых людей.

Что может быть страшнее Мордора, который царил у нас в стране, сначала открыто, а потом все более лицемерно негласно? Люди боялись. Сколько раз, покидая землю Черных властелинов и их мягкостелящих преемников, творческая интеллигенция сокрушалась:

Все отнимет Аэрофлот или Венгрия по пути,
Только то, что возьмешь в пальто,
Только то, что снесешь в руках,
Но сегодняшней страх зато —
Будет в жизни последний страх.

(А. Городницкий)

Твоя реальность — все, что получилось из похода Хранителей, победивших Гитлера, Сталина, а заодно и наших орденоносных вождей, — мне отвратительна, причем как со стороны победителей, неких обобщенных американцев, так и со стороны проигравшей

³Железников Владимир Карпович (26 октября 1925 года) — детский писатель, кинодраматург. В качестве автора и соавтора сценариев принимал участие в создании фильмов: «Нежданный гость» (1972), «Чудак из 5-Б» (1972), «Старомодная комедия» (1978), «Маленькая принцесса», «Чучело» (1983), «Воспоминание без даты», «Безумная Ори» (1991), «Русский бунт» (1999).

великой России. Как быстро смела вся эта лавина идеи Белого Совета! Прямо-таки Синклер Льюис какой-то — «у нас это невозможно».

Своими письмами ты убедительно и последовательно отнимаешь у меня надежду. Если развалины Мордора послужат укреплению безвременья в Средиземье, то, значит, кто-то из нас что-то понял не так. *«Бойтесь данайцев, дары приносящих...»*

Письмо шестое. Из 1998 в 1987 год

Насчет надежды — ну, извини. *«Суть в том, что никто, кроме нас, не знал, где выход, и даже мы не знали, где вход»*. Не знаю, как там с правом на Всевластие, но вот прав на иллюзии у нас с тобой точно нет.

Что же касается моих суждений о Профессоре, Средиземье и толкинутых, то они как раз предельно неоднозначны. За последние годы вышли не десятки даже, сотни фэнтезийных ходилок-бродилок-бегалок-стрелялок. В этой навозной куче иногда попадаются настоящие жемчужные зерна, но ни один из текстов за пределы Вселенной «Властелина Колец» все же не вышел. Так что получается: фэнтези состоит из двух примерно равноценных подмножеств: эпопея Толкина и прочие произведения... Да вот и пример: не далее как сегодня на семинаре докладчик говорил, как ему казалось, о «движении ролевых игр». На самом же деле рассказывал он исключительно о толкинской тусовке, а других ролевиков он вообще не заметил!

В прежней работе я уделил много внимания художественным особенностям толкинских текстов: ткань повествования, системность, стереоскопичность, лингвистический фундамент и прочее и прочее. Все это писалось для объяснения того простого факта, что Толкин создал **мир, в который можно войти**. Войти и там остаться. Собственно, тусовка так и появилась: вошли и остались там. Кажется, Толкин был первым, кто сумел создать жизнеспособное фэнтезийное пространство, но уж никак не последним. Более того, сейчас разработан относительно простой и вполне работоспособный алгоритм построения произвольных **миров, в которые можно входить**, и не пользуется этим алгоритмом только самый глупый или ленивый автор. Конечно, Реальность Профессора — это не фабричная штамповка, а ручная работа: двадцать пять или больше лет кропотливой сборки и наладки Вселенной. Но ведь по большому счету читателю безразлично, сколько труда вложено автором в свое произведение.

Так что наличие в текстах Толкина живой Вселенной, оставшись художественным достижением, перестало быть Откровением. К самим же книгам, как я уже писал, можно предъявить немало претензий, и этических, и эстетических, и даже число литературных. И если их все равно читают, если продолжают побег в Средиземье, значит, мы чего-то не заметили.

Я много говорил об «историографии победителей», Ниенна (есть такая толкинистка, написавшая и издавшая толстый том «Черные хроники Арды») и ряд других авторов писали о «светлом терроре», но, что характерно, писали словами Толкина! Как будто в тексте поменяли знаки с минуса на плюс и наоборот, а сам текст от этого не изменился.

Но тогда получается, что толкинская этика инвариантна относительно замены «черного» на «белый» и содержание проповеди Профессора вовсе не в том, что тролли должны быть перебиты, а Минас-Моргул разрушен. Первый смысловой слой — не более чем ловушка для ленивых и нерадивых. Ну пусть хоть это поймут! В конце концов, «у себя в министерстве я сам знаю, кто орк, а кто не орк...»

Второй слой — для рафинированной интеллигенции (так сказать, три кольца — премудрым эльфам), носительнице идеи утонченной свободы под чутким руководством Белого Совета. Этот слой тоже этически неоднозначен, в чем-то он даже более неприятен мне, нежели сакраментальная формула «бей орков, спасай Средиземье». Только не говори мне, что Профессор этого не писал. Он не сделал ничего, чтобы его тексты нельзя было так прочитать. И кое-кто — имя им легион — читает именно так.

Второй слой — это «проклятие власти», и поход Хранителей, и уничтожение Кольца. Уничтожение. Ключевой термин. А ведь Гэндальф сам говорит, что есть только Один, которому известно о Кольцах все.

В самом деле, что известно самому Гэндальфу? То, что Единственное изготовлено Сауроном — надпись достаточно красноречива. Что оно позволяет входить в призрачный мир. Что в нем заключено великое могущество — это он, как маг, положим, мог просто почувствовать. И, пожалуй, все. Все остальное, что было им рассказано Фродо, должно быть отмечено как «показания с чужих слов».

Итак, природа Кольца и его возможности остаются для Белого Совета и Хранителей неясными. Хотя даже то, что они подозревают, заставляет прийти к выводу, что плата за уничтожение Единственного непомерно велика. Конец эпохи — это всегда что-то вроде Армагеддона. Тем не менее принимается однозначное решение — уничтожить. Из мудрости? Или все-таки из самого вульгарного страха? Перед Сауроном, перед искушением, перед непознанным, наконец.

«И не разобрат виноватых и правых...» Как в стихах Скади.

Январь 2002 года

Наверное, каждому ребенку, который ухитрился родиться, вырасти до сознательного возраста, кажется, что лучше бы он появился на свет чуточку раньше, лет на тридцать, или позже — лет на сто. Только вот у каждого времени есть свои «зато», за них мы держаться и будем. Никто нас за ручку не водит, хочешь работай, хочешь воруй, хочешь — учись. От свободы дух захватывает. Что-то мало кто из нас встречал заступника Боромира или Бродяжника, зато уж Сауранов — ежедневно. На моей памяти одиннадцать раз был конец света. Но солнце еще встает. И весной на наших скамейках будет ни дать ни взять Лориэн и на него будут претендовать старушки. *«Счастье для всех, пусть никто не уйдет обиженным»* — это читали все. Так что день — старушкам, вечер — нам.

Мы из поколения детей, которые родились в пеленках надежд, в 1987-88-89 годах. Поэтому не унываем. Кольцо — отличная вещь, хотя бы одно на компанию: близнецов от «колес» отвалить или кому со школой помочь. Сейчас нет таких команд или клубов, как тусовка одержимых Хранителей. Люди собираются по некрупным делам и расходятся, каждый за себя, привыкли уже. Хорошо, если есть друг. Но и предадут сейчас меньше и не так шумно и трагично. Не можешь сделать — никто не просит. Мы бы и отдали доброму царю свою свободу, да кто ж ее возьмет? Родители — романтики или механики, смесь поэтов с масонами. Заговорщики и сказочники. А зло всегда подстерегает тогда, когда ты один, слаб, их рядом нет и теория не помогает. Сколько не подготавливайся и не произноси умных заклинаний из учебника ОБЖ. Толкинский мир закольцован, как учебник истории, в сферу «прошлое-настоящее-будущее», а в нашем мире дует из всех этих мест поровну. Если это Бог пыхает в большой горн, то он, наверное, сейчас еще кует огромное кольцо, чтобы всех нас зачумить злобной повторяемостью событий. Тогда сколько ни бейся — все будет по Толкину: Хоббитания с фейерверками останется вечным счастливым прошлым. Впрочем, салют на День Победы и праздник Военно-морского флота еще гремит, а мы кричим «Ура!» непонятно кому, и с Невы обыкновенно дует.

Письмо седьмое. Из 1987 в 1998 год

С работы меня наконец уволили — я записалась на биржу труда в очередь к юристу и психологу. Они научат меня, как жить дальше. Свобода на целых два месяца — пока не кончится выходное пособие переводчика...

«А вовсе не нужно давить и душить, чтобы мир тебе кланяться стал...»

Почему-то дети перестают читать Стругацких. Что такого изменил в их сознаниях ветер перемен, что выдул эти романтические, аналитические, космические и человеческие

реальности... Мне всегда казалось, что Миры Братьев будут жить вечно. А тут вдруг... Толкина еще читают. Он — мифотворец. Сказки и мифы — архитипичны. А Стругацкие вроде как считают, что разбор парадоксов бессознательного человечеству не к лицу и не ко времени. Я — обеими руками за этот тезис...

Сейчас появляется много такого, что хочется запретить всевластно, строго и безоговорочно. Город пока еще невинно из угла заклеивается полупорнографичекой рекламой, видеозалы ориентируются на деньги, а не на возраст зрителей, телевидение резко охамело. Разновидности всевозможных травок, клеев и кактусов-кайфоловов выросли по экспоненте, где они все-таки «выращиваются»? Не хочешь — не ешь, не хочешь — не покупай, не хочешь — не смотри, не хочешь — не учись у странствующих гуру, набирающих манкуртов будущих силовых структур. Я не готова к этой свободе.

«Я хочу, чтобы приехал Жилин на танке и ввез Сикорски прямо в Совет министров, и был бы Белый Совет по всем правилам военного времени». Здорово, да! Это выдержка из гневной речи уже немолоденькой представительницы отмирающего КЛФ.

На обывательском уровне я с ней согласна, а на философском — нет. Но мне бы еще жить научиться на философском. Гэндальфы все вокруг какие-то **серые**...

Апрель 1985 года: «Проклятие власти»

Итак, Кольцо Всевластия следует уничтожить. Но, оказывается, молоты гномов, и пламя, и волшебство Гэндальфа бессильны перед его мощью. Лишь недра Огненной горы — сердце Мордора — способны расплавить Великое Кольцо. Но что делать сейчас, пока оно существует? Английский писатель придумывает великолепную символику Хранителей — литературное воплощение сложнейшей философской идеи.

«Помни, ты лишь Хранитель, а не Владелец, тебе доверено не владеть, а хранить».

Можно назвать концепцию Толкина «властью без власти». Только через ее использование возможен, видимо, путь человечества к коммунизму.

Май 1998 года: «Власть проклятия»

Проблема состоит не в том, что новое строят из старого (больше его не из чего строить), а в том, что его лепят из *упрощенного* старого. Рецепт построения всеобщего счастья прост. Возьмем мир. Вычеркнем из него:

*деньги,
города и машины,
фашистов,
коммунистов,
евреев,
террористов,
войны и насилие,
неравенство,
Льва Абалкина,
памятники «великому и простому»,
национал-социалистическую символику,
Тройку по рационализации и утилизации необъясненных явлений,
марксистско-ленинскую диалектику,
Рудольфа Сикорски,
ядерное оружие,
Кольцо Всевластия,
плановую экономику,
Моргота, Черного врага Мира,
финансовую олигархию,*

Гэндальфа,
учебники Закона Божьего... (нужное отметить, недостающее вписать), и сразу получим это самое «всеобщее счастье». Не получили? Значит, вычеркнули не то. Не беда, вычеркнем что-нибудь еще.

Но после каждого упрощения мир становится не лучше, а беднее и примитивнее. Конечно, можно настраивать оркестр, убирая из него инструменты и исполнителей. Но в какой-то момент оставшееся уже не будет оркестром.

Трудно принять, что без ТПРУНЯ или «обратной свастики» мир стал беднее и еще на шаг приблизился к своему концу, но, по-видимому, это так.

Сунь-Цзы, величайший стратег всех времен, сказал бы устами своего комментатора Ли Вэй Гуна:

«Хорошо уничтожить Кольцо Всевластия, но гораздо лучше *сохранить* его целым».

Письмо восьмое. Из 1987 в 1998 год

В моей жизни сейчас нет ничего собственного моего, кроме недописанной книги, этаким мифологической истории Англии. Я опасаясь лишь того, о чем предупреждал Профессор,— создать Сильмарил и прикипеть к своему «чаду, чуду, чудовищу?» так, что все заботы мира останутся за рамками вложенной в продукт души. Хотя, какие у души могут быть рамки? Ты заметил, что Толкин рассматривает проклятие власти создателя-тирана, с одной стороны, и, с другой — власть творения над творцом? И история Гондолина и Сильмариллов... — не беда ли случилась с псевдопигмалионами, сумевшими включить свое творение в мир, но побоявшимися потерять собственность на него?

А свобода, говорят, есть ответственность...

Впрочем, я давно интересуюсь, как там у Вас существуют Сикорски и Бромберги? Выжили ли они?

Письмо девятое. Из 1998 в 1987 год

Ты, как всегда, подглядываешь за сутью. Третий — главный — смысловой слой толкинской «проповеди» начинается там, где «проклятие Власти» обращается в «проклятие Пигмалиона».

Творчество относится скорее к миссии, нежели к профессии. Любой человек, в жизни которого случались озарения, в глубине души понимает, что он был лишь орудием, одушевленным инструментом распаковки некоего, не им порожденного смысла. Не им порожденного, но им переданного. Это, кстати, тоже не малая историческая заслуга...

Но чтобы распаковать смысл в информацию, пришедшую из глубокого внешнего/внутреннего/информационного Космоса, нужно вложить частицу души, того внутреннего Пламени, которое «было у Илюватара». Поэтому творчество всегда трагично. Акт творчества — это ступень отказа от своей личности, развоплощение.

От того что такое развоплощение — дорога к бессмертию, оно не становится менее мучительным. И творцом овладевает искушение превратить творение, поглотившее его душу, в продолжение себя. Сделать его своей вечной собственностью, имуществом, источником благ и славы. Своим Кольцом. В смысле Толкина. И в смысле моего определения тоже.

Обрати внимание: Мелькор, Саурон, Ауле, Феанор, Тургон — самые творческие люди толкинской эпопеи. Они *одержимы творчеством* ... вплоть до самого настоящего рабства.

Толкин был одним из немногих, кто обратил внимание на проклятие творца,— проклятие, с печальной неизбежностью ожидающее того, кто в своей собственной личной Вселенной поставил на место Господа Илюватара или обозначил трогательной формулой «счастья для всех» свое собственное — такое прекрасное — самое прекрасное — единственно прекрасное творение.

Только не надо думать, что «главное, чтобы в душе был Бог». И вообще создать Кольцо и даже владеть им — это совсем не обязательно «плохо». Ключ лежит в слове «отдать».

Творчество — это не присвоение, это совсем даже наоборот. И до тех пор, пока ты знаешь это, до тех пор пока есть в мире цена для твоего творения, которую ты сочтешь для себя чрезмерной, забавляйся с Кольцом сколько влезет. Однако не забудь, *«могущество у него такое, что сломит любого смертного. Сломит и овладеет им. Раньше или позже — позже, если он сильный и добрый, но владельцу Кольца суждено превратиться в прислужника Темных Сил, над которыми царит Черный Властелин»*. Сейчас мне кажется, что эта формула гораздо шире, чем простая идея «проклятия власти», в общем и до Толкина неплохо известная. Власть ведь тоже форма творчества.

Май 1998 года: «Власть проклятия»

Этическое содержание толкинских текстов идеей «проклятия творца», конечно, не исчерпывается. Если попытаться найти самую общую, самую точную формулу, то она прозвучит почти тавтологией: этика Толкина заключается в самом наличии этики.

В сущности, не столь уж важно, кто именно назначен на роль прислужников зла. Важно, что зло существует, и вместе с ним существует добро, и среди твоих поступков могут быть поступки плохие или хорошие. Хотя бы только с твоей личной точки зрения.

Мир Толкина анизотропен, он насыщен этикой настолько, что практически любой выбор в нем этически значим. Здесь и находится водораздел между Средиземьем и Текущей Реальностью, для которой понятия добра и зла не определены как конкретно (*«Кто мне враг, кто мне брат//Разберусь как-нибудь»*), так и абстрактно. Вероятно, этим и объясняется необычайная притягательность толкинского мира для молодежной тусовки всех стран, времен и народов. Подростки бегут из мира, который кажется им этически безразличным (и, скорее всего, он и есть такой), в мир, который является этически знаковым по построению.

Письмо последнее...

Постепенно привыкаю к современной концепции личности — уволили — сам виноват, сижу дома и моделирую свой внутренний мир по профессорскому обычаю. Вот какие получаются рассуждения на тему...

В каждой судьбе человека есть свой разной длины период, который человек называет «Мордор», тогда «зло царствует безраздельно» и окружающим надо соблюдать сугубую осторожность. А потом светлые силы берут свое, и наступает юность, полная поистине эльфийских любовей, и «Мордор» либо совсем побеждают, либо он уныло коптится на задворках подсознания, которое, как известно, «появляется ночью».

Подростковый возраст черно-белых исканий чести совпадает с расслоением психики на «четырнадцать тебя», число лишь немного превышающее количество Хранителей Кольца. В этом возрасте мифы, окрашенные в ночи туманными намеками бессознательного, оживают в стихах и песнях странствующих по своим Отражениям юных душ. Спрашивайте, мальчики!

Читайте мужественную и могущественную библию детства цивилизации — подростковой эпохи государственности, когда перерождение персонифицировано и зависит от конечного числа причин, а человек трогательно выбирает свою свободу и судьбу.

Хранители проходят с честью испытания «огнем и водой», как взрослеющие дети не боятся мозолей, голода и мокрых ног во имя правды, спасая товарища или назло родителям. И как водится, воля осыпается на испытании властью, а не на трудностях пути. Причем не той прямой и определенной властью, которой избежали, возясь с Кольцом, и Бильбо, и Фродо, и Сэм, и Гэндальф...

А вот следующее — уже в поддержку твоего **синдрома Гэндальфа—Сикорски**.

Ах, как здорово бросить в Ородруин всю свою агрессивность и предприимчивость, страх и боль, смирение и насилие. Бросить в колодец, как в детской песенке, *«привычки нехорошие, жестокость, зависть черную, и ненависть, и лезть»*. И в ответ будет — беатризованный мир, то есть *«деньги, дом, Чикаго, много женщин и машин»* — американская мечта с возможным фермерским идеалом — Бильбо Торбинсом. Тринадцатилетний так и мыслит — из мира нужно убрать зло и зла не будет, а чего еще не будет — это вопрос более позднего возраста. В известном смысле вся наша западная культура — культура тринадцатилетних.

«Если какая-то истина невыносима, то вынесите ее...» — говорит мудрый патер Браун — герой не менее популярный в Англии, чем Гэндальф или Фродо. Так, вынесите или отнесите в Огненную гору, чтобы никто не узнал, не увидел и не услышал о новом и потому уже страшном открытии?! Усталый мудрец, носитель идеалов чести и достоинства, хранитель мира от невзгод и перемен — Гэндальф Серый — пример самоотказа и служения, странная смесь политика, священника и министра безопасности, взявшего на себя ответственность спрятать от жителей каприз изобретателя — Единое Кольцо. Во имя покоя и устойчивости.

Когда Гагарин полетел в космос, многие семьи в России жили в коммуналках, полоскали белье у колонок и имели один телевизор на весь двор — у Петровых — там отец подполковник. А не надело ли космонавту государство Российское, с молчаливого его согласия Колечко Всевластия? Одно из. Еще как надоело! Иначе откуда у него эта мгновенная власть над Космосом — первая в истории человечества: чудо, миф и память на века. Что ж, как наши сказочные герои, не убоился он и заплатит за легенду. Выковал ли Альберт Эйнштейн свое Кольцо, или его раньше потерял изобретатель коллоидального газа и всплыло оно веком спустя? А сколько их вообще было в реальности — больших, малых и совсем малых Колец, несущих в себе неизбежное зло перемен? Или не зло, а перемены, окрашиваемые нами в цвет надежды, отчаяния или устойчивости...

Так была ли Четвертая Эпоха? О ней у Толкина ничего не сказано, только разве намек есть, что в Хоббитании стало плохо. Хотя Кольцо уничтожено.

Вместо того чтобы принять на себя дар этого Кольца, вынести эту истину и преодолеть страх перед магической или технологической сущностью, мир бросил свои силы на его уничтожение. И спокойствие, и благодать невысоких обывателей (обитателей) Хоббитании ушли вместе с войной. Так что вместо мира, развитого под влиянием опасного фактора, получился мир, отравленный борьбой против неведомого. И главная победа над своим страхом одержана не была. И дети, пытливые и жестокие, наверное, пошли искать виноватых — тех, кто уничтожил волшебную палочку, забыв вычислить, зачем попала она в этот мир. Еще хуже, однако, если не пошли... Ну что, я правильно усвоила твою философию, пророк в отставке?!

Кстати, вот еще...

Те, кто проходит толкинскими тропами, делится на две категории — маленькую и большую. Маленькую составляем мы с тобой и с нами те, кто охраняет пространство толкинской семантики, исследует и обосновывает права толкинского мифа на жизнь. Большую составляют пристрастные любители Толкина: барды, отдавшие свое творчество любимой и единственной эпопее, играющие в РИ на основе толкинских построений или взявшие на себя роль героя и большее время суток осознающие себя таковым. Этика, нормированная по Толкину, по крайней мере, не худшая из тех, которые выработала система «человечество». Изрядная доля диалектики позволяет «толкнувшемуся» персонажу всерьез усовершенствовать свои знания о человеческих слабостях, способах их преодоления, усвоить идеалы дружбы и даже постигнуть некую относительность этики, посетив, например, тот же Белый Совет. Еще эти «продвинутые» умеют зло и непредвзято высмеять всякую власть, еще они нетерпимы к лицемерию и удивительно терпимы к людям. Конечно! Ведь «проклятый хоббит занимает полседла», и то ничего — дальше ехать надо. Жаль, если в «добром будущем Вашем» эти несуразные поклонники Профессора переведутся,

переродятся или спрячутся, став маленьким народцем, забывшем дорогу в агрессивно-технологический мир.

Вместо заключения.

Вне времени.

Джон Рональд Роуэлл Толкин

«...Стражей, охранявших Мордор, однажды ночью сморила дрема, и Темные Силы, вырвавшись на свободу, укрылись за высокими стенами Горгоната, а вскоре, тоже под покровом ночи, захватили Крепость Восходящей Луны, перебили все окрестное население, и Минас-Этэр стал Минас-Моргул, или Крепость Темных Сил. Люди Гондора отступили на запад и засели в Крепости Восходящего Солнца, с грустью назвав ее Минас-Тирит, что значит Крепость Последней Надежды...»

«ПЕСТРАЯ ЛЕНТА» В ГИЛЬБЕРТОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Реальность —
это пирамида Хеопса.
Это гора на пути Агасфера.
Это осень в глазах любимой...
Реальность всегда мала!

К. Джангиров

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ:

СУММА ПРОТИВ ИСТОРИКОВ

История не знает сослагательного наклонения. В ней факты священны, события достоверны и лишь заслуженные ученые вправе оспорить найденные или раз и навсегда установленные цифры и толкования. Единственность, безальтернативность прошлого — парадигма, господствующая как в науке, так и в обыденном сознании; лишь фантастика иногда позволяет себе задавать «неудобные» вопросы: «Что было бы, если?..» Однако и в фантастике речь идет, как правило, не о нашей Реальности, а о параллельных или воображаемых мирах.

Мы привыкли считать прошлое объективным, то есть, как сказал бы физик, «не зависящим от Наблюдателя». Но является ли привычка аргументом?

Историк, как правило, не бывает очевидцем изучаемых им событий. Информацию о прошлом он получает через посредников, в роли которых могут выступать письменные источники или предметы материальной культуры — от обломков глиняных сосудов до статуй Праксителя. Тексты — предпочтительнее.

Письменные источники бывают разные. В данную категорию входят государственные архивы, школьные сочинения, художественные тексты, письма, мемуары и описания, и судебные протоколы, и еще очень многое. Эти документы объединяет одно — ненадежность.

На самом деле доверие российских (в особенности) обывателей и ученых к ДОКУМЕНТУ трогательно и смешно. Директор энской птицефабрики, всю жизнь выполняющий план путем приписки 3-5-10-90 бумажных процентов к реальным показателям, раздувается от гордости за канувшую в Лету державу, читая советские статистические ежегодники семидесятых годов. Переводчик, еще вчера насмеявшийся над советскими «документалистами», ухитрившимися из 120 выпущенных немецких установок

«Фердинанд» подбить более 3000, сегодня с полной уверенностью пишет о 352 вражеских самолетах, сбитых Эриком Хартманом, «белокурым рыцарем Рейха», ссылаясь на немецкие документы и «собственноручные» Эрика Хартмана заявления... Историк с серьезным видом переписывает у коллеги рассказ о смерти Перикла от чумы во время эпидемии в Афинах, как бы и не замечая, что при скученности населения в афинском укрепленном лагере, при тогдашнем состоянии медицины и санитарии эпидемия чумы продолжалась бы не два года, а максимум 2,5 месяца (за это время вымерло бы от 95 до 100 процентов населения Афин и погибло бы около 2/3 осаждающей армии, на чем Пелопоннесская война немедленно бы и закончилась). Летописцы приводят на Русь неисчислимые орды монголов — в сотни тысяч, даже в миллионы человек, — и не надо спрашивать у них, как конная армия таких размеров могла хотя бы перемещаться (я не говорю, питаться) зимой в лесах Владимиро-Суздальского княжества.

Но проблема состоит вовсе не в том, что источники врут.

Прежде всего они отражают субъективную информированность автора. Увы, стремясь поведать потомкам «правду, только правду, всю правду и ничего, кроме правды», «отшельник в тесной келье» может добросовестно заблуждаться.

— И часто так бывает? — могла бы спросить Алиса.

— Всегда, — ответит Чеширский Кот.

Далее, обычно письменный источник написан на языке либо вовсе мертвом, либо с тех пор заметно трансформировавшемся. Это означает, что перед исследователем встает проблема перевода или в более широком смысле проблема интерпретации текста⁴.

Изложенное общеизвестно. Общеизвестны и методы преодоления «указанных трудностей»: сопоставление различных источников, соотнесение их с данными археологии, использование логики, аналогий, статистического анализа — иными словами, контекстная интерпретация документа. Речь по сути дела идет об усилении информации.

«Мы, конечно, не рассматриваем археологические находки и тексты как истину в последней инстанции. (Ну, почти не рассматриваем.) Мы принимаем источники как информационный след от события, позволяющий тем или иным способом воссоздать это событие. Восстановление прошлого по оставленным им следам в настоящем — и есть работа историка».

Сие понятно, но ведь речь идет об известной и давно исследованной до конца физической задаче — восстановить исходный сигнал по его ослабленному подобию. В радиотехнике для этого существует усилитель. Однако он, во-первых, усиливает наряду с сигналом посторонние шумы, а во-вторых, сам вносит в сигнал дополнительные искажения. И данное явление, ограничивающее возможности усиления информации, носит не технический, а физический характер. «Идеальный усилитель» запрещен Вторым началом термодинамики. То есть в нашей Вселенной он не может существовать. Ни сейчас, ни в светлом будущем. Ни на Земле, ни в «одной далекой галактике».

Рассмотрим механизм интерпретации на примере известного анекдота. Конференция историков конца тридцатых годов. Выступает представитель арийской делегации: «Великие немецкие ученые, произведя раскопки в районе поселений древних германцев в Растенбургском лесу, обнаружили там медную проволоку. Это неопровержимо свидетельствует, что древние германцы знали телеграф!». Слово предоставляют русскому историку: «А вот мы, тщательно изучив поселения Киевской Руси, представьте себе, не обнаружили никаких следов проволоки. Из этого со всей очевидностью вытекает, что славяне в девятом—десятом веках широко использовали беспроволочный телеграф». Смешно? Но при желании очень легко построить интерпретацию источников, обосновывающую последнее утверждение.

Действительно, у нас есть «Слово о полку Игореве», из которого контекстно вытекает,

⁴См.: Руководство по постройке мостов через бесконечность, настоящее издание, с.

что Ярославна в Путивле знала о перипетиях похода. Вспомним затем русские сказки, где герой в любой момент может позвать Конька-Горбунка. Проанализируем с этой позиции и остальной русский фольклор, получим, что связь на расстоянии представлялась нашим предкам делом простым и не требующим специальных умений. Рассмотрим корреляции в политике князей, например Рязанских и Черниговских (она наверняка существует, потому что ту или иную корреляцию можно отыскать всегда). Покажем, что объяснить эту корреляцию традиционными способами невозможно (ни одну корреляцию нельзя объяснить традиционными историческими способами). Останется предположить, что князья обменивались сведениями в реальном времени. А поскольку проволоки таки нет...

Конечно, как всякий анекдот, этот пример утрирован. Но так или иначе механизм контекстной интерпретации используется очень широко, порождая один за другим исторические мифы — антисемитский, антинацистский, антикоммунистический, антиамериканский, антииндустриальный... Некоторые из этих мифов носят, очевидно, вненаучный характер, другие подчеркнуто ортодоксальны, но во всех случаях речь идет о том, что при надлежащем «коэффициенте усиления» можно из любых наперед заданных исходных данных получить любые наперед заданные результаты и все будет строго в рамках правил игры!

Иными словами, задача однозначной контекстной интерпретации документа принципиально неразрешима. А это обозначает, что нашим знаниям о прошлом свойственна неустранимая неопределенность.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ: ВЕРОЯТНОСТНАЯ ИСТОРИЯ

Мы должны, следовательно, приписывать любым событиям прошлого некоторую вероятность реализации, быть может, в каких-то случаях и близкую к единице, но никогда не равную ей. Но в таком случае придется сначала заменить привычную концепцию единственной истории и однозначного прошлого моделью, в которой рассматривается совокупность альтернативных историй, а затем перейти к совместному описанию всех таких историй, то есть к изучению исторического континуума.

Утверждение о принципиальной неопределенности наших знаний о прошлом обычно не вызывает ни удивления, ни эмоционального неприятия. Уж, во всяком случае, в России к таковой неопределенности все привыкли! Проблема состоит в том, что и само прошлое оказывается неоднозначным.

Все это уже «проходили» в физико-математической науке. Первоначально неопределенность Гейзенберга также появилась как «проблема наблюдателя». Было показано, что невозможно одновременно измерить координату и импульс частицы. Предполагалось, разумеется, что «на самом деле» координата и импульс у частицы одновременно существуют. Позже выяснилось, что природа устроена по-другому и ей нет дела до соответствия нашим житейским представлениям. У электрона нет единственной, однозначной траектории. В каждый момент времени мы можем говорить лишь о вероятности нахождения его в том или ином состоянии (например, в какой-то конкретной точке физического пространства). И это может быть обнаружено на опыте. (Настолько, «может быть», что квантовые эффекты давно и привычно используются в радиотехнике.) Конечно, легче поверить в неопределенность поведения электрона, нежели всей человеческой истории, поскольку, как справедливо заметил Станислав Лем, «электроны, по крайней мере, в одиночку не кусаются».

Концепция вероятностной истории была разработана в конце восьмидесятых годов и первоначально представлялась автору неким курьезом, артефактом, случайно возникшим на границе применимости различных моделей познания. Тогда я занимался общей теорией

систем и применял основные положения этой науки к самым разным объектам и процессам. Соответственно, возникла мысль рассмотреть науку историю (исторические факты, связи между ними, связи между связями и пр.) как самоорганизующуюся структурную систему и уяснить, что из этого получится. То есть предположим, что такой науки — истории — не существует и никогда не существовало. Придумаем ее, используя современные представления о структуре познания.

(В сущности, я исходил из идей Ст. Лема о «пропущенных науках», которые могли быть созданы, но по каким-то причинам не реализовались — в его «Эдеме»⁵ фигурируют такие дисциплины, как «механохимия» и «прокрустика»; в «Маятнике Фуко» У. Эко⁶ построена целая шуточная классификация подобных наук. Другим «источником вдохновения» послужил классический ТРИЗ Г. Альтшуллера⁷, где были описаны формальные методы исследования «до конца» технической системы, в том числе так называемый «системный оператор». Было интересно применить эту методологию к системам иного класса. Например, к человеческому обществу.)

Довольно быстро удалось построить «внешние уровни исследования», то есть описательную часть исторической науки, и добраться до «классических теорий», которые все выделяли некий ненаблюдаемый базис (экономика в марксизме, архетипы в модели Юнга, бессознательное в зоопсихологических концепциях), рассматривая динамику системы — историческое развитие — как следствие процессов в этом базисе. Для всякой классической теории — вовсе не только для исторического материализма — бытие определяет сознание, то есть процессы в базисе управляют изменениями в наблюдаемом мире.

Простейшим способом обобщить классическую теорию было предположить, что обратное влияние (надстройки на базис) существует тоже, хотя оно, как правило, является слабым. Формальная математическая обработка этой гипотезы, вообще говоря очевидной, немедленно привела к появлению аналога квантово-механического уравнения Шредингера для обобщенной функции, описывающей состояние общества, и далее начал разматываться весь клубок квантовых представлений. Уже много позже, пытаясь разобраться в наличии (или отсутствии) смысла в этих построениях, я натолкнулся на проблему контекстной интерпретации. Оказалось, что неопределенность прошлого/ будущего, ненавязчиво снова и снова возникающая в уравнениях, имеет вполне отчетливое информационное происхождение.

Для вероятностного подхода существующая «однозначная история» играет ту же роль, что классическая траектория частицы в квантовой механике: она описывает совокупность наиболее вероятных событий. Однако делать какие-либо выводы из изучения только этой совокупности нельзя. Для того чтобы выделить реальные, а не случайные закономерности исторического процесса, необходимо принять во внимание другие (а в идеале — все) возможные «альтернативные истории».

Право же, кощунством покажется ученому-социологу расширение поля изучаемых реалий за счет вымышленных миров, взятых, например, из современной фантастики.

И сколько не бьются западные писатели, предупреждая, и русские, погружая в антиутопии, историк с достоинством (заслуживающим, впрочем, и худшего применения) отмечает целую область исследований, и послушное своим богобоязненным пастухам

5Лем Ст. Эдем. М.: АСТ, Хранитель, 2008.

6Эко У. Маятник Фуко. СПб.: Симпозиум, 2007.

7Альтшуллер Г. Творчество как точная наука. М.: Советское радио, 1979.

общество прилежно наступает на предсказанные грабли.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ: ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТИНУУМ И ТОННЕЛЬНЫЕ ПЕРЕХОДЫ

«Квазиклассическая вероятностная история» самым естественным образом ложилась на схему миров-Отражений, предложенную Р. Желязны в «Янтарных хрониках»⁸. «Теневые миры» характеризуются вероятностями реализации — тем меньшими, чем мир «дальше» от Нашей Реальности. Правомерна постановка вопроса о «точках ветвления», в которых состояния, принадлежащие разным Отражениям, неразличимы. Приобретает практический интерес поиск и изучение «точек ветвления» классического единого исторического процесса.

Надо сказать, что в этой концепции нет ничего революционного и, по-моему, даже ничего особенно интересного. Литературно она давно исследована, физически смысл ее сводится к тому, что «теневые миры»: «зазеркалье», изнанка Нашей Реальности, — хотя и «не существуют» в привычном нам смысле, оказывают на нашу жизнь воздействие, подобное влиянию подсознания на поступки личности. Историческое развитие имеет своим источником борьбу между сотнями «если бы» и единственным «так есть», а информационный обмен между Реальностями проявляется в форме сновидений, творчества, иногда — ролевой игры.

Давно известны простейшие технологии, позволяющие интенсифицировать такой обмен, — Джон Лилли⁹ описал опыты с изолирующей ванной еще в начале шестидесятых. В таких опытах человек погружается в ванну с плотностью и температурой воды, соответствующей человеческому телу, он надежно изолируется от всяких раздражителей — звуковых, световых, осязательных. Этим достигается разделение телесной и духовной составляющей личности, иными словами, сознание покидает тело и начинает самостоятельные странствия по Миру существующему или между такими мирами. Почти каждому увлеченному своим делом исследователю доводилось видеть сон, в котором он держит в руках школьный учебник, где изложены основные принципы, а иногда и тонкости его открытия.

Мне пришлось довольно много работать в квазиклассической вероятностной истории в связи с издательским проектом «Миры братьев Стругацких»¹⁰. Речь шла о произведениях, вошедших в золотой фонд советской/русской фантастики, — о так называемом цикле «Полдень, XXII век».

Первая повесть цикла — «Страна багровых туч» — описывала экспедицию к Венере. Фотонный планетолет «Хиус» под флагом Союза Советских Коммунистических Республик стартовал в памятную многим россиянам дату — 19 августа 1991 года. Книга была написана в 1957 году, и никаких намеков на путч, разумеется, не имела в виду. Тем не менее совпадение показалось мне символичным.

В последующих произведениях действие переносилось все дальше в будущее, и заканчивается цикл повестью «Волны гасят ветер», датированной 2199 годом. Цикл выстраивает панораму мира теплого и ласкового, Реальности, в которой, говоря словами авиаконструктора О. Антонова, хотелось бы жить и работать. Реальности, которая заклеяна русскими «сегодня» как невозможная, если не нежелательная.

В ряде мысленных экспериментов я рассматривал Мир «Полдня...» и современную

⁸Желязны Р. Янтарные хроники (Хроники Эмбера) (в 10 книгах). СПб.: Terra Fantastica, 1996.

⁹Джон Каннингэм Лилли (John Cunningham Lilly) (1915-2001) — американский врач-психоаналитик, ученый-нейробиолог. Известен своими исследованиями природы сознания в камере сенсорной депривации, психоделиков и коммуникативной способности дельфинов. Также внес вклад в развитие биофизики, нейрофизиологии, электроники, информатики и нейроанатомии.

¹⁰Стругацкий А., Стругацкий Б. Миры братьев Стругацких. СПб.: Terra Fantastica. М.: АСТ, 1997-2001.

Россию, продолженную в естественное для нее будущее (в разрез с апокалиптическими настроениями 90-х годов (когда был издан цикл) оно получилось вовсе даже не трагическим), как взаимно-сопряженные Отражения.

Прежде всего, оказалось, что миры отличаются друг от друга не только эмоциональным «знаком» и общественно-политическим устройством, но и направленностью развития науки и техники.

Если непредвзято прочесть тексты Стругацких, выявится ряд моментов, смешных с точки зрения нашей Реальности. Так, вся авионика могучих космических кораблей, обживших солнечную систему, до крайности примитивна. Нет компьютеров. Электронные устройства в XXII столетии работают на печатных платах — ну хоть не на лампах, и на том спасибо. Но не меньше смеха вызвал и взгляд из Реальности Стругацких на наш мир, если — в рамках квазиклассической вероятностной истории — считать его текстом, описывающим некое Отражение.

«Пентиум» с тридцатью двумя мегабайтами оперативной памяти и гигабайтом твердого диска для бухгалтерских расчетов и игры в DOOM, компьютер, регулирующий карбюратор в двигателе внутреннего сгорания,— это почище ручного управления на фотонолете. Керосинные газотурбинные двигатели после шестидесяти лет развития реактивной авиации...

Анализируя невыносимо далекий и столь притягательный для меня Мир «Полдня...», я вынужден был прийти к выводу, что ценой глобального прогресса в теории обработки информации оказался отказ Человечества от звезд. Если же говорить о нашей стране, то оказалось, что за победу над гитлеровской Германией она заплатила не только миллионами жизней, но и отказом от собственного блистательного будущего.

Кстати Реальность, в которой Рейх одержал военную победу, с удивительной регулярностью всплывает в кино, в компьютерных играх, на страницах книг (упомяну хотя бы Ф. Дика и А. Лазарчука). Это к вопросу о воздействии «активного бессознательного» Тени на наш мир...

«Квазиклассический анализ» позволил получить некоторые интересные результаты. В частности, обнаружилось «точки ветвления» — состояния, в которых два или более мира-Отражения неразличимы. Для XX столетия таких точек оказалось удивительно немного. Гибель «Титаника» в апреле 1912 года. Прорыв в Стамбул немецкого крейсера «Гебен» в августе 1914 года. Короткий промежуток между мартом и июлем 1941 года, когда магическая по своей природе цивилизация Третьего рейха была близка к победе и, может быть, даже дотронулась до нее. Весенние месяцы 1968 года, когда по обе стороны «железного занавеса» были приняты одни и те же «роковые решения». (И еще сцепленная группа событий, связанных с перипетиями «лунной гонки», но это совершенно особая тема, выходящая за рамки данной статьи.)

Исследование «точек ветвления» интересно само по себе и важно с той точки зрения, что в «потерянных», нереализованных Вероятностях можно найти нечто нужное в повседневной жизни. Речь идет не только о моделях, теориях, научных дисциплинах, но и о психотехниках, медицинском оборудовании, технических решениях, педагогических приемах. Может быть, сказать это легче, чем сделать, но и сделать не очень трудно. Другой вопрос, что дальше нескольких более или менее полезных фокусов, квазиклассика пойти не может. Ведь разница между ней и обычной «моноисторией» с приматом единственности прошлого, в сущности, чисто количественная. А обычная история пока что осмысленных технологий не породила.

Качественно новое начинается после «квазиклассики», когда исследователь работает со всем историческим континуумом, со всеми линиями событий, возможными, маловероятными, совсем невероятными — вплоть до чудес. Кстати, по такой технологии, только применительно к созданию фильмов, работал в свое время Уолт Дисней, и равных ему не было.

Представим себе этот странный вероятностный континуум, в котором каждое событие

рассыпается на бесконечный ряд взаимосвязанных проекций, и мы поймем, что нет никакой выделенной Нашей (Абсолютной) Реальности. Есть лишь Текущая Реальность, которую конструирует психика, дабы упорядочить процесс рождения/уничтожения исторических состояний — миров, людей и их судеб. Текущая Реальность ничем не лучше (и не хуже) любой другой вероятностной реализации. Она вполне субъективна; калибрует исторический континуум и выделяет Текущую Реальность каждый человек. Сам, актом своей воли, которую Господь сотворил свободной.

Своими решениями и поступками он либо утверждает сделанный выбор, либо ставит его под сомнение. Конечно, Текущая Реальность, которая сама по себе является структурной системой, обладает некоторой устойчивостью. Но эта устойчивость не безгранична. Если сомнения перейдут некоторое пороговое значение, калибровка сменится скачком. Насколько можно судить (а мы, наверное, единственная страна, которая может об этом судить на опыте!), в этот момент Обществом будет потеряна одна История и обретена совершенно другая.

Встречаясь с бывшими однокурсниками, я удивлялся, скажем так, изменчивости мировоззрения некоторых из них. Причем, почти по Дж. Оруэллу, изменения распространялись на прошлое — люди упорно не желали вспоминать некоторые свои слова и поступки. Отрицание бывало столь навязчивым, что возникало неприятное ощущение заведомой лжи, а может быть, и попытки собеседника скрыть что-то действительно предосудительное.

Вероятностная история, однако, с большой осторожностью относится к слову «ложь». Да, некоторым высказываниям с необходимостью приходится приписать очень низкую вероятность реализации — но ведь это «сейчас и здесь», в избранной большинством калибровке, в твоей субъективной истории, в твоей картине мира. В общем, если два утверждения исключают друг друга, совсем не обязательно, что одно из них ложно. Очень часто подобное противоречие лишь обнаруживает меру нашего незнания контекста или непонимания ситуации.

Мне пришлось предположить, что мои собеседники искренни. Просто мы с ними оказались в разной Истории.

Хотелось бы подчеркнуть, что в этих словах нет ничего иносказательного, никакой символики. Их надо понимать самым прямым и непосредственным образом. «Смена калибровки» в вероятностной истории есть аналог квантового туннельного эффекта в физике. И реальна она настолько же, насколько реален туннельный эффект.

Человеческое сознание (мое, во всяком случае) не способно воспринимать исторический континуум иначе, чем через Текущую Реальность и совокупность ее Теней. Иными словами, мы видим лишь одну проекцию каждого исторического события. Фактом существования обладает только само событие, но мы обречены жить внутри проекций, делить их, обменивать их, тосковать по утерянным и мечтать о недостижимых.

Суть вышесказанного проста. Мир «Полдня...», мир, где к концу 90-х годов освоена Солнечная система, конструируются прямоточные фотонолеты и завершается процесс мирового объединения,— это точно такая же проекция, как и наш мир тех же 90-х с пьяницей президентом и полной победой товарно-денежных отношений над разумом. Просто мы когда-то, выйдя из комнаты, открыли не ту дверь...

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ: УРОКИ, КОТОРЫХ НЕТ

С общенаучной точки зрения «вероятностная история» является естественным развитием и обобщением истории классической, распространением ее закономерностей на альтернативные Реальности фантастических или околосфантастических миров и в дальнейшем — на обобщенную калибровку вероятностного континуума. Вероятностный подход, конечно, никоим образом не обесценивает работу, проделанную поколениями историков-профессионалов и летописцев-любителей. Пусть Текущая Реальность не более чем

одна из проекций последовательности событий, но именно эта проекция сознательно выбрана нами, и уже это обозначает, что ее структура важна нам и нам интересна. География Европы не теряет своей актуальности оттого, что существуют другие материки и даже земной шар как единое целое. Однако, не ставя под сомнение результаты, достигнутые традиционной наукой, вероятностный подход посягает на некоторые общепринятые убеждения.

Так, даже в фиксированной калибровке, именуемой Текущей Реальностью, наша жизнь (или жизнь общества) для «историка-вероятностника» — не стрела, протянувшаяся от рождения/ возникновения к смерти/исчезновению, а произвольная кривая на плоскости событий, причем эта кривая может быть самопересекающейся — в этом случае прошлое и будущее перестают быть абсолютными понятиями и низводятся до роли маяков, облегчающих ориентировку.

Универсум Порядка ограничивается рамками «сейчас и здесь», мир вне этого состояния покрыт пеленой Хаоса, чем «дальше» от Наблюдателя, находящегося, как обычно, в центре Вселенной, тем более густой.

Мир вокруг нас изменчив; подобно хамелеону он демонстрирует нам такое прошлое (и будущее), которое соответствует нашему мировоззрению, настроению ... погоде на улице, в конце концов.

Человек сам выбирает свою историю, но очень редко он делает это сознательно... потому мир и выглядит так, будто им управляют похоть, голод и страх. Никто, однако, не обязан прозябать именно в такой калибровке.

Свою исключительность теряет смерть: это всего лишь вероятностное событие, подразумевающее обязательное согласие умирающего и его личной Вселенной (не думаю, что такое согласие очень легко получить — впрочем, эти рассуждения относятся, скорее, к вероятностной эзотерике).

Исчезает такое понятие, как «уроки истории». В рамках фиксированной калибровки причинно-следственные связи субъективны (так как высвобождены актом выбора реальности) и случайны. В вероятностном континууме такие связи неоднозначны. И в том, и в другом случае из них нельзя извлечь какое-то осмысленное нравственное содержание.

Классическая история воспринимала самое себя через призму морали. Вероятностная история подчеркнуто неморальна. Она предпочитает изучать социальные законы и улучшать социум сейчас и здесь, а не извлекать сомнительные уроки из относительного прошлого для/ради столь же относительного будущего.

«Историк-вероятностник», мой коллега по убеждениям, считает рассмотрение прошлого как цепь катастроф, ошибок и преступлений, проявлением садомазохистского комплекса и относится к подобному самобичеванию с иронией: люди, постоянно вспоминающие самые тяжелые, самые болезненные моменты своей личной истории или истории коллективной, не только переживают эти моменты снова и снова, но и отбрасывают негативно окрашенную «тень» в свое же субъективное будущее.

Может быть, у нас нет надлежащих оснований так поступать?

ПО СЛЕДАМ «705-ГО ПРОЕКТА»

1

Всякая техническая история полна нереализованных возможностей. 15 декабря 1938 года в первом своем полете на новой машине гибнет В. Чкалов, и это событие, фактически, перечеркивает летную карьеру самолета И-180 и будущность «короля истребителей» Н. Н. Поликарпова. Ну а если бы в 1938 году выдался такой же декабрь, как в 2006-м, — с устойчивой плюсовой температурой и дождями? Могло такое быть? Конечно, могло. Катастрофа, вызванная недостаточной надежностью нового двигателя в условиях низких температур, случилась бы неизбежно, но она бы произошла позже, и к тому времени самолет

бы уже давно летал, к нему привыкли бы, прониклись доверием... И встретили бы мы 1941 год не с МиГ-3, а с И-180, а эта машина была значительно лучше оптимизирована для боя с «мессершмитами»... и пошла бы совсем другая история.

Или противоположный пример: не сумел М. Кошкин убедить (или удивить) И. Сталина, и начали бы мы ту же самую войну без Т-34 на фронте и в развернутом серийном производстве. Могло получиться и так.

Моя любимая альтернативная возможность: в 1899 году молодой самодержец Николай приходит на Балтийский завод. Обшарив и посмотрев все, что только можно, он приходит в восторг от увиденного и на следующий день приглашает директора завода на неофициальную встречу.

— А вы можете сделать такой броненосец, какого ни у англичан, ни у немцев, ни у японцев нет и еще долго не будет?

— Прикажи, государь!

...И летом 1903 года на Дальний Восток уходит броненосец «Крузенштерн», название которого навсегда станет нарицательным: отныне историю броненосного флота навсегда будут делить на «докрузенштерновый» и «крузенштерновый» периоды. Превосходящий по скорости хода японские крейсера, бронированный по всему борту, имеющий на борту столько же орудий, что и целый броненосный отряд, этот корабль одним фактом своего появления решающим образом меняет соотношение сил на море...

Или так: в самом начале жаркого августа 1914 года турецкое правительство, испытывая неподдельный ужас от того, что страна может быть прямо сейчас втянута в еще одну (после Итало-турецкой и Балканских) большую войну и желая обезопасить себя от неприятных сюрпризов, минирует Дарданеллы. Германский линейный крейсер «Гебен» подрывается сразу на двух минах и после многочасовой безуспешной борьбы за живучесть идет на дно. «Бреслау», перегруженный спасенными с «Гебена», поднимает флаг Красного Креста и интернируется в Греции. Турция остается вне войны, Россия сохраняет связь с союзниками... после Марны положение Германии делается катастрофическим, и к 1915 году Первая Мировая война закончена. Русской революции нет. Германской — тоже. Со всеми вытекающими последствиями.

Корабли имеют свои судьбы, и судьбы эти непредсказуемы, подобно людским. И случайность играет в жизни корабля роль не меньшую, чем в человеческой жизни. При этом корабли нередко оказываются если и не актерами истории, то ее значимыми факторами. Поэтому вопрос: что было бы, если?.. — в военно-морской истории актуален.

2

Самыми необычными и неоднозначными советскими атомными подводными лодками суждено было стать кораблям 705-го проекта, в оценке которого по сей день господствуют полярные характеристики — от «упущенная жар-птица» до «дорогостоящая ошибка».

История этого проекта началась в 1959 году, когда один из специалистов ленинградского СКБ-142 А. Б. Петров предложил соорудить «подводный истребитель-перехватчик», отличающийся небольшими размерами, огромной скоростью хода, возможностью погружаться на большие глубины и малым «самолетным» экипажем. Малое водоизмещение при огромной мощности двигателя должно было сделать лодку сверхманевренной и способной к мгновенному разгону. 23 июня 1960 года вышло постановление ЦК КПСС и Совмина СССР о проектировании и постройке АПЛ проекта 705. 25 мая 1961 года появилось другое важное постановление, разрешающее конструктору «при наличии достаточных оснований» отходить от норм и правил военного кораблестроения.

Здесь необходимо сделать специальное отступление. Военно-морской флот любой страны — структура очень консервативная. Вспомогательное парусное вооружение предусматривалось при проектировании броненосного крейсера «Рюрик», вступившего в строй в 1894 году, то есть через полвека после начала массового строительства судов с

паровыми машинами. Таранный форштевень корабля «дожил» до середины 1900-х годов, как и курсовые подводные торпедные аппараты на броненосцах.

Атомные подводные лодки были принципиально новой системой, но на них традиционно переносили требования, предъявляемые к «классическим кораблям». Например, перед конструкторами постоянно ставилась задача обеспечить непотопляемость лодки в надводном положении при затоплении одного любого отсека. В надводном флоте эта задача решается созданием запаса непотопляемости, что обеспечивается высотой надводного борта и формой носовой оконечности корабля. Будучи механически перенесенным на подводный атомоход, основной задачей которого является движение под водой, это требование приводит к совершенно ненужному росту водоизмещения и приданию корпусу обводов, невыгодных для достижения высокой подводной скорости. У надводных кораблей два винта, иногда даже больше. Атакующей субмарине выгодно иметь один винт и один гребной вал — падает шумность и волновое сопротивление, растет скорость. Но одновинтовая схема запрещена нормами и правилами военного кораблестроения. Не будет преувеличением сказать, что вся история советского атомного подводного кораблестроения — история непрерывной борьбы конструкторов с консерватизмом «морского ведомства».

Работы над 705-м проектом возглавил М. Г. Русанов. С самого начала было ясно, что для достижения требуемых характеристик нужен реактор на металлическом теплоносителе — его использование обещало трехсоттонную экономию. В качестве корпусного материала пришлось использовать титановые сплавы.

Титан — довольно распространенный металл. Его количество в земной коре в несколько раз превышает запасы меди, цинка, свинца, золота, серебра, платины, хрома, вольфрама, ртути, молибдена, висмута, сурьмы, никеля и олова, вместе взятых. Титан обладает замечательными качествами: он в шесть раз прочнее алюминия, вдвое легче железа, сохраняет свои характеристики при высоких и низких температурах, обладает слабой электропроводностью, немагнитен, не корродирует в морской воде, легко прокатывается в листы и тончайшую фольгу... но все это — при чистоте свыше 99,9%. Изготовление же чистого титана является очень трудоемкой операцией, и этот металл является в буквальном смысле этого слова стратегическим. Титан нужен в ракетостроении, в авиационной промышленности, в химической промышленности, в медицине. Поэтому и при социализме, и при капитализме этот металл очень дорог. С самого начала 705-й проект не мог быть реализован в большой серии, хотя разговоры об этом шли и серия проектировалась.

Первым кораблем проекта 705 стала подводная лодка К-64, вступившая в строй 31 декабря 1971 года. И здесь требуется еще одно отступление.

Из 162 советских подводных лодок, о которых имеются точные статистические данные, 80 штук, то есть примерно половина, официально вступили в строй в декабре месяце, причем большая часть актов приемки приходится на 30 и 31 декабря. Для сравнения — в январе вступило в строй 13 лодок, в феврале 6, в марте, апреле, мае — по одной. Понятно, что эти цифры отражают распространенную в СССР тенденцию любой ценой «закрывать» годовой план. Приводило это к огромному количеству недоделок, и одной из ключевых компетенций профессии ответ-сдатчика подводной лодки было умение находить «общий язык» с военпредами, ответственными за подписание акта приемки со стороны заказчика.

Обычно с течением времени неполадки более или менее устранялись и начинался период нормальной эксплуатации субмарины. Но К-64 была слишком инновационной лодкой, чтобы быть принятой флотом в канун новогоднего праздника. Еще в период швартовых испытаний вышла из строя одна из петель первого контура. За ней вторая. Началось растрескивание корпуса. Тем не менее корабль продолжали готовить к выходу в море — до тех пор, пока не произошло отвердевание теплоносителя. Металл застыл, и реактор остановился навсегда. Лодка еще два года простояла у причальной стенки, а затем была списана.

Работы по 705-му были приостановлены, затем запущены вновь. По

усовершенствованному проекту было построено 6 лодок, причем одна из них, К-432, провела на стапеле 10 лет — своеобразный рекорд.

Лодки проекта 705К — «Лиры» по советской терминологии, «Альфы» по терминологии НАТО — вступили в строй между 1977 и 1981 годами. Это были красивые корабли, способные уходить от торпед вероятного противника, умеющие разворачиваться «на пяточке» и, подобно истребителю, заходить противнику в «хвост». Последнее — жизненно важно. Двигатели и винты любой лодки располагаются, естественно, в корме, поэтому с кормовых курсовых углов гидроакустические средства слепы — они фиксируют лишь шум собственных двигателей. «Лиры» легко заходили в область гидроакустической «тени» любой лодки противника. Это драматически подтвердилось в начале 1980-х годов, когда американская атакующая субмарина не смогла «сбросить с хвоста» советскую лодку в течение 22 часов.

Но при всех своих достоинствах проект 705 не сделал эпохи в «холодной войне» и подводной гонке. Экипаж этих лодок был увеличен по настоянию командования ВМФ с 16 до 29 человек, что повлекло за собой рост размеров и усложнение эксплуатации. Отказались от идеи «берегового экипажа», который должен был поддерживать лодку в исправном состоянии между рейсами. Возникли проблемы с базированием — первый контур реактора должен был все время находиться в горячем состоянии, что вызывало свои трудности. Нужно было как-то решать проблему с регенерацией теплоносителя, где регулярно образовывались шлаки и окислы, а висмут трансмутировал в радиоактивный и ядовитый полоний. Постепенно с этими проблемами справились, но тут наступили 1990-е годы, и «Лиры» были выведены из эксплуатации.

История АПЛ 705-го проекта чрезвычайно характерна для России, вне зависимости от того, зовется ли страна Российской империей, Советским Союзом или Российской Федерацией. Сначала перед проектантами ставят совершенно невыполнимую на данном технологическом уровне задачу. Затем конструкторы находят возможность решить ее. Для этого используется целый «букет» инноваций, денег и людей не жалеют, в результате чего появляется элегантная конструкция, опередившая свое время лет на 10 и более. В реальной эксплуатации непрерывно возникают проблемы, их более или менее творчески решают. Наконец, приходит день, когда конструкция отработана и можно начинать получать дивиденды и пожинать лавры. И именно в этот момент «сверху» приходит приказ, сворачивающий все работы по этому направлению как бесперспективные. Лодки 705-го проекта, лунная ракета Королева Н-3, система «Энергия — Буран», ракетные двигатели на жидком фторе, ядерные реакторы на быстрых нейтронах, самолет Ту-144, экспериментальный ионолет «Ангара», экранопланы... этот список можно продолжать до бесконечности...

3

И все-таки, что было бы, если бы судьба 705-го проекта сложилась чуть более удачно? Собственно, что для этого нужно?

Во-первых, не спешить со сдачей головной К-64. Вообще вспомнить известную поговорку: делать быстро — это совершать медленные и плавные движения без пауз между ними. Потратить какое-то время на доводку реактора. Обеспечить возможность аварийного разогрева застывшего теплоносителя от внешнего источника энергии. Проработать все что можно на деревянной модели. Потратить время на обеспечение нормальной эргономики. При этом К-64 вступит в строй не в декабре 1972 года, а, скажем, в июне 1974-го. Зато уже к декабрю лодка сдаст курсовые задачи и будет зачислена в строй. С ее эксплуатацией все пойдет более или менее гладко, в результате чего следующие «Лиры» не будут восемь — десять лет гнить на стапеле, а спокойно и без суеты введут в строй с 1975 по 1980 год, и к началу Московской Олимпиады у нас будет восемь подводных перехватчиков (шесть, которые были сделаны в Реальности, К-64 плюс последняя лодка серии, разрезанная на

стапеле).

После нескольких серьезных скандалов удается убедить командование ВМФ, что рабочий экипаж «перехватчика» следует сократить, зато нужен «береговой экипаж» для поддержания лодки и реактора в исправном состоянии между походами. Постепенно концепция «двух экипажей» проникает во флот все глубже и глубже, распространяется сначала на элитные ракетносцы, затем и на «противолодочники». Этому процессу немало способствует и американский опыт.

Аварийность на флоте сокращается, общая техническая культура растет, что самым благоприятным образом сказывается на карьере лодок 705-го проекта. Конечно, они остаются очень «строгими» кораблями. Конечно, их шумность на полном ходу входит в поговорку у моряков по обе стороны Атлантики, но... восемь успешных слежений за американскими ракетносцами и четыре перехвата новейших «Лос-Анджелесов» — это не только ордена капитанам «Лир» и их главному конструктору, но и новый поворот в «самой холодной гонке».

Американское военно-морское командование требует ускорить работу над новейшими «Трайдентами» и в обязательном порядке сделать аналог «Альфы». Но это очень нелегко и получается далеко не сразу. Много хлопот доставляет американцам жидкометаллический теплоноситель, к тому же в спешке вместо свинцово-висмутаго сплава взяли легкий и легкоплавкий, но слишком уж химически активный натрий. Первый серьезный пожар на «Анкоридже»¹¹. головной лодке нового типа, произошел уже у стенки завода. Второй пожар вспыхнул во время ходовых испытаний, были погибшие, обожженные и переоблучившиеся, и был радиоактивный натрий в двух отсеках лодки. Восстанавливать «Анкоридж» не стали, тем более что рабочие верфи отказывались к нему даже приблизиться.

Пока американцы устраняли «болезни роста» на своем перехватчике, в Ленинграде главный конструктор М. Русанов принимал все меры для скорейшего вступления в строй головной лодки проекта 707 («Берилл», по классификации НАТО «Вега»).

Эти лодки были меньше «семьсот пятых», запас плавучести был снижен до 5%, экипаж составлял всего восемь человек, зато подводная скорость возросла до 45 узлов, а рабочая глубина составила 500 метров (предельная — 650). Лодки 707-го проекта впервые в истории получили ставшее привычным у современных атакующих субмарин разнесенное двойное хвостовое оперение. Время виража на полном ходу сократилось с 42 до 30 секунд, и американские «Свордфиши» с их 55 секундами на циркуляции и 39 узлами полного хода смотрелись рядом с «Бериллами» очень неважно.

Инновационным было и вооружение лодки. Все оно было сосредоточено в носовой части корабля и состояло из двух комплексов ближнего боя «Шквал» со скоростью хода подводной ракеты 200 узлов и одного комплекса ракет-торпед «Вьюга».

Первый «Берилл» вступил в строй в 1983 году, второй и третий в 1985-м. Начиная с четвертой лодки, в проект по настоянию моряков были внесены существенные изменения, направленные на усиление вооружения. Носовой отсек лодки, получивший название «оружейный модуль», был несколько увеличен в размерах, что дало возможность разместить шесть торпедных аппаратов (правда, без запасных торпед). Боевые возможности корабля расширились, но ценой некоторого снижения скорости и маневренности.

С 1986 по 1988 год было построено три «Берилла-Т», еще одна аналогичная лодка в порядке эксперимента получила в качестве вооружения противокорабельные ракеты «москит» — проект 707ТМ.

С «Бериллами» первой модификации связана одна из самых темных страниц подводной войны. 3 июля 1986 года была потеряна связь с американской атакующей субмариной «Денвер», подводным истребителем типа «Анкоридж». Позднее лодка была обнаружена на глубине свыше четырех километров, ее прочный корпус был разрушен давлением воды. Следствие по делу «Денвера» тянулось около восьми лет, в конце концов

¹¹Подчеркнуты «альтернативные», отсутствующие в Текущей Реальности корабли и проекты.

был вынесен вердикт — «катастрофа в силу непреодолимых на море случайностей». К этому времени все «Анкориджи» были выведены из состава ВМФ и отправлены на слом.

Существует версия, что «Денвер» встретился в океане с подводной лодкой К-631 проекта 707. После энергичного маневрирования «Берилл» зашел «Денверу» в хвост и командир американской субмарины попытался разорвать контакт. Поскольку в горизонтальных виражах 707-я лодка опережала противника, капитан 1 ранга Томпсон применил тактику, характерную для тяжелых истребителей, — уход вниз на резком пикировании. Что случилось дальше, не знает никто. Возможно, в самый неподходящий момент вышел из строя реактор и лодка осталась без электричества. Возможно, произошло заклинивание рулей или отказала гидравлика. А может быть, просто произошла пространственная дезориентация командного состава — такое бывает даже с очень опытными летчиками или подводниками. Во всяком случае, пытаясь уйти от К-631, «Денвер» проскочил предельную глубину и был раздавлен давлением воды.

Конечно, это — не более чем гипотеза. Опровергнуть или подтвердить ее могут только те четыре человека, которые находились в тот день в рубке К-631. Но они молчат уже двадцать лет...

В 1990 году началось строительство головной подводной лодки проекта 711 («Изумруд»). Эта лодка должна была стать самой революционной в своем классе. Прежде всего, у нее не было легкого корпуса, подводное водоизмещение совпадало с надводным. Лодка была тяжелее воды, и удерживала ее на заданной глубине подъемная сила короткого скошенного крыла. Подобно самолетам, «Изумруды» не могли останавливать двигатели. Их минимальная скорость составляла 18 узлов. Зато максимальная достигала 48 узлов, а «на форсаже» 711-е могли выжать все пятьдесят и оторваться от неприятельской торпеды. На лодке был установлен мощный реактор на быстрых нейтронах со свинцовым теплоносителем, роль движителя выполняла прямоточная водометная установка. Разнесенное хвостовое управление, интерцепторы на «крыле» и дополнительное стабилизирующее подруливающее устройство — все это сделало лодку столь же маневренной, как «Берилл», несмотря на большую скорость и большие размеры. Рабочая глубина «Изумрудов» соответствовала 685-у проекту («Комсомолец»), то есть составляла 1000 метров, предельная — 1250 метров.

Лодка не имела развитой рубки — небольшое утолщение в средней части корпуса, где располагались выдвижные устройства. Ее экипаж составлял шесть человек: двое отвечали за реактор и машинное отделение, двое — за навигацию и связь, двое — за оружейные комплексы. Как и у «Бериллов», вооружение «Изумрудов» было сосредоточено в носовой части корпуса. Оно состояло из шести торпедных аппаратов, оснащенных торпедами повышенной дальности и скорости хода, двух комплексов «Шквал», двух комплексов «Вьюга-М». Дополнительно лодка могла подвесить под крыльями контейнеры с шестью крылатыми ракетами «москит» (это снижало полную скорость до 40 узлов). Все управление вооружением осуществлялось боевой информационной системой «Архей».

Лодки типа «Изумруд», очевидно, не могли швартоваться к пирсам, для них были построены подводные «слипы», по которым лодка плавно «въезжала» в специальный швартовочный бассейн.

Предполагалось построить свыше 40 лодок класса «Изумруд», которые должны были стать «асимметричным ответом» на многоцелевые субмарины класса «усовершенствованный Лос-Анджелес». Дополнением к перехватчикам должны были стать лодки проекта 885 «Северодвинск», малошумящая универсальная лодка. Кроме того, конструировалась лодка-лидер (проект 713 «Опал»), обладающая меньшим вооружением, но большими поисковыми возможностями.

Новые лодки-перехватчики должны были действовать стаями по два-три «Изумруда» и одному «Опалу». Малошумящие лодки класса «Северодвинск» взаимодействовали со стаей в рамках тактической схеме «псы и охотник».

Понятно, что в условиях катастрофы 1990-х годов воплотить эту концепцию в жизнь

не было никакой возможности.

В 1993 году строительство «Измурда» было остановлено, лодка разобрана на стапеле.

В 1995-1998 гг. были «утилизированы» «Лиры». В 1998-2000 гг. вывели из эксплуатации все три «Берилла» и один «Берилл-Т». К 2004 году должны были быть списаны три оставшиеся лодки-перехватчики, но их спасло трехсотлетие российского флота. В 2005 году «Берилл-ТМ» переоборудован в обычный перехватчик «Берилл-Т».

В 2003 году был спущен на воду «Северодвинск».

По некоторым данным в 2006 году начато строительство сразу четырех корпусов 711-го проекта в Горьком, двух — на Балтийском заводе в Санкт-Петербурге, двух — в Комсомольске-на-Амуре и двух в Северодвинске. Официально объявлено о строительстве в Калининграде подводной лодки проекта 713 «Опал»...

ЕВРОСОЦИАЛИЗМ: ПРИКЛЮЧЕНИЯ «ЛЕВОЙ ИДЕИ»

Помню, в нашей зеленой роте был один капитан,
Как-то нас он повел в болото, этот старый болван.
Нам приказ — не дороже жизни, но шагал капитан,
По колено в болотной жиже, этот старый болван.<...>
С той поры пролетело много не таких уж легких лет,
И теперь-то уж, слава Богу, капитана этого нет.
Но бывает такое в жизни: вдруг покажется, что стоим
По колено в болотной жиже — во главе с капитаном своим.
И хотим повернуть обратно, только он все орет:
«Ну-ка вы, черепашня рота, пошевеливайтесь, вперед!»

Пит Сегер

Во времена моей молодости, то есть в 1970-е, «евросоциализм» назывался «еврокоммунизмом» и был весьма популярен среди советского студенчества. Считалось, что благоразумные «умеренные и великодушные»¹² европейцы освободят коммунистические идеи от «советских» крайностей и построят гармоничное общество с высоким уровнем жизни, справедливыми социальными отношениями и высокими темпами развития — общество, являющееся воплощением как идей Великой французской буржуазной революции и ее вечного лозунга «Свобода, равенство братство», так и логики «времяориентированной» европейской цивилизации, воплощающей свободу и познание.

Собственно, тогда в Советском Союзе шел активный поиск «правильного социализма», что привело к повальному увлечению югославской рыночной концепцией, с одной стороны, и еврокоммунистической фразеологией — с другой. Теперь Югославии уже нет, и страшная гибель этой страны до боли напоминает традиционный сюжет «воздаяния за грехи». Нет и Советского Союза, сорок пять лет носившего переходящее знамя «Империи зла». Еврокоммунизм, однако, выжил, незаметно трансформировался в евросоциализм и собирается существовать дальше в роли одной из значимых властных структур западного общества.

Социалисты много лет находились у власти во Франции, практически полностью подчинили себе Швецию, доминируют в Испании, Финляндии, Нидерландах, играют значительную роль в политике Италии, Германии, Австрии. Да и в Великобритании правительство Тони Блэра принято называть социалистическим. Весь вопрос в том, что это за столь разный «социализм»?

«Левая идея» — первоначально в форме наивного утопического социализма —

¹²Как писал А. Франс, «когда людей хотят сделать умными, добрыми, умеренными и великодушными помимо их воли, неизбежно приходят к необходимости перебить их всех до одного».

родилась почти одновременно с индустриальной фазой развития человечества. Собственно социализм и был откликом на всеобщую «индустриальную ломку» системы человеческих отношений.

Достоинства индустриального общества — обилие пищи, доступность все более и более сложных и ценных товаров и услуг — неоспоримы. Но у этого общества есть два имманентно присущих ему недостатка. Во-первых, оно стимулирует сверхпотребление — и притом во всевозрастающем масштабе. Это связано с кредитным характером индустриальной экономики и вытекающей из этого неизбежностью ускоряющегося расширения рынков. Во-вторых, оно принципиально несправедливо. Промышленное общество поддерживает очень высокий в среднем стандарт потребления за счет прогрессирующего расслоения между богатыми и бедными — людьми, классами, странами, культурами. Надо сказать, что православие считает справедливость прерогативой дьявола (ибо Господу приличествует милосердие), но европейская традиция относится к этой философской категории очень серьезно: в сущности, на представлениях о справедливости построена вся логика нидерландской, английской и французской Великих революций, да и само понятие национального государства. И конечно, справедливость (понимаемая весьма убого) столетиями была основой народных чаяний.

Среди мировых религий адекватный проект справедливого общества выдвинул ислам, сформировавший представление о сообществе верующих (умме), связанном отношениями взаимного принятия и взаимной помощи. Интересно, что в логике ислама ссудный процент является отрицательным: раз Аллах дал тебе столько средств, что ты не тратишь их на поддержание своей жизни, а даешь их в долг, ты должен вернуть хотя бы часть «избытка» обществу. Но именно эта привлекательная идея закрыла перед исламскими странами возможность индустриального развития. В результате на целые столетия ислам превратился в религию «дважды угнетенных» — народных низов, испытывающих одновременно и феодальную, и фазовую эксплуатацию.

Марксизм, обобщивший идеи ранних социалистов и давший им твердую экономическую основу, стал индустриальным ответом на «вызов справедливости». Притягательность этого учения в том и состоит, что марксизм доводит аксиологию Великой французской революции до логического конца — за Дантона, за Робеспьера, даже за Эбера и Ру. При этом проектируется не очередная утопия, экономически несостоятельная и внутренне неустойчивая¹³, а вполне жизнеспособное — притом индустриальное — государство. Можно даже сказать, что марксизм стал воплощением идеи индустриализации мира.

В сущности, «левая идея» очень проста. Существующая система власти должна быть свергнута, средства производства — обобществлены и переданы в руки народа, представителем которого является Государство. Политические институты этого государства основаны на демократии, причем подразумевается, что уровень грамотности избирателей не просто очень высок, а еще и представляет собой важнейшую задачу государства. Политической, военной и экономической основой государства являются промышленные рабочие, поэтому государство придавало особое значение развитию крупной индустрии, и прежде всего производству средств производства. Дальше шел обычный для «социальных» партий «джентльменский набор» из пенсионного обеспечения, сокращения армии и введения высокого налога на наследство.

Сразу же после рождения «левая идея» разделилась на два направления, скорее

¹³О неустойчивости утопических режимов писал Ф. Достоевский в «Сне смешного человека» (*Достоевский Ф. Избранное. Том 2. Идиот. Из «Дневника писателя».* М.: Рипол Классик, 1997), интересно исследуется эта тема у А. Франса в «Суждениях господина аббата Жерома Куаньяра» (*Франс А. Собрание сочинений в 8 томах. Том 2. Валтасар. Тайс. Харчевня королевы Гусиные Лапы. Суждения господина Жерома Куаньяра. Перламутровый ларец.* М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958), до некоторой степени затрагивает этот вопрос и М. Твен.

враждующих, чем соперничающих. Меньшинство четко следовало исходной модели К. Маркса, в рамках которой перераспределение средств производства в надлежащих масштабах могло произойти только революционным путем, то есть через механизм физической смены правящей элиты. Большинство же считало, что в условиях современного (речь идет о третьей четверти XIX столетия) демократического государства перераспределение средств производства может произойти легитимным путем: через победу социалистической партии на выборах и принятие парламентом соответствующего «социалистического» бюджета. Что же касается правящей элиты, то она постепенно трансформируется в «народную» через механизмы воспитания и образования. К рубежу веков вторая концепция выродилась в концепцию «малых дел», содержание которой четко выразил К. Каутский: «Конечная цель — ничто, движение — все».

По-видимому, обе стороны были неправы, но в позиции последовательных марксистов меньшинства благородного безумия было все-таки больше. По крайней мере, для меня, воспитывавшегося на материалах Теории решений изобретательских задач (ТРИЗа), прямо утверждающей, что компромисс обычно хуже, чем любая из альтернатив. Иными словами — либо настоящий «левый проект», либо настоящий «правый», но никак не тепленькая смесь между ними, предусматривающая коренные социальные преобразования, но ненасильственным путем и со всеобщего согласия.

«Ты — не горяч и не холоден? О, если бы ты был горяч! Но понеже ты не горяч и не холоден, то изблюю тебя из уст Моих, — говорит Господь»¹⁴.

В России — все не как у людей Европы и полумеры — не в чести. Здесь фундаменталистское меньшинство стало большинством и превратилось в большевиков, крайнюю из революционных и околореволюционных партий Европы. В наше время большевиков ленинского призыва, не говоря уже о более поздних временах, принято рассматривать как архизлодеев, но в действительности они просто последовательно, и невзирая ни на какие привходящие обстоятельства, выполняли социалистическую программу. И даже выполнили ее, хотя результат совсем не совпал с их первоначальными ожиданиями.

Вы вашему Прошке готовите тогу Катона?
Ну так, извините, вы просто не знаете Прошку.
Л. Вершинин

Во всяком случае, эксперимент был поставлен и доведен до конца. К сожалению, проанализировать его результаты почему-то до сих пор ни у кого толком не дошли руки. Но не подлежит сомнению, что построить социалистическое государство удалось, что были успешно проведены три последовательные индустриализации, решена проблема инфраструктурной недостаточности и создана лучшая в мире образовательная система. Точно так же не подлежит сомнению, что эти результаты оказались исторически неустойчивыми и были достигнуты за счет сверхэксплуатации населения.

Однако в 1920-1940-х годах негативные стороны социализма были видны намного хуже позитивных и в Европе произошла заметная радикализация социализма, завершившаяся созданием Третьего (коммунистического) интернационала, одной из самых необычных внесоциалистических структур, когда-либо возникавших в мире. Третий интернационал был, конечно, инструментом сталинской внешней политики. Но одновременно он стоял над этой политикой, поддерживая очень высокую рамку идеального социализма.

Третий интернационал оказался одной из жертв Второй Мировой войны, и его гибель была страшным, может быть, смертельным ударом для «левого проекта». Затем наступила

14Откровения 3: 15-16.

пора разоблачений «культы личности», «оттепель», «прорыв в космос» и долгие десятилетия застоя. В этот период «якобы коммунистические» западные партии тесно сближаются со старыми социалистическими и формируют с ними единую платформу, которая и выросла потом в еврокоммунизм/евросоциализм.

В сущности, в этой концепции нет ничего, кроме старых воззрений правых социалистов, выродившихся в политическую формулу Штрассера-Флика: капиталистическое производство при социалистическом распределении. На практике это означает очень высокий подоходный налог, высокий уровень безработицы при низкой доле лиц, находящихся за чертой бедности. Кроме того, современный евросоциализм — это активная государственная регламентация (прежде всего, в сфере образования), повышенное внимание к экологическим проблемам и интерес к правам национальных, религиозных и иных меньшинств. Как один из проектов современной постиндустриальной государственности — это довольно интересно. Но, увы, первоначального содержания «левого политического проекта», социальной справедливости, в евросоциализме совсем не осталось.

Евросоциалистические партии отказались от идеи диктатуры пролетариата, от обобществления средств производства, от концепции радикальной смены правящих мировых элит. От коммунизма, наконец. Сейчас они представляют собой странную смесь либералов с бюрократами-государственниками. Но эта насквозь компромиссная, лишенная всякого реального содержания политика пользуется массовой поддержкой и имеет опору во всех властных структурах.

Единственная проблема состоит в том, что «вызов справедливости» никуда не делся, сегодня он подхвачен исламскими радикалами, формирующими свой мировой проект, альтернативный европейскому.

Евросоциалистические партии могут создавать высокий уровень жизни в своих странах (пользуясь геоэкономической «рентой развития», которую Европа пока еще может взыскивать в странах третьего мира и отчасти в России). Они способны построить прочное и устойчивое социальное государство. Но они не имеют ни своей идеологии, ни тем более своей онтологии и поэтому обречены на историческое поражение.

Они не являются той силой, которая способна перевести западное общество через постиндустриальный барьер.

ИМПЕРСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

Не очень давно, 19 декабря 2006 года, новостные ленты сообщили о столетии со дня рождения Леонида Ильича Брежнева, Генерального секретаря ЦК КПСС и руководителя Советского Союза с 1964 по 1983 год. Событие это прошло незамеченным, хотя отдельные, особо демократически настроенные журналисты не упустили возможности в очередной раз пожаловаться, что нынешняя Россия-де никак не может преодолеть советское прошлое, что слишком многие россияне испытывают ностальгию по «эпохе застоя», что мышление руководителей страны остается имперским и тоталитарным.

Эти сожаления беспочвенны. В действительности не только молодежь, но и люди старшего поколения давно забыли советское время. Забыли его, кстати, и журналисты, так что большинство разговоров об «эпохе застоя» — ведут ли их коммунисты или антикоммунисты — беспредметно и, во всяком случае, слабо связано с Текущей Реальностью.

Лично у меня это обстоятельство вызывает беспокойство. И вовсе не потому, что «народ, забывающий свое прошлое, обречен прожить его снова». Просто в минувших эпохах остается немало интересного, да и прагматически полезного.

Советский Союз стал одной из величайших держав мира. Можно спорить о том, был ли он «империей Зла», или «надеждой всего прогрессивного Человечества», но, во всяком случае, одно не вызывает сомнений: социальная, экономическая, политическая структура этого государства носила уникальный характер. Именно борьба «западной демократии»

против «советского коммунизма» была главной движущей силой истории XX века. Эта борьба научила человечество выживанию в условиях обладания оружием гарантированного уничтожения, привела к прорыву в космос, появлению экологической «точки сборки» цивилизации, разработке геэкономии и представлений о глобальном производстве, созданию замечательной культуры, вернее — двух культур: советской и западной, являющихся зеркальными отражениями. Эти культуры были понятны друг другу и притягательны друг для друга, поскольку существовали в логике одного противостояния. Они тем не менее различались — деятельностной позицией, онтологией, коммуникативными техниками, художественными приемами и транслируемыми символьными кодами.

Именно в области культурного противостояния Запад одержал неоспоримую победу — в значительной мере благодаря тому, что такой способ ведения войны, как столкновение знаков и символов, не укладывался в сознании лидеров советской империи. Но принимая закономерность поражения, мы принимаем и закономерности борьбы: было что-то такое, что позволило Советскому Союзу почти полвека воевать со всем цивилизованным миром и капитулировать, только полностью исчерпав свою идентичность и заблудившись в постиндустриальном мире, в котором усвоенные ранее уроки оказались ложными. Это «что-то» может быть очень и очень ценным.

Голливуд снял немало фильмов, посвященных поиску древних сокровищ и артефактов. «Лара Крофт — расхитительница гробниц», «Индиана Джонс», «Сокровища нации», в значительной степени «Роман с камнем»... В трилогии о докторе Джонсе археологические поиски обретают библейский масштаб и исход еще даже не начавшейся Второй Мировой войны напрямую зависит от того, кто откроет путь к святому Граалю. Реальная археология, конечно, не столь романтична, как киношная, но, во-первых, жизнь каждого из нас зависит от истории рода и уровня знания этой истории, а, во-вторых, магические артефакты и утерянные умения существуют, и с этим приходится считаться.

Двадцатый век подвел черту под судьбами четырех великих империй. Почти одновременно прекратили свое существование вечные враги — Блистательная Порты и Австро-Венгрия. Оттоманская империя унесла с собой в историческое небытие опыт изумительной многовековой защиты геополитической позиции с отрицательной связностью, удивительную историю «Гебена» и «Бреслау», пришедшую из ниоткуда и ушедшую в никуда фигуру Лоуренса Аравийского, последнего эпического героя Запада, творца *большой тактики* и демиурга исламского Возрождения. Австро-Венгрия сегодня в лучшем случае воспринимается через текст «Бравого солдата Швейка»: «Такой идиотской монархии не место на белом свете». Швейк, наверное, был прав, но ведь можно взглянуть на ситуацию с несколько иной стороны — городу Вена, Венскому кружку, Зальцбургскому семинару мир обязан психоанализом, философией лингвистического анализа, общей теорией систем, основами кибернетики — практически всем тем корпусом знаний, который стимулировал переход от классического машинного производства к современной переходной эпохе, которую по привычке именуют постиндустриальной. Наверное, было в двуединой империи нечто магическое и чудесное, раз даже после своей смерти она оказывает столь сильное влияние на судьбу человечества.

Третьей канувшей в Лету империей был Рейх — сначала кайзеровский, а затем гитлеровский: странная, ни на что не похожая, вообще почти неправдоподобная, литературная, выдуманная, гротескная, чудовищная и смешная цивилизация, исхитрившаяся за свою очень короткую историю развязать и проиграть две мировые войны, и при этом открыть людям дорогу к звездам. Об этом как-то не принято говорить вслух, но творец Лунной программы Вернер фон Браун — «штурмбанфюрер СС и военный преступник».

Блистательную Порту и Дунайскую монархию забыли. Рейх — в обеих его ипостасях: гитлеровской и вильгельмовской — под строгим запретом. Впрочем, сдается мне, американские «археологи» сумели извлечь из этой империи все, сколько-нибудь важное — того же фон Брауна, например. А уже потом поставили германскую цивилизацию в жесткий идеологический карантин.

Наконец, Советский Союз. Последняя из великих империй XX века. Государство, чьим правопреемником является Российская Федерация. Государство, забытое прочнее, нежели Австро-Венгрия, и запрещенное для воспоминаний наравне с гитлеровской Германией. И, полагаю, также тщательно осмотренное и изученное американскими политическими археологами.

Что необычного в Союзе? То, что это единственная вполне реализованная и доказавшая свою жизнеспособность утопия. Сейчас говорят, что в действительности в советском государстве не было никакого социального содержания, что его правители на всех уровнях — от генсека до заводских и местных парткомов — думали только о себе и своих интересах, что уровень жизни был крайне низким. Все это верно, но лишь отчасти. Советский Союз был марксистским по своей идеологии, тоталитарным, социально-ориентированным государством. А это означало, что все его жители, в том числе и обреченные властью, обязаны были либо придерживаться марксистских взглядов, либо, во всяком случае, вести себя так, как будто они их придерживаются. В ряде философских концепций между этими позициями нет существенной разницы.

На практике марксистская утопия реализовывалась в СССР через почти методологический примат коллективной деятельности. С самого раннего детства всех учили, что интересы личности подчинены интересам коллектива — всегда и во всех случаях и исключений здесь быть не может. Да, конечно, в теории это подчиняло человека государству и вообще противоречило принципам гуманизма и общечеловеческим ценностям, но на практике мало кто мог ассоциировать себя с такой большой общностью, как государство (и такие люди, как правило, сразу же делали следующий шаг и начинали хранить верность человечеству в целом, что, вопреки современным представлениям и легендам, в Советском Союзе вовсе не преследовалось), поэтому на практике коллективистское воспитание приводило просто к формированию тесно связанных групп — доменов. Такими доменами могли выступать рабочие бригады, лаборатории, воинские части. И очень часто — школьные классы и институтские группы. То, что СССР, значительно уступая Западу по своим научным, производственным и экономическим возможностям, несколько десятилетий выдерживал гонку вооружений, в значительной мере объясняется высоким креативным потенциалом и значительной устойчивостью доменных структур.

Марксизм нынче не в моде, принято считать, что идея коммунизма себе исчерпала, что «левый проект» полностью дискредитирован, но и здесь все не так просто. Либерально-демократическое общество с рыночной экономикой имеет массу достоинств: высокая производительность труда, ориентация на свободное развитие личности, непревзойденный уровень жизни, позволяющий удовлетворять любые прихоти «золотого миллиарда», — но это общество воспринимается как несправедливое. Не существенно, справедливо ли оно на самом деле, но в глазах человеческих оно содержит в себе встроенную, имманентную несправедливость и потому ни при каких обстоятельствах не может реализоваться как утопия.

Я отнюдь не сторонник идеи справедливости. Я даже согласен с церковью в том, что справедливость есть прерогатива дьявола, в то время как Господу соответствует милосердие, но мир, лишенный идеи справедливости, так же далек от идеала, как и мир, утративший милосердие. Поэтому «левый проект» обречен на возрождение.

Итак, Советский Союз представляет интерес уже тем, что был весьма необычной государственной структурой: жестко идеологизированной, ориентированной на коллективное действие и социальную справедливость. Подобные принципы, проводящиеся в жизнь на протяжении поколений, породили целый ряд социальных и хозяйственных институтов, коммуникативных и психологических механизмов, образовательных и тренинговых процедур, прописывающих идеологию в реальной жизни. Эти структуры нам сегодня не нужны, но кто знает, какие детали советских «социальных машинок» могут понадобиться нам завтра?

Проблема заключается в том, что советские реалии ушли от нас. Их уже нельзя

увидеть, их можно только реконструировать для изучения. С каждым годом Советский Союз погружается глубже в прошлое, и задача восстановления его облика становится все сложнее. Речь идет по сути о создании специальной академической организации — Института СССР, ориентированной на исследование последней великой империи XX века.

Во всяком случае, представляется удивительным тот факт, что в нашей стране есть Институт США и Канады, но нет Института Советского Союза.

Или, может быть, подождем, пока его создадут за океаном?

ЧАСТЬ I

«БРИЛЛИАНТОВЫЕ ДОРОГИ»

БРИЛЛИАНТОВЫЕ ДОРОГИ

...В ресторан, где обедали старшие офицеры, вошел бродяга в рваной одежде, со спутанными волосами, с бородой, закрывшей лицо, грязный, страшный и, прежде чем его успели выбросить на мостовую, подняв руку, громогласно заявил: «Не торопитесь! Вы не узнаете меня, господа? Я — арьергард “великой армии”. Я — маршал Ней!»

А. Манфред

1

События второй половины прошлого века, которые я квалифицирую как катастрофические, инициировали на Земле некоторое повышение интереса к истории. Если в семидесятых годах XXII столетия лишь одна из пятидесяти тысяч научных работ касалась событий человеческого прошлого и их интерпретации, то сейчас — одна из двух с половиной тысяч [1]. И наконец, «роковые тридцатые» возродили такое, казалось бы, напрочь забытое понятие, как исторический роман.

Не следует заблуждаться: интерес этот достаточно поверхностен. В конце концов, из 20 миллиардов жителей Земли и периферии занимаются историей не более полутора миллионов, из которых две трети специализируются на Тагоре, Леониде, Саракше и прочих внешних мирах.

Мы (человечество) слишком привыкли к тому, что знаем историю. Мы даже думаем, что умеем ее творить.

Для большинства землян знакомство с событиями прошлого ограничивается рассказами Учителя да парой книжек с изложением стандартной теории исторических последовательностей. В книжках она выглядит простой, как бином Ньютона, и очевидной, как Второе начало термодинамики. Последнее, кстати, верно. Как и Второе начало термодинамики, теория исторических последовательностей ниоткуда не следует и является обобщением «многовекового опыта существования человечества».

Теория исторических последовательностей была разработана в семидесятых годах XX столетия. Как и базисная модель феодализма, она опиралась прежде всего на разработки академика И. Дьяконова [2].

И. Дьяконов в хаосе событий, последовавших за Пражской весной 1968 и распадом Европейского союза, оставался ортодоксальным марксистом. Высокообразованный человек, специалист по истории Древнего Мира, он, обработав колоссальный объем материала по

сравнительной истории стран Европы, Азии, Северной и Южной Америки, сформулировал понятие «исторических последовательностей» и рассмотрел поле операций над ними.

От многих моделей исторического развития, созданных в то время (Тартаковский [3], Ларионова [4], фон Арним [5], Д. Ачесон [6] и др.), теория Дьяконова отличалась наличием элемента предсказания. Малоизвестно, что с точки зрения господствовавшей тогда парадигмы, это считалось недостатком, более того, таким недостатком, который ставил теорию за пределы науки вообще. «Марксистская астрология» — не самый резкий отзыв современников о ставшей через десять лет классикой книге «Пути истории» [7].

Ситуация изменилась, когда предсказания Дьяконова одно за другим начали сбываться. (События 1974 г. в Германии, знаменитый съезд НСДАП 1977 г., динамика расширения Союза коммунистических государств.) После путча Зуна Паданы сомневаться в прогнозах Дьяконова и соответственно в его исторической модели, объявленной наконец теорией, стало как-то неловко. Для друзей и для недругов Дьяконов стал новым Ньютоном, раз и навсегда решившим основную задачу истории.

Собственно и сама наука История казалась исчерпанной. Человечеству, которое дотянулось до Звезд, она перестала быть интересной.

Худший человеческий порок — отсутствие любопытства!

Элементарные расчеты в рамках модели Дьяконова показывают, что длительность периода войн между коммунистической Ойкуменой и Окраиной определяется в 150 плюс-минус 10 лет [8]! Но этот расчет был проделан лишь в 2253 г., и его результаты до сих пор почти никому не известны.

Собственно, усомниться в полноте теории исторических последовательностей заставила крайне неудачная практика профессорской деятельности — прежде всего на Саракше и Гиганде. Эти планеты на период их открытия (первая половина XXII столетия) находились на технологическом уровне развития, примерно соответствующем середине земного XX века.

Активная деятельность, развернутая землянами на этих планетах, должна была, по идее, привести к ускорению исторического развития, к менее кровавому прогрессу и в конечном итоге — к переходу цивилизаций Гиганды и Саракша на коммунистическую ветвь последовательности.

В действительности, однако, никакого ускорения не получилось. Для Земли XX века характерным временем, за которое происходит смена парадигм в науке, искусстве, политике, было десятилетие [9]. Считая время активной жизни поколения в 30 лет (около 20 лет человек становится взрослым, около 50 — у него обычно уже взрослые дети, к которым переходит креативная активность), получаем, что каждое поколение успевало изменить мир трижды. Для Гиганды после пятидесятилетней прогрессорской деятельности землян соответствующий показатель был измерен, и он оказался близким к единице [10]. Для Саракша, длительное время находящегося под контролем Галактической безопасности, он составил 0.27! [11]. На макроуровне это означает, что за сто лет (время, которого Земле хватило, чтобы перейти от лунной ракеты к сигма-Д-звездолету, от раздробленного тоталитарного мира эпохи Мировых войн к Всемирному совету) Гиганда добилась распространения военного конфликта с устья Тары на все Внутреннее море. Те же поршневые бомбардировщики стартуют там сейчас с атомных авианосцев...

На Саракше за тот же период, кажется, «несколько замедлились темпы падения средней продолжительности жизни».

Опубликование Миром советом этих данных на рубеже 2203-2204 годов [12] привело к тяжелым последствиям. Бессознательное неприятие прогрессоров и прогрессорства (Р-фобия) стало распространяться в обществе уже в конце шестидесятых годов [13]. После «Дела Абалкина»¹⁵ эксперты дали заключение, в котором преступление Сикорски увязывалось с его работой на Саракше [14]. (Резкий протест против подобных

¹⁵Бесконечность простых решений, настоящее издание, с. 158.

умозаключений заявил, к удивлению многих, Айзек Бромберг [15].) Стараниями Совета (в первую очередь Леонида Горбовского) остроту реакции общественности удалось несколько ослабить. Во всяком случае предложение Симоны Леверер, согласно которому предлагалось лишить прогрессоров права работать на Земле, не прошло [16]. Тем не менее период 2178-2185 гг. ознаменован повышенной статистикой разводов и самоубийств в семьях прогрессоров [17]. Ко времени «Большого Откровения» ситуация вернулась к равновесию.

Теперь же стараниями Совета общественное мнение наконец получило в свои руки реальное оружие против самого института прогрессорства. Кампания, начатая все той же Симоной Леверер, приобрела к 2206 г. характер истерии. Институт экспериментальной истории был закрыт, деятельность землян на других планетах свернута. С огромным трудом удалось добиться согласия Совета на сохранение там элементов наблюдательной сети.

Результат не замедлил сказаться. Ситуация на всех без исключения «поднадзорных» планетах начала быстро меняться от плохого к худшему. Сначала этим данным не верили. Потом стали склоняться к мысли, что это «реакция абстиненции» цивилизаций, лишенных привычного наркотика — прогрессорской помощи.

За двадцать пять лет индекс развития на Саракше упал в два с половиной раза, на Гиганде — в два раза, на Сауле — в 1,3 раза [18]. В 2228 г. в Алайском герцогстве происходит военный переворот и начинается такая резня, от которой потемнело в глазах даже у ветеранов прошлой войны. За месяц погибли почти все земляне-наблюдатели в пределах герцогства и Северной Империи. И — еще около миллиона человек.

Какое-то время Совет, скорее по инерции, нежели исходя из принципиальных соображений, продолжает по отношению к прогрессорству прежнюю политику. Дело заканчивается двести тридцать третьим годом, когда на Голубой Змее (Саракш) вспыхнула первая в галактической истории война между гуманоидами и негуманоидами. Широкое использование Островной Империей и Страной Отцов атомного и биологического оружия привело к фактическому уничтожению цивилизации голованов.

Это был приговор политике невмешательства.

А в следующем, 2234 году секретарю Мирового совета передают докладную записку, подписанную Леонидом Горбовским, который более четверти века назад окончательно удалился от политики. В записке анализировалось поведение «индекса развития» на Земле. Спокойно, даже несколько меланхолично, Леонид Андреевич сообщал, что «указанный коэффициент достиг максимума — 3,9 — в шестидесятые годы XX столетия и достаточно долго оставался на этом уровне». После 2023 г. индекс упал до трех. В период реконструкции (2052-2103) он устойчиво держался около цифры 3,2. Следующие пятьдесят лет он медленно падал до уровня 2,5. А затем падение приобрело катастрофический характер. Уже к началу девяностых годов «индекс развития» составил 1,1 — уровень Гиганды! Здесь он наконец стабилизировался. «Полагаю,— заключал Горбовский,— значение этой информации Вам понятно» [19].

Леонид Андреевич, как всегда, переоценил людей!

Записка Горбовского вызвала поток самых нелепых толкований. Утверждалось, в частности:

1. Прогрессоры, действующие на отсталых планетах, самим фактом своего существования способствуют «выравниванию разницы обобщенных потенциалов между цивилизациями», что проявляется как ускорение прогресса «там» и замедление его «здесь». (Красивая модель, вполне пригодная для фантастической повести: бедные прогрессоры выступают в ней в роли квантов-переносчиков некоего «социального взаимодействия».)

2. Земля находится под ударом разведывательных служб Алайской империи, республики Хонти и едва ли не Министерства охраны Святого ордена. (Совершенно не понимаю, почему из этого должно следовать снижение «индекса развития». По-моему, наоборот.)

3. Странники ведут на Земле не прогрессорскую, а регрессорскую деятельность, дабы подавить развитие цивилизации-конкурента. (Ну, деятельностью Странников, равно как

и промыслом Господним, можно объяснить все что угодно.)

4. Регрессорская деятельность действительно ведется, но не Странниками, а люденами — однако с той же «благородной» целью

5. Мы столкнулись с первой фазой конфликта между Землей и Тагорой... (Странники и людены, а также «подкидыши» порождены информационной агрессией тагорян.)

Вся эта галиматья могла бы привести к серьезным дипломатическим осложнениям и создать перед Мировым советом немалые проблемы, если бы не была «бурей в стакане воды». В отличие от «Дела Сикорски», «Большого Откровения», «Р-фобии», «Алайской резни» «Записка Горбовского» не вызвала большого общественного резонанса.

Само по себе это было тревожным звонком, но в тот момент Совет, наверное, вздохнул с облегчением.

Адекватную реакцию «Записка Горбовского» вызвала тогда только у моего Учителя — Лады Львовны Бромберг.

Надо сказать, что Лада Львовна считала своего знаменитого прадеда лучшим историком столетия. Но одновременно она возлагала на него ответственность — даже не за смерть Льва Абалкина, а скорее за «Дело Сикорски» и последующие события в целом. Эту вину, возведя ее, видимо, в ранг судьбы, она возложила после смерти Айзека Бромберга на себя. Как следствие, Лада Львовна, в противоположность прадеду, никогда не публиковала свои исследования, предпочитая кратко сообщать выводы ученикам и коллегам по Школе.

Тогда, 18 марта 2234 года, Лада Львовна принесла нам мнемокристалл с «Запиской Горбовского». После обсуждения, в ходе которого нами, четырнадцатилетними школьниками, были предложены все пять приведенных выше гипотез (что, по-моему, однозначно характеризует их уровень), она сказала:

— А по-моему, это свидетельствует лишь о том, что характер исторического развития Земли между XX и XXII столетиями был уникальным и что сейчас эта уникальность по каким-то причинам потеряна. По каким-то внутренним причинам...

Предлагаемые Вашему вниманию «Хроники...»¹⁶ — одна из наиболее удачных попыток рассказать галактическому человечеству об уникальности пройденного им пути. И о той цене, которой оно оплатит *добровольный отказ* от этой уникальности.

2

Концепция «вероятностной истории» оперирует понятием критических точек, представляющих собой зоны энергетического и/или информационного обмена между различными вариантами динамики социума [20]. Несколько упрощая, можно сказать, что в критических точках «расстояние» между различными линиями развития минимально и «теневые», вероятностные миры оказывают наибольшее воздействие на Реальность. Общество, достигшее критической точки, обречено на *выбор* между Отражениями: воспринимаемым и вероятным.

Как правило, критические точки можно ассоциировать с некоторым событием или совокупностью событий.

Тексты «Хроник...» от начала и до конца посвящены проблеме исторического выбора, который совершенно правильно рассматривается авторами как прежде всего выбор личный.

Цикл открывается повествованием о разведке Венеры, успешно проведенной в августе—сентябре 1991 г. фотонным планетолетом «Хиус». Тема может показаться несколько странной и, во всяком случае, не претендующей на глобальную значимость. Действительно, речь идет вроде бы о решении чисто технической проблемы.

Вторая половина XX столетия ознаменовалась исключительно быстрым развитием

¹⁶Стругацкий А., Стругацкий Б. Миры братьев Стругацких. СПб.: Terra Fantastica; М.: АСТ, 1997-2001. Все цитаты раздела приведены по этому изданию.

конструктивных технологий, двигательных и энергетических систем. Следствием стал прогресс космонавтики, значение которого трудно оценить вне контекста того времени.

Завершение Второй Мировой войны и оформление Европейского союза (Берлинский договор 20 января 1943 г.) и Атлантического пакта (Лондонский договор 1 сентября 1943 г.) определили характер международных отношений на несколько десятилетий.

Хотелось бы подчеркнуть, что противоречия между этими политическими блоками — идеологические, политические, религиозные, философские — носили весьма серьезный характер. Они были источником конфликта, более глубокого, чем, например, конфликт между республикой Хонти и Страной Отцов на Саракше. Как известно, последний в течение пятнадцати лет привел к разрушительной войне с использованием ядерного оружия.

Вооруженные силы Европейского союза и Атлантического пакта были разделены океанами. После Либравильского договора 1947 г., подтвердившего демилитаризованный статус СССР, Великобритании и Исландии, возможности для чисто военных столкновений оказались сведены к минимуму. Обе стороны без большого воодушевления кропали проекты межконтинентального бомбардировщика [21].

19 ноября 1949 г. Вернер фон Браун, Ханна Райх и Алексей Гринчик придали борьбе между государственными структурами новое — космическое — измерение. Уже через год Атлантический пакт ответил на успех Европейского союза первой лунной ракетой.

Определенную пикантность ситуации придавало то, что ракета была полуавтоматической: пилот катапультировался после набора высоты в 100 метров и вертикальной скорости в 22 м/сек. Дальнейшие операции система выполняла без присутствия человека. Тем самым США сделали явную заявку на создание ракеты-носителя ядерного оружия. Несколько снимала остроту проблемы низкая точность (порядка сотен миль).

Космическая гонка резко ускорилась. В июне 1951 г. посадку на Луну совершила экспедиция Эрика Хартмана. Американцы отвечают на это созданием постоянно действующей лунной базы (1953-1956). Затем наступает пауза, вызванная исчерпанием технических возможностей атомно-жидкостных ракет.

К середине пятидесятых годов приходит понимание сакрального значения космической гонки. Решается вопрос: какая из социальных систем — либеральная, «Атлантическая» или еврокоммунистическая — способна найти более адекватный ответ на вызов, который бросают человечеству Звезды.

В 1959 г. США достигли громкого, хотя и эфемерного успеха. Девятнадцатилетняя студентка Массачусетского технологического института Линда Нортон на специально оборудованной жидкостной ракете совершила высадку на Марс. Это выдающееся спортивное достижение выдавалось за триумф американской науки, хотя Нортон, решившаяся на полет при 10%-й гарантии успеха, действовала скорее в духе европейской, нежели атлантической парадигмы познания. Не приходится удивляться тому, что в 1963 г. девушка переезжает в Чехословакию, где вскоре погибает при одной из первых попыток высадиться на Венере («...наблюдатели зафиксировали тусклую вспышку на том месте, куда погрузился планетолет» [«Хроники...». Т. 1]).

1961 г. ознаменован созданием атомно-импульсной ракеты, пригодной для экономического освоения «малой системы», пояса астероидов, спутников Юпитера. За чрезвычайно короткий срок создаются обсерватории на Луне и Церрере, исследовательские базы на Марсе, Каллисто, Амальтее. Начинается изучение системы Сатурна. Именно в эти годы, которые современники назвали «золотыми шестидесятыми», «индекс развития» достиг своего рекордного значения. «Славное, славное время — расцвет импульсных атомных ракет, время, выдвинувшее таких, как Краюхин, Привалов, Соколовский...» («Хроники...», Т. 1).

Баланс на середину шестидесятых годов давал определенное преимущество США и Атлантическому пакту. Прежде всего атлантисты опережали своих противников по уровню жизни. Затем подвиг Л. Нортон дал им приоритет в исследовании значимых планет Солнечной системы. Что же касается атомно-импульсных ракет, то уже через три года после

полета «России» Н. Соколовского корабли этого типа были в распоряжении всех технически развитых государств того времени, до Новой Зеландии включительно [22].

Попутно заметим, что первая же военная тревога эпохи импульсных ракет — Карибский кризис 1962 г. — убедительно продемонстрировала, что военные методы решения споров между сверхдержавами окончательно отошли в прошлое. Земля оказалась слишком маленькой планетой для базирующихся на астероидный пояс крейсеров типа «Фельдмаршал Роммель» с ядерным оружием на борту.

С этого момента противостояние военных блоков окончательно приняло экономический и научно-технический характер. Прежде всего это позволило человечеству вздохнуть свободно, так как с конца шестидесятых годов вероятность ядерной войны упала ниже «предела тревоги», воспринимаемого сознанием [23].

Сотрудничество — в океане, на суше и в Космосе — оставалось, однако, формой соперничества. Цивилизации еще предстоял выбор.

Венере поначалу никто не придавал серьезного значения — еще одна планета в общем ряду. Даже первые неудачи были восприняты довольно спокойно.

Положение стало меняться после первого штурма, когда выяснилось, что провалившаяся попытка овладеть Венерой обошлась во столько же человеческих жизней, сколько потребовало полное освоение остальной «малой системы».

Дальнейшие неудачи (уже после открытия Урановой Голконды) мало-помалу превратили Венеру в некий аналог Вердена, Сталинграда или Рейкьявика. Речь шла даже не об актинидях: Венера персонифицировала в себе вызов, брошенный человечеству.

Пражская весна, ознаменовавшая кризис Европейского союза и крушение Берлинского договора, вызвала на Западе преувеличенные надежды, которые не смогли сразу перечеркнуть даже события в Алжире и в Париже.

(Пражская весна — общепринятое в XX столетии обозначение событий мая 1968 года в Чехословакии. Фактически под флагом либерализации политической жизни Чехия инициировала начало развала Европейского союза. В том же жарком мае 1968 года резко обострился конфликт между Францией и Алжирскими сепаратистами. Бои в Алжире откликнулись студенческими беспорядками в Сорбонне.)

Семидесятые годы вошли в историю как безвременье, как эпоха, когда прежние социальные структуры были уже разрушены, а новые — еще не созданы. Именно в этот период (1973) был принят «Закон о свободе информации», заложивший основы нового миропорядка.

«Закон о свободе информации» не только резко повысил скорость научно-технического развития в социалистических странах, но и позволил решить гораздо более важную задачу — создание антитоталитарных механизмов в социальных системах, тяготеющих к диктатуре [24]. (Подробнее этот принципиальный вопрос будет рассмотрен в связи с описанием событий 2011 г. на Дионе и вызванного ими кризиса.)

Создание этих механизмов вызвало цепную реакцию разоблачений, прокатившихся по всем странам бывшего Европейского союза. Политические деятели неодобрительно и даже несколько презрительно называли это «коллективным прозрением». Элементы общественной истерии (подобные тем, которые в наше сравнительно благополучное время породили ту же «Р-фобию») действительно были налицо.

Сильнее всего разоблачения ударили по Германии. С 1972 г. эта страна, уже в конце пятидесятых вступившая в полосу глубокого экономического спада, утратившая цивилизационный приоритет и испытавшая сильнейшее дипломатическое унижение в связи с отказом Советского Союза участвовать в оккупации Чехословакии и насильственном возобновлении Берлинского договора, перестает восприниматься как реальная политическая сила. Поток публикаций о преступлениях нацистской военщины навсегда сделал слово «фашист» ругательством.

(Заметим, что аналогичная волна, последовавшая за XX съездом коммунистической партии Советского Союза, не вызвала столь мощного резонанса. Связано это, несомненно, с

гуманизацией общественного сознания за время, прошедшее между 1944 и 1973 гг.)

1973 год заканчивается совместным заявлением СССР и Китая о создании Евразийского коммунистического союза (ЕАКС). Прогерманский Европейский союз (включал в себя Германию, Италию, Румынию, Финляндию, причем последняя была с 1975 г. ассоциированным членом ЕАКС) влачил жалкое существование до середины 1976 г., после чего окончательно развалился.

Попытки ряда американских политиков воспользоваться («кровавым хаосом в Европе») для решения в свою пользу векового конфликта были сорваны твердой позицией официального Лондона. Имея перед глазами негативный опыт Германии, США не рискнули поддержать силой свои притязания на «особую роль» в Атлантическом пакте [25].

Соревнование вернулось на привычные уже экономические и научно-технические рельсы.

В 1977 г. почти одновременно появляются два документа, официально декларирующие новые цели ЕАКС и Атлантического пакта. Человечеству предстояло выбирать между «обществом потребления» и «обществом познания». Между капитализмом как обществом мелких частных собственников, отношения между которыми регулируются «рынком» — гомеостатическим механизмом, связывающим сферы производства и потребления продукции, и коммунизмом как обществом свободных людей, работающих на общее благо в силу внутренней потребности.

Теория исторических последовательностей рассматривала выбор «коммунистического пути развития» как нечто само собой разумеющееся. (Заметим, что от этого взгляда не вполне свободны и авторы «Хроник...» — смотри, например, повесть «Стажеры».) В рамках концепции вероятностной истории этот выбор, скажем так, неочевиден.

Все эти более или менее громкие политические события (самым известным из которых стало оформление Союза Советских Коммунистических Республик) происходили на фоне продолжающихся неудачных попыток освоения Венеры. «Погиб Соколовский, вице-президент Международного конгресса космонавтов. Слепшим калекой вернулся в Нагоя бесстрашный Нисидзима. Пропал без вести лучший пилот Китая Ши Фэнь-ю» («Хроники...». Т. 1).

Этому времени принадлежит знаменитая фраза Н. Краюхина: «Фотонная ракета — покоренная Вселенная».

Роль Н. З. Краюхина в событиях конца восьмидесятых—начала девяностых годов настолько велика, что иногда даже проводятся аналогии (на мой взгляд, во всех отношениях безосновательные) между ним и Рудольфом Сикорски, известном на Саракше как Странник.

Краюхин сумел найти и отстоять правильные решения в двух критических случаях: 21 декабря 1989 г. на специальном совещании ГКМПС, созванном в связи с гибелью Ашота Петросяна и первого «Хиуса», и 5 марта 1991 г., когда обсуждался вопрос о задачах, которые надлежит поставить перед вторым «Хиусом».

В обоих случаях Краюхин был не просто в меньшинстве — в одиночестве. В обоих случаях он сумел настоять на своем. (Б. Такман, известный американский историк и публицист того времени, написала: «Судьбе было угодно, чтобы он обладал сильным характером, а его противники — нет». Краюхин, ортодоксальный русский коммунист XX столетия — нам еще предстоит осмыслить это понятие, — наверное, не верил в судьбу.)

Никто никогда не расскажет, почему после катастрофы первого корабля он решился — по тем же чертежам и спецификациям — строить новый, отклонив даже самую возможность реализации «десятилетней программы натурных исследований фотонного привода», предложенной Приваловым. Почему он решился — в первом же рейсе! — бросить «Хиус» именно на недостижимую Венеру, то есть дать кораблю и экипажу самое сложное из всех мыслимых заданий. (Так называемые «Воспоминания» Н. З. Краюхина [26] написаны, по-видимому, обширным авторским коллективом и представляют собой изложение официальной точки зрения ГКМПС на события семидесятых-девяностых годов.)

Во всяком случае, «Хиус» оказался в нужное время в нужном месте. Героическая, без всяких натяжек, разведка выявила силу характера советских людей. Великолепные летные

данные «Хиуса» продемонстрировали неоспоримое научно-техническое лидерство ССКР. Создание в 1993 г. города и центра добычи актинидов на берегах Урановой Голконды закрепили достигнутый успех.

Резонанс, прежде всего психологический, был огромен. В течение следующих пяти лет к Союзу присоединяются Югославия, нейтральная с 1972 г. Франция, наконец — Великобритания, старейший член Атлантического пакта.

Это время воспитания «поколения победителей», которых с детства учили тому, что неразрешимых задач не бывает. Время первой волны экспансии. Время, когда вне Земли стали рождаться дети.

1999 г. отражен в «Хрониках...» короткой повестью «Путь на Амальтею». Сама по себе повесть интересна лишь тем, что в ней рассказывается о молодости Ивана Жилина, фигуры, несомненно, загадочной и даже трагической.

3

Итак, к концу столетия коммунистический миропорядок («общество познания») практически сложился. Сделаем небольшую паузу и попытаемся осмыслить произошедшие события в рамках концепции «вероятностной истории».

Рассуждая о реалиях XX столетия, нужно всегда помнить, что многие привычные нам понятия имели в те годы совершенно другой смысл. И в наибольшей степени это относится к словам «коммунист», «коммунистический».

Режим, построенный в конце тридцатых годов в СССР, был, возможно, более жесток, нежели германский фашизм. Собственно, между этими структурами оказалось немало общего [27]. И для Германии, и для Советского Союза была характерна абсолютная централизация управления (принцип фюрерства, он же «демократический централизм» ранних коммунистов), плановая, государственная экономика (что в условиях глобальной нехватки ресурсов означало отнюдь не «научное», как принято считать, а просто силовое управление хозяйством), сегрегация населения по случайным и, как правило, ненаблюдаемым признакам (национальному, классовому...), блокада информации, доходящая до создания искусственных информационных структур [28].

Эти режимы убивали людей. Как правило — ни в чем не виновных даже с точки зрения извращенной морали режимов.

Поддержание «порядка» и «прогресса» обеспечивалось системой концентрационных лагерей, армией и тайной полицией, пронизывающей все ячейки общества.

Интересно, однако, что общий психологический настрой в Германии и в СССР по всем прямым и косвенным данным был довольно высоким. Это полностью подтвердилось в ходе войны между ними.

Заметим здесь, что наибольшее неприятие у современных землян вызывают именно те социальные структуры, которые более всего близки к советскому коммунизму тридцатых-сороковых годов XX века: Страна Отцов, Алайское Герцогство (ныне — Алайская империя), Норгорд. Видимо, это зеркало нам не льстит.

Люди, описанные в первом томе «Хроник...», в общем-то, ближе к Умнику из «Обитаемого Острова» и даже Гагу из «Парня из преисподней», чем к нашим современникам. Сомневаюсь, что нынешние земные гуманисты, одержимые «Р-фобией», заставили бы себя подать руку тому же Краюхину или Алексею Быкову. Собственно Соколовский, Краюхин, Ермаков, Быков, Жилин и были прогрессорами — прогрессорами, у которых не было за спиной ласковой теплой Земли, Учителя и процедуры рекондиционирования.

Авторы превосходно передают стиль человеческих отношений в XX веке. Неприятие хоть сколько-нибудь не соответствующих системе людей (Маша Юрковская, в какой-то степени и сам Владимир Сергеевич). Умение навязать другим свою волю, заставить выполнить распоряжение, смысл которого непонятен (Краюхин, Ермаков, Быков).

Жестокость. Авантюризм. Стойкость.

Может быть, нравственный подвиг этих людей заключался не в организации полета на Венеру или снабжении Амальтеи продовольствием в условиях «приближенных к боевым», а в том, что, будучи по условиям образования и воспитания, по реалиям своей жизни и особенностям личности предельно нетолерантными, они смогли — из чисто рассудочных соображений — построить и защитить систему взаимоотношений, основанных на терпимости.

Они создали довольно странный мир, и, может быть, причина неудач нашей прогрессорской деятельности, по крайней мере на Гиганде, лежит в том, что мы сегодняшние (или вчерашние — из XXII столетия) не сумели понять важнейшей особенности структуры раннего коммунизма, связанной с механизмом его создания, — как ответа на вызов Звезд.

Это был мир первопроходцев. По американской терминологии — фронта. Вероятно, только сочетание абсолютной свободы познания, экспансии, риска, характерных для психологии фронта, с социалистическим жестко централизованным, предельно несвободным управлением позволило пройти по «лезвию бритвы» и создать, скажем прямо, не имеющий аналогов феномен — галактическое коммунистическое человечество, столетиями поддерживающее индекс развития больше двух.

Еще в шестидесятые годы XX века И. Ефремовым был сформулирован закон неубывания социальной энтропии, определяемой через меру не реализованной на общественное или личное благо, но затраченной работы [29]. По сути, закон этот постулировал неубывание меры страдания человека в замкнутом социуме [30].

Но мир первого тома «Хроник...» был предельно незамкнут. Семантически, социально, энергетически. И начала социодинамики оказались к нему неприменимы.

Экспедиция «Хиуса» считалась удавшейся. В ней погибла треть экипажа, все остальные были ранены или больны. Десятки других экспедиций оканчивались гораздо хуже.

Развитие шло по Бисмарку: «железом и кровью». Ключевым в семантике познания было слово «риск».

Это приводило к весьма важным социальным результатам. В опытах с крысами, помещенными в исключительно благоприятную среду обитания, было доказано, что в любой популяции существует какой-то процент особей, *добровольно* стремящихся покинуть «Эдем». Биологи легко объяснили это эволюционным механизмом: при резком изменении среды «благополучная» часть популяции благополучно погибнет, изгои же дадут потомство. Социальным аналогом крыс-изгоев служат изредка встречающиеся люди, которым плохо в любой, самой что ни есть распрекрасной общественной системе. Их немного — 2-3% от численности населения, но активность их достаточно высока, чтобы привести к макроскопическим социальным эффектам. В условиях современного мира эти эффекты *могут быть* достаточно безобидными...

«Открытый мир» конца XX столетия давал этим людям возможность реализовать себя вне общества, но для общества. Космическая экспансия питалась их энергией, которая иначе осталась бы нереализованной, их кровью, их жизнями.

К 2011 г. («Стажеры») мир меняется, и меняются люди. Солнечная система освоена. «Хиус-Молния» ушел в Первую Звездную (2005 г., Владимир Ляхов [31]). Атлантический пакт распущен, в Белом доме второй срок находится президент-коммунист. Общая гуманизация отношений приводит к совершенно новой формуле: «отныне никакие открытия не могут быть оплачены человеческой жизнью».

Пока это скорее формула, нежели реальность. Мир все еще развивается через риск. Однако с разных концов системы все чаще раздаются тревожные «звоночки», сигнализирующие о неблагополучии. В результате принимается (как установлено Ричардсоном и Двайтом — на очень высоком уровне [32]) решение о «Спецрейсе № 17».

«Стажеры» — блистательная вещь, великолепно передающая реалии эпохи! Точность

воспроизведения деталей просто поразительна. Даже бар «Микки-Маус», который большинство читателей воспринимает как чисто антуражный элемент, реально существовал в Мирза-Чарле, по крайней мере до тридцатых годов. («Старина Джойс» состряпал на старости лет мемуары, которые микроскопическим тиражом вышли в Нью-Йорке в 2043 г. [33].) Материалы главы «Эйномия. Смерть-планетчики», основанные на апокрифической рукописи М. А. Крутикова [34], которую долгое время считали образцом псевдоисторической подделки, наполненной анахронизмами, недавно нашли себе весьма печальное подтверждение [35]. Впрочем, мне не хочется касаться здесь этой трагической истории.

«Стажеры», «Спецрейс № 17», 2011 г., интересны мне прежде всего, описаниями событий на Дионе.

Наступает пауза в экспансии. Звезды еще недосыгаемы, Система уже перестала быть фронтиром. Романтику подвига сменила повседневная *плановая* деятельность. «Дионе программу надо выполнять, а не гоняться за хитрыми разумом Мюллерами <...> нам здесь нужны молодые дисциплинированные ребята» («Стажеры»),

Организация жизни на Дионе типична для Вnezемелья первой четверти XXI века. Маленькая обсерватория, порядка 10 человек, план, четкая, монотонная работа. Система социодинамически замкнута: во-первых, регулярного пассажирского сообщения с Дионой не существует, во-вторых, специалисты по планетологии Сатурна, кроме Дионы, нигде толком не нужны, в-третьих, отзыв директора обсерватории однозначно определяет дальнейшую судьбу специалиста.

Иными словами, в структурах типа Дионы воспроизводятся общественные отношения, основанные на единоличной власти.

Человеческое страдание, накапливаясь в ограниченном объеме замкнутых, тяготеющих к пирамидальным, социальных системах, определяет поведение коллективного эгрегора. Когда этот эгрегор начинает «питаться» страданием (возбуждаются низшие, инфразвуковые частоты коллективного бессознательного), замыкается кольцо обратной связи и система быстро приходит в состояние, из которого без посторонней помощи выйти уже не может [36].

Для Генерального инспектора В. С. Юрковского Диона — одна из многих «остановок в пути», далеко не самая важная. Обсерватория выполняет план, находится на хорошем счету... да не будь у Юрковского на Дионе личных научных интересов, «Тахмасиб» вообще миновал бы эту планету.

Интересно описано взаимодействие информационных полей Дионы и «Тахмасиба». Генеральный инспектор, которому по должности положено искать во Вnezемелье всякую мерзость, не обнаруживает в деятельности Шершня ничего незаконного или неэтичного. Естественно: инфосфера Дионы носит шварцшильдовский характер [37], то есть описывается теми же уравнениями, что и классическая Черная дыра.

Разумеется, обитатели Обсерватории тоже не способны к конструктивному общению с Внешним миром. Единственная попытка завязать разговор (Крутиков-Базанов) кончается выводом, продиктованным эгрегором Дионы: «Базанова надо вернуть на Землю без права работать на вnezемных станциях» («Стажеры»),

«Победу добра» на Дионе не назовешь закономерной. Случайно попадает на «Тахмасиб» и затем на станцию Юра Бородин. Случайно он оказывается более восприимчивым к слезам девушки, чем к шварцшильдовскому информационному полю Обсерватории. И то, что — стараниями Жилина — Быков и Юрковский все-таки выслушивают восемнадцатилетнего стажера, — тоже не более чем случайность.

Вряд ли лицо у Юрковского было «старое и жалкое». Скорее — испуганное. Юрковский с опозданием понял цену кажущемуся благополучию на станциях Вnezемелья. И может быть, Диона заставила его в последние дни жизни многое переоценить или поставить под сомнение. Тот же Марс. Ту же Эйномию. Или Кольцо-1.

Сейчас мы знаем, что процессы аналогичного типа шли во всех вnezемных

поселениях [38].

«— Хорошо живут у тебя на базах, генеральный инспектор. Дружно живут».

«Как это оказалось просто — вернуть вас в первобытное состояние, поставить вас на четвереньки — три года, один честолюбивый маньяк и один провинциальный интриган» («Стажеры»),

А возвращались люди из этих бесчисленных социальных «Кара-Богаз-Голов» на землю, уродуя в меру сил и возможностей ее ноосферу.

История с Дионой имела продолжение.

Узнав о том, что Юрковский погиб, не успев встретиться с директором системы Сатурна Зайцевым, Шершень возвращает себе власть на станции. По-видимому, он не предполагал, что Генеральный инспектор станет обсуждать события на Дионе по радио.

Дальнейшее развитие событий не могло не привести к столкновению с человеческими жертвами.

Насколько удалось установить по сохранившимся материалам, погибли все без исключения сотрудники Обсерватории.

4

Жилин участвовал в расследовании. Он был одним из тех, кто высадился на внезапно замолчавшую Диону. Возможно, именно он, наплевав на «Закон о свободе информации», убедил Быкова не только уничтожить сделанные там видеозаписи, но и сжечь фотонным выхлопом саму станцию.

До конца своих дней Жилин пытался понять, откуда берутся люди, подобные Шершню. Теория исторических последовательностей не подсказала ему, что в определенных условиях (услужливо воспроизводящихся то на одной, то на другой дальней станции) «Шершнем» мог стать любой человек, в том числе и сам Жилин.

После 2011 г. фокус исторических событий вновь смещается из Внеземелья на Землю. Распад Атлантического пакта для многих миллионов американцев обозначил конец света. Вообще, диссипативные процессы благополучия в мир, как правило, не приносят...

Смена социальной структуры чревата тем, что определенный процент людей выбрасывается из общества. Они перестают быть нужны. Экономически развитое государство будет их содержать, даже обеспечит приемлемый «среднестатистический» уровень жизни, но это будет лишь благотворительностью.

Десятилетием-двумя раньше эти люди, или по крайней мере наиболее пассионарная их часть, могли влиться в очередную волну космической экспансии. Но ирония судьбы в том и заключалась, что распад капиталистической системы пришелся на период, когда Космос перестал быть фронтиром и Мир, в известной степени, снова стал замкнутым.

Полилась кровь.

Первая четверть XXI столетия — время путчей: «...Уголовники, озверелое от безделья офицерье, всякая сволочь из бывших разведок и контрразведок...» Время гангстерских войн: «города захватывались бандами хулиганов, музеи горели как свечи...». Время, когда появился и встал во весь рост призрак Окраины.

На этом не слишком благополучном фоне разворачивается действие «Хищных вещей века», четвертой повести «Хроник...» 2019 г. Испания.

В конце XX столетия рядом западных социологов была выдвинута концепция «постиндустриального общества» [39]: интересная попытка отыскать «третий путь» в вековом конфликте.

«Навязанное нам противоречие между "обществом познания" и "обществом потребления" существует только в воображении кабинетных теоретиков. В коммунистической Европе люди отнюдь не собираются умирать от голода ради космических рекордов. С другой стороны, тихий буржуазный Стрэнфорд строит третий ускоритель

заряженных частиц вовсе не с целью извлечь из вакуума очередную пригоршню долларов и не ради набора мифических "очков" в сомнительной гонке за открытиями, заменившей военное противостояние.

Все мы - по обе стороны Атлантики - граждане индустриального мира. Мы носим одну и ту же стереосинтетику, живем в похожих квартирах, приобретаем одинаковые телевизоры, ужасаемся и восхищаемся одним и тем же новостям. Прежде всего мы - люди, а уже потом — капиталисты, коммунисты, фашисты.

Мы должны наконец понять, что общество познания и есть общество потребления. Или, точнее говоря, общество познания создает общество потребления. Две трети изготавливаемого в мире мезовещества применяется сейчас в бытовой технике.

Мезопокрытие наносится на внутреннюю поверхность термосов, используется в кастрюлях-скороварках, при изготовлении кинескопов, проекционных цветомузыкальных систем, модной одежды, значков. Приходится согласиться с тем, что без фотонной ракеты и созданных ради нее технологий мира потребления были бы существенно беднее.

То, что верно для индустриального общества, вдвойне верно для постиндустриального, когда развитие науки и технологии окончательно снимет противоречие между потребностями и возможностями и важнейшей задачей познания станет изобретение все новых и новых потребностей» [40].

Ко времени действия «Хищных вещей века» постиндустриализм выродился в «философию неоптимизма», с одним из создателей которой — доктором Опиром — Жилин имел удовольствие беседовать («Хищные вещи века»).

Вечно нейтральная Испания продвинулась на пути создания общества потребления значительно дальше, чем постоянно озабоченные борьбой за лидерство Соединенные Штаты. После мятежа Зуна Паданы и принудительного разоружения уровень жизни в Испании (и раньше достаточно высокий) возрос в несколько раз. По сути, эта страна — первая и единственная — вступила в конце десятых годов в постиндустриальную стадию.

В этот период Испания устойчиво держит первое место в мире по развитию «индустрии развлечений» [41]. В повести описана лишь малая толика законных, полузаконных и совсем незаконных удовольствий, которые предоставляла отдыхающим курортная Барселона на рубеже десятых—двадцатых годов.

Жилин, скорее инстинктивно, воспринимает этот благополучный и мирный город как угрозу коммунистической Ойкумене. Угрозу эту он пытается найти в «рыбарях», «меценатах», наконец, в психоволновой технике. Дрожка, позднее слег — выдающееся достижение человечества на пути создания «альтернативной реальности».

Термин этот появляется в конце XX столетия в фантастическом романе Мела Гибсона. Описывается будущее, в котором удалось создать дешевые вычислительные системы с большим быстродействием. Появившись в «обществе потребления», такие системы совершили переворот не в науке или технике, а прежде всего в индустрии игр. ЭВМ становится важнейшим элементом досуга. Игры усложняются, информация о событиях передается уже не на телеэкран, а непосредственно в глаза, затем — прямо в зрительный центр. Постепенно добавляются запахи, тактильные ощущения... играющий оказывается полностью изолированным от реальности: он живет в искусственном «альтернативном», или «виртуальном», мире [42].

Легко понять, что слег собственно и представлял собой гибсоновский «генератор вторичной реальности», правда биохимический, а не электронный.

Жилин никогда не рассказывал, что именно он пережил под действием слега. Вообще описаний «погружения» удивительно мало, и все они производят впечатление выдуманных [43].

Строго говоря, слег не нарушал никаких законов. Скорее, он был полезен, предлагая изгоям новую «внутреннюю» эмиграцию. Все лучше, нежели путчи или окраинные войны.

Что-то очень испугало (или слишком обрадовало?) Ивана Жилина в его

индивидуальной «альтернативной реальности». Испугало настолько, что он сумел добиться полного прекращения всех исследований по волновым психотехникам. Как оказалось, навсегда.

Между 2019 и 2022 гг. человечество сделало выбор.

Экспансия вовне вместо внутренней экспансии.

Это был окончательный приговор «обществу потребления».

Принимаются долгосрочные программы ООН. Образовательная (она же «Австралийская») — 2021 г. «Конкретно я предлагаю программу воспитания человеческого мировоззрения в этой стране», — говорит Жилин. И Объединительная — 2022 г. Тремя годами позже ООН преобразовывается в Мировой совет, что можно считать подведением окончательных итогов векового конфликта.

За этими глобальными событиями почти незамеченной прошла оккупация Испании международными полицейскими силами (2023).

5

С уничтожением «Барселонского гнойника» существенных изменений к лучшему в мире не произошло. В последующие десятилетия росла статистика самоубийств и немотивированных преступлений, резко участились психические заболевания [44]. Географически указанные «негативные явления» тяготели к Америке, больше — к Южной, однако наблюдались они и в Москве. Во Внесемелье до опасных значений возросла текучесть кадров [45]. Все искусство того времени пронизано ощущением скрытого неблагополучия.

Две катастрофы в Пространстве («Ибис» — 2014 г., «Таймыр» — 2017 г.) существенно затормозили осуществление звездной программы. (Краюхин умер, а его преемники не обладали его убежденностью или фанатизмом.)

В 2028 г. была опубликована интересная статья молодого ленинградского психолога Н. Ильина, в которой впервые был поставлен вопрос о значении фактора риска в коммунистическом строительстве [46]. Работа прозрачно намекала на то, что оккупация Испании и разрушение ее постиндустриальной гедонистической культуры привели к созданию замкнутой моноцивилизации, об опасности которой предупреждал еще И. Ефремов [47]. Ставилась проблема «сужения пространства выбора» и вызванного этим упрощения внутреннего мира жителя коммунистической Ойкумены.

Статья Н. Ильина вызвала весьма негативную реакцию практически во всех кругах, имеющих хоть какое-то отношение к власти. Это, однако, не помешало автору стать членом Мирового совета и оставаться им рекордно долгий для XXI столетия срок [48].

Социальная «температура» продолжала увеличиваться. С середины двадцатых годов это стало проявляться в учащении локальных вооруженных столкновений на периферии цивилизованного мира (Кувейт, 2024 г., Афганистан, 2027 г., Иран, 2028 г., Таиланд, 2028 г., Нигерия, 2029 г. ...). В печати открыто заговорили о новом вековом конфликте — между Украиной и Ойкуменой.

В условиях разоружения пропасть между военными возможностями космической сверхцивилизации (по энергопотреблению Ойкумена уже превзошла «критерий Шкловского» [49]) и отсталых полуфеодальных государственных образований почти не ощущалась. Украина кипела войнами. Все чаще вооруженное насилие перехлестывало зыбкие границы, устанавливая в городах коммунистического мира кровавый хаос.

Для полноты картины именно в эти годы «загрязнение окружающей среды», о котором предупреждали еще в эпоху атомно-импульсных ракет, стало грозной реальностью. Рак, десятки форм иммунодефицитов, всевозможные аллергии... Более всего это походило на трагедию Надежды (см. пятый том «Хроник...»). Там нарастание кризиса заняло 65 лет, после чего вспыхнула пандемия, завершившаяся вмешательством Странников Теория исторических последовательностей, равно как и вероятностная модель, рассматривает такой

исход как допустимый [50].

Именно здесь таится, пожалуй, главная загадка земной истории. Авторы «Хроник...» слегка касаются ее в рассказе «Шесть спичек», в котором речь идет о Центральном институте мозга. Этот институт был создан в двадцатые годы (прежде всего в связи с эпидемическим характером распространения шизофрении в то время). В 2074 г. Институт ликвидируют, используя в качестве повода несчастный случай, описанный в рассказе. После этого года найти какие-либо упоминания о Комлеве, Лемане, Гордиевском не удастся, хотя вплоть до середины следующего века под разными фамилиями публикуются научные работы с их характерными семантическими спектрами [51]. Любопытно, что ни одна из этих статей не касается психодинамического поля мозга.

Попытки объяснить благополучный выход Земли из кризиса двадцатых годов наличием гипноизлучателей, установленных на Луне всемогущими Странниками «еще в мезозойскую эру», предпринимались издавна и, на мой взгляд, не представляют интереса. Мы достаточно давно занимаемся прогрессорской деятельностью, чтобы не чувствовать, по крайней мере интуитивно, «предел вмешательства». Опыт Саракша, Гиганды, Авроры показывает, сколь большой инертностью обладает всякая цивилизация. Так что своими достижениями мы все-таки обязаны себе...

Институт мозга работал с 2022 по 2074 г.

Сеть самодвижущихся дорог (решившая среди прочих и экологическую проблему) создавалась с 2034 по 2073 г.

Проект этот от начала и до конца курировали в Мировом совете Н. Ильин, от Международной безопасности — И. Жилин. Одним из научных консультантов строительства был Андрей Андреевич Комлев из Центрального института мозга. Никто из перечисленных лиц не оставил воспоминаний.

График, показывающий изменение «социальной температуры», находится в противофазе с графиком, характеризующим развитие сети самодвижущихся дорог, что, разумеется, ничего не доказывает.

Никакой «загадки Комлева», равно как и «Нейтринной акупунктуры», в природе не существует и никогда не существовало. Это может подтвердить любой, имеющий хотя бы минимальное представление о реальных работах по психодинамическому полю мозга, выполненных на Саракше.

И последнее: экипаж «Таймыра», вернувшийся на Землю через сто два года после старта, не испытал футурошока.

6

«Хроники...» лишь слегка касаются «периода реконструкции» (2052-2103). Странное, ни на что не похожее время! Когда в обществе лавинообразно пошли запрещенные классической социодинамикой процессы с уменьшением энтропии. Когда сеть самодвижущихся дорог связала в единую систему Ойкумену и Украину и само понятие Украины исчезло сначала из практической политики, а затем и из языка. Когда спокойно и ненавязчиво свершился переход от плановой к гомеостатической модели экономики [52], в результате чего призрак голода навсегда оставил Планету.

Постепенно были решены экологические проблемы. Снова начала расти средняя продолжительность жизни. Если первая половина XXI столетия наполнена ощущением приближающейся катастрофы, то искусство второй половины века пронизано, скорее, предчувствием рассвета.

Как будто тяжело больной, многие месяцы проведенный в постели человек встал, открыл окно, полной грудью вдохнул прозрачный ноябрьский воздух и понял, что он выздоровел.

Несмотря на теоретическое обоснование Д-принципа, человечество конца XXI века оставалось цивилизацией, существующей в рамках одной планетной системы.

Немногочисленные звездные экспедиции «периода реконструкции» использовали исключительно фотонный привод. В это время небольшой серией были построены исполинские релятивистские «прямоточники» типа «Луч». Удивительно красивые, невероятно дорогие и, как оказалось, совершенно бесполезные корабли. Солнечная система была для них мала, а межзвездные полеты отнимали годы и десятилетия.

В «Хрониках...» упоминаются три более или менее осмысленные попытки использовать прямоточники для исследования ближайших к Солнцу звездных систем (А. Быков, Л. Горбовский, В. Петров).

Это были мучительные полеты. Условия обитаемости и уровень риска на фотонных прямоточниках приблизительно соответствовали германским подводным лодкам Второй Мировой войны.

На «Муромце» в полете погибла половина команды, да и вернувшиеся прожили недолго. «Луч», головной корабль серии, исчез в Пространстве вместе с экипажем из восьми человек. (Очень не хочется верить в его гибель, тем более что история «Таймыра» приучила нас к чудесам. «Безумцам сопутствует удача...» Может быть, на одной из Внешних станций наблюдателям еще предстоит увидеть характерный гиперболический силуэт релятивистского прямоточника «Луч». Завтра. Или через сто лет. Или через пятьсот.)

От теоретического открытия Д-принципа до первого Д-звездолета прошло почти полвека. Проблемой была сверхсветовая навигация. (Это ведь просто счастливый случай — то, что Кондратьеву удалось пройти через «эфирные мосты» и вернуть «Таймыр» на Землю.) Среднеквадратичная ошибка при прыжке оценивалась в восьмидесятые годы в один с четвертью парсека. Это считалось приемлемым. На практике из беспилотных кораблей не удалось отыскать ни одного. Пилотируемые обычно возвращались. Делая по десятку прыжков, каждый из которых был игрой в рулетку со смертью.

Ситуация резко изменилась на рубеже веков, когда Л. Кохида из Барселоны опубликовал короткую, всего на пять страниц, работу, содержащую основы «обобщенной логики» [53]. Буквально через неделю молодой свердловский математик К. Тенин подробно рассмотрел «имеющий прикладное значение частный случай обобщенной логики, который мы назовем Д-логикой» [54]. А уже в следующем году штурманские факультеты школ Космогации перешли на преподавание Д-математики, а в производство была запущена первая крупная серия сигма-Д-кораблей. Период реконструкции закончился. Человечество вступило в новую фазу — галактическую.

Это выглядело как прорыв фронта. «В бой с мелкими гарнизонами не вступать, как можно быстрее двигаться вперед!» Лавина открытий. Почти мгновенный переход от вынужденной полувековой замкнутости к новой волне экспансии. Апофеозом стало создание в 2114 г. Группы свободного поиска.

ГСП подарило звезды *всем*. И «никто не ушел обиженным».

7

Историю XXII столетия я подразделяю на следующие этапы:

1. Экспансия — 2100-2134 гг.

Время расцвета. Осуществление глобальных проектов. Терроформирование Венеры. «Большая шахта». «Великий КРИ». «Великое кодирование». Контакты с Тагорой, Леонидой, рядом иных миров. Зарождение галактической дипломатии.

Реальная власть принадлежит Мировому совету.

Цивилизационный приоритет — в надежных руках КОМКОНа-1.

В «Хрониках...» это время названо «Полдень. XXII век». Как когда-то над викторианской Англией, над Галактической империей человечества не заходило Солнце.

2. Военная тревога — 2135-2142 гг.

Первый кризис столетия, по сути — первый серьезный кризис с легендарного уже времени войн с Окраиной.

Все началось с эксперимента «Зеркало». Несмотря на Закон и вполне сформировавшуюся традицию «открытого общества», все материалы по «Зеркалу» были засекречены.

«Зеркало» было кодовым названием маневров по отражению возможной инопланетной агрессии. В «Хрониках...» говорится о Странниках, но речь шла, разумеется, не об абсурдной идее борьбы со сверхцивилизацией. Предполагалось, что экономические и технические возможности условного противника соответствуют земным.

Материалы по стратегическому разворачиванию «Зеркала» закрыты до сих пор. Насколько мне удалось установить, маневры вскрыли полную небоеспособность Земли. Организационную, военную и прежде всего — психологическую. Из тех, кто прошел «полное погружение», только Евгений Славин с «Таймыра» и Камилл не покончили с собой. Камилл с Радуги.

Ответом Совета на катастрофический провал «Зеркала» было создание Комиссии по контролю — КОМКОНА-2. Вновь созданная организация не имела четко заданных полномочий и нормально функционирующей структуры, когда началась «история с подкидышами» (см. предисловие к пятому тому «Хроник...»). История эта и сама по себе довольно неприятная — поскольку мифические Странники внезапно обрели плоть и кровь: плоть и кровь тринадцати человек привела к серьезным проблемам в отношениях с Тагорой и к дипломатической изоляции коммунистической Земли. В довершение ко всем неприятностям Вадим Дубровин и Антон Саенко открывают в 2141 г. Саулу, цивилизация которой развивается в условиях постоянного макроскопического воздействия со стороны Странников.

Во всяком случае, работы КОМКОНу-2 хватило. Сейчас трудно понять, то ли витающее в облаках предчувствие Иных (как материализации стандартного социального страха) «сконструировало» КОМКОН, а следом за ним и Странников: по принципу чего боишься, то и случится, то ли реальный идиотизм галактической дипломатии создал организацию для обуздания самого себя. Во всяком случае, демоны обрели Имена.

3. Ремиссия — 2142-2155 гг.

«Военная тревога» вошла в историю как период безвластия и утраты строгих цивилизационных ориентиров. Тем не менее инерции, накопленной в предшествующие годы, оказалось достаточно, чтобы кризис был, по крайней мере внешне, преодолен.

В эпоху ремиссии складывается институт прогрессорства. Разумеется, тогда никто не знал этого слова. В Совете только-только начала разворачиваться дискуссия о принципах взаимоотношения Земли «с цивилизациями, находящимися на докоммунистических ветвях исторической последовательности» [55]. Еще действовал (едва ли не законодательно) «принцип абсолютного невмешательства».

Но люди Земли уже активно работали на феодальных и раннекапиталистических планетах. Самим фактом своего существования там они вносили возмущения в местную инфосферу и *модифицировали вероятности* исторических событий [56].

Что бы ни говорилось в правилах и наставлениях, человек Земли, столкнувшись с коллективным бессознательным отсталых миров, был обречен на прогрессорскую деятельность. Совету пришлось с этим согласиться, тем более что создание института прогрессорства позволяло решать вполне земные проблемы.

Прежде всего прогрессорство давало человечеству неоценимую (и, к сожалению, так толком и не использованную) информацию о себе самом.

Прогрессорство было формой реализации одного из главных комплексов человечества. Ласковая коммунистическая Земля несла каинову печать собственной кровавой истории. На чужие планеты прогрессоров-землян привел едва ли не закон кармы. Мы хотели помочь другим, прежде всего потому, что не сумели когда-то помочь себе.

Далее, прогрессорство сублимировало не востребовавшую на Земле энергию тех, для кого и ГСП казалась «слишком пресной». Статистические показатели социально-негативных явлений в период ремиссии падают, хотя и остаются на более высоких значениях, чем в эпоху экспансии.

Наконец, прогрессоры были бойцами. Они умели убивать врагов. Они могли защитить Землю.

4. Кризис. 2156-2162 гг.

Ремиссию я назвал бы временем мнимого благополучия. Никаких принципиальных изменений в структуру общества, в механизмы управления им внесено не было. Противоречия между галактическим бытием человечества и политическими институтами, созданными еще в эпоху фотонных ракет, продолжали нарастать. К середине века Мировой совет уже не функционировал в реальном времени: принимаемые им решения запаздывали почти всегда.

2156 год ознаменован двумя катастрофами.

Вышел из-под контроля очередной физический эксперимент на Радуге, планете нуль-физиков. Несколько сотен человек были вынуждены принимать решения перед лицом внезапной и неотвратимой смерти.

«Далекая Радуга» спокойно, даже чуть сухоовато, излагает подробности.

«Игры кончились, мальчики и девочки, перед вами жизнь, какой она бывает иногда, к счастью редко», — говорит Л. Горбовский школьникам-старшеклассникам, которые обречены спастись ценой жизни родителей, воспитателей, старших друзей («Хроники...». Т. 3).

Глобальная катастрофа была *отменена*, притом *неправдоподобно отменена*, в последний момент. В конечном итоге на Радуге погибло только 46 человек. Из них двадцать пять детей в аэробусе, попавшем под Волну. Еще восемнадцать человек с Радуги по разным причинам покончили с собой уже после событий [57].

Живущие на Радуге выдержали испытание.

Но человечество в целом не выдержало его. С конца пятидесятих годов в общественном сознании диагностируется «синдром Радуги».

Как и положено при структурных кризисах, неблагоприятные события в этот период стущаются. В том же 2156 г. резня в Арканарском королевстве ставит под сомнение концепцию прогрессорства и приводит к появлению в обществе «Р-фобии». Годом позже Максим Каммерер из ГСП разрушает систему излучателей в Стране Отцов и тем сдвигает политическое равновесие на Саракше. Ресурсы КОМКОНА-2 и Совета галактической безопасности, далеко не безграничные, почти целиком поглощаются в этот период Саракшем.

Параллельно идет операция «Ковчег» — первое (и последнее) глобальное вмешательство землян в дела других цивилизаций. Проект этот с первого и до последнего дня преследовали неудачи, вроде бы случайные. Довести проект до сравнительно благополучного конца удалось напряжением едва ли не всех сил и возможностей Земли.

В 2161 г. человечество вновь столкнулось с деятельностью Странников¹⁷. Контакт на Ковчеге — едва ли не самое многообещающее событие десятилетия, может быть последний шанс переломить тенденцию к отступлению, — кончается провалом.

Неустойчивое равновесие нарушается. В 2162 г. запрещен Свободный Поиск. (Формально под этим названием до 2195 г. функционировало одно из подразделений первого КОМКОНа, но ничего общего с ГСП первой половины века эта структура не имела.) Реальная власть на Земле и Периферии переходит к Совету галактической безопасности и КОМКОНу-2. Парадигма неограниченного познания заменяется требованиями безопасности. Теперь уже не Леонид Горбовский, а Рудольф Сикорски характеризует менталитет человечества.

17Последние корабли Свободного Поиска, настоящее издание, с. 153.

5. Безвременье. 2162-2177 гг.

По инерции еще продолжают исследования галактики. Но даже такие многообещающие события, как контакт с негуманоидной цивилизацией (голованы), открытие Гиганды, операция «Мертвый мир», воспринимаются Ойкуменой с равнодушной усталостью. На Надежде интересы Странников и Земли наконец формально сталкиваются. И мы уступаем, даже не попытавшись воспользоваться ситуацией, складывающейся достаточно благоприятно для того, чтобы, по крайней мере, прояснить позицию оппонента.

Заметим, что именно с операции «Мертвый мир» началось охлаждение отношений между человечеством и голованами. Не нужно быть специалистом в ксенопсихологии, чтобы понять: искусственно возвышенная раса разумных собак подсознательно нуждалась в цивилизации-хозяине. Человечество, отступив перед неведомым, потеряло в глазах голованов право на руководство. В результате изоляция Земли усугубилась...

6. Конец века. 2178-2199 гг.

Этот этап начинается смертью Льва Абалкина. Уходит в отставку Р. Сикорски и прекращается, по сути, всякая деятельность, направленная против Странников. Земля окончательно переходит к обороне. Вслед за «Р-фобией» начинают распространяться иные заболевания фобийного типа. Индекс развития, падающий с момента катастрофы на Радуге, стабилизируется на самом низком за последние четыреста лет уровне.

Трудно сказать, кто на этом этапе может считаться «характерным представителем человечества». Может быть, Майя Тойовна Глумова, уставшая и изверившаяся, потерявшая в этой жизни всех, кто был ей дорог.

8

Столетие, как известно, завершилось «Большим Откровением». Не будучи специалистом в делах люденов, я склонен свое мнение об этих событиях и их интерпретации оставить при себе.

При современных темпах развития не только «Большое Откровение», свершившееся полстолетия назад, но и «Дело Абалкина» воспринимаются скорее как явления политики, а не истории.

Литература на эти темы обширна, общеизвестна и, по-моему, малоинтересна [58, 59]. Как анализ технически проигранного шахматного эндшпиля.

9

Итак, вслед за авторами «Хроник...» мы с вами проследили последовательность событий, формировавших Реальность. Хотелось бы теперь осмыслить эту последовательность в рамках представлений об «историческом континууме».

С точки зрения вероятностной модели историческому знанию присуща изначальная неопределенность. Историк не является очевидцем описываемых им событий. Всякий раз мы имеем дело не с наблюдением, но с воссозданием прошлого.

Опыты с КРИ формально доказали, что информационное усиление приводит к неоднозначности исходной информации [60]. Иными словами, ни об одном событии в прошлом нельзя сказать, что оно с достоверностью произошло. Можно лишь заключить, что вероятность реализации данного события достаточно велика.

Тем самым событиям, соткавшим Реальность, и самой этой Реальности мы приписываем определенную вероятность реализации.

Аналогичным образом можно рассмотреть параллельные (или, если хотите, альтернативные) истории, в которых события с какого-то момента, называемого «точкой ветвления», пошли по-другому. Например, Рудольф Сикорски не убил Льва Абалкина. «Тахмасиб» прошел мимо Дионы. Комов сумел форсировать контакт на Ковчеге. Германия

проиграла Вторую Мировую войну. Совет не утвердил аннексию Барселоны. И так далее.

Совокупность всех возможных последовательностей событий и называется *историческим континуумом*. Интересно, что этот объект допускает довольно простое математическое описание, изоморфное (с точностью до обозначений) классической Д-алгебре Тенина [61].

Утверждение о принципиальной неоднозначности наших знаний о прошлом особых возражений не вызывает. Концепция вероятностной истории опирается, однако, на более сильную форму данной теоремы: мы утверждаем, что вероятностно не только историческое познание, но и историческое бытие.

Иными словами, Реальность является лишь представлением (калибровкой) континуума, той стороной действительности, которую мы в состоянии воспринимать. (Подобно тому как глаз видит лишь трехмерные сечения четырехмерных объектов, но не может зафиксировать сами эти объекты.)

Но если вероятностно прошлое, то вероятностно и настоящее, и окружающий нас мир не достоверен. Его реализация является лишь одной из возможностей.

В это царство относительности абсолютность привносит личный выбор. Всяким своим решением человек подтверждает существование данной Реальности, пребывание именно в этой фиксированной калибровке. Или — не подтверждает. Возможность «смены Отражения» обсуждается в современной науке вполне серьезно [62].

Мир, в котором мы живем, был *сконструирован* по определенным законам, важнейшими из которых были приоритет свободы, право на риск и неограниченность познания. Он существует лишь постольку, поскольку своей деятельностью мы утверждаем эти законы. И это заставляет меня назвать события, описанные в двух последних томах «Хроник...», катастрофическими.

Все, что имеет начало, имеет и свой конец, и цивилизация, Человечество не являются исключением. К сожалению, мы убедили себя в обратном. И начали создавать структуры и структурочки, имеющие одну-единственную цель — обеспечение безопасности. Вечность — ценой отказа от развития.

Но коммунистическая Ойкумена не адекватна миру с индексом развития, равным единице. Скорее уж это — «Страна дураков» постиндустриального неоптимизма.

Очень невесело думать, что с каждым днем, с каждым новым шагом назад мир, в котором я живу, становится менее достоверным.

2 июня 2255 г.

Гиганда, Внутреннее море, борт АБУ «Гепард».

ЛИТЕРАТУРА

1. Известия Лос-Анджелесского института новых технологий в образовании. 2253. № 8. С. 56.
2. Дьяконов И. Полное собрание сочинений: В 6 томах. 8-е изд. Свердловск, 2214.
3. Тартаковский М. Историософия, М., 1968.
4. Ларионова О. Снова «Она» и «Он» (Фактор биадности в истории). JL, 1971.
5. Фон Арним С. Торжество национального духа в теории и истории / Пер. с нем. Дрезден, 1959.
6. Acheson D. The American way: from curiosity to tradition. New York, 1970.
7. Воротников П. Марксистская астрология // Вопросы истории. 1970. № 3. С. 16. (Критическая статья на книгу Дьяконова И. «Пути истории»; ПСС, т. 2).
8. Переслегин С. За пределами теории исторических последовательностей // Изв. института экспериментальной истории, серия «С» (Гиганда—Саракш). 2253. № 2.
9. Осорина М. Кризис «середины жизни». JL, 1995.
10. Известия института экспериментальной истории, серия «С» (Гиганда—

Саракш). 2201. № 4, С. 164.

11. Известия института экспериментальной истории, серия «С» (Гиганда—Саракш). 2202. № 11. С. 173.

12. Доклад специальной комиссии Мирового совета по изучению последствий контактов с цивилизациями, находящимися на докоммунистических ветвях исторической последовательности. Т. 3. С. 426.

13. *Малеян Л.* Социальная психиатрия. Учебное пособие для тренинговых групп типа «Риск». Свердловск, 2172. С. 202.

14. Материалы комиссии по расследованию дела Р. Сикорски. Т.8. С, 356.

15. *Бромберг А.* Сборник статей «Коротко о главном». Дели, 2204.

16. Известия Мирового совета. 2181. Т. 5. С. 872.

17. Психологический журнал. 2196. № 12. С. 130.

18. Приложение к «Статистическому ежегоднику: Кризисы» (невключенные материалы: БВИ, файлы 325.232.794/5/ 62, 325.232.1487/3/62, 325.232.4112/3/62).

19. Известия Мирового совета. 2234. Т. 3. С. 56.

20. *Переслегин С.* Итория: метаязыковой и структурный подход. Томск, 2248.

21. *Шавров Б.* История конструкций самолетов Европейского союза. Берлин, 1958. Т. 1. С. 196.

22. *Шавров Б.* История конструкций космических кораблей Европейского союза. Т. 2. Москва, 1975.

23. Материалы психологической конференции «Пределы роста». Милан, 15-25 июля 1964 г. Тезисы. Милан, 1965 .

24. *Налимов В.* Все еще о диктатуре. Брюссель, 1997.

25. *Французов С.* Материалы по истории «Лондонского кризиса» 1975 г. Лондон, 2251 .

26. *Краюхин Н.* Воспоминания. М., 2024 .

27. История фашизма. Т. 4. Варшава, 1985.

28. *Силантьев А.* Теория информационных объектов. Т. 1. Рига, 1999.

29. *Ефремов И.* Час Быка. М., 1967.

30. *Силантьев А.* Теория информационных объектов. Т. 2. Рига, 1999.

31. «Хиус-Молния» — Первая Звездная. Сборник материалов к десятилетию полета. Свердловск, 2015.

32. *Ричардсон Н., Двайт К.* Механизмы принятия решения в раннекоммунистических социальных структурах. Барселона, 2196. С. 386.

33. *Джойс Д.* «А я беспечной веры полн...». Нью-Йорк, 2043.

34. Архивы ГКМПС. М., 2049. Вып. 164. С. 312 («Мемуар Крутикова»).

35. *Эриксон Г.* Ушедшие — незавершенный гештальт цивилизации. Стокгольм, 2254.

36. *Богданович В.* Информационное бессознательное. М., 2226.

37. *Люков А.* «Шварцшильдовские» решения уравнений информационного поля. Препринт докторской диссертации по неклассической математике. Новосибирск, 2166.

38. Доклад И. Жилина на 64-й ежегодной конференции ас- трогаторов. Пекин, 2015.

39. *Brzezinski Z.* Between two ages: post-industrial society. New York, 1999.

40. *Bell D.* The coming of post-industrial society. New York, 2008.

41. Материалы семинара по игровым технологиям: «Погружения, входы и выходы». Доклад Р. Баха «Индустрия развлечений в раннекоммунистическую эпоху». Л., 2247.

42. *Gibson M.* Neuromancer. New York, 1984.

43. *Орехова Ю.* По следам С. Грофа: инновации в медитации. Берген, 2024.

44. *Томпсон Д.* Семантика суицида. Т. 2. Вена, 2251.

45. Архивы ГКМПС. М., 2071. Вып. 211. С. 620 («Статистические таблицы»).

46. *Ильин Н.* От произвола к беспределу // Вопр. пси- хол. №7. 2028.
47. *Ефремов И.* Чаша отравы. М., 1975.
48. *Шилов С.* Мировой совет в XXI столетии. Свердловск, 2111. С. 733.
49. *Шкловский И.* Типология цивилизаций. Л., 1970. С. 12.
50. *Блоков И.* Цивилизация: экологические ограничения. Сравнительный опыт Земли и Надежды // Ежегодник «Окружающая среда». Пандора, 2192.
51. *Фоменко Ю.* Анализ семантических спектров научных работ в области психологии высшей нервной деятельности с 2050 по 2155 г. Препринт докторской диссертации по исторической статистике. Ванкувер, 2166.
52. *Лазарев М.* Механизмы саморегуляции в экономике: Земля, Тагора, Леонида. Радуга, 2156.
53. *Кохида Л.* Теория многих логик. Лондон, 2098.
54. *Тенин Д.* Принципы Д-логики. Свердловск, 2099.
55. Известия Мирового совета. 2143. Т. 2. С. 34.
56. *Переслегин С.* Исторические парадигмы и вероятностные корабли. Гиганда, 2251.
57. *Ермолаев А.* Нетрадиционные постпроявления стрессов при наличии фактора «Несвершившаяся катастрофа». Радуга, 2214.
58. Библиография «Дела Абалкина—Сикорски»: БВИ, директория 712.
59. Библиография «Большого Откровения»: БВИ, директория 883.
60. Результаты социологического исследования Интерната № 45 (Петергоф). Выпуск 6: Анализ результатов психолого-педагогического эксперимента по информационному обогащению учащихся и созданию искусственных информационных средств. Филиал Лос-Анджелесского института новых технологий в образовании. Ленинград, 2255.
61. *Исмаилов Р.* Пространственно-временной континуум как реализация исторического метаконтинуума в системе представлений XX столетия. Будапешт, 2254.
62. *Шох И.* Дилемма принца Датского на пороге виртуального прошлого. Литературно-психологическое исследование на базе ролевого тренинга «Сад камней». Париж, 2254.

МИРАЖИ ЗОЛОТОГО ВЕКА¹⁸

Второй том «Хроник...» включает в себя повесть «Хищные вещи века» и рассказы, часть из которых объединена общими героями и единым названием «Возвращение».

Действие «Хищных вещей века» происходит с 16 по 18 апреля 2019 года. «Возвращение» включает в себя два столетия истории: «Ночь на Марсе» датирована 1989 годом, «Свидание» — 2189-м.

Первая четверть XXI века давно привлекает внимание исследователей и романистов. (По-видимому, из соображений: чем столетие хуже для современника, тем оно лучше для историка.) Время было довольно хаотическое. Старые структуры «разобщенного мира» (в терминологии Ефремова) уже не функционировали. Новые только создавались и работали преимущественно на бумаге. Как всегда, противоречия внутри управляющих органов разрешались за счет управляемых масс, а реальная власть оказывалась в руках организаций, патологически не способных «воспользоваться ей сколько-нибудь разумно».

В это же время переходил в открытую и кровавую форму тлевший едва ли не со Второй Мировой войны конфликт между индустриальной Ойкуменой и замордованной индуктивными процессами, голодной, но вооруженной Окраиной.

Узел противоречий, завязывающийся внутри Окраинных стран, едва ли был понятен

¹⁸Вторая по последовательности текстов и четвертая по времени написания статья цикла, 1997 г.

политикам того времени — что с той, что с другой стороны полупрозрачной границы. С чисто формальной точки зрения речь шла о сосуществовании на Земле двух цивилизаций, находящихся на разных ступенях общественного развития и исповедующих разные ценности.

Во времена разборок между Берлинским и Атлантическим пактами участники конфликта пользовались Окраиной — как источником ресурсов, союзником (по принципу «враг моего врага — мой друг»), иногда — как полем боя. Во внутренние дела Окраинных государств цивилизованные «советники» почти не вмешивались, да и, наверное, не очень ими интересовались.

Длительное время поддерживался определенный «модус вивенди». Внутренний мир людей, образ жизни, структуры отношений (в том числе — отношений Власти) в Окраинных странах были и оставались феодальными — в лучшем случае. Однако вооружены эти бесконечные герцогства, эмираты, султанаты и царства были автоматическим оружием, танками, самолетами. И только Страх до некоторой степени удерживал их от использования оружия против тех, кто им его подарил.

Тем не менее ситуация, до тех пор пока она стабилизировалась Вековым конфликтом в Ойкумене, была достаточно устойчивой. Но после распада Атлантического блока Ойкумена стала единым целым и это «целое» противостояло Окраине уже потому, что исповедовало совсем другие ценности.

Помощь отсталым странам продолжалась. Теперь это была гуманитарная помощь, призванная «поднять» народы Окраины до европейского (коммунистического) уровня. Речь шла о прогрессорской деятельности в невероятных масштабах.

Само собой разумеется, это не была чья-то продуманная, осмысленная и последовательная «злая воля». Ойкумена не могла не индуцировать свою структуру в темный мир Окраины. То есть она угрожала Окраине не определенной политикой, а самим фактом своего существования.

Попытки помочь инстинктивно воспринимались правящими кругами Окраинных стран как помеха их благополучию, но вряд ли это было существенно. Плевать было человечеству Ойкумены на чувства удалого князька энского вилайета. Существенно, что попытки «накормить и обогреть» снимали Страх.

В первой четверти XXI века Окраина, впрочем, еще не выступает субъектом политического противостояния. Но влияние ее ощущается во всех цивилизованных странах: индукция, к сожалению, процесс взаимный, и «проникая в коварные замыслы врага, трудно не проникнуться его коварством»¹⁹.

«Хищные вещи века» интересны, пожалуй, попыткой дать современному читателю представление об атмосфере и движущих силах эпохи. Действие происходит «вдали от истории». Никаких глобальных событий (вернее, все они остаются за кадром: в прошлом, или в будущем, или на страницах газеты, которую читает Жилин). Ткань времени насыщена общением людей. Рисунок на этой ткани создается неразрешимым противоречием между космической и психо-волновой цивилизацией. Об этом противоречии, обозначившемся как отказ от информационных технологий (IT) в пользу энергетических (engine), мы говорили в предисловии к первому тому «Хроник...».

Обратите внимание, что это историческое, культурологическое, цивилизационное, наконец, противоречие обретает в «Хищных вещах века» вульгарно-уголовную форму. И решением проблемы заняты не вполне профессиональные сотрудники не вполне легальной разведывательной службы.

Так это примерно и выглядело. Мировые войны, маскирующиеся под уголовщину, и подпольное всемирное правительство, маскирующееся под разведывательное управление, действующее под «крышей» торгового представительства. Эпоха перемен.

«Хроники...» почти не касаются событий «предрассветных лет» (вторая четверть XXI

¹⁹Толкин Дж. Р. Р. Властелин Колец. СПб.: Азбука-классика, 2003.

века) и «периода реконструкции» (2052-2103). Несколько рассказов, примыкающих к «Возвращению», едва ли затрагивают болевые точки той эпохи. Во всяком случае, полеты релятивистских прямооточников к существенным и важным проблемам человечества тогда не относились.

Привычка упрощать прошлое породила ряд удобных (и, в общем, верных) клише: «век философии», «эпоха пара и электричества», «атомный век», «Д-время». XXI век устойчивого обозначения не получил (видимо, в связи со своим переходным характером), но, наверное, правильнее всего было бы назвать его «веком экономики».

Человек технологической цивилизации устроен так, что под «новым» он прежде всего понимает очередную техническую новинку. Инновации же иного плана либо не воспринимаются современниками никак, либо воспринимаются как нечто само собой разумеющееся.

Напишите исторический роман о XIX веке и вставьте туда фотонный планетолет. Все сразу же заметят анахронизм, и вам придется назвать свою книгу фантастикой, чтобы ее не квалифицировали как вранье. Но если вы, тщательно проработав технические детали, спокойно срисуете характер Бенджамина Дизраэли с Леонида Горбовского — это легко сойдет вам с рук. Хотя не надо даже особенно вдумываться, чтобы понять абсолютную невозможность Леонида Андреевича в викторианской Англии. Он там гораздо более невозможен, нежели упомянутый фотонный планетолет! Аналогично подкинуть — в качестве прогрессорской помощи — на какую-нибудь Саулу паровую машину — затея, конечно, вполне идиотская, но выполнимая. И машина будет там работать, и через какое-то время будет создано какое-то подобие индустрии. Да и было создано — как раз на Сауле — попушением Божьим и Странников. А вот заставить финансовую систему Саулы перейти со звонкой монеты на банковские ассигнации не получится! Что удастся достигнуть при таком эксперименте — так это полного развала денежного обращения и возврата к натуральному обмену: три сюртука равны одному топору...

XXI столетие было временем великих нетехнологических революций. В психофизиологии (о чем вскользь упоминают «Хроники...» в рассказе «Шесть спичек») и в экономике.

Неисторику трудно представить себе, что единственным механизмом экономической регуляции, который знало человечество вплоть до середины XXI века, был рынок. Рынок уравнивал производство и потребление, определяя взаимную стоимость произведенных товаров.

Делал он это плохо, вследствие чего коэффициент полезного действия экономики не превышал 30-ти процентов, а скорость экономического развития составляла единицы процентов в год, лишь в эпохи технологических переломов приближаясь к десяткам процентов.

Рынок был сравнительно простой автоколебательной системой, описывался тривиальными уравнениями Вольтерра—Лотки, определяющими динамику численности в системе «хищник-жертва». Подобно любой автоколебательной системе он время от времени приходил в сингулярное состояние, называемое экономическим кризисом. С неизбежностью маятника кризис этот приводил к последующему процветанию, что, возможно, не было достаточным утешением для тех, кто, оставшись без гроша, покончил с собой или умер от голода.

Естественное желание демпфировать эти колебания приводило к созданию все более и более «зарегулированной» экономики. В конце концов под флагом идей социализма и коммунизма был взращен альтернативный механизм под названием «плановая экономика».

«Плановики» пытались достичь баланса между производством и потреблением формально — директивными методами. Кажется, тогда это называлось «вмешательством разума в организацию человеческих отношений»²⁰. Математически задача была разрешима и сводилась к преобразованию системы линейных алгебраических уравнений большой

размерности. Практически возможности вычислительной техники (хотя бы и нашей современной) не соответствуют потребностям задачи на несколько порядков. Кроме того, существует проблема неточностей во входных данных, проблема запаздывания сбора информации, инновационная проблема, трансляционная проблема и т.д.

Ни о чем подобном «плановики» не подозревали. В результате их эксперимент по созданию экономического чуда закончился в Советском Союзе середины XX века полной катастрофой, по сравнению с которой любой циклический «рыночный» кризис показался бы процветанием.

Создание термоядерных источников энергии и экономическое освоение Внеземелья сняло остроту проблемы, но не суть противоречия. Рынок, основанный на логике частной собственности, бездушный и безжалостный, не был дорогой к коммунизму. «Плановая» социалистическая экономика была путем в никуда. Настоятельно требовалось чудо.

Чудом было открытие ленинградским теоретиком Ильей Пригожиным в конце XX века целого класса сложных гомеостатических экономических механизмов. Оказалось, что пресловутый «рынок» был первым и простейшим объектом бесконечной (теорема Лелика-младшего, 2014 г.) последовательности автоматических регуляторов.

Чудом было то, что зародыш новой «автокаталитической» экономики удалось создать вовремя. Ситуация к середине XXI века вышла из-под контроля. Экономика Ойкумены держалась лишь за счет предельно интенсивной эксплуатации Солнечной системы. Но возможности повышать норму этой эксплуатации были исчерпаны. Война с Украиной, генетическое вырождение, экология, грандиозный и спасительный проект сети самодвижущихся дорог — все это требовало ресурсов, которых не было. Мировой совет обсуждал проблему полного прекращения всех НИОКР — за отсутствием средств — и остановки (выражались туманнее: приостановки) «австралийской» педагогической программы.

Автокаталитическая экономика вела себя в полном соответствии с общей теорией систем. Первые двадцать лет ее существование в недрах обычной — полугосударственной/полурыночной системы — не ощущалось вовсе или ощущалось как нечто отрицательное. Следующие двадцать лет планета вошла в состояние неустойчивого равновесия: вклад автокаталитических механизмов позволял лишь компенсировать ускоряющееся сползание экономики к пропасти.

А потом «эпоха реконструкции» кончилась и экономические проблемы просто исчезли из числа вопросов, беспокоящих людей Земли.

* * *

«Возвращение» — парадный портрет XXII века — эпохи, которую и поныне многие считают лучшим временем в истории человечества. Трудные, безнадежные, вечные, старые как мир проблемы неожиданно оказались решенными. Мировое единство. Полное — без всякой Украины. Экономическое изобилие. Абсолютная открытость Д-цивилизации. И еще не скоро придет пора расплачиваться за обретенные возможности.

«Золотой век» никогда не бывает в настоящем. Он — или в легендарных «кronовых временах» или в неизбежно «светлом будущем». Это нормально, потому что по самой **семантике развития** эпоха всеобщего счастья не может — не должна! — наступить.

Конечно, XXII век не был исключением (даже если забыть о тяжелых и мрачных событиях второй его половины). Но, повторяю, А. и Б. Стругацкие писали парадный портрет эпохи. И поэтому мир «Полдня...» выглядит абсолютно счастливым, в меру помпезным и чуточку безжизненным.

Впрочем, у Кондратьева и Славина и должен был возникнуть мираж золотого века. Оба они родились в конце XX века, и юность их совпала с распадом Атлантического пакта. Они работали в Дальнем Космосе и на внеземных станциях, и проблемы «смутного времени» почти не задевали их, но всегда были в памяти. Путчи, убийства и самоубийства,

наркотики, болезни, коллективное бессознательное с садо-мазохистским уклоном... Катастрофа «Таймыра» швырнула их в мир, где ничего этого не было. (По крайней мере, если специально, долго и старательно не искать.) Они увидели «свои» проблемы решенными, а специфические болевые точки нового времени они не могли воспринять. Могли узнавать, изучать, могли писать о них книги, как это и делал Славин, но не были в состоянии их почувствовать, осознать частью своей личности. В общем-то, довольно очевидно, что человеку, видевшему Окраинные войны, трудно понять причину психоспазма у незадачливого прогрессора и уж совсем невозможно представить себе, что этот психоспазм может явиться глобальной социальной проблемой, обсуждаемой в Мировом совете и около.

И уже на котором круге Хаос поймал человека в лапки «неопределенности», в которых малое возмущение может привести к глобальным последствиям. И с этим надо было научиться считаться.

ДЕТЕКТИВ ПО-АРКАНАРСКИ

Третий том «Хроник...» охватывает пятнадцатилетний промежуток между открытием Саулы (2141) и катастрофой на Радуге (2156). Середина столетия — время, когда начали завязываться узлы событий, отношений и судеб, которые в семидесятые—девяностые годы привели к «смене вех» в земной истории.

Создание в 2114 г. Группы свободного поиска (ГСП) стимулировало производство легких звездолетов среднего радиуса действия. С 2025 по 2048 г. были запущены три крупные серии космических кораблей с массой покоя от 12 («Турист») до 35 («Искра») тонн и развернулось массовое любительское освоение Галактики.

Процедура была упрощена донельзя. Лишь один из членов экипажа корабля должен был иметь пилотские права. От остальных — пассажиров — не требовалось даже совершеннолетия. Рейс регистрировался в региональном управлении ГСП. Теоретически, это делалось для того, чтобы в случае серьезного ЧП организовать поиски. Практически затея искать десятиметровый звездолет, исчезнувший где-то между Землей и Бетельгейзе и не подающий сигналов бедствия, не выглядит здоровой, так что, разумеется, никто и никогда за это не брался. Регистрация существовала, скорее, как пережиток некогда существовавшей громоздкой социалистической системы тотального контроля. Смысла даже с точки зрения бюрократии в ней не было никакого: никто не мог помешать (и не мешал) пилоту уже после регистрации изменить утвержденный состав экипажа или объявленную цель полета.

Большинство людей, уходящих в Свободный Поиск, имели о Галактике смутное представление и цель выбирали случайно. Научная и практическая ценность рейса обычно была строго равна нулю. Никого это не волновало: Земля тогда считала себя богатой, легкие эмбриомеханические звездолеты, равно как и потребляемая ими энергия, почти ничего не стоили, а в «сухом остатке» значились удовольствие от полета да опыт, пусть крайне медленно, но все-таки приобретаемый экипажами.

К тому же индивидуальные «среднерейсовики» заметно повышали связность формирующегося космического сообщества Земля—Периферия.

История повторялась. Если когда-то универсальные крейсера создали Британскую империю, то теперь «Туристы» и «Призраки» конструировали Империю галактическую.

По различным оценкам от половины до семидесяти процентов межзвездных перелетов приходилось во второй четверти XXII столетия на долю ГСП. Не приходится удивляться тому, что именно «туристы-поисковики» впервые столкнулись с вземными цивилизациями, находящимися на ранних ветвях исторической последовательности.

Две повести — «Попытка к бегству» и «Трудно быть богом» — посвящены проблеме контакта землян с феодальным миром.

«Базисная модель феодализма» И. Дьяконова связывает наступление Средневековья с

совершенствованием оружия в крупных государствах Древнего мира. Когда один господин получил возможность контролировать любые массы рабов, экономическая потребность в свободных земледельцах-производителях отпала. Но разорение этого слоя подрывало основу существования армии: непобедимые римские легионы комплектовались именно из свободных крестьян.

Тем самым неизбежной становилась «варваризация» армии, а вслед за ней — всего государственного аппарата Империи. Постепенно государственный организм терял способность к эффективным «иммунным реакциям».

Итогом медленной и мучительной дегенерации всегда оказывалось взрывное разрушение социальной ткани и наступление долгих Темных веков.

Для классического феодализма характерен распад мира на малые самообеспечивающиеся структуры — *номы*, или *домены*, и резкое падение транспортной (равно как и информационной) связности между этими доменами. Границы обжитого мира сжимались практически до пределов видимости. Непосредственно за околицей начинались другие вселенные: чужие и чуждые, населенные чудовищами и демонами.

Океан абсолютного хаоса окружал феодал, и это не могло не привести к столь же абсолютному господству порядка, традиции, внутри огороженного пространства. Будах не напрасно говорит о «кристалле, вышедшем из рук небесного ювелира». Строгая социальная пирамида, в основе которой масса совершенно бесправного закрепощенного населения. (И. Дьяконов первым заметил, что при феодализме исчезают не рабы, исчезают свободные.) Лестница вассалитета. Странное равноправие в «тонком мире»: три силы — «сражающиеся», «трудящиеся» и «молящиеся» — **вместе** охраняют целостность мироздания.

Отсюда колоссальное значение религии или иногда ее заменителя — идеологии — в жизни средневекового общества: именно она ткала из нитей людских судеб прочнейшую социальную ткань. Религия породила обслуживающую ее науку и особенный, почти забытый с тех времен способ мышления. Пожалуй, лишь современная математика достигла в своих построениях той степени абстрактности, которая соответствует уровню обыденных рассуждений заурядного средневекового теолога.

Феодалы воевали между собой, выковывая в этих бесчеловечных и бессмысленных схватках, неизменно и безрезультатно повторяющихся столетиями, *тенденцию к объединению*.

Позднее Средневековье — время Империй.

Империи подразумевали города, то есть ремесло и торговлю. Рост информационного обмена породил первые сомнения в «продиктованной свыше» картине мира. Тогда Церковь развернула борьбу с инакомыслием, и по всей Ойкумене запылали костры. Средневековье, порожденное катастрофой Великого переселения народов, заканчивалось трагедией столетия пыток и казней, словно в насмешку названного «веком Возрождения».

Ситуация «Попытки к бегству» характерна для эпохи любительского прогрессорства. Всякий Контакт есть, прежде всего, *непонимание*. Но открыватели и не пытались *понять*. Их действия были скорее инстинктивными — воспользоваться техническими возможностями Земли и спасти, согреть, накормить, воспитать... всех, особенно же — угнетенных и обездоленных. Безумцам способствует удача, потому данный социальный эксперимент не закончился так, как должен был.

Инцидент на Сауле обсуждался в Мировом совете, обоих КОМКОНах и даже в СГБ. Единственным результатом этого обсуждения была активизация работы прозябающего уже с полсотни лет Института экспериментальной истории. В следующее десятилетие эта организация становится одной из самых влиятельных на Земле и в Периферии.

Некоторые исследователи рассматривают рост влияния крупных институтов, таких как ИЭИ или Институт физики пространства, как своеобразный пример обратного влияния изучаемых нами феодальных цивилизаций на Землю. В самом деле, трудно не провести

аналогии между подобными структурами и внесударственными образованиями типа Святого ордена в Арканаре или Радужного Совета, обосновавшегося на обледенелом приполярном материке Саулы.

В середине столетия основным полем деятельности Института экспериментальной истории стала открытая в 2134 г. цивилизация третьей планеты звезды ЕН-2097. Общий статус цивилизации был определен как позднефеодальный. Эсторская империя, давно развалившаяся на практически независимые королевства и герцогства, уже вступила в стадию Возрождения.

Именно ЕН-2097 была первым полем столкновения людей коммунистической Земли с «нормальным средневековым зверством». Именно для этой планеты создавалась базисная теория феодализма и формулировалась «проблема бескровного вмешательства». Там впервые появились прогрессоры.

И именно события в Арканарском королевстве Эсторской империи ЕН-2097 привели к серьезному кризису всей земной галактической политики и возникновению «боязни прогрессорства», или «Р-фобии».

«Трудно быть богом» — рассказ о предыстории Арканарской резни.

«В общем-то, никто не знает, что было потом. Передатчик он оставил дома, и когда дом загорелся, на патрульном дирижабле поняли, что дело плохо, и сразу пошли в Арканар. На всякий случай сбросили на город шашки с усыпляющим газом. Дом уже догорал. Сначала растерялись, не знали, где его искать, но потом увидели... видно было, где он шел».

Арканарские события 2156 г. подробнейшим образом исследовались историками, психологами, врачами. Кажется, что неясных моментов в этой трагедии давно уже не осталось. Я, однако, придерживаюсь иного мнения.

«Одна арбалетная стрела пробила ей горло, другая торчала из груди».

Это сломало Румату, как сломало бы любого землянина на его месте. И практически весь арканарский истеблишмент вместе с региональной верхушкой Ордена жизнью заплатил за подлое и бессмысленное убийство.

Подлое — да.

Но вот бессмысленное ли?

Для совершения убийства нужна возможность и нужен мотив.

Киру убили арбалетными стрелами, пущенными снизу под очень острым углом. Была ночь, улица слабо освещалась светом факелов, комната была затемнена. Для того чтобы попасть в таких условиях по мелькнувшему силуэту, арбалетчик должен быть мастером своего дела.

Но это начисто опровергает версию с похищением и, видимо, оправдывает дону Рэбу. Прежде всего, у Рэбы, только что захватившего и весьма непрочно удерживающего власть, были в тот день сотни дел. Румата, с его «золотом дьявольской чистоты», в эту сотню дел, разумеется, попадал. Но разговор с Руматой уже состоялся, определенный модус вивенди был выработан. По крайней мере — на ближайшие дни. Так что Рэба имел все основания выкинуть благородного дона из головы.

Далее, Кира не была женой Руматы. У Рэбы не было никаких оснований полагать, что она вообще что-то значит для Руматы. (Вспомним, что по легенде у Руматы были десятки любовниц, в том числе и из знати.) Для человека, очень хорошо знающего Румату, Кира была идеальной заложницей. Для любого представителя арканарской дворянской знати — никем.

Наконец, когда человека берут в заложники, прилагают усилия к тому, чтобы ни в коем случае его не убить. В данном же случае добивались и добились прямо противоположного.

Румата ненавидел Рэбу. И связать смерть возлюбленной с заместником Святого ордена было для него естественно. Да и вряд ли он в этот момент что-то просчитывал или анализировал... Но тот, кто на самом деле задумал это страшную провокацию, он-то просчитал все очень хорошо. И учел все факторы.

Итак, Рэба имел возможность: уж два-три классных стрелка в бывшем министерстве

охраны короля нашлось бы. Но он не имел мотива — ни для похищения, ни тем более для убийства.

Семья Киры — отец и брат — надо думать, имели мотив. Хуже было с возможностью. Особенно после прихода Святого ордена. Да и дон Румата как противник был для них великоват.

Но был еще один человек.

Великолепно знавший Румату. Абсолютно уверенный в своей правоте. Безжалостный. Прошедший в своей жизни через многие смерти и предательства. Собственно, остатков порядочности у него хватило на то, чтобы все-таки предупредить: «В нашем деле не может быть друзей наполовину. Друг наполовину — это всегда наполовину враг».

Арата имел возможность: арбалетчиков-виртуозов в его распоряжении было предостаточно. Арата имел мотив. Очень веский мотив. И в конце концов он добился своего, устранив руками землян дону Рэбу и создав условия для того, что, собственно, и стало Арканарской резней. И когда арканарский люд действительно полез с топорами из всех щелей, нашлось кому его возглавить...

Все очень просто. Обычный форсирующий прием. Человеку, который собирался «выжечь золоченую сволочь» до 20-го колена, вряд ли придет в голову жалеть наложницу благородного дона.

Румате такая возможность просто не могла прийти в голову. С точки зрения «базисной теории феодализма» Арата был союзником коммунаров Земли. Априорным союзником. Румата дрался бы за него, как за землянина. И, наверное, считал, что Арату это к чему-то обязывает.

Базисная теория была хороша. Но, как и всякая модель, она содержала лишь часть истины. Нет ничего проще, нежели управлять людьми, которые оценивают Реальность с точки зрения соответствия модели.

Сто пятьдесят шестому году было суждено сыграть роль определенного водораздела. Катастрофой на Арканаре закончился этап любительского и полупрофессионального прогрессорства. Катастрофой на Радуге закончился период интенсивного развития науки (вертикального прогресса).

Радуга была довольно интересным, хотя, в сущности, и не новым экспериментом по созданию интеллектуально обогащенной среды. В XX столетии в ССКР строились города физиков: Дубна, Серпухов, Новосибирск. В XXII специалисты Института физики пространства создали целую планету нуль-физиков.

Результаты превзошли ожидания.

Меньше чем за десять лет были созданы промышленные Нуль-Т-установки и тем сняты ограничения, налагаемые «транспортной теоремой» на галактическое развитие человечества. Но одновременно была поставлена под сомнение сама **желательность** такого развития.

Подобно легендарному «Титанику» Далекая Радуга стала символом техногенной катастрофы и ее эмблемой. Именно после событий на Радуге земное коммунарское сообщество впервые осознало, что и оно смертно.

ПОСЛЕДНИЕ КОРАБЛИ СВОБОДНОГО ПОИСКА

События, описанные в четвертом томе «Хроник...», происходят в период со 2157 по 2161 г. — почти сразу после катастрофы на Радуге. По прошествии ста лет нетрудно охарактеризовать их как начало второго системного кризиса земной коммунистической цивилизации. Тогда, разумеется, они и воспринимались менее серьезно.

«Обитаемый остров» многие рассматривают как «литературное приложение» к истории «подкидышей» и Большого откровения. «Растянутый рассказ о молодости Максима

Каммерера и Рудольфа Сикорски», «содержит необоснованную романтизацию прогрессорской деятельности», «этически небезупречен», «очередная спекуляция вокруг проблемы Саракша» — примерно так выглядят отзывы официальной критики на один из самых читаемых исторических романов.

Для меня «Остров» — прежде всего книга о Саракше, необычном мире, история которого оказалась странным образом слита с нашей собственной историей.

Напомню последовательность событий.

Планета Саракш была открыта в 2148 г. экспедицией Бадера. Выяснив, что она населена гуманоидами на стадии ярко выраженной машинной цивилизации, Бадер счел за благо немедленно уйти в подпространство и сообщить о случившемся в Совет галактической безопасности. Заметим, что КОМКОН-1 никто так и не информировал и, как следствие, система Саракша не была «закрыта» для ГСП.

Дальнейшие исследования проводились в 2149—2150 гг. М. Сидоровым и Р. Сикорски. Выяснилось, что жители Саракша не просто являются гуманоидами — они генетически неразличимы с людьми. Технический уровень цивилизации соответствовал Земле сороковых-пятидесятых годов XX века — то есть времени перехода на коммунистическую ветвь исторической последовательности. Наблюдающиеся отклонения от «контрольных показателей»: ускоренное развитие исследований психодинамических полей мозга и вычислительной техники при чрезвычайно медленном прогрессе в авиации — укладывались в рамки «стандартного разброса параметров».

Не укладывалось другое. Саракш представлял собой пример цивилизации, пережившей ядерную войну.

Теория исторических последовательностей считала вероятность такой войны исчезающе малой (из общесистемных соображений). Комконовцы, обязанные по долгу службы рассматривать все мыслимые варианты, придерживались более мрачных взглядов. Анализируя сценарии развития политических кризисов «карибского типа», они пришли к выводу, что ядерный конфликт вполне возможен и что вне зависимости от начальных условий он приводит к уничтожению основных организующих структур данной цивилизации (теорема Кроссера-младшего).

Итак, Саракш опровергал фундаментальные положения социодинамики, что было достаточным основанием для создания на нем постоянно действующей резидентуры Совета галактической безопасности.

Заметим, что главную особенность цивилизации Саракша группа М. Сидорова просмотрела. После этого наконец было признано, что «соображения секретности» не могут служить аргументом против включения в исследовательский коллектив профессиональных специалистов по контакту.

В свое время активно обсуждался вопрос об особенностях развития «объективно изолированной цивилизации». Рассматривался, в частности, гипотетический случай появления разума в звездной системе, находящейся во внегалактическом пространстве. При характерных расстояниях порядка миллиона парсек ни о каком развитии космонавтики не может идти и речи: цивилизация изначально обречена на одиночество.

Саракш, находящийся в окружении десятков звездных систем, оказался предельным случаем изолированной цивилизации! Высокая рефракция привела обитателей планеты к космогонии, согласно которой они живут на внутренней поверхности гигантской сферы. Вселенная сжимается до размеров планеты: собственно «Саракш» на местном языке и обозначает *Universum*.

По мере развития агентурной работы стали выявляться и другие особенности цивилизации Саракша, прежде всего, наличие гипноизлучения. Замечу, что отсутствие у генетически эквивалентных местным жителям землян какой-либо реакции на излучение было почему-то принято всеми как должное. Впрочем, в предисловии к первому тому «Хроник...» я уже говорил, что худшим человеческим грехом является нелюбопытство.

Р. Сикорски, работающий на Саракше с 2152 г., первоначально считал

гипноизлучатели изделиями Странников. В дальнейшем эта гипотеза, как обычно, не подтвердилась.

В 2157 г. на Саракш попадает сотрудник ГСП Максим Каммерер. Следует подчеркнуть, что двадцатилетний Максим не имел абсолютно никакой подготовки в области прогрессорской или хотя бы контактерской деятельности. Его «работа» на Саракше привела к уничтожению Центра системы гипноизлучателей. Последствия, о которых донныне с удовольствием пишут в антипрогрессорских книжках, действительно были очень тяжелыми. Правда, авторы почему-то забывают добавить, что кризис удалось преодолеть в основном усилиями прогрессора Максима Каммерера.

...Он, конечно, не был прогрессором в сто пятьдесят седьмом: лишенный надежды вернуться домой, измученный увиденным и очень испуганный человек. Он просто пытался жить в соответствии со своими — Земными — представлениями о добре и зле.

«Каммерер, пример того, как человек, воспитанный по коммунистической методике, становится бандитом и убийцей». «Как помнят Каммерера на Саракше? Только как пособия Сикорски». Это — из очередной (2254) дискуссии о прогрессорах и прогрессорстве.

Что можно на это возразить? Только то, что Мак Сима, ставшего любимым героем фольклора Страны Отцов, на Саракше очень неплохо помнят.

История с Каммерером оказалась серьезным аргументом против самого существования Группы свободного поиска. Четырьмя годами позже ГСП был нанесен последний удар.

В ходе развертывания операции «Ковчег» (кстати, прогрессорской по своему содержанию, о чем наши гуманисты стараются не вспоминать) были обнаружены обломки земного разведывательного корабля. Выяснилось, что это «Пилигрим», исчезнувший в 2147 г. Сохранившиеся в архивах и перекочевавшие оттуда в «Хроники...» ссылки на 2134 г. однозначно характеризуют уровень состояния документации в ГСП.

До сих пор не могу спокойно вспоминать эту историю. «С точки зрения Странников, одиночный корабль может быть только разведывательным зондом». С моей точки зрения, сторожевой спутник был поставлен хладнокровными и безжалостными убийцами. Причем убийцами безоружных: против сколько-нибудь защищенного корабля энергетический разряд, погубивший «Пилигрим», был бы бессилён.

Двое землян погибли мучительной смертью. Третий — годовалый ребенок — был спасен цивилизацией Ковчега. Цивилизацией, о которой мы так и не смогли ничего узнать.

В повести «Малыш» сталкивается разная правота. Правота Комова, адепта теории «вертикального прогрессора». Комов никогда не выступал со скандальными заявлениями, но иногда мне кажется, что для него и Ламондуа был оппортунистичен. Правота Майки, которая попыталась доступными ей средствами выразить протест против происходящей бесчеловечности. Действия Комова и в самом деле выходили за рамки морали. В бесчеловечной изначально ситуации логик Комов не считал нужным связывать себе руки априорной этикой. Правота Горбовского, «выбирающего из всех решений не самое эффективное, но самое доброе».

Участники операции «Ковчег» сохранили самые негативные воспоминания об этой истории. Авторам неплохо удалось передать на страницах «Хроники...» обиду, печаль и тоску тех, кто столкнулся с первым серьезным поражением галактического человечества.

Впереди были семидесятые годы.

БЕСКОНЕЧНОСТЬ ПРОСТЫХ РЕШЕНИЙ

История «конца века» открывается написанной в 2228 г. повестью «Беспокойство».

Она подчеркнута апокрифична.

Время действия «расплывается» на сорок лет: М. Сидоров попадает на Пандору почти

вскоре после поиска на Владиславе (см.: «Хроники...». Т. 2), соответственно его робинзонада приходится на начало тридцатых годов. Поль Гнедых в это время работал на ферме «Волна-Единорог»; директором Базы «Белые скалы» он стал в середине пятидесятых. Установить, встречался ли он тогда с Горбовским, не представляется возможным. Очень может быть, что и встречался, но в анналах истории это не зафиксировано. Исследования Н. Прянишникова были запрещены Всемирным советом уже после восстановления отношений с Тагорой, и отнюдь не по инициативе Л. Горбовского. Наконец, статья К. Ласвица, о которой Горбовский говорит Полю Гнедых, была опубликована только в 2175 г.

И, конечно, никто и никогда на Пандоре не пользовался вертолетами, гусеничными вездеходами, коротковолновыми передатчиками, радиометрами и другим антиквариатом времен покорения Венеры.

Возможно, именно анахронизмы, подчеркивая условность ситуации, создают ощущение «потока времени». «Беспокойство» нельзя назвать исторической повестью. Действие ее снова и снова происходит «сегодня». Почти ничего еще не случилось, беда, предчувствием которой проникнуты страницы текста, только будет: в настоящем — она является лишь возможностью, вероятностью, тенью,— но эта тень уже способна создавать свои *смыслы* (в терминологии В. Налимова).

«Беспокойство» я воспринимаю как экспозицию к последующим текстам «Хроник...» В «Жуке в муравейнике» *смыслы* начинают *распаковываться*.

События 2178 г.— дело Л. Абалкина, отставка Р. Сикорски и роспуск Совета галактической безопасности — до сих пор активно обсуждаются общественностью. Выделяются три основные позиции. «Гуманисты» возлагают ответственность на СГБ и КОМКОН-2. Формула: «Пока существуют такие организации, будут умирать невинные люди». «Психологи» сводят дело к особенностям структуры личности Р. Сикорски. («Его нравственные принципы не выдержали столкновения с реальностью политической жизни Саракша. Подобно другим прогрессорам, Сикорски стал профессиональным убийцей, получающим удовольствие от своей работы...») «Империалисты» считают виноватым Абалкина, который «...должен был понять, что, направляясь в Музей внеземных культур, он становится угрозой для самого существования Земли и человечества».

Мне кажется, что «психологи» ближе всего подошли к пониманию произошедшего, но сделать правильные выводы им помешала абсурдная установка на поиск «виноватого».

Да, события 2178 года нельзя объяснить без учета того, что практически все их участники имели опыт профессиональной прогрессорской деятельности.

Негативное отношение к прогрессорам широко распространилось уже в начале шестидесятых, чему способствовала публикация А. Бромбергом результатов закрытых исследований по механизму психоспазма. Из текста многие вынесли впечатление, что основной профессиональной особенностью прогрессора является умение убивать.

Ничего подобного Бромберг не писал. Его интересовал только сам механизм возбуждения в личности низкочастотных составляющих психоспектра. Рассказать о нем Бромберг, поставивший своей жизненной целью способствовать уменьшению «информационного сопротивления» в обществе, считал своей обязанностью. Эмоциональная реакция читателей, несомненно, удивила бы А. Бромберга, если бы была им замечена. Как правило, закончив тему и открыв людям глаза на те или иные потенциальные возможности, запрещенные злыми дядями из КОМКОНа-2, Бромберг терял к ней всякий интерес.

Прогрессорам, несомненно, приходится убивать, но это не является ни главной, ни даже существенной частью их работы. Основой мировосприятия прогрессора служит «конструирование ситуации». Пытаясь изменить ход событий в огромной, инертной и очень сложной системе, прогрессор прежде всего стремится резко сократить пространство возможных решений. Иными словами, поставить окружающих в такие условия, чтобы количество доступных им выборов сократилось бы до одного-единственного. Лишь тогда ситуация просчитывается, и прогрессор получает возможность добиться результата.

Таким образом, прогрессор мыслит форсированными ситуациями. Что касается профессиональных заболеваний, то характерен для прогрессора не психоспазм, который у учителей, например, встречается гораздо чище, а так называемое *отожествление*: рано или поздно для прогрессора становятся приоритетными интересы мира, в который он погружен. Одним из проявлений этого заболевания является профессиональное недоверие к любым государственным структурам, в том числе и земным.

С точки зрения прогрессора история «дела подкидышей» с самого начала полна неясностей.

Прежде всего не доказана причастность к «Саркофагу» Странников — если, конечно, принимать Странников как реальную, оставившую следы и изучаемую астроархеологами цивилизацию, а не как удобный способ с минимальными умственными усилиями объяснять любое непонятное нам происшествие. Принадлежность Странникам комплекса сооружений в системе ЕН9173 сомнений, конечно, не вызывает, но относительно эмбрионального сейфа этого сказать нельзя. Изготовление такого устройства находится в пределах возможностей земной или тагорянской техники. Облицовать стенки янтаринном да принять меры к тому, чтобы обмануть радиоуглеродный анализ, еще проще.

Напомню, что Саркофаг был найден 25 декабря 2137 г. Единственная открытая информация о находке была передана 30 числа, а уже 8 января неторопливые тагоряне прервали дипломатические и культурные отношения с землей. Через двадцать пять лет контакт возобновился — причем с той же стадии, на которой он был прерван.

Можно ли считать исключенной возможность того, что тагоряне, опасаясь за последствия интенсивного взаимодействия с весьма динамичным партнером — Человечеством,— просто решили взять тайм-аут и немного отдохнуть от нашего общества? И создали к тому некий повод, может быть и вычурный, но зато отвечающий строгим тагорянским нормам политической эстетики.

Разумеется, я не собираюсь серьезно настаивать на правомерности такой гипотезы. Проблема в том, что участники как первого, так и второго (расширенного) совещания «зациклились» на проблематике Странников, даже не рассмотрев альтернативные возможности. В результате им удалось настолько запугать друг друга, что принятие «четырёх пунктов» Сикорски, противоречащих Закону о свободе информации, было предreshено.

И если уж говорить о нарушениях нравственных норм в связи с «делом подкидышей», прежде всего нужно вспомнить это решение, предопределившее последующие события.

Известно правило, согласно которому в ситуации, не допускающей логически однозначного решения, следует принять решение, однозначное этически. И наоборот. Совещание действовало в условиях информационного вакуума: все выдвигающиеся гипотезы, начиная от «хранилища генетического фонда» и кончая «хорьком в курятнике», носили чисто умозрительный характер и не предполагали даже возможности обоснования. В таких условиях осмысленный выбор невозможен, что и является явным признаком «сконструированной реальности». Соответственно, напрашивается вывод о том, что мы действительно столкнулись с прогрессорской операцией.

И оказалось, что земляне, как и «совершенные отцы», «старшие бронемастеры» и «великие утесы», выбирают услужливо предложенное простое решение.

Между тем очевидно: если Странники могучи настолько, что тринадцать подкидышей опасны для человечества, то любая борьба бессмысленна. Поэтому следует исходить из того, что опасности нет. Тогда принимать меры к ограничению свободы еще не рожденных людей не только аморально, но и глупо. Может быть, Р. Сикорски следовало, зевнув, сказать; «Саркофаг — это проблема для генетиков, эмбриологов и, наверное, акушеров и воспитателей. Нас — КОМКОН-2 — это не интересует».

Итак, события пошли по чужому сценарию, причем по наихудшему для нас варианту: даже уничтожение Саркофага было с этических и логических позиций более оправдано, чем избранный компромисс.

В рамках концепции «прогрессорской операции» значение «детонаторов» совершенно

очевидно: еще один форсирующий элемент — детонаторы предназначались не для воздействия на подкидышей в реальном пространстве, но для воздействия на управляющие структуры Земли в пространстве информационном.

В 2178 г. мы вновь натываемся на «сконструированную реальность». Абалкин, Каммерер, Сикорски, Бромберг оказываются вовлеченными в ситуацию, где все их поступки полностью предопределены. На основании имеющейся у них в каждый момент информации они могли действовать только одним заранее просчитанным кем-то образом.

Чего же добивался этот «кто-то»?

Просчитывая варианты, легко прийти к выводу, что ситуация после «воронки» в Музее вземных культур могла повернуться по-разному. Однако все модели пересекаются на одной позиции: отставке Рудольфа Сикорски. Нетрудно показать, что она была неизбежна с того момента, когда Абалкин вошел в музей. Она была неизбежна, даже если бы Сикорски каким-то образом вышел из сотканной ткани события и не стал бы стрелять!

Было по крайней мере два человека, которые:

- Знали историю «подкидышей»
 - Знали, что Абалкин является «подкидышем»
 - Были заинтересованы в отставке Сикорски по целому ряду мотивов (среди которых и личные)
 - Были прогрессорами, то есть профессиональными «конструкторами ситуаций»
- Они имели возможность и имели мотив.

Понятно, что я говорю о Корнее Яшмаа и о самом Рудольфе Сикорски.

Мотив для Яшмаа связан с двумя моментами:

1. Эксперимент с «бойцовым котом» Гагом (повесть «Парень из преисподней»), который Корней Янович поставил на собственный страх и риск, окончился не просто неудачей, но раскрытием некоторой части нашей наблюдательной сети на Гиганде. Подобные провалы подлежат расследованию в КОМКОНе-2 и ГБ, но, как мы помним, в 2178 г. сотрудникам перечисленных организаций оказалось не до Гиганды.

Речь идет, разумеется, не о том, что Яшмаа пытался избежать «ответственности за содеянное». К концу 2177 г. в нижнем течении Тары сложилась опасная политическая ситуация, и Яшмаа пытался погасить нарастающие автоколебания. Любое постороннее вмешательство в это время было чревато непредсказуемыми последствиями. Корней Янович, вся личная и профессиональная жизнь которого была связана с Алайским герцогством, не мог пойти на риск потерять контроль над событиями. Он, несомненно, был болен «одержимостью временем», поэтому и счел прогрессорскую операцию более приемлемой, нежели обращение во Всемирный совет, КОМКОН или еще куда-нибудь.

2. Для него, как и для любого профессионального прогрессора, было ясно, что история с «подкидышами» в любой момент может быть форсирована. Последствия могли оказаться страшными. Смерть Льва Абалкина привела к тяжелейшему, не преодоленному до сих пор кризису. Но Абалкин был профессиональным прогрессором, Сикорски действовал в Музее скорее как террорист-одиночка, нежели как представитель государственной структуры. То есть произошедшее не вышло за рамки «профессиональной разборки». В рамках оперативного анализа я вижу целый класс форсированных ситуаций, которые приводили к убийству всех «подкидышей», причем в двух моделях — с санкции Всемирного совета. Желающие могут оценить последствия.

Для Сикорского действовал только второй из мотивов, но его, в совокупности с чувством вины, могло оказаться достаточным для того, чтобы бывший председатель КОМКОНа-2 пошел на убийство и на то, что имя его стало нарицательным.

Мы никогда не узнаем, что произошло «на самом деле»: участники Игры были профессионалами в создании «информационных голограмм». Во всяком случае, прогрессоры решили конфликт сами, в своем кругу. Возможно, ценой очень плохого они избавили

Землю от худшего.

Распаковка смыслов продолжилась в повести «Волны гасят ветер».

Если «Беспокойство» — предчувствие беды, а «Жук в муравейнике» — сама эта беда, то «Волны гасят ветер» — это период «сбора урожая», период отдаленных последствий. Если к концу пятидесятых перестал функционировать в реальном времени и тем утратил реальную власть Всемирный совет, то к концу девяностых та же участь постигает КОМКОН-2. Между тем структурный кризис коммунистической Галактической империи продолжает усугубляться. Инфосфера Земли постепенно завоевывается призраками: миф о «Массачусетской машине», мифы «Йормалы», конечно, всемогущие Странники, «Хомо супер», «Осьминожка», «Глас неба»... Как обычно, мистика порождает фобии типа «синдрома «Пингвина» или истории с биоблокадой.

«Большое откровение» 2199 г. я также рассматриваю как социомиф, довольно типичный для грани столетий. Во всяком случае, после ухода люденов индекс темпов развития на Земле не упал, вообще не было каких-то резких скачков динамических характеристик. Заметим, что события 2156 г. на Радуге привели к значительным изменениям в поведении функций, описывающих социум.

Трудно сказать, что было подлинным содержанием «Большого Откровения». Действительное стимулирование новой сигнальной системы (позиция Каммерера), удачная агрессия Странников (позиция Вандерера и Казакова), провокация со стороны тех или иных элементов (позиция Сороки—Брауна, если, конечно, это можно считать позицией). Или, может быть, единственным смыслом мифа является его существование?

«СВЕТ МОЙ, ЗЕРКАЛЬЦЕ, СКАЖИ...»

То, что на Гиганде существует обширная мифология, посвященная Земле, не должно вызывать удивление: любая технологическая культура имперского типа придумывает инопланетян как удобную замену всемогущему Господу. Нас тоже не миновала чаша сия — вспомним «тарелочную» эпидемию шестидесятых годов XX столетия или тех же «Странников».

Разница (с точки зрения социальной психологии несущественная) состоит том, что в данном случае мифы имели под собой реальную основу.

Считается, что взаимодействие галактической Земли с отсталыми цивилизациями — односторонний и полностью контролируемый нами процесс. Это, конечно, не соответствует действительности. Сам факт *взаимодействия* культур означает *информационный обмен*: узнать что-то о них мы можем, лишь сообщив что-то о себе. В Алайской империи это утверждение известно как *принцип неопределенности в разведке*.

Наблюдатели и прогрессоры годами живут на чужих планетах. Им случается «там» влюбляться и заводить семьи. Принято верить, что при этом не происходит утечки информации о Земле...

На самом деле есть целый класс ситуаций, при которых нарушается секретность. Из того же принципа неопределенности следует, что, как ни обеспечивай безопасность, земные артефакты периодически будут наблюдаться местными жителями. В прекрасном альбоме «НЛО — тайна столетия», изданном в позапрошлом году в Арихаде, среди моря фальшивок я нашел две фотографии «Призрака» и одну «Пингвина». Та или иная прогрессорская операция может быть случайно раскрыта местными спецслужбами. Поскольку контрразведка обладает чертами хаотической системы, застраховаться от спонтанного провала нельзя. Чисто стохастически рано или поздно карты лягут самым неблагоприятным образом. Если особенно не повезет, прогрессор может быть захвачен вместе со своим снаряжением.

Прогрессорские артефакты могут быть просто потеряны, а сведения о Земле — выболтаны во сне, спяну, под действием наркотика. При очень сильной одержимости

временем нельзя исключить даже сознательного и целенаправленного распространения закрытой информации.

Следует учесть также, что само по себе пребывание прогрессора на чужой планете воздействует на инфосферу этой планеты. Никакие тренировки не способны изменить информационную структуру личности, которая складывается еще в дошкольном возрасте. Психика прогрессора сцеплена с землей ее историей, культурой, наукой, моралью, языком. При сколь угодно полном перевоплощении и даже под действием гипноза и психотропных препаратов исходная матрица сохраняется. То есть на глубинном уровне прогрессор всегда остается землянином и действует как землянин. Это означает, что при любом общении он транслирует собеседнику эгрегор Земли, хотя бы свой личный земной эгрегор.

В целом просачивается довольно большой объем сведений. Другой вопрос, что сведения эти неверифицируемы, противоречивы. Легендарны. Потому и порождают Миф.

Подобно любому мифу, он представляет собой «информационное зеркало». Однако отражены в нем не только особенности породившей его местной культуры, но и Земля. Мы с вами.

Год назад я вел занятия по информационным аспектам оперативной подготовки среди молодых офицеров штаба 6-го флота Алайской империи. В качестве выпускного задания я попросил их проанализировать «Миф о Земле».

Имена и географические названия даны в традиционной транскрипции, все даты приведены по земному календарю.

«Исполнитель: старший лейтенант Лонг, офицер тактической разведки (ударный крейсер: «Бригад-егерь барон Трэгг»).

Тема: Возможность верификации инопланетной разведывательной деятельности в Алайской империи.

Первый смысловой уровень:

«Миф о Земле» начал складываться в середине восьмидесятых годов прошлого столетия. В своей канонической форме («Воспоминания о будущем» Диэрра) он выглядит следующим образом:

1. На протяжении всей своей истории Гиганда сталкивается с представителями некой весьма развитой инопланетной цивилизации.

2. Представители указанной цивилизации активно участвовали и сейчас участвуют в политической жизни Гиганды. Преследуемые ими цели неизвестны и в зависимости от более или менее inferнального способа прочтения Мифа могут быть определены следующим образом:

а) подготовка к прямому военному вторжению в целях последующей колонизации

б) исследовательская деятельность - масштабные социальные и политические эксперименты, которые следует, разумеется, проводить «на цивилизации, которую не жалко» - например, на Гиганде

в) исследование чужого мира и его культуры, поиск развлечений, любопытство

г) помощь в развитии (в семантике Мифа присутствует термин «прогрессор», т.е. человек, «создающий прогресс»)

д) культурный обмен

[*Не указан весьма важный вариант: культурная ассимиляция без непосредственного военного вторжения - здесь и далее в квадратных скобках даны замечания преподавателя.*]

3. Наиболее масштабным воздействием на Гиганду было во время «Второй Алайской войны». В последующие годы оно почти сошло на нет и возобновилось после резни 228 г.

4. В семантике Мифа присутствует ряд названий (Земля, Радуга, Тагора, Эридан, Европа, Свердловск, Адьудин...), из которых первое Миф считает самоназванием цивилизации-индуктора.

5. Земляне внешне неотличимы от жителей Гиганды, однако обладают большим количеством умений. Обычно называют чтение мыслей, телекинез, телепатию, способность к языкам, феноменальные счетные способности, левитацию.

6. Технические возможности земли позволяют мгновенно совершать перемещения между звездами.

7. Социальное устройство Миф описывает смутно: можно понять, что оно несколько похоже на Алайскую Республику 2178-2179 гг.: всеобщее избирательное право, Совет с неопределенными полномочиями, разнообразные комиссии, осуществляющие власть в конкретных областях.

8. Экономические проблемы на Земле полностью решены (в семантике: «земной рай»)

9. Особенности поведения землян характеризуется как «инстинктивный гуманизм».

На первый взгляд, «Миф о Земле» не слишком выделяется в общем ряду суеверий, порожденных индустриализацией («допотопные» культуры, «маленький народец», «гремлины», «союз посвященных» и пр.). Он, несомненно, носит религиозный характер и выступает как замена традиционных представлений. Примечательно, что его зарождение и расцвет связаны со «смутными временами» Алайской Республики и Большого ТERRORа, т.е. с эпохами «сумерков богов».

Анализ приписываемых землянам способностей (в особенности межзвездная телепортация, левитация, чтение мыслей) выявляет характерные атрибуты божественности в политеистических культах.

Концепция «экономического рая» всегда находила массу адептов среди низших социальных слоев. Заметим, что именно среди этих слоев Миф очень распространен и позитивно окрашен: «придут земляне, отберут у богатых деньги и раздадут их бедным», «земляне откроют тюрьмы», «земляне накормят голодных»...

Мы приходим к естественному выводу, что перед нами типичное народное суеверие, бессмысленное и бестолковое.

Второй смысловой уровень:

Вышеизложенное слишком очевидно для истины. Поставим вопрос иначе: не может ли «Миф о Земле» служить удобным прикрытием реальной информационной деятельности землян? С подобной оперативной схемой нередко приходится встречаться на штабных играх 6-го флота.

Понятно, что в таком случае Миф должен смешивать две различные информационные волны: связанную с реальными действиями землян и генерируемую подсознанием наших народных масс.

[Существенная ошибка: не учтена информация, специально сгенерированная землянами для маскировки реальности под миф. Схема, подобная использованной нами в «инциденте четырнадцати»]

Есть две особенности Мифа, которые представляют интерес с точки зрения верификации.

Акцент делается на недавнее время, довольно хорошо документированное, и на наиболее развитые в техническом отношении области планеты. Это не согласуется с обычной логикой мифотворчества: давным-давно, в одной далекой галактике...

Необычно также копирование Мифом социальной структуры Земли с печальной памяти Алайской Республики.

Ни в рамках «народно-утопического», ни в рамках инфернального мышления такой выбор не может быть обоснован.

У нас появились два слабых косвенных аргумента «за».

И неприятно именно то, что они слабые и косвенные. И очень напоминают «остаточные факты» под классической «информационной завесой».

Во всяком случае, я не стал бы ругаться перед императором и своим командиром за

то, что земляне - всего лишь очередной технотронный вариант заозерной ереси.

Что здесь комментировать? Осмысленная работа, демонстрирующая умение пользоваться информационным усилителем, четко демонстрирующая суть проблемы... Для нас интересна, прежде всего, реакция народа. Если деятельность землян на Гиганде действительно как-то ответственна за формирование этого «комплекса потребителя», концепцию «инстинктивного гуманизма», очевидно, придется пересматривать».

«Исполнитель: капитан-лейтенант Форста, пилот разведывательной авиации (тяжелый авианосец «Гепард»).

Тема: Особенности социальной структуры Земли: опыт анализа Мифа.

Согласно Уставу, от разведывательного самолета требуется во что бы то ни стало отыскать противника. Верификация, то есть доказательство того, что на самом деле никакого противника в радиусе 200 миль нет, - дело центра управления операцией. Таким образом, я обязан исходить из презумпции существования Земли, отложив свое личное, вполне определенное мнение по этому вопросу до лучших времен.

Итак, что же можно извлечь из массы мистической литературы о так называемых землянах?

Прежде всего отметим, что напрямую интересующей нас проблеме социального устройства Земли не посвящен ни один миф. Это необычайно удобно: косвенная информация, как известно, более надежна.

[Неверно. Косвенная информация считается более надежной, потому что ее обычно никто специально не искажает. Однако при создании «капелек тумана» генерируется огромный объем заведомо ложной информации и вся она является косвенной!

Маловероятно, чтобы Вы столкнулись с этой ситуацией в ходе службы, но знать о такой возможности Вы обязаны.]

Начнем с семантического анализа.

Бросается в глаза, что ни «первоисточники», ни порожденные ими «исследования» не содержат термина, который прямо или косвенно или хотя бы намеком, обозначал высшего руководителя Земли. Это необычно. Попробуйте представить себе аналогичного объема алайские тексты, не включающие хотя бы одну отсылку к императору!

Можно высказать и более сильное утверждение: в Мифе отсутствует весь спектр понятий, порождаемых идеей личной власти.

По идее, это настолько противоречит алайской традиции, что может считаться косвенным подтверждением реальности существования Земли. Увы, скрытой семантики здесь нет: подобный социальный строй усиленно пропагандировался диссидентами в Старой империи.

Это связывает «Миф о Земле» с довольно давней религиозной традицией.

Заметим, что самым масштабным примером вмешательства землян в дела Гиганды принято считать «Вторую Алайскую войну», после которой на территории Герцогства и Заречья, принадлежавшего тогда Старой империи, были созданы политические организмы, соответствовавшие легендарным представлениям о Земле.

Будем исходить из структурного тождества этих систем. Разумеется, это только удобная исходная позиция для анализа, уязвимая для критики.

Алайская Республика была построена на отрицании сословий, понятии «гражданин», концепции равенства всех перед законом и представительного управления. В изучаемом материале нет ничего противоречащего этой схеме.

Итак, Землей управляет Всемирный совет, выбирают его, надо полагать, все жители планеты. Механизм, позволяющий при решении любого вопроса учесть позиции всех землян и тем самым осуществить прямое народовластие, сверхцивилизации, оперирующей целыми Галактиками, по-видимому, неизвестен.

[Ирония неуместна. Может быть, этот принцип известен Вам? Тогда почему вы его

здесь не сформулировали?]

Тексты легенд никак не касаются выборов во Всемирный совет. Из соображения аналогии остается предположить, что используется всеобщее избирательное право.

[Как раз здесь аналогия не проходит. Земля могла транслировать для Алайской Республики устаревший вариант своей политической системы. В конце концов, она опережает нас в развитии. Вы некачественно применили системный оператор и тем серьезно упростили изучаемый объект.]

Задачей любого органа управления является работа с информацией. Совет при естественных предположениях о его численном составе — исключительно медлительный орган. Слишком много позиций приходится согласовывать для того, чтобы принять решение по действительно важному вопросу. Между тем, когда затрагиваются интересы людей, они не всегда склонны прислушиваться к голосу рассудка и, тем более, к аргументации оппонента. Это настолько естественное, настолько общее свойство мыслящих, что вряд ли у богов получится иначе!

Земля, конечно, изображается в Мифе как экономический рай. Но даже если все экономические проблемы решены, остаются политические амбиции и психологические комплексы.

Таким образом, Совет будет мгновенно парализован нарастающим потоком нерешенных проблем и внутренних разборок. Его реальное влияние на события сведется к минимуму.

Земле, следовательно, придется конструировать новые структуры, принимающие оперативные решения в обход Совета. Но разве эти структуры не окажутся скопированными с Совета же? Возникает «дурная бесконечность». В конечном счете все без исключения земляне окажутся занятыми в той или иной «специальной комиссии», на управление будут задействованы колоссальные ресурсы, но ни одна проблема так и не будет решена.

Поскольку такая цивилизация не может не только дотянуться до звезд и лезть в чужие дела, но и вообще существовать, остается предположить, что вся эта система управления — лишь ширма для некоего невидимого «императора Галактики».

Написал и неожиданно нашел второе решение!

Система будет работать, если на самом нижнем структурном уровне, там, где, собственно, и происходят события, каждый землянин решает возникшие проблемы самостоятельно, информируя по традиции Совет, но не ожидая от него или порожденных им комиссий какой-либо помощи. Что-то вроде устава Бойцовых Котов: каждый человек есть управленческая единица сама в себе, способная справиться с любой мыслимой или немыслимой неожиданностью.

Я пришел к выводу, что система работает эффективно, если в ней правит кто-то один (Гиганда), либо если в ней правит каждый (Земля?). Если последний вариант действительно описывает Землю, хотел бы я посмотреть на нее хоть одним глазом!

[Избыток восклицательных знаков. Отношение к пришедшей вам в голову идее следовало выразить менее эмоционально... Идея, впрочем, действительно хорошая]».

Иногда самые интересные материалы получаешь из самых бесполовых работ. То, что Всемирный совет — ничего не обозначающий набор звуков, приходило в голову мне, как, наверное, и каждому прогрессору. Но признать ширмой всю нашу систему управления...

Между тем в модели Фореты структурный кризис коммунизма, о котором мы говорили в связи с четвертым и пятым томом «Хроник...», естественно связывается с добровольным отказом от «абсолютного суверенитета личности». Боюсь, в этом случае мы придем к еще более грустным выводам.

«Исполнитель: старший лейтенант Торч, офицер-наблюдатель центра управления операцией (крейсер разведки, связи и управления «Созвездие»).

Тема: Перспективы военного конфликта между Землей и Алайской империей.

Сразу ограничим тему: я буду говорить об Империи и только об Империи. Понятие интересов Гиганды в целом я оставлю тому, кто может эти интересы хотя бы сформулировать.

Следует сразу поставить вопрос: была ли деятельность землян враждебна нашей стране? Не подлежит сомнению, что прорыв имперской бронепехоты через озеро Зергиян, Главный Восточный хребет и северные джунгли ставил Герцогство даже не на край катастрофы, а далеко за этот край. Как раз тот случай, о котором говорится в старом военном анекдоте:

«— Но и в этом случае мы бы не сдались!

— Точно не сдались бы. Не успели бы...»

Стараниями землян, Герцогство получило неопределенный мир вместо - будем говорить начистоту - вполне заслуженного разгрома. Как-то подобрал алайские газеты того периода:

«261-й день года: Успешное наступление на нижней Таре. Прорыв фронта дело ближайших недель. <...> Два имперских бронехода просочились на восточный берег озера Зергиян.

262-й день года: Наступление на Нижней Таре продолжает развиваться. Контрудары противника не имеют успеха. Из тридцати бронеходов, переправленных крысоедами на восточный берег Зергияра, более пятидесяти уничтожено. Бригада Гагринда брошена на довершение разгрома противника.

266-й день года: Героическая оборона в северных джунглях. Атака нескольких сотен неприятельских бронеходов была легко отражена...»

Так что в отличие от Старой империи нам, алайцам, не приходится обижаться на вмешательство Земли. Собственно, мы у нее в долгу.

Я не склонен обвинять землян в грустной истории обеих алайских республик. Даже если в каких-то наших внутренних проблемах действительно были замешены инопланетяне, это не снимает ответственности с нас самих.

Итак, на уровне реальных событий у нас нет оснований считать землян враждебными алайскому народу.

Что можно сказать на уровне предположений?

Дикие концепции вторжения, захвата территории и охоты за рабами я обсуждать отказываюсь. Если бы сверхцивилизация хотела бы превратить нас в рабов, мы бы уже давно ими были. Не понимать этого - значит вообще ничего не понимать в войне.

Различные варианты исследовательско-развлекательной направленности вплоть до идеи использования Гиганды в качестве полигона для съемки исторических фильмов вероятны, но нам не интересны, поскольку никоим образом в военный конфликт не перетекают.

Идея прогрессорства выглядит не так убого, как остальные модели Диэрры. Собственно, только такая деятельность может привести нас и Землю к военному конфликту.

Сразу отметим, что прогрессоры - по факту поддержки их могущественной сверхцивилизацией - с неизбежностью должны занимать высокое положение в Империи. Вряд ли свои непосредственные служебные обязанности они будут исполнять плохо. Так что нам следует быть довольными прогрессорским вниманием: каждый прогрессор по мере сил и возможностей (своих и Земли) способствует процветанию Империи.

Тем не менее подготовиться к отражению земной агрессии необходимо, ибо зачем иначе армия?

Самый простой способ выиграть войну — предотвратить ее. Конечно, для землян не представит труда уничтожить в мгновение ока хоть весь 6-й флот, хоть поголовно все население Островов. Но если до сих пор они действуют скрытно, значит, на это есть существенные основания. Маловероятно, что они захотят отступить от принципа «отсутствия явного вмешательства».

Это дает нам важную возможность довести до сведения землян, какие поступки с их стороны могут вызвать с нашей стороны *провоцирование их на широкомасштабные действия*. Описывать сами эти действия противно и ненужно, поскольку они очевидны. Если эта информация, поданная в косвенной форме, получит косвенный же ответ, можно будет приступить к диалогу.

Мы уже пришли к выводу, что война с землянами будет носить информационный характер. Обе стороны будут неявно грозить определенными операциями в физическом пространстве, не совершая их. Обе стороны будут активно маневрировать в пространстве информационном.

Есть ли у нас шансы?

Я полагаю, что есть, особенно если мы сумеем точно обозначить цель войны.

Поскольку ни об уничтожении Земли и ее военно-промышленной мощи, ни даже об изгнании землян с Гиганды говорить нельзя, нашей основной целью должен стать контакт - в форме сколь угодно косвенного диалога. Мы легко добьемся этого результата, если сумеем корректно намекнуть землянам на наличие у них некоторых слабостей, не пытаясь, однако, эти слабости использовать. Я оцениваю вероятность успеха хорошо спланированной информационной войны с землянами в 70% и склонен рекомендовать императору и командованию подготовить и осуществить данную операцию.

Очевидно, что война будет считаться выигранной только в том случае, если земляне со своей стороны придут к выводу, что алайцы ценны для них как возможные союзники.

Совершенно невозможно даже предположить, что у сверхцивилизации, захватывающей галактику, нет существенных проблем, в решении которых могут помочь толковые алайские офицеры.

[Очень агрессивно. Вы всегда планируете операции на пределе возможного? Да, скорее всего, этот план проходит. Но где вы наберете исполнителей такого уровня, который вам нужен?]»

Более всего в этом документе удивляет полная уверенность автора в реальности землян и отсутствие даже минимальных ксенофобических реакций (абсолютные показания для работы специалистом по негуманоидным цивилизациям). Впрочем, сейчас «индекс темпов развития» Алайской империи выше, чем средний по Земле, а корреляции между уровнем ксенофобии и этим индексом общеизвестны.

Интересно также отметить, насколько, по мнению автора, делает нас уязвимыми априорная этика.

«Исполнитель: наставник 1-го класса Дорра, политофицер (тяжелый авианосец «Тигр»).

Тема: Политическое значение «Мифа о Земле».

Изучив предложенный материал, я пришел к выводу, что возможности, которые представляет нам «Миф о Земле», используются недостаточно.

Социологический опрос дает аномально низкие цифры верящих в этот Миф. Связывать это с «коварной деятельностью землян» совершенно нелепо, во-первых, потому, что никаких землян в природе не существует (во всяком случае, их существование весьма неочевидно), во-вторых, потому, что землянам это совершенно не нужно. В целях более полного уяснения ситуации я провел второй — косвенный — опрос, при котором проверялось ассоциативное отношение к «земной» семантике.

Опыт показал, что земные реалии общеизвестны и значимы. То есть подсознательно более половины опрошиваемых находятся под влиянием изучаемого нами Мифа. Тем самым появляются интересные возможности.

Существует априорное доверие к словам землянина. Тем самым информация, брошенная в общество (или любую его подсистему) под видом пришедшей от землян, будет иметь высокий индекс значимости. Открывающиеся возможности очевидны.

Комплекс мероприятий должен включать в себя создание в Империи, на Островах и в иных интересующих нас регионах наблюдательно-информационной сети, находящейся под защитой «Мифа о Земле» и активно элементы этого Мифа использующей.

[А вы беретесь предсказать реакцию землян на такую акцию? Иными словами, вы поручитесь императору, что за Мифом не стоит ничего реального?]

Очень высоко значение Мифа и в воспитательной деятельности. Ни для кого не секрет, что среди молодежи существуют люди, недовольные правлением. Их время и силы можно «занять», используя возможности, предоставляемые Мифом. Анализ указывает, что существует небольшой процент людей, иммунных к любому воздействию изнутри государственной системы. Но земляне-то действуют извне. Значительно более «извне», нежели радиостанции Островов. Разумеется, люди, находящиеся под управлением земного Мифа, подданными Империи внутренне не являются. Что, однако, не мешает нам их использовать».

Неприятные выводы. Если Империя всерьез займется такой «политической пропагандой», «Миф о Земле» окажется структурообразующим фактором создания в Империи, а затем на всей Гиганде инфосферы шварцшильдовского типа. После чего о прогрессорской деятельности землян на отсталых планетах можно будет говорить только в прошедшем времени.

Так что придется принимать меры. Это также достаточно неприятно, поскольку возникает «перетягивание каната» с неизбежным повышением социальной энтропии: стороны блокируют друг друга.

Альтернативой могло бы стать применение хаотических информационных структур, но — в связи с запрещением Мировым советом исследований в области теории кодонов и эквивалентных им объектов (Л. Прянишников, 2165 г., С. Залески, 2234 г.) — мы к этому не готовы.

«Исполнитель: капитан-лейтенант Гигром, артиллерийский офицер (ударный крейсер «Фельдмаршал Нагон Гиг»).

Тема: Человек Земли - религиозное содержание Мифа.

<...>

Фактически, Миф приписывает землянам те качества, которые хотелось бы видеть в себе. Поскольку по определению Земля опережает Гиганду в развитии и тем самым является символом будущего, человек Земли должен рассматриваться в рамках Мифа как будущее человека Гиганды.

В общем, этически это конструктивнее, нежели концепция Бога».

ХРОНОЛОГИЯ ЦИКЛА «ИСТОРИЯ БУДУЩЕГО»

XX ВЕК

- 1942 Мирный договор между Германией и СССР.
СССР запрещено иметь военную промышленность, флот, бронетанковые войска; в «Хрониках...» упоминается упразднение Академии бронетанковых войск.
- 1943 Берлинский договор. Создание Европейского союза. В тот же день официальный одновременный роспуск Коминтерна и Антикоминтерновского пакта.
Создание Европейского центра космических исследований (Пенемюнде).
Мирный договор между Германией и Великобританией.
«Фултоновская речь» У. Черчилля.
«Лондонский договор». Создание Атлантического пакта.
- 1944 XX Съезд КПСС. Доклад Г. К. Жукова «О культуре личности и его последствиях».
Развернутые прения по докладу. Доклад Н. С. Хрущева «О внешней политике

- Советского Союза». Развернутые прения по докладу.
- 1945 Испытание атомной бомбы в США (Манхэттенский проект). Испытание атомной бомбы в Германии (Мюнхенский проект). Испытание атомной бомбы в СССР (Новосибирский проект). Выход в свет романа И. Ефремова «Туманность Андромеды».
- 1947 Запуск первой ТЯЭС в СССР (Верхоянск).
«Либравильский договор» о демилитаризованном статусе СССР, Великобритании, Исландии.
- 1949 Первый космический корабль В. фон Брауна (без этапа создания искусственного спутника Земли, экипаж: Ганна Райч, Алексей Гринчик).
- 1950 Первая автоматическая лунная ракета (США).
- 1951 Первая лунная экспедиция (Э. Хартман, Г. Райч, Н. Соколовский, М. Галлай, Германия — Россия).
- 1953 Первая лунная база (США).
- 1957 Программа построения коммунизма (XXII съезд).
Выход в свет романа И. Ефремова «Лезвие бритвы».
- 1958 Смерть В. фон Брауна, публикация в «Новом мире» его последнего письма А. Гитлеру и Н. Хрущеву, известного как «Завещание фон Брауна».
- 1959 Первая марсианская экспедиция (Э. Нортон, США).
- 1961 Первая атомно-импульсная ракета — «Россия» Н. Соколовского.
Первая атомно-импульсная ракета Атлантического пакта (британский космический корабль «Prince of Wales»).
- Выход в свет романа И. Ефремова «Чаша отравы».
- 1962 Карибский кризис и Московский договор о запрещении испытаний ядерного оружия.
- 1965 Бернский договор о запрещении использования ядерного оружия на Земле.
- 1967 Выход романа И. Ефремова «Час Быка».
- 1968 Пражская весна и кризис Европейского союза: СССР препятствует намерениям Германии оккупировать Чехословакию и насильственно возобновить Берлинский договор.
Парижская весна и кризис Атлантического союза: Великобритания не предоставляет свою территорию для развертывания войск США.
- 1969-1972 Франция, Чехословакия, Венгрия, Югославия и Польша покидают Европейский союз.
- 1973 Закон о свободе информации. Начало «перестройки» в Рейхе. Приоткрыта завеса тайны над преступлениями «арийцев» в ходе Второй мировой войны.
СССР и Китай объявляют о создании Евро-Азийского Коммунистического союза.
- 1974 Польша вступает в ЕАКС.
Начало оказания Советским Союзом продовольственной и технической помощи Германии.
- 1975 ЧССР и Венгрия вступает в ЕАКС.
- 1976 Объединение Европейского союза с ЕАКС. Столица Союза переносится в Москву, столица России — в Свердловск.
- 1977 Объединительный съезд НСДАП и КПСС.
- 1981 Начало проекта «Марс».*
- 1984 Создание мезовещества.*
- 1985 «Змей Горыныч» — первый работающий фотонный двигатель.*
- 1986 Катастрофа на Каллисто.*
- 1988 Оформление Союза Советских Коммунистических Республик. Первые выборы в Европейский совет.
- 1989 Обнаружение космической формы жизни («Чрезвычайное происшествие»)**#
- 1991 Венерианская экспедиция.**#
- 1993 Покорение Голконды.*#

- 1994 Югославия присоединяется с ССКСР.
- 1996 Франция присоединяется к ССКСР.
- 1998 Великобритания присоединяется к ССКСР.
- 1999 Исследование атмосферы Урана.*#

XXI ВЕК

- 2001 Голод на Амальтее.**
- 2004 В США избран президент-коммунист.*
- 2005 Роспуск Атлантического пакта. Закон о свободе передвижения. Первая звездная (В. Ляхов).*
- 2006 Завершение национализации и демилитаризации в США. *
- 2007 Создание Мирового совета как консультативного органа при ООН.
- 2007-2012 Эпоха путчей.*
- 2009 Путч Зуна Паданы.*
- 2010-2015 Эпоха гангстерских войн.*
- 2011 Спецрейс № 17. Гибель Юрковского и Крутикова. События на Дионе.** .
- 2014 Исчезновение «Ибиса».
Теорема Лелика-младшего о структуре бесконечной последовательности саморегулирующихся систем в экономике.
- 2017 Изобретен слег.*
Старт и исчезновение «Таймыра».**
- 2019 И. Жилин в Барселоне. Кризис «Хищных вещей века».**
- 2021 Принятие ООН долгосрочной педагогической программы.
- 2022 Принятие ООН долгосрочной объединительной программы. Создание Центрального института мозга.
- 2023 Оккупация Испании.
- 2025 Переход функций ООН ко Всемирному совету.
- 2024-2045 Эпоха локальных войн на периферии цивилизованного мира. «Белое излучение».
- 2034 Начало строительства самодвижущихся дорог.
- 2052 Открытие Д-принципа. Начало второй волны экспансии.
- 2054 Исчезновение «Луча» Антона Быкова.
- 2069 Уход «Таризэля» Л. Горбовского.
- 2071 Экспедиция «Ильи Муромца».
- 2073 Завершение строительства сети самодвижущихся дорог.
- 2074 Несчастный случай с Комлевым. Закрытие института мозга.**
- 2075-2096 Период «реконструкции».

XXII ВЕК

- 2110-е Создание Института физики пространства (Котлин).*
- 2114 Создание ГСП. Начало третьей волны экспансии.*
- 2119 Возвращение «Таймыра».**
Начало проекта «Венера».**
Профессор Карпенко объявляет об открытии на Пандоре «бактерии жизни». Слово «биоблокада» приобретает новое значение.*#?
- 2120 Запуск коллектора рассеянной информации — КРИ.**
- 2121 Великое кодирование — первый опыт по записи личности человека на электронные носители. Частично удался.**
Открытие искусственных спутников Владиславы.*
- 2122 Контакт с Тагорой.

- 2124 Расшифровка тагорянского языка. Установление дипломатических отношений.
 2133 Контакт с цивилизацией Леониды.**
 2135 Эксперимент «Йормала» (погружение в Черную дыру) (вероятно, апокриф).*
 2135—2136 Учения «Зеркало» (крайне неудачные).*
 2137 Создание КОМКОНа-2.
 Обнаружение «Саркофага» (группа Фокина), начало «Дела подкидышей».**
 2138 Галактический политический кризис. Прекращение дипломатических отношений между Землей и Тагорой.*
 2141 Открытие Саулы и следов активной деятельности Странников.** (В некоторых источниках, в частности у В. Казакова, относится к 2137 г.)
 2142 Создание Совета галактической безопасности.
 2147 Исчезновение «Пилигрима». (Дату 2034 г. в «Хрониках...» следует считать опечаткой.)*#
 2148 Открытие Саракша.
 2152 Начало прогрессорской деятельности Р. Сикорски на Саракше.*#
 2156 Катастрофа на Радуге.** (У Казакова указан 2136 г., что является явной ошибкой.)
 2156 «Арнакарская катастрофа».**
 Начало распространения «Р-фобии».
 2157 «Кризис Каммерера» на Саракше.**#
 2160 Официальный контакт с голованами.*
 2161 Операция «Ковчег». Попытка контакта с замкнутой цивилизацией экспедиции Комова.**#
 2162 Начало расформирования ГСП.
 Открытие Надежды.
 2163 Операция «Мертвый мир».**#
 Открытие Гиганды.
 2077 «Парень из преисподней».**
 2178 Гибель Абалкина, отставка Р. Сикорски.**#
 2184 Синдром «Пингвина».**# Начало новой волны фобий.
 2185 Закон о биоблокаде.**#
 2193 События на Тиссе.**#
 Окончательная ликвидация ГСП
 2194 Меморандум Бромберга.**#
 2199 Большое Откровение.**#

-
- * Событие упоминается в «Хрониках...»
 # Событие точно датировано в «Хрониках...»
 #? Событие ошибочно датировано в «Хрониках...»
 ** Событие подробно описано в «Хрониках...»

Даты жизни основных героев «Хроник...»

Алексей Быков	(1957-2033)
Григорий Быков	(1993-2064)
Иван Жилин	(1979-2073)
Александр Кондратьев	(1984-2175)
Евгений Славин	(1989-2178)
Леонид Горбовский	(2036-2234)
Максим Каммерер	(г.р. 2136)
Лев Абалкин	(2138-2178)
Корней Яшмаа	(г.р. 2138)
Майя Глумова	(2141 -2236)

ЧАСТЬ II

«РУКОВОДСТВО ПО ПОСТРОЙКЕ МОСТОВ ЧЕРЕЗ БЕСКОНЕЧНОСТЬ»

«ПОЛДЕНЬ...» НАЧИНАЕТСЯ В СУББОТУ

Ученый-историк видит в прошлом прежде всего сложное переплетение структур. Взаимодействие между ними порождает силовые линии интересов. Противоречия между ними придает форму конфликтам. Динамика поля конфликтов определяет характер развития общества, то есть собственно историю.

Не слишком упрощая, можно сказать, что для ученого прошлое — что-то вроде исключительно сложной шахматной партии, которую надо толково прокомментировать в назидание грядущим поколениям. (В результате эти поколения получают умные советы о том, как им надлежит действовать в ситуациях, в которые они никогда не попадут.)

Писатель-историк видит в прошлом прежде всего сложное переплетение судеб. Люди: их чувства и взаимоотношения — любовь, ненависть, страх, отчаяние, надежда — являются для писателя единственной движущей силой глобальных исторических событий. То есть прошлое воспринимается как театральная постановка с присущей ей строгой, хотя и субъективной логикой — с завязкой, кульминацией, финалом и неизбежной моралью в конце.

Между этими подходами, несмотря на их декларируемую полярность, нет большой разницы. В обоих случаях предполагается неочевидное: что историческое познание имеет определенный **смысл**.

Когда-то Оскар Уайльд сказал: «Всякое искусство совершенно бесполезно»²¹. Может быть, мудрость состоит не в том, чтобы добиться «рационализации и последующей утилизации» всякого необъясненного явления нашего прошлого, а в том, чтобы увидеть эпоху и понять ее красоту?

Исторические романы-фэнтези «Понедельник начинается в субботу» и «Сказка о Тройке» посвящены 60-м годам XX столетия. И первый, встающий перед нами вопрос: почему все-таки фэнтези, а не подчеркнутый историзм «Хроник...»?

Начнем с того ответа, который лежит на поверхности.

«Страна багровых туч» — настолько, насколько она касается проблемы генезиса тех форм человеческого общежития, которые привели к возникновению раннекоммунистической «Ойкумены», а затем и мира «Полдня...», — прослеживает влияние **военной романтики сороковых** на характер ранней космической экспансии. Но нетрудно понять, что только из военной романтики в лучшем случае можно сконструировать что-то вроде современной Гиганды. Следовало найти еще одну психологическую координату. По крайней мере — одну.

«Понедельник начинается в субботу» — книга о **романтике познания**.

Казалось бы, подобный текст как раз и следовало создавать на конкретном историческом материале — благо материал этот имеется в избытке. Никто не мешал авторам углубиться в работы Соколовского по атомно-импульсному приводу или поставить в центр повествования Новосибирскую лабораторию Шнейдера, чьи исследования в области мезохимии произвели переворот в космической и земной энергетике.

Однако для современного читателя все научные и технические проблемы, над которыми бились выдающиеся умы прошлых столетий, выглядят до смешного простыми. Нужно обладать реальным (а не декларируемым) релятивизмом мышления, чтобы не

²¹ Уайльд О. Портрет Дориана Грея. СПб.: Азбука-классика, 2007.

ощутить себя умнее героев, десятилетиями безуспешно бьющихся над задачей, ответ на которую известен каждому ребенку. «Ах, Эйнштейн... Да-да, помню. Я проходил это в школе во втором классе».

Авторами найдено простое и элегантное решение: науку **символизирует** магия. Достижения магии всегда находятся по отношению к читателю в абсолютном будущем. Ни умклайдетов (в просторечии именуемых волшебными палочками), ни диванов-трансляторов, ни живой воды в нашем мире, увы, нет. И именно благодаря этому удается изобразить реальный советский НИИ шестидесятых годов, а не его действующую модель в натуральную величину.

Таким образом, в первом приближении «Понедельник...» есть историческая фэнтези, изучающая — своими специфическими приемами — эпоху 60-х годов XX столетия с ее романтикой научного поиска.

О «золотых шестидесятых» часто говорят как о времени возникновения нового массового социального типа — «человека работающего», человека, рассматривающего труд как форму наслаждения. Радость труда — с этой формулой мы свыклись настолько, что не замечаем ее глубокой неочевидности.

И дело здесь даже не в том, что в каждую эпоху есть виды деятельности, абсолютно необходимые, но не доставляющие личности полного удовлетворения. В любом обществе кроме жизнесодержащих процессов (к которым в первую очередь относится познание во всех его бесчисленных формах) протекают и процессы жизнеобеспечивающие. Разумеется, чем мир более развит, тем доля лиц, занятых в жизнеобеспечивающих областях, ниже, но она всегда достаточно велика. Как правило, витальная деятельность монотонна — в лучшем случае — и процесс труда не приносит особой радости...

Гораздо неприятнее другое. С самой способностью человека мечтать связано то, что ни на какой ступени своего развития общество не может обеспечить своим гражданам «распределение по потребностям» из заклинаний ранних коммунистов. Но это с очевидностью означает невозможность «равного распределения» вообще. (По определению нового времени, ситуация, при которой все инновации одновременно появляются у всех желающих, — нонсенс.) Волей-неволей от «равного» приходится переходить к «справедливому» распределению. Понятие же «справедливости» весьма субъективно.

«Это несправедливо для того, кто платит. Но справедливо для того, кто получает».

При рыночном капитализме труд является товаром, цена которого устанавливается в процессе обмена. Эта абстрактная формула на практике обозначает выраженный приоритет жизнеобеспечивающей деятельности. Иными словами, капиталистическое общество не склонно платить за сам процесс познания, хотя щедро оплачивает **результаты**. Патентное (оно же авторское) право защищает **на этом этапе** экономические интересы творца, препятствуя, однако, свободному информационному обмену в обществе.

При коммунистических общественных отношениях (как ни странно, не исключая ранне- и даже псевдокоммунистические режимы) оплачивается **процесс** познания. Но в таком случае результат, когда и если он появляется, воспринимается как нечто принадлежащее не столько тому, кто его получил, сколько обществу в целом.

Заметим, что с точки зрения логики развития самой науки это как раз **справедливо**. Капитализм исходит из представления, согласно которому наука обязана приносить пользу.

На самом же деле наука — в любую эпоху и в любом обществе — абсолютно бесполезна и формула «Удовлетворение собственного любопытства за государственный счет» весьма верно описывает ее движущую силу. Если стремиться к высказываниям не столько парадоксальным и красивым, сколько точным, придется признать, что пользу приносит сам процесс развития науки — поскольку это развитие не непосредственно, но индуктивно стимулирует развитие технологии, производства и так далее — вплоть до общественных отношений.

Иными словами, как раз здесь «результат — ничто, движение — все».

Привычка связывать общественный прогресс с конкретными великими открытиями и

изобретениями и их творцами проистекает все из того же желания найти в истории логику шахматной партии или хотя бы театра и извлечь из прошлого уроки на каждый день.

Суть дела состоит в том, что мы до сих пор, цитируя известного поэта XX века: «всечасно прославляем первых, не ведая, что славим лишь вторых». Чтобы открытие или изобретение было признано великим, оно должно породить технологии. Но технология начинается там, где науки уже нет. И технология никогда не бывает создана одной инновацией, пусть и весьма важной. Словом: «У Константина Константиновича девяносто четыре родителя пяти различных полов, девяносто шесть собратников четырех различных полов, двести семь детей пяти различных полов и триста девяносто шесть соутробцев пяти различных полов». Не только как правило, но, пожалуй, и всегда установить реальное значение конкретного научного результата не представляется возможным. Ни в настоящем, ни даже в будущем. Авторы изящно касаются этого момента:

«...самые интересные и изящные научные результаты сплошь и рядом обладают свойством казаться непосвященным заумными и тоскливо непонятными. <...> Организовать на телестудии конференцию знаменитых привидений или просверлить взглядом дыру в полуметровой бетонной стене могут многие, и это никому не нужно, но это приводит в восторг почтеннейшую публику, плохо представляющую себе, до какой степени наука сплела и перепутала понятия сказки и действительности. А вот попробуйте найти глубокую внутреннюю связь между сверлящими свойствами взгляда и филологическими характеристиками слова “бетон”, попробуйте решить эту маленькую частную проблемку, известную под названием Великой Проблемы Ауэрса!»

Но ученые — тоже люди. Им хочется славы и тех возможностей, которые слава предоставляет.

Здесь-то и проходит водораздел. Если труд на самом деле составляет высшее наслаждение человека, капитализм обречен из-за того, что авторское право, увеличивая информационное сопротивление в социуме, снижает индекс развития. Но если человек, являясь «переходной ступенью от неандертальца к магу», способен трудиться только (или преимущественно) ради «строительства светлого будущего в одной отдельной взятой квартире и на одном отдельно взятом приусадебном участке, отгороженном от остального человечества колючей проволокой...», тогда, по-видимому, обречен коммунизм.

Искушение «жить для себя и только для себя» усиливалось очень низким уровнем жизни в Советском Союзе шестидесятых годов XX столетия. Это, конечно, был не Саракш, но «качество жизни» (стандартно определяемое через отношение оплаченного труда к прожиточному минимуму) было достаточно близко к единице. Это, в частности, означало, что молодая семья, в которой рождался ребенок, без посторонней экономической помощи не выживала.

Механизмы отрицательной обратной связи по распределению материальных благ, столь развитые в социалистических структурах, в первом приближении решали проблему голода. Но **только** ее.

Дьявол, искушая Христа, предложил ему «все царства земные». «Младшим научным сотрудникам» предлагали обычную двухкомнатную квартиру.

Это было **очень** много. Авторы точно передали реалии эпохи: молодые магистры НИИЧАВО живут в общежитии. «На сто двадцать рублей».

Выбор между «познанием для всех» и «работой на себя» (что на практике означает обеспечение **минимального** жизненного уровня для твоей семьи — доверившихся тебе людей) только кажется простым.

В декабре 1963 года была пройдена «точка равновесия»: индекс производства информации в «Объединенном мире» устойчиво превысил соответствующий показатель для «Свободного мира». То есть был сделан выбор в пользу познания.

Нам известно, что это произошло. Но до сих пор нет удовлетворительного ответа на вопрос — почему? И, возможно, в том, что ответа нет, заключена вторая причина

сказочности «Понедельника...»

«Институт предоставлял неограниченные возможности для превращения человека в мага».

Эпоха шестидесятых, как и всякая эпоха расцвета, продолжалась недолго. События весны 1968 года в Праге обозначили глубокий кризис «Объединенного мира», известного также как Европейский, или Берлинский, пакт. Советский Союз, который в пятидесятые-шестидесятые годы играл роль научного, культурного и идеологического центра «европейцев», оставаясь политически на вторых ролях, вновь заявляет претензию на абсолютное лидерство. И немедленно на всех уровнях — от государственного до районного — начинается быстрая реставрация административно-командной системы. **Голем проснулся.**

Теперь все зависело от того, какая структура окажется более жизнеспособной: горизонтальная сеть информационных генераторов — НИИ и КБ — или вертикальные клинья партийно-государственного аппарата. Семидесятые годы ознаменованы непрекращающимся конфликтом (по сути маленькой и **почти** бескровной гражданской войной) в советском обществе.

Этому иррациональному конфликту и посвящена «Сказка о Тройке».

Повесть эта кажется статичной. Действительно, речь в ней идет о «боях местного значения» на установившемся позиционном фронте. Ни одна из сторон не использует сколько-нибудь значительных сил и средств. Да и от результата схватки зависит не очень много (в конце концов, работали ведь как-то Амперян и Привалов без «черного ящика» и говорящего клопа).

Заметим, что «ресурсы», за которые идет сражение, «Тройке по рационализации и утилизации необъясненных явлений» не принадлежат ни юридически, ни фактически. «Ресурсы» эти не являются дефицитными — они не нужны никому, кроме представителей НИИЧАВО. Какой-либо угрозы личным, имущественным или хотя бы административным интересам Тройки при любом решении конфликтной ситуации не возникает. Однако же любой успех одной из взаимодействующих сил ослабляет — для грядущих боев — другую силу, поэтому в ситуации содержится известное внутреннее напряжение.

Символом безапелляционных силовых возможностей государственного аппарата (в лице любой его структуры и структурочки, сколь бы скромное место она ни занимала в общей системе управления) оказывается Большая Круглая Печать. Ее прикосновение позволяет **вычеркивать из Реальности** события, явления природы. Людей.

«Определитель Жемайтиса равен нулю. Плотность административного поля в каждой доступной точке превышает число Одина, административная устойчивость абсолютна, так что все условия теоремы о легальном воздействии выполняются...»

Однако Тройка не свободна в применении Печати. Она обязана соблюдать определенные правила игры. И может быть — в рамках этих правил — переиграна.

Строго говоря, в повести нет или почти нет столкновения личностей. Взаимодействуют между собой — строго в рамках установленных взаимных обязательств — информационные структуры административной государственности и сетевой науки. Перед нами конфликт големов, а не людей.

Рассматривать научное познание вместе с порожденными им структурами, такими как голем, неприятно, непривычно, но необходимо. И надо четко понимать, что для научного голема категории морали, благодарности, ответственности столь же чужды, сколь и для любого другого информационного квазиорганизма. Сотрудники НИИЧАВО безразличны голему в той же мере, в которой данная конкретная Тройка безразлична управленческому аппарату. (Единственная разница — в том, что граничным условием существования науки является развитие, а классическая государственность, хотя и может существовать в меняющемся мире, всегда предпочитает «свернуть пространство и остановить время».

Поскольку человечество все-таки развивается, «научный» голем может быть для него союзником. По крайней мере — в определенных условиях и, может быть, ненадолго.)

Четкое осознание этого факта, как ни странно, дает надежду. Уже в конце XX Столетия было доказано, что борьба человека против голема невозможна. Однако человек, будучи существом разумным, способен обратить к своей выгоде конфликты между информационными кибиологическими и в конце концов «запрограммировать» их и подчинить своей воле.

В первой Сказке перед нами пример (донельзя упрощенный) программирования голема. Тщательно просчитав все на моделях, магистры предпринимают некоторую последовательность действий, вынуждающую обе взаимодействующие информационные конструкции к определенным движениям. Результатом является не только получение товарищами Приваловым, Амперяном, Ойрой-Ойрой etc. необходимых им артефактов, но снижение информационного сопротивления среды вообще — ввиду полного поглощения ресурсов Тройки созданной магистрами сингулярностью.

Такое решение не обладает должной драматичностью и красотой. Оно даже производит впечатление поражения. Лавр Федотович остается на своем месте, Большая Печать принадлежит ему, административное поле по-прежнему абсолютно устойчиво и плотно в любой области. Но задачей человека разумного не является протест против факта существования явлений природы или общества. Задачей является их разумное использование — неброское и негероическое. И сейчас мы понимаем, что создание нерыночных гомеостатических экономических механизмов, которые уже к концу века привели к процветанию, а в дальнейшем создали экономическую систему, иронически называемую «Земной рай», было возможно только на пути последовательного системного программирования **разных** големов.

Ситуацию в первой Сказке облегчала незамкнутость системы, что, собственно, и позволило героям выйти за рамки «теоремы о легальном воздействии...» Во второй же Сказке выполняется классическое триединство времени-места-действия. Конфликт ограничен рамками условного «семьдесят шестого этажа», и система является строго замкнутой.

Здесь дело обстоит значительно хуже. Амперян и Привалов — не худшие из магов — продержались только три дня. К концу текста они готовы полностью перейти под защиту административного эгрегора.

Ситуацию спасает появление Феодора Симеоновича и Кристобая Хозевича. «Они были в неопишемом гневе. Они были ужасны. Там, куда падал их взор, дымились стены и плавилась стекла. Вспыхнул и обвалился плакат про народ и сенсации. Дом дрожал и вибрировал, дыбом поднялся паркет, а стулья присели на ослабевших от ужаса ножках. Это невозможно было вынести, и Тройка этого не вынесла».

Некоторыми критиками это «явление» рассматривается как классический «бог из машины». По-моему, напрасно. В замкнутой системе взаимодействуют не сами големы, а лишь их **представления**, и борьба с Тройкой в такой ситуации под силу «ведущим из магов». Никакого же иного воздействия на систему оказать нельзя — именно ввиду ее замкнутости.

Так что два варианта повести демонстрируют нам два приема решения конфликта «Голем-Голем» — важнейшей проблемы семидесятых годов XX столетия. Сила знаний позволяет осуществить — в отсутствие социальной замкнутости — программирование голема. Сила личности позволяет сокрушить **представление**, некротический образ голема. Если, конечно, система замкнута и образ действительно некротический.

* * *

Перечитав эти строки, я с огорчением заметил, что достичь поставленной цели — «вписать» исторические повести-фэнтези «Понедельник начинается в субботу» и «Сказка о Тройке» в контекст Реальности шестидесятых годов XX столетия — мне все-таки не удалось.

Но, может быть, этого и не требовалось. Все равно мне не известны источники, лучше, чем эти две книги, передающие эмоции, настроения, романтику — саму атмосферу шестидесятых. И я не столь самонадеян, чтобы попытаться создать такой текст самостоятельно.

СИНОПТИКИ КОНЦА СВЕТА

Произведения, собранные под этой обложкой, принято относить к исторической *фантастике*. «Боковая ветвь», вероятность, возможность. Так не было, но так могло быть.

Конфликты, в **нашей** Реальности успешно и **быстро** разрешившиеся в шестидесятые — семидесятые годы XX столетия, здесь усилены и растянуты во времени.

Иногда операция, что бы не понимать под этим термином — от небольшой войны до написания картины или симфонии, развивается сама собой и почти немедленно приводит к результатам — печальным или радостным, но окончательным. И когда реализуется такой вариант, он выглядит единственно-возможным: по-другому ведь и быть не могло, раз уж все так просто...

Но в большинстве случаев события развиваются очень медленно. Конечная Цель почти не ощущается в тумане неизвестности, и идут бои за частные цели, бои долгие и с переменным успехом, и эти частные цели заслоняют собой Главную и начинают казаться ею; успехи сменяются поражениями, с течением времени накапливаются силы — и вновь приходят победы, и в конце концов все получается **почти** как в первом варианте: симфония исполнена, картина написана, сражение выиграно, рай на земле построен. И можно обозреть пройденный путь, и подумать, где нужно было «сыграть» точнее, и уяснить, наблюдая все извивы своей «генеральной линии», почему, несмотря на сделанные ошибки и поражения, конечный результат остался все-таки за тобой.

В Реальности, описанной в «Отягощенных злом», «Гадких лебедях» и «Рукописи, обнаруженной при странных обстоятельствах», не случилось каких-то обыденных чудес и реализовалась совсем другая История.

Так рассуждать, по крайней мере, легко. «Боковая ветвь эволюции». Поучительна, но к нам прямого отношения не имеет. Зачем думать, что этот мир столь же реален (или нереален?), как и наш, что **каждый** человек **отсюда** существует и **там**? Кошмар историка-«вероятностника» — увидеть себя любимого в другой исторической проекции...

«Отягощенные злом» были с интересом встречены профессиональными читателями исторических романов и с неудовольствием — профессиональными историками. Ташлинск XXI века им очень не понравился, а совпадение имен героев с именами «ряда известных исторической науке политических деятелей периода реконструкции» внушило, по-видимому, брезгливое отвращение. Мне тоже хорошо известно, что М. Т. Кроманов никогда не работал начальником милиции города Ташлинска (тем более что и должности такой в тридцатые годы уже не существовало). В описанный период времени этот человек был начальником службы безопасности на одной из самых «горячих» границ. Ревекка Самойловна Гонтарь известна любому историку педагогики как выдающийся борец за претворение в жизнь «Образовательной программы ООН» («Австралийской программы»). Из остальных названных в тексте по именам людей удалось найти только Игоря Мытарина. Он не стал известным педагогом, не написал воспоминаний о Г. А. Носове и даже никогда не учился у него, потому что в 2027 году погиб вместе с родителями в Афганистане, во время одного из первых «окраинных конфликтов».

Газеты с названием «Ташлинская правда» тоже не существовало с семидесятых годов XX века. Но, однако же, ее номер со статьей Г. А. Носова о «флоре» я держу сейчас перед собой. Артефакт из альтернативной калибровки.

Я воспринимаю «Отягощенные злом» — при очевидной сложности, многоплановости

и насыщенности символикой этой вещи — прежде всего как «педагогическую феерию». Авторами исследуется и в какой-то степени развенчивается один из **очевидных** способов построения идеального общества.

В конце сороковых годов в Советском Союзе была принята очередная, Третья программа Партии, или Программа построения коммунизма. Больше всего в ней было от учения ранних христиан, и к коммунизму она имела примерно такое же отношение, как к Общей теории относительности. В работах по историческим последовательностям документ этот если и упоминается, то с юмором. Однако особого вреда людям он не причинил, что для официальной политической программы тоталитарного государства уже следует считать достижением. Через весь документ проходит абсолютно ненаучное, очень наивное, но и очень искреннее желание сделать окружающий мир лучше. Как «лучше» ни авторы, ни исполнители не понимали и не могли понять. Но в отличие от большей части остального человечества они хоть что-то пытались делать.

Знаменитая Программа включала в себя три основных пункта (философское мышление XX столетия заиклилось на троичности: «три закона Ньютона», которых на самом деле было четыре, «три источника, три составные части марксизма», «триединая задача построения коммунизма» etc). Первый — создание материально-технической базы — был простым набором слов, не имеющих какого-либо смысла. С точки зрения каждого поколения предыдущее живет в полной нищете, а последующее находится в раю земном да еще чем-то недоволено. Поэтому упомянутая «материально-техническая база» может быть журавлем в небе или синицей в руках, но во всяком случае **необходимым условием** переустройства мира она никак быть не может. Идея создания «новых производственных отношений» была бредом для любого ортодоксального марксиста, да и для всякого аналитически мыслящего человека. Отношения возникают в процессе труда и отвечают общему уровню развития производства. «Строить» здесь совершенно нечего.

Но был еще один принцип — *воспитание нового человека*. Звучал он, скорее мерзко, поскольку «новые люди» ассоциировались с «новым порядком» и «прекрасным новым миром». Однако же принципы означают лишь то, что в них вкладывают... Все ранние коммунистические утопии — и не только в России / Советском Союзе, но и в странах Атлантического пакта — были **педагогическими** утопиями. Впрочем, хочу заметить, что и антиутопии тоже были по преимуществу педагогическими.

Интересно получилось. С тех пор прошло более трехсот лет, о Третьей программе Партии знают только историки, да и то далеко не все, но мнение о решающем, хорошо если не сакральном, значении «новой педагогики» в становлении современного общества господствует до сих пор. Как и во времена «Полдня...», Учителя составляют примерно треть состава Мирового совета.

«Допотопный», точнее, «довоенный» этап развития «новой педагогики» оставил мало документов. Видимо, нет оснований сомневаться, что основы теории были заложены именно тогда, но ни имен разработчиков, ни результатов их деятельности история не сохранила. Вряд ли люди, воспитанные в русле идей «новой педагогики», пусть даже и чудовищно извращенной, сталинской «новой педагогики», могли пережить тридцатые годы и мировую войну.

В конце пятидесятых — лет за тридцать до появления модели информационно-обогащенной среды — в СССР создается ряд специализированных физико-математических школ. Эксперимент, с точки зрения власть имущих, принес фантастическую удачу и дал стране неопределимой важности «очки» в самый напряженный момент полувоенного соревнования двух систем.

И здесь проходит водораздел между Реальностями. У нас сеть физматшкол непрерывно расширялась, стимулируемая огромным спросом на их выпускников со стороны военных и ГКМПС. И мало известно, что существовала и противоположная точка зрения — закрыть эти элитарные учреждения как противоречащие принципу всеобщего равенства. Счастье, что генералу Пферду из «Гадких лебедей» всегда чего-то хочется. Атомной бомбы,

импульсной ракеты, фотонного двигателя... Или не всегда?

В Реальности спецшколы закрыли. Космические исследования оказались заморожены — не то после, не то вследствие этого. Во всяком случае, об освоении Системы к концу столетия не было и речи, функционировала только околоземная космонавтика. К десяткам лет отставание от Атлантического пакта по ряду основополагающих параметров уже нельзя было замаскировать, и тогда появились лица — как базисный элемент «динамического образования».

Ни одно государство не рассматривает школу как систему, призванную научить людей (тем более — воспитать их). Узкоутилитарная функция образования минимальна — интегрировать человека в социум. И не в «социум вообще», а в тот конкретный, который породил данную школу — частицу данного государства. Этой задаче — воспроизводству общества и общественных отношений — подчинено все.

Потому и трагична роль учителя. Будучи включенным в эту систему, он не то чтобы не может идти против нее... Может! И очень часто идет. Но системе это более чем безразлично. Она организовала дело так, что чем лучше Учитель, тем лучше он выполняет свою основную интегративную функцию. Ему кажется, что он учит думать и сомневаться, учит человечности и добру. Очень может быть, — если мысли и сомнения, человечность и честность входят в число ценностей данного общества и воспроизводятся вместе с ним. В противном случае воспитываться будет нечто другое. Прямо по В. Высоцкому:

По профессии я — усилитель,
Я страдал, но усиливал ложь.

Школа — больше чем просто информационный усилитель. Это система глубокой положительной обратной связи, обеспечивающая нормальное функционирование социальных систем.

Закрытый интернат в Англии XVIII столетия воспитывал английских лордов. В Германии послеверсальских времен — убежденных фашистов. В СССР шестидесятых годов XX века — советских интеллигентов. Сейчас такой интернат — атрибутивный элемент нашего воспитания.

Хорошо это или плохо — воспитывать детей без родителей? Можно привести десятки аргументов — притом исторически обоснованных аргументов — в пользу любой позиции. Так что перед нами опять вопрос калибровки.

С точки зрения государства школа ни в коем случае не должна учить думать. Думанье — процесс динамический, и уже этим фактом он отрицает неизменность государства. Государство существует в настоящем. В продолженном настоящем. Мысль — это всегда связка прошлого и будущего, то есть протест против настоящего.

Но, с другой стороны, реалии мировой политики таковы, что без слоя думающих людей государство просто нежизнеспособно, так что этот слой надо как-то создавать, и задачу эту приходится возложить на школу — больше некуда. И здесь-то и возникает интереснейший и до сих пор толком не изученный феномен: школа начинает бороться с собой. Борьба эта всегда приводит к одному и тому же промежуточному результату: из общей массы школ и учителей выделяются Школы и Учителя. Формируется элита.

Для обуздания элиты создается персональный монстр в лице Академии педагогических наук и Министерства просвещения. Для ее поддержки работает Министерство высшего образования и, если повезет, армия. Силы равны настолько, что приобретает значение поведение конкретных людей. Учителей. Родителей.

«Отягощенные злом» и «Гадкие лебеди» образуют диптих, танец отражений. Исследуется одна и та же проблема, да по сути и одна и та же ситуация. Подчеркнуто реалистичный (хотя и «не наш») Ташлинск и обобщенный Город обобщенной страны. Дети и взрослые. Конфликт будущего (всегда страшного, потому что оно — иное) и настоящего. Привычного. Конфликт свободы — ребенок всегда свободен — и собственности — он **мой** ребенок. Школы нет, есть Учителя, которые — как и положено — обеспечивают обратную связь. Но не с сегодняшним, а с завтрашним обществом. В новой педагогике это называется

«динамический гомеостаз».

В конфликте между «сегодня» и «завтра» виноватых нет. Правых, наверное, нет тоже. И никто никогда не сможет сказать заранее, на какой именно стороне он будет сражаться. Если, конечно, будет.

Динамическая педагогика тоже не панацея, но на уровне того времени она была, вероятно, лучшим выбором. И это был очень жестокий выбор.

Можно — легко! — понять тех, кто боролся с «флорой» или ставил капканы на мокрецов. В человеке заложено оберегать от любых опасностей своего ребенка. А будущее — самая страшная опасность, во всяком случае неизбежная, потому и хочется «обрубить его щупальца». Господин писатель Банев оказался очень свободным человеком.

Дело не в моем нравственном релятивизме. Дуалистична сама школа: информационный усилитель, равно необходимый и богу и дьяволу. И, наверное, единственное, чего мы можем от нее требовать — обеспечить минимальный «коэффициент усиления» при максимальной «полосе пропускания» пространства решений и зоны личной свободы. Наверное, именно это имел в виду Г.А., вступаясь за флюверов, которые были ему, по меньшей мере, неприятны.

Иными словами, создание лицеев, интернатов, спецшкол, частных гимназий есть относительное добро. Такие учреждения полезны в одних условиях, бесполезны в других, опасны в третьих. Но закрытие их «сверху» (волею чиновничьего начальства), сужающее пространство выбора и «полосу пропускания» людей обществом, является злом абсолютным.

Развитие возникает как результат взаимодействия поступка и сомнения. Свобода есть, прежде всего, развитие. С поступками все более или менее ясно. Они естественны. «Именно то, что наиболее естественно, — заметил Бол-Кунац — менее всего подобает человеку». Сомнение неестественно.

«За миллиард лет до конца света» — повесть о сомневающих.

Клише «советский интеллигент» сразу дает отсылку к шестидесятым годам XX века, но в данном случае речь идет по крайней мере о восьмидесятых. Трудно сказать, на этой ли линии исторического события находится Ташлинский лицей и лепрозорий из неизвестного Города, но, во всяком случае, «Урановая Голконда» и марсианские города были на иной линии.

Действие происходит в привычно тоталитарном социалистическом государстве, и некая, пусть и вымороченная, свобода ташлинских нравов — с наркотиками, лицами, флюверами, дешевой пищей и народными митингами — для героев повести несбыточная мечта.

Никто из них не оппозиционер — ни рассказчик Малянов, ни вальжный Вечеровский, ни Губарь с его «феддингами», ни Вайнтартен с ревертазой и новым институтом. Напротив, они только что не подчеркнута лояльны. Но сомнение приводит к развитию, а познание является единственной формой развития, достойной человека, и вот тогда оказывается, что существование этих людей представляет собой угрозу даже не правящему режиму, не государству или партии, а целой вселенной, равнодушной и апатичной. Как государственный голем.

Неправда, будто бы интеллигент всегда находится в оппозиции к властям. Обычно он оказывается в оппозиции к мирозданию.

СЛЕДСТВИЕ ПО ДЕЛУ О ГИБЕЛИ МИРА

Хотя со времен Фрэнсиса Бэкона и до наших дней основной задачей науки считается получение новых и новых эмпирических фактов, «фактов всегда достаточно». Например: «объект такой-то, будучи облучен рентгеном под углом восемнадцать градусов, испускает квазитепловые электроны под углом двадцать два градуса»... Обратите внимание — именно под углом двадцать два градуса и ни градусом больше!

«— Если взять каплю воды,— сказал он,— то, имея нужные вещи, можно увидеть в ней тысячи тысяч мелких животных.

— Для этого не нужно никаких вещей».

Не хватает фантазии...

Результаты эмпирической науки (да простит меня Бэкон) почти всегда совершенно бесполезны. Чтобы извлечь из них что-то действительно ценное — в узкоутилитарном или, наоборот, в возвышенно духовном смысле — требуется процедура интерпретации. Обычно под «интерпретацией» понимается построение работоспособной модели. На этом этапе труд ученого сближается как с работой детектива, призванного собрать мозаику разрозненных фактов в единую непротиворечивую картину, так и с творчеством художника, для которого из всех оценочных критериев качества этой «картины» важнее всего субъективная красота.

На следующем — последнем — этапе происходит переход в надсистему. В метанауку — тогда созданная модель начинает порождать новые смыслы и толкования, новые приемы исследования и в конечном итоге новые модели. «Я не буду вдаваться в подробности, но существование таких объектов, как магнитные ловушки, К-23, “белое кольцо”, разом зачеркнуло целое поле недавно процветавших теорий и вызвало к жизни совершенно новые идеи». Или в технологию — тогда на базе модели создается что-то элементарно полезное: «...“этаки”, “браслеты”, стимулирующие жизненные процессы... различные типы квазибиологических масс, которые произвели такой переворот в медицине... Мы получили новые транквилизаторы, новые типы минеральных удобрений, переворот в агрономии... В общем, что я вам перечисляю! Вы знаете все это не хуже меня, браслетик, я вижу, сами носите...» А иногда осуществляется переход в магическую составляющую мира, и модель превращается в миф. «Легенды и полубогини: “машина желаний”, “бродяга Дик”, “веселые призраки”...»

Однако же заранее предсказать, что именно «вырастет» из вашей замечательной модели, совершенно невозможно. Скорее всего — ничего. «С Зоной ведь так: с хабаром вернулся — чудо, живой вернулся — удача, патрульная пуля — везенье, а все остальное — судьба...» Конечно, можно попытаться минимизировать опасность — скажем, не таскать из Зоны «ведьмин студень» ведрами, но толку от этого немного — риск заключен в самой работе ученого. Или сталкера. Риск — плата за то, что мы достаем из Зоны (как бы она не называлась). Риск — плата за нетождественное преобразование «позиции», за любую деятельность по уменьшению энтропии.

«Конечно, не исключено, что, таская наугад каштаны из этого огня, мы в конце концов вытащим что-нибудь такое, из-за чего жизнь не только у нас, но и на всей планете станет просто невозможной. Это будет невезенье. Однако, согласитесь, это всегда грозило человечеству».

Не все, однако, обладают мудрым спокойствием нобелевского лауреата Валентина Пильмана, и мысль о необходимости обеспечения безопасности — Управления, Государства, Человечества, Будущего (все — обязательно с большой буквы!) — неизбежно овладеет массами и приведет к действиям. «Непреодолимые кордоны. Пояс пустоты шириной в пятьдесят километров. Ученые и солдаты, больше никого. Страшная язва на теле планеты заблокирована намертво...» Ученые и солдаты. Ученые-солдаты, солдаты-ученые...

В результате сталкерство объявляется преступлением и уходит в подполье, в тень. Но сталкерство заложено в природе — если — к сожалению! — не каждого человека, то — к счастью — очень многих людей. И Рэдрик Шухарт, сталкер, работающий за «зеленые», с полным правом говорит: «Все правильно. Городишко наш дыра. Всегда дырой был и сейчас дыра. Только сейчас — это дыра в будущее».

Однако у полиции, открывшей охоту на сталкера Шухарта, есть свои резоны. В конце концов, для нее существует Закон.

Я сказал уже, что между работой следователя и ученого можно провести параллели. Но можно найти и более глубокую аналогию — между наукой и правом.

Наука ищет (а может быть, конструирует?) логические закономерности в природе. Право же конструирует (или все-таки ищет?) логические закономерности в отношениях между человеком и обществом.

Чудовищная ограниченность и той и другой системы заключена в слове «логические» — конечные, измеримые зависимости. И все бы ничего — таким путем можно получить прекрасное приближение в истине, построить великолепные по красоте и полезности модели — если бы обе системы не претендовали на абсолютность, на то, что логическими закономерностями природу и человечество можно и должно исчерпать.

Тема **закона** проходит через все три повести, вошедшие в данный сборник.

Или, точнее говоря, тема столкновения закона и реальности, закона и свободы.

Закон нарушает Рэдрик Шухарт. И закон загоняет его в угол. Шухарт вырывается из этого угла, вырывается, наплевав на всех и вся, — всех, кроме Гуты и Мартышки. Вырывается, привнося в мир «ведьмин студень» — сделав то, на что не пошел бы покойный Слизняк и живой Стервятник. Вырывается еще раз, пожертвовав доверившимся ему человеком, **предав**. И, заплатив эту цену, доходит до конца, до золотого шара, исполняющего желания, но только самые сокровенные. И этот преступник и предатель произносит слова, которые стали паролем для моего поколения. Те самые: «СЧАСТЬЕ ДЛЯ ВСЕХ, ДАРОМ, И ПУСТЬ НИКТО НЕ УЙДЕТ ОБИЖЕННЫМ!»

Закон является основой конфликта между инспектором Глебски и Симоном Симонэ в «Отеле “У погибшего альпиниста”». Впрочем, здесь дело обстоит в чем-то проще, а в чем-то сложнее. На первый, да и второй взгляд очевидна правильность позиции Симонэ, тем более что со времен «Сердца Змеи»²² И. Ефремова мы привыкли рассматривать Контакт преимущественно в розовых тонах. Каноническая формула: «Цивилизация, достигшая технического уровня, позволяющего вступить в Контакт, с неизбежностью должна достигнуть и соответствующего духовного уровня». Иными словами, «сверхразум это сверхдобро».

Но, как и всякая сугубо логическая формула, этот закон не может не быть ограничен. Да и термин «сверхдобро» не внушает «гранулированного оптимизма» — мне во всяком случае.

И вот тогда оказывается, что в «Отеле “У погибшего альпиниста”» нет конфликта Шухарта — конфликта неограниченной свободы и ограниченного права. Здесь обе стороны служат закону. Инспектор Глебски — закону государства. Физик Симонэ — закону привилегированной микрогруппы «научное сообщество». И, если уж говорить о свободе мнений и действий, позиция Глебски выглядит более честной. Для инспектора ситуация **неочевидна**. Он не видит правильного решения. Или, если быть точным, видит, что события вошли в «воронку» и любое решение будет неправильным. В его колебаниях проявляется, на мой взгляд, та самая человеческая **порядочность**, которую так ценил пилот Пирке из рассказов Станислава Лема. Для Симонэ ситуация **очевидна**, и допускает она только одно решение. Нет колебаний, нет и попытки осмыслить возможные последствия. Есть лишь желание действовать согласно закону научной среды. (И добро бы, хоть в этом Симонэ преуспел!)

Между тем задача, с которой столкнулись постояльцы отеля, сконструирована искусственно (не зря же дан подзаголовок «Отходная детективному жанру»), и «правильного» решения у нее нет, как сказал бы математик, «по построению». Если существует какой-то рецепт для человека, оказавшегося в подобной ситуации, то, наверное, это совет выполнять свой долг. То, что ты считаешь таковым...

Еще сложнее рисунок событий в повести — «Улитка на склоне».

На трех полюсах текста — в деревне, в Городе, в Управлении — ведется лихорадочная и вроде бы целенаправленная деятельность. Все стороны вроде бы пытаются достигнуть результата (пусть и осмысленного только для них). И при этом от начала и до конца в повести **ничего не происходит**. Нельзя даже сказать, что события двигаются по кругу, ибо

²²Ефремов И. Туманность Андромеды. М.: ЭКСМО, 2007.

«бег по кругу» это все-таки упорядоченное перемещение.

Абсолютная статичность текста подчеркивается речью героев. Подчеркивается замкнутостью Леса, оторванностью Управления от Материка. Впрочем, Материка вообще нет в пространстве повести. Существуют одни только легенды о нем; например, кто-то говорит Перецу о машине, будто бы идущей на Материк, но, заметим, она так никогда и не попадает туда.

Как-то на вдоль и поперек знакомом озере случилось мне ночью попасть в сильный туман. Я знал, что берег находится всего в сотне-другой метров, знал, но не верил этому. Было впечатление, что на всем свете нет ничего, кроме воды, затянутой плотной белесой пеленой, — ни камней, ни земли, ни, естественно, людей. Мир без времени и движения.

Туман безвременья создается Лесом с его «одержаниями», «спокойствием и слиянием», «разрыхлением» и неумолимо продвигающимися по всему доступному пространству «славными подругами». Туман безвременья создается крокодилчиком (на большее этот монстр явно не тянет) Управления, паразитирующим на Лесе, гадящим на Лес, искореняющим Лес и тем не менее во всем подобном Лесу. И все — от несчастного старца до Директора Управления (это, конечно же, есть должность, а не человек) обречены оставаться в **тумане**, может быть, и зная, что в часе езды или полета отсюда есть нормальный мир, в котором живут нормальные люди, но не веря в это.

Мы вновь возвращаемся к теме взаимодействия закона и личности. Гротескная деятельность Управления вся подчинена Закону, действующему в форме приказов, инструкций, директив. Свобода сотрудников строго равна нулю, в известном смысле ее можно даже назвать отрицательной, поскольку последняя директива Директора (рано или поздно она будет подписана, что бы там Перец на этот счет не думал) лишает их даже права стать жертвой случайного события.

Для нас остается темной картина Закона, порожденного жизнедеятельностью Города, Закона, которому подчиняются мертвяки и рукоеды.

«— Не обязательно убивать. Убивать и рукоед может. Сделать живое мертвым. Заставить живое стать мертвым».

А в деревнях, которые вдруг стали не нужны никому и продолжают существовать в силу естественной в больших системах инерции, создается свое опереточное право.

«Так поступать нельзя. А что такое “нельзя”, ты знаешь? Это значит: не желательно, не одобряется, значит, поступать так нельзя. Что можно — это еще не известно, а уж что нельзя то нельзя».

Надо сказать, что Старец нашел-таки ключевой термин в системе права — «нельзя». Право можно определить как совокупность некоторых аксиом, регулирующих взаимодействие между обществом и личностью и обязательных для выполнения личностью **под угрозой наказания**.

Конкретное содержание свода законов, действующего в той или иной системе, обусловлено национальными, историческими, культурными и иными внелогическими факторами и, несомненно, является случайным. Можно лишь говорить о «естественном отборе» правовых норм, в ходе которого отбраковывались законы, не отвечающие реальным потребностям данного социума (или, что, видимо, происходило чаще — отбраковывался социум, управляющийся такими законами).

Ф. Дюрренматт как-то сказал: «Если произвольного мужчину, достигшего 35-летнего возраста, безо всяких объяснений посадить в тюрьму лет на пятнадцать, в глубине души он будет знать за что». Если это и шутка, то в ней заключена неожиданно большая доля правды.

С одной стороны, право подразумевает необходимость выполнения законов практически всеми гражданами страны (оставшиеся именуется преступниками и могут считаться гражданами лишь с серьезными оговорками). С другой стороны, практически все граждане практически любой страны законы нарушают.

Нет никакой возможности связывать это с «дурными гражданами» или «дурными законами», поскольку нетрудно проследить: что в рамках обществ, ориентированных на

европейские ценности, данное противоречие возникает повсеместно.

«...Дурак: ты, мол, Рыжий, нарушитель равновесия, разрушитель порядка, тебе, мол, Рыжий, при любом порядке плохо, и при плохом плохо, и при хорошем плохо,— из-за таких, как ты, никогда не будет царствия небесного на земле...»

Представляется интересным рассмотреть проблему с точки зрения ценностной ориентации нашей культуры.

Основными ее понятиями являются **свобода и познание**, что подразумевает движение, изменение, развитие. Наша культура — прежде всего, быстро меняющаяся культура. Тем самым все ее структуры и механизмы зависят от времени, и во всем укладе нашей жизни постоянным является лишь **изменение**.

Право же (как оно понимается сейчас и понималось всегда) статично: механизмы изменения законов сложны и крайне медлительны. Иными словами, право регулирует лишь статические аспекты взаимоотношений в динамическом объекте, которым является общество. И поэтому законы **обречены** на невыполнение.

Возможно, дело обстоит еще хуже: общество, в котором законы повсеместно выполняются («правовое государство»), теряет способность к развитию и гибнет. Что ж, адептов права это не останавливает — еще римлянами было сказано: «Пусть погибнет мир, но пусть свершится правосудие».

Известный политик начала XX столетия — Владимир Ленин — сказал бы, что в этой фразе заключено две истины — абсолютная и относительная.

«ЛИЧНОЕ ДЕЛО» ГОСПОДА БОГА

Мне кажется, что самой сложной религией является атеизм.

Не вульгарное неверие, которое обозначает только лишь отсутствие воображения, но атеизм как сознательный **человеческий** выбор.

Мир, в который входит ребенок, прост. Он может быть трагическим и страшным (и чаще, чем это принято думать, бывает именно таким), но он не содержит в себе неразрешимых вопросов. Конечно, **почти** не содержит. Потому ребенку **почти** не нужна идея Верховного Существа.

Говорят, что Бог создал человека по образу своему и подобию, а человек отплатил ему тем же. В этой шутке не обошлось без доли истины, но только очень маленькой доли. Собственно, никто не мешает определять шахматную комбинацию как «форсированный вариант с жертвой», картину как «прямоугольный кусок холста, покрытый красками», человека как «двуногое существо без перьев и с плоскими ногтями». Однако не совсем ясно, что делать дальше с этими определениями.

Человек обращается к Богу (как говорят верующие) или выдумывает Бога (по мнению остальных) в тот момент, когда простой мир, доселе окружавший его, вдруг расплывается, меняет свои очертания и для чего-то или для *кого-то*? заполняется вопросами, которые с очевидностью не могут иметь решения.

Существует только одна теологическая проблема, одна-единственная... Можно, работая в любой философской калибровке, от буддизма до неопозитивизма включительно, осмысленно и доходчиво ответить на вопрос «зачем Человеку Бог»? Но попробуйте объяснить, зачем Человек Богу?

«Эксперимент есть Эксперимент,— сказал Наставник.—

Не понимание от тебя требуется, а нечто совсем иное.

— Что?!»

Пытаясь **понять**, я подошел к этой проблеме как ученый-естественник. В конце концов, основа ответа всегда заключена в самом вопросе. Достаточно понять, что Человек нужен Богу **зачем-то**. Своим существованием он исполняет некую функцию, вероятно для нас непостижимую.

Заметим, что человечество в течение всей своей более-менее документированной истории относилось к системам самого непредсказуемого класса: число людей слишком велико, чтобы исследовать эту систему «механически», и одновременно ничтожно мало, чтобы действовали статистические методы.

Но ведь в реальности статистические методы действуют? Действуют повсеместно — начиная от опросов общественного мнения по поводу президентских выборов и заканчивая теорией рекламы. Действуют, хотя по логике вещей не должны.

«Я даже спрошу точнее, — сказал Гейгер. — Нормально ли, чтобы миллион человек — все равно здесь или на Земле — за десятки лет не дал одного творческого таланта?»

Фриц Гейгер привык к интуитивному выполнению закона больших чисел. На миллион человек должен быть один великий писатель, десять ярко талантливых и около ста способных... И отклонение от этого привычного положения дел беспокоит практического президента. Я не удивлюсь, если и экспедицию на север он организовал не ради научных интересов Андрея, тем более — не ради мифического и далекого Антигорода, а в надежде найти какой-то осмысленный намек на ответ.

А что если — наоборот? На одного великого писателя создается миллион большинства — «...темного, забитого, ни в чем не виноватого, невежественного большинства...»

А ведь какую бы цель не ставил Господь, пять миллиардов людей для достижения этой цели ему не нужны. Потому что его вполне устроит минимальная по размерам система, для которой невозможен механический анализ.

Но такая система насчитывает мало людей, вследствие чего развитие ее будет крайне медленным. Сотня лет на то, чтобы построить несчастную электростанцию. Пятьсот — на сеть железных дорог. Тысячу на обыкновенный фотонный планетолет.

Очень медленно меняется такое человечество. Очень медленно меняются люди, почти все время и силы которых заняты непрерывным трудом ради минимального самообеспечения. И, решая эту проблему, Господь создал **почти людей**, неотличимых от настоящих, но не обладающих душой, не имеющих свободы воли и не участвующих в Эксперименте. Господь повелел, чтобы Люди могли взаимодействовать только с Людьми. Виртуалы ненаблюдаемы, иными словами, они существуют лишь как статистическая масса (потому и исполняются статистические законы — *по построению*). Реальные Люди (во всякой религии найдется своя «тысяча избранных») образуют ничтожное меньшинство, но столь же правомочно высказывание, что никого, кроме их, в мире просто нет. Может быть, и мира никакого нет. «К западу — неоглядная сине-зеленая пустота — не море, не небо даже — именно пустота синевато-зеленоватого цвета. Сине-зеленое Ничто. К востоку неоглядная, вертикально вздымающаяся желтая твердь с узкой полоской уступа, по которому тянулся город. Желтая Стена. Желтая абсолютная твердь.

Бесконечная Пустота к западу и бесконечная Твердь к востоку».

Классический парадокс теологии есть противоречие между существованием и бездействием Господа. Понятно, что речь идет о бездействии в нашем понимании. Но ничто другое нас интересовать не может. Мы, Люди, созданы им для чего-то, чему, возможно, нет названия ни в одном из наших человеческих языков. Мы одарены им душой. Мы помещены им в мир, сотканный из неразрешимых вопросов. Мы привыкли не замечать эти вопросы: Эксперимент есть Эксперимент. Но мы не в силах понять, как Господь может не захотеть спасти умирающего в муках ребенка. И если у Господа по такому поводу есть свое собственное мнение, что ж — тем хуже для такого господа.

«Беру примером молодого человека, потерявшего любимую жену, только что умершую от рака. Он еще не ощутил, что он жертва особой несправедливости, всеобщего биологического закона, беспощадного, чудовищного и циничного...»²³.

Разумеется, Господь в своей неизъяснимой благодати мог просто отменить смерть. Это

вполне возможно (что и продемонстрировал в «Сумме технологии» Ст. Лем), и Второе начало термодинамики здесь абсолютно ни при чем. Но каков был бы конечный результат?

Эльфы, как всем известно, дивный народ. Но эльфы, которые не только не умирают, но которых еще и невозможно убить, — это нечто невообразимое. Речь даже не о том, что бессмертная человеческая плесень за довольно короткий срок заполнит Вселенную (это изображено у П. Буля в рассказе «Когда не вышло у Змея»²⁴) — с этим несложно справиться. Проблема носит иной характер: **всякое развитие происходит через смерть.**

Прикиньте, сколько великих произведений искусства не было бы создано, если бы Бог, услышав молитвы поколений, **отменил** бы войну.

Конечно, черт бы с ними — произведениями искусства, тем более что не меньше было спалено в пламени военных пожаров. Но это наша логика. Человеческая. Там, «наверху», точно знают, что рукописи не горят.

И не в этом дело, конечно.

Война слишком человеческое, чтобы ее можно было так легко **отменить**. Ведь **зачем-то** мы нужны Ему именно такими, какие есть; Он такими нас создал.

Есть, однако, еще одно решение. Согласующееся и с диктатом Реальности, и с милосердием Господа. Оно очень простое.

Всякий раз, когда умирает Человек, Господь создает новый Мир. Мир, в котором пуля прошла мимо, от болезни нашлось лекарство, а родник в пустыне оказался не миражом, а настоящим живым источником.

«— А если мы не найдем воды?

— Вы ее найдете. Всегда находили и теперь найдете».

Но для своей прежней Реальности он умирает. В бою. При кораблекрушении. В постели. Под колесами автомобиля. Смерть для других — как непремный атрибут Творения. Атрибут развития и подвига. И бессмертие для самого человека, бессмертие, оплаченное непрерывным созданием миров, изгибающее линии судьбы и порождающее саму *плоскость* исторического континуума.

Зачем?

Ответ довольно прост:

«Вы начинаете новый этап, Андрей, и на мой взгляд — решающий этап. В известном смысле даже хорошо, что все получилось именно так. Рано или поздно все это с неизбежностью должно было произойти. Ведь экспедиция была обречена. Но вы могли бы погибнуть, так и не перейдя этого важного рубежа...»

Когда я первый раз прочитал «Град обреченный» (вернее, одну его главу, которая сейчас называется «Разрыв непрерывности», а тогда — «Экспедиция на север»), я был лет на семь младше Андрея Воронина-«мусорщика». Теперь я на те же семь лет старше господина «Советника» Воронина, а роман прочитан мною в девятый раз. И как и тогда, двадцать с лишним лет назад, я ощущаю только одно — горькое, обидное непонимание. Девять прочтений открыли мне девять смысловых слоев текста, но, думаю, и последний из них почти так же далек от понимая авторского замысла, как и первый.

«...испытал тех, которые называют себя апостолами, а они не таковы, и нашел, что они лжецы...»

Сейчас, в 37 лет, я читал «Град обреченный» как роман о взрослении.

Общество — через родителей и школу — программирует Человека, чтобы вести с ним осмысленный диалог. Не все, конечно, доживают до конца этой стадии в Текущей Реальности, но многие доживают.

Им кажется, что они уже знают и умеют все. Они имеют ответы на все вопросы, имеют «хороший жизненный план» и вряд ли будут думать о чем-то другом. Даже верующие

²⁴Буль П. Когда не вышло у Змея/ / Библиотека современной фантастики. Том 25. Антология. М.: Молодая гвардия, 1973.

среди них — атеисты (потому что Господь живет в мире неразрешимых вопросов, а для них пока все вопросы разрешимы). Даже атеисты среди них — идолопоклонники, поскольку хочется во что-то верить, оправдывая свое — такое **неочевидное** — существование.

А дальше начинается жизнь.

Мусорщик становится Следователем, и вот он уже допрашивает своего друга, а тот кричит ему: «Жандармская морда!».

«...Ты не был болваном. Ты был хуже. Ты был оболваненный, С тобой ведь по-человечески разговаривать было нельзя».

Еще один оборот делает жизнь, и Редактор городской газеты таскает передачи в тюрьму, а их однокашник по «коллегии» мусорщиков захватывает власть в Городе, расставляя повсюду виселицы, стреляя и убивая — «по делу», «на всякий случай», «по ошибке». И кажется, что теперь-то настал полный конец, что вынести этого нельзя, невозможно.

«Ты взрослеешь, Андрей. Медленно, но взрослеешь».

Воронин сильно меняется между второй частью и третьей. Идеалы заставили его предать, но и сами не выдержали предательства. Старые апостолы не были отброшены за ненужностью. Просто сломались. «...И нашел, что они лжецы...»

Редактор воспринимает себя взрослым. Он уже не тщится «положить свой живот на подходящий алтарь», как Кэнси. Он вообще почти не реагирует на события. Шведская шлюха Сельма (которой мусорщик Воронин некогда втолковывал азы социалистической политграмоты) с вызовом говорит ему: «По-моему, это просто трусость — удирать сейчас из города».

Андрею все равно. Ему скучно.

На этой стадии существуют — не скажешь ведь «живут» — герои повести «Второе нашествие марсиан».

Что бы ни случилось в Мире Сотворенном, для них не происходит ничего. А если и нагрянут события, хорошие ли, страшные ли, обыватели неназванного Города встретят их *детским* вопросом. Да, тем самым. «Что же теперь с нами будет?»

Аполлон навсегда обиделся на свои юношеские идеалы. Как многие в Мире Сотворенном. Есть такое *детское* свойство — обижаться *навсегда*. Когда-то было принято ругать несчастного Аполлона и подобных ему людей. Ругали в целом с позиции Воронина времен работы мусорщиком. За трусость, вялость, слабость, за измену человечеству перед лицом марсианской агрессии.

А мне кажется, что его можно только жалеть. Ведь ему придется умирать обиженным ребенком.

Новый поворот, и вот исполняется заветная мечта интеллигента: Воронин становится частью Власти. Да не какой-нибудь, а очень даже «хорошей». Диктатура посредственности над крестинами? Конечно, но, как правило, имеет место диктатура крестин над посредственностями. В искусстве руководства Гейгер преуспел значительно больше среднестатистического президента. Не фашист, не убийца, не идиот... и действительно работает во благо большинства, как это ни странно.

Высокие материи, однако, окончательно развенчаны Ворониным. Теперь бывший комсомолец с восторгом играет в новую игру. «Он вдруг как-то очень явственно осознал, что вот он — советник, ответственный работник личной канцелярии президента, уважаемый человек, что у него есть жена, красивая женщина, и дом — богатый, полная чаша <...> Он был взрослым человеком <...> Не хватало только детей — все остальное у него было как у настоящих взрослых...»

И все-таки он бросает и пост, и Сельму, и Амалию, и всю обеспеченную жизнь ради экспедиции на север. Обреченной экспедиции.

«Взрослый», он пытается объяснить себе, почему и опять обманывает себя. Теперь с

другой стороны. Раньше ему чудилось, что он с Сельмой спит «ради блага народа», сейчас ему чудится, что на верную смерть он идет ради власти. Кацман сказал бы: «Это вряд ли...»

И снова виток накручивается на виток, гибнут люди, кварталы сменяются кварталами, в фантасмагорическом мире оживающих статуй, Хрустального Дворца, говорящих волков, скелетов в забаррикадированных квартирах Андрей продолжает идти вперед. К концу мира. «Почему мы полетели? Луна была там, а мы здесь. Только поэтому».

«Жил однажды на свете один принц, который верил во все, кроме трех вещей, в которые он не верил. Он не верил в Принцесс, не верил в Острова и не верил в Бога. Отец принца, король, сказал ему, что таких вещей на свете не существует. <...>

Но вот однажды принц сбежал из дворца и оказался в другой стране. И в этой стране он с любого места на побережье мог видеть острова, а на этих островах странные, вызывающие волнение в крови, существа, называть которые у него не хватило духу. В то время как он был занят поисками лодки, к нему подошел человек в вечернем наряде.

- Это настоящие острова? - спросил его юный принц.
- Разумеется, это настоящие острова,- ответил ему человек в вечернем платье.
- А эти странные волнующие существа?
- Это самые настоящие, самые подлинные принцессы.
- Тогда, Бог тоже должен существовать! - воскликнул принц.
- Я и есть Бог,- ответил ему человек в вечернем наряде и поклонился.

Юный принц из всех сил поспешил к себе домой.

- Итак, ты вернулся,- приветствовал его король-отец.
- И я видел острова, видел принцесс, и я видел Бога,- заметил ему принц с

упреком.

Король отвечал непреклонно: - На самом деле не существует ни островов, ни принцесс, ни Бога.

- Но я видел их!
- Скажи мне, во что был одет Бог?
- Он был в вечернем наряде.
- Были ли закатаны рукава его пиджака?

Принц вспомнил, что рукава были закатаны. Король улыбнулся.

- Это обычная одежда мага, тебя обманули.

Тогда принц вернулся в другую страну, пошел на тот же берег и снова встретил человека в вечернем наряде.

- Король, мой отец, рассказал мне, кто Вы такой,- заявил ему принц с возмущением. — Прошлый раз Вы обманули меня, но на этот раз это не пройдет. Теперь я знаю, что это ненастоящие острова и ненастоящие принцессы, а Вы сами - всего лишь маг.

Человек на берегу улыбнулся в ответ.

- Ты сам обманут, мальчик мой. В королевстве твоего отца множество островов и принцесс. Но отец подчинил тебя чарам, и ты не можешь увидеть их.

В раздумье принц вернулся к себе домой. Увидев отца, он взглянул ему прямо в глаза.

- Отец, правда ли, что ты не настоящий король, а всего лишь маг?

Король улыбнулся и закатал рукава.

- Значит, человек на берегу был Богом?
- Человек на берегу - другой маг!
- Я должен знать истину, которая лежит за магией!
- За магией нет никакой истины,- заявил король.

Принцу стало очень грустно. Он сказал:

- Я убью себя.

С помощью магии король вызвал смерть. Смерть стала в дверях и знаками подзывала к себе принца.

Принц содрогнулся и вспомнил о прекрасных, но ненастоящих принцессах и о ненастоящих, но прекрасных островах.

— Что же делать,— сказал он.— Я смогу выдержать это.

— Вот, сын мой,— сказал король,— вот ты и начинаешь становиться магом»²⁵.

«Ну вот, Андрей,— произнес с некоторой торжественностью голос Наставника.— Первый круг вами пройден».

Наверное, так и происходит взросление. Сначала ты живешь для себя, хотя думаешь, что живешь для всеобщего блага. Потом ты живешь для себя, понимая, что живешь для себя. Потом ты все еще думаешь, что живешь для себя, хотя давно делаешь это для других. Насколько хватает сил. Для семьи, детей. Для друзей. Кто-то — для человечества.

А в самом конце пути (ну не в конце, скажем,— в некоей точке, которую способен увидеть человек, находящийся где-то между второй и третьей стадией) — в самом конце пути, наверно, должно прийти осознание, что в Мире Сотворенном вообще нет «других».

Но для того чтобы дойти до этого понимания, нужно подряд выиграть у смерти не полсотни — многие тысячи игр.

Человеку верующему это легче. Милосердие Господне способно создавать Вселенные ради секунды осознания у одного Человека. Ради того, чтобы он — все-таки дошел до Конца Мира. У атеиста нет ничего: ни надежды, ни опоры, ни бессмертия. И все-таки...

Когда Мир прост, Бог не нужен.

Усложняясь, он заполняется богами и демонами, мифами и легендами, колдовством и суеверием. На дороге познания — «дороге славы» — все это уходит, чтобы трансформироваться в философского единого Бога, полномочного конструктора Вселенной Неразрешимых Вопросов. Человек, нашедший своего Бога, заслуживает огромного уважения. Но быть может, еще большего уважения заслуживает тот, кто осмеливается остаться во Вселенной один?

РЕПЕТИЦИЯ ОРКЕСТРА

Многие слышали, что такое свобода, но кто возьмется дать ее определение?

В реальности (все равно, текущей, выделенной, выдуманной) свобода начинается с принятия решений и этой процедурой исчерпывается. В самом широком смысле свобода есть возможность выбрать собственный Путь.

Эта возможность обязательно ограничена (например, «осознанной необходимостью» оставаться живым). Такого типа ограничения, назовем их для простоты физиологическими, зачеркивают **одно измерение** пространства личной свободы. Еще одно измерение поглощается тем обстоятельством, что человек — животное биологически эгоистическое — **обречен** на существование в коллективе и потому должен соблюдать некие мало меняющиеся от социума к социуму «правила общежития».

Назовем общество, в котором личная свобода не подвергается никаким иным ограничениям, **идеальным**. Не в смысле — «очень хорошим», а в том значении, в котором физика использует понятие «идеальный газ».

«Идеальное общество» можно представить — это означает, что где-то в обобщенной Вселенной оно существует. Может быть, в Абсолютном Прошлом («до грехопадения») или в Абсолютном Будущем («после Второго Пришествия»),

Интересно, что противоположный вариант — общество, в котором личной свободы нет вообще, даже представить не удастся. Абсолютный общественный порядок «кристалла, вышедшего из рук небесного ювелира» недостижим, как недостижим абсолютный нуль.

С этой точки зрения неточна формальная антиутопия Оруэлла: ее краеугольный камень есть именно полное, «идеальное», лишение человека свободы. («Мыслепреступление не приводит к смерти. Мыслепреступление есть смерть».) Но осознание возможности выбирать свой Путь — внутреннее состояние человека, и оно не может быть изменено внешней силой. Ошибка именно здесь: у Оруэлла невозможен не только внешний, но и внутренний протест.

Правда, «быть свободным» и «ощущать себя свободным» — не одно и то же. Назовем общество, все члены которого считают себя несвободными (то есть **не видят** пространства Путей и не могут совершить выбор), **инфернальным**. В построении миров, относящихся к этому классу, человечество преуспело.

Не следует все же думать, что сотворить такое общество просто. Речь идет о конструировании искусственной сингулярности: чтобы человек не увидел ни одного Пути, информационное пространство вокруг него должно быть искривлено и недоступно для света. (Света разума, или чувства, или хотя бы мещанского здравого смысла.)

Искривление физического пространства создается материей. Искажение информационного пространства порождается людьми, причем люди эти должны быть специальным образом **кем-то** организованы.

Для этого необходим определенный технологический уровень. Конечно, и книга, и газета способны управлять поведением человека (потому отдельные короткоживущие и локальные социумы инфернального типа существовали и в доиндустриальную эпоху), но работать только с людьми, воспринимающими печатное слово, хлопотно и дорого.

Иное дело — радио. Информация, доступная всем и везде. И неизбежно простая (потому и доступная, что простая). Организующая. «Коммунизм есть советская власть плюс радиофикация всей страны». Не «белый шум», но «белое излучение».

Изобретение радио открыло дорогу великим идеологическим империям. В соответствии с принципами диалектики попытки построить «идеальное общество» неизменно вели к сотворению ада на земле.

Италия, Германия и Россия. И **по-другому** — Соединенные Штаты Америки. Ад оказался довольно разнообразным.

«Дьявол среди людей» и «Поиск предназначения» — рукописи, вынесенные из ада.

Данте знал, что сущность инферно исчерпывается первоначальной формулой. «Оставь надежду». В аду можно что-то делать, куда-то двигаться, даже принимать какие-то решения и из чего-то выбирать, но этот выбор **не имеет значения**.

«...Всякий раз впереди война, вселенское злодейство, вселенские глупости, и через все это мне неминуемо предстоит пройти».

Вторая Мировая война занимает в истории человечества важное место (хотя, конечно, не такое важное, как Первая), но уже к концу шестидесятых она была основательно подзабыта везде, кроме России. Здесь она так и осталась Войной (с большой буквы), Судным днем и состоявшимся Армагеддоном.

Не тебе решать, что враг, что друг,
Ты ничтожней мгновения, Человек,
Это просто Время замкнуло круг,
Чтоб **собрать, притянуть и спаять навек**.

Райан

Время замыкает круг для Никиты Воронцова, заставляя его вновь и вновь проживать одну и ту же жизнь. И возможность вернуться в юность, сохранив навыки и опыт взрослого человека, возможность, за которую не жалко заложить дьяволу душу, становится для Воронцова нечеловечески страшным наказанием. Социальная неэвклидовость там — в конце тридцатых — начале сороковых — велика настолько, что Кольцо событий не разорвать даже информацией из будущего.

Или это только так кажется?

Апокалиптическое восприятие Войны связано с одним важным социальным экспериментом, неведомо из каких соображений поставленным в Советском Союзе. Ленинский, а затем сталинский социализм привнес в мир **абсолютную смерть**.

Человек верующий (в Бога, в Дьявола, в Перевоплощение) умирает лишь относительно. Смерть его **неокончательна** и потому не страшна. Однако последовательный материалист умирает абсолютно. Он знает, что «там» нет «ни тьмы, ни жаровен, ни чертей». «Там» нет ничего. И никакого «там» тоже нет.

Да, конечно, и до социалистического эксперимента были материалисты. Но для тех материализм был философией, к которой они приходили самостоятельно и свободно. Философствование подразумевает определенную гибкость ума и некоторый жизненный опыт — потому неизбежно включает в себя относительность восприятия всего сущего, и смерти тоже.

Ленин использовал материализм как заменитель религии. И миллионы людей верили и верят в Абсолютную смерть. Без загробного суда, воздаяния, без смысла и какого-либо продолжения. Концепция впечатляюще красива и уже потому способна подчинить себе человека, закрыв для него очередное измерение пространства свободы. Тем более если внушать ее с детства. Никто ведь не бывает философом в 16-18 лет.

Первое социалистическое поколение было уничтожено в Ту Войну почти полностью.

Если мученика, отдающего жизнь за веру, мы считаем героем и объявляем святым, то как же назвать этих парней и девчонок, которые жертвовали не частью (земным существованием ради небесной благодати), но всем — телом, и душой, и любовью, и самой Вечностью?

Говорилось: если Бога нет, все дозволено. Оказалось, не все. В конце концов, доля дураков и подонков среди обитателей материалистического ада оказалась такой же, что и в любой другой, сколь угодно благополучной (и верующей) стране, а доля **добровольных** доносчиков — даже меньше.

И поныне мы не в состоянии разобраться во всех результатах этого дьявольского эксперимента. Ясно, по крайней мере, что человек все-таки может нормально жить и достойно умирать, веря в абсолютность смерти. И что такое трудно определяемое понятие, как «порядочность», закодировано в личности глубже уровня социальных, философских, религиозных и других детерминант.

Оруэлл был прав, когда указывал, что тоталитарным режимам, функционирующим в информационной сингулярности, нужна не война, а «как бы война». «Та Война» была слишком реальной. Столкновение с реальностью разбило шварцшильдовскую метрику социализма. Попытки снова поднять уровень кривизны предпринимались, в общем, без всякого энтузиазма. Начинался следующий Круг. В предыдущем смерть была абсолютной и бессмысленной, но жизнь еще могла заключать в себе какой-то смысл. Предназначение. «Вещь, которая определена Богом к какому-либо действию, не может сама себя сделать не определенной к нему».

Теперь смысла лишалась и жизнь.

«...Так вот: до пятьдесят восьмого все они были, оказывается, злобные и опасные дураки («Великая Цель оправдывает любые средства, или Как прекрасно быть жестоким»). От пятьдесят восьмого до шестьдесят восьмого превращались они в дураков подобранных, смягчившихся, совестливых («Позорно пачкать Великую Идею кровью и грязью, или На пути к Великой Цели мы прозрели, мы прозрели»), А после шестьдесят восьмого дурь у них развеялась наконец и пропала, но зато и Великая Цель — тоже. Теперь позади у них громоздились штабеля невинно убиенных, вокруг — загаженные и вонючие руины великих идей, а впереди не стало вообще ничего».

К шестидесятым годам искривление информационного пространства в СССР упало до приемлемого уровня, в целом сравнимого с западным. По сути советское государство

перестало быть тоталитарным. Вполне обыденный, хотя голодный и потому злой големчик. Примитивный до ужаса и предсказуемый.

Это место уже не было адом, но населяли его беглецы из ада, и монстры, и «бесы, невозбранно разгуливающие среди людей». Свобода, которую никто не мог и не хотел использовать, поскольку был приучен хотеть не за себя, а только за других. Свобода все-таки понятие чисто внутреннее, личное. Ее очень трудно отнять и еще труднее подарить другому. В результате бывшие обитатели ада с удовольствием, а чаще устало и по привычке мучили друг друга, зачем-то сваливая вину на государство, которое в подавляющем большинстве случаев было здесь, очевидно, ни при чем. Лучшие из них хотели вырвать сердце спрута и боялись, что для этого нужно чудо.

Им чудилось, что их призвали на новую войну. В Той Войне бессмысленно, бесполезно и безнадежно погибали за советское государство. В Этой дрались против него. Но так же бессмысленно, бесполезно и безнадежно. «Одна дорога и цель одна».

Для Никиты Воронцова замыкается время. Чудо. Save/Load — магия, самая сильная магия в компьютерной игре, увы, не встречающаяся в жизни. И оказавшаяся бесполезной.

У Кима Волошина и Стаса Красногорова — магия более изученная и даже воспетая поэтами. Возможность убить человека на расстоянии. Без усилий, риска, технических средств. Вне всякой зависимости от того, кто этот человек и как он защищен на физическом уровне.

Они выбирают разные дороги. Ким превращается в печального колдуна, убийцу, осознающего себя убийцей, человека с опустошенной душой. Станислав становится почти Президентом и, во всяком случае, Хозяином, оставаясь все тем же глубоко порядочным и ранимым человеком. Прикрытый не то адским своим талантом, не то Роком, не то Предназначением, не то Виконтом, он пытается создать новое общественное явление: власть порядочных и умных людей. И терпит поражение, как и всякий, кто решает задачу, не разобравшись толком в ее условиях.

Внешняя порядочность («порядочность для других») — это работа имиджмейкера, легко создается и ни малейшей ценности не представляет. Внутренняя порядочность, доминанта личности Станислава, есть потребность всегда и в любых обстоятельствах следовать своим собственным свободно выбранным принципам. Она действительно совершенно не желательна у человека, наделенного властью. Дело здесь вовсе не в том, что она невыгодна с точки зрения конкурентной борьбы. Просто самым внутренне порядочным политиком XX столетия был Адольф Гитлер. Он никогда не нарушал своих принципов, потому и погубил что-то около 50 миллионов человек. А самым непорядочным — Франклин Рузвельт, который прекрасно рассуждал о добре и зле, но в практической деятельности учитывал отнюдь не эти абстрактные категории, а конкретные интересы страны. Так что, может, оно и к лучшему, что Стасу не удалось... Политика — это, как известно, искусство возможного.

Оказалось, что не помогает ни магия, ни чудо, ни ненависть, ни доброта. Это приводит нас к выводу, что у данного спрута просто нет сердца.

«Шестидесятники» в своем воображении наделили свойствами личности то, что личностью не является. Нельзя ненавидеть Систему, потому что это то же самое, что ненавидеть горный обвал, извержение вулкана или закон всемирного тяготения. Нельзя воевать с Системой — это более бессмысленно, нежели воевать с дрейфом континентов. Нельзя продать Системе: во-первых, она не подозревает о твоём существовании, а во-вторых, не знает слова «покупать». Голем мучил и убивал людей, шил им «политические дела», сажал в лагеря, отправлял «за бугор» и встречал их оттуда «под цинком» не потому, что являлся воплощением ада, и не потому, что был порождением ада и наследником владыки его. Голем был обычным кибернетическим устройством, нуждающимся не в ненависти (или любви), а в наладке и элементарном программировании. Он и сейчас в нем нуждается. По традиции.

Нельзя не согласиться с Эдиком Амперяном из «Ордена святого понедельника» Н. Ютанова: «Голем есть воплощенная система достижения поставленной цели». И все. Цели, и что гораздо более важно — граничные условия, для големов программируют люди. В меру своего разума.

У «шестидесятников» не было Врага. Их никто не призывал на войну. Если они в чем-то и виноваты перед собой, страной или своими детьми, то лишь в том, что слишком часто воспринимали жизнь как борьбу. Александр Городницкий говорит осуждающе: «Мое конформистское поколение»; между тем упрека заслуживает, пожалуй, скорее, нонконформизм шестидесятых: «Если хвалят тебя и тебе они рады, значит, что-то и где-то ты сделал не так».

Не было ни Этой Войны, ни поражения, и история не прекращала течение свое в 1968-м, или в 1973-м, или даже в 2001 году. Была лишь первая репетиция концерта «для одного голема и очень многих хороших людей».

И Томлинсон взглянул вперед и увидел сквозь бред,
Звезды, замученной в аду, молочно-белый свет²⁶.

Тексты, включенные в эту книгу, схожи. Даже не определенной общностью героев и судеб (в конце концов, Стас Красногоров есть просто интеллигентный вариант Кима Волошина), но, скорее, одинаковой своей безысходностью и **бесцельностью**. В прямом смысле. (Как у Сергея Снегова:

- Этот форт называется «Необходимый-3».
- Без него нельзя обойтись?
- Нет, просто его нельзя обойти...)

Так вот, «Дьявол среди людей», «Поиск предназначения», «Подробности жизни Никиты Воронцова» не подразумевают никакой цели. Эти «старые карты ада» просто существуют. Как существует и сам ад. Они не «выражают протест», не пытаются «предотвратить», не тщатся «научить». Нельзя научить жить в аду. Информация о такой жизни **никогда, никем и ни при каких обстоятельствах** не может быть использована. «Сроду писатели не врачевали никаких язв,— возразил Изя.— Большая совесть просто болит, и все...»

«Всякое произведение искусства совершенно бесполезно»,— добавил бы Оскар Уайльд.

А ТЕПЕРЬ ОБЪЯСНИТЕ РЕБЕНКУ, ЧТО ТАКОЕ ФРАКТАЛ

...и он рассказал Проппу несколько затянутую устареллу про славного героя Андрея Т., который в новогоднюю ночь заснул и во сне отправился спасать друга от какой-то невнятной нечисти, два часа странствовал по удивительному подземелью, при помощи верного оруженосца Спидолы прошел огонь, воду и медные трубы и, конечно, выручил бы товарища, если бы только не проснулся. Оруженосца Спидолу, чтобы доставить дедушке приятное, он именовал на додревнем языке «чудесным помощником славного героя»...

Эти тексты Стругацких относятся к так называемой «детской литературе». Следует сразу уяснить, что «детская литература» отнюдь не состоит из книг, которые читают дети.

Она образуется книгами, которые дети — по чьему-то мнению — должны читать.

В славные годы соцреализма было сказано: «Для детей надо писать так же, как для взрослых, только лучше». Занятный пассаж, заключающий в себе неочевидное предположение, что книги для взрослых обычно пишут хорошо. (Заметим в скобках, что в данном контексте слово «так же» вовсе не отвечает на вопрос «как именно» и может обозначать по сути все, что угодно.)

(Один корабельный инженер написал в спецификации: «Балласт уложить так же, как на предыдущем проекте». Он имел в виду — тем же способом. А рабочие верфи поняли его буквально — уложили столько же балласта в те же отсеки корабля. Корабль спустили и отправили на испытания. Больше его никто никогда не видел. Расследование мгновенно установило причины катастрофы: проекты в несколько раз отличались размерами и принятый «так же, как на предыдущем проекте» балласт не обеспечивал даже минимальной остойчивости.)

Воспитание подрастающего поколения считается важной задачей во всякой стране, потому ежегодно в мире создаются и издаются сотни специфически «детских книг». Но попробуйте-ка вспомнить хотя бы десяток названий!

Уточним определения. Существуют книги, которые некогда писались преимущественно или даже исключительно для взрослых, но со временем сменили адресата. Примеров можно привести много, ограничимся хрестоматийным «Робинзоном Крузо». И наоборот, иногда (очень редко) текст, первоначально созданный для детской аудитории, неожиданно начинает распаковывать новые и новые смыслы, постепенно превращаясь в «книгу для любого возраста». Так случилось, например, с «Алисой в Стране чудес».

«Специфически детской» мы назовем книгу, о которой можно сказать ребенку: «Тебе уже поздно это читать». На всех этапах своего создания — от первоначальной авторской идеи до преимущественного распределения в школьные библиотеки (при социализме) — эти книги имели четкую возрастную ориентацию.

Так вот, если ограничиться Россией социалистической и постсоциалистической, из всей «специфически детской литературы» в памяти всплывает «Тимур и его команда» А. Гайдара²⁷, ныне совершенно неудобочитаемый «Старик Хоттабыч» Л. Лагина²⁸, «хит всех времен, возрастов и народов» — «Волшебник Изумрудного города» А. Волкова²⁹. С большой натяжкой в этот список можно включить В. Крапивина³⁰. «Журавленок и молнии», «Колыбельная для брата», «Голубятня на желтой поляне», может быть, лучшие в свою эпоху **книги о детях**. Но «книги о детях» могут ведь быть и взрослыми книгами. Можно сказать ребенку: «Ты уже вырос из Крапивина» или «Тебе уже поздно смотреть “Чучело”»?

И все! Вероятно, какие-то наименования я забыл, что-то неоправданно выкинул из анализа, административным порядком присвоив статус «взрослых» (Л. Кассиль, из современных Н. Ютанов, ранний К. Булычев, С. Лукьяненко). Но проблемы это не снимает: хороших «детских» книг все равно непропорционально мало. Это при том, что едва ли не каждый талантливый писатель считал своим долгом отдать дань этой специфической ветви литературы.

Повсеместная неудача этих опытов позволяет сделать вывод, что речь идет о некоей закономерности, об определенном социальном явлении, которое до сих пор практически не изучено.

«Повесть о дружбе и недружбе» не хочется называть слабым произведением. Текст читается легко, язык остается языком Стругацких (и этим сказано все), сюжет, конечно,

²⁷Гайдар А. Тимур и его команда. М.: Дрофа-Плюс, 2007.

²⁸Лагин Л. Старик Хоттабыч. Алма-Ата: Мектеп, 1984.

²⁹Волков А. Волшебник Изумрудного города. М.: АСТ, Астрель, 2005.

³⁰Крапивин В. Голубятня на желтой поляне. М.: ЭКСМО, 2007.

линеен и предсказуем, как в компьютерном квесте средней простоты, но в общем сюжеты всех сказок мало отличаются друг от друга, так что само по себе это вряд ли должно считаться недостатком.

Однако даже фанаты Стругацких не относят «Повесть...» к творческим удачам. Для взрослого читателя книга скучна. В ней нет ничего нового. Но и школьники-подростки предпочитают этой вещи взрослую повесть «Трудно быть богом». В крайнем случае согласны на «Страну багровых туч».

Хотелось бы еще раз подчеркнуть, проблема дефицита детских книг не выдумана мною. Ее реальность была подтверждена социологами и литературоведами издательств, прочесавшими частым гребнем всю русскоязычную литературу в поисках текстов, достойных заполнить пустующую и уже потому прибыльную нишу книгоиздательского бизнеса. Почти безрезультатно.

Соответствующие заказы были предложены признанным мастерам фантастики. С тем же успехом. «Там вдали за рекой» — прекрасная сказка. Но это не уровень А. Лазарчука³¹. Как «Детский мир» — не уровень А. Столярова³², «Повесть о дружбе и недружбе» — не Стругацкие, а многочисленные «Алисы...» — не Булычев.

Если бы я знал решение Проблемы, я не стал бы писать работы. Я сделал бы эту Книгу, обеспечив сразу и «место среди тысячи избранных», и безбедную жизнь. (Так сказать, душу и славу в одном флаконе.) Увы, есть только соображения, в большей степени негативные, чем конструктивные.

Парадокс обучения состоит в том, что еще **никто никогда и никого ничему не научил в вертикальной группе**. Сама асимметрия отношений ученик-учитель не позволяет устойчиво транслировать неискаженную информацию. Ученик начинает обучение в тот момент, когда он перестает быть учеником и становится другом или коллегой. (**Обучение возможно только в пределах горизонтальной группы.**)

В приложении к писателю это прежде всего означает, что автор должен воспринимать ребенка как равного. Но равными себе взрослые обычно воспринимают взрослых. Потому с взрослой литературой и нет проблем. (Автор и читатели априори образуют горизонтальную группу.)

«Специфически детская литература» призвана «научить». И при социализме, и при капитализме к этому сводится ее социальное предназначение: адаптировать ребенка к миру взрослых. Формула известна: «Книга — лучший помощник учителя». И дело не в засилье редакторов и цензоров — здесь именно тот случай, когда намерения общества совпадают с намерениями автора: традиции просветительства бессмертны — по крайней мере, в этой стране. Вот и «Повесть о дружбе и недружбе» учит. Дружбе и недружбе, разумеется. И как отличить первую от второй.

В «специфически детских книгах» неравенство подразумевается: автор и читатели образуют вертикальную группу. Потому «научить» не удастся. А остальные составляющие литературного текста слишком легко принести в жертву дидактике. И приносят.

Так значит все-таки «так же, как для взрослых»?

Да нет, этого совершенно недостаточно.

Прежде всего возникает проблема интереса. Несколько упрощая, можно сказать, что подросток воспринимает либо очень красивые, либо очень необычные тексты. (Исключение составляют книги типа «Тимур и его команда», которые читают, как правило, не ради помощи старушкам, а для того, чтобы научиться сколачивать стулья, общаться с хулиганами и делать много других **практически полезных вещей**.) Уже само по себе это приводит к трудно выполнимым художественным требованиям.

Далее, книга должна быть не только необычна, но и **понятна**. Взрослый читатель знает, что миров-отражений много и готов следовать за автором в нарисованную тем

³¹Лазарчук А. Там вдали за рекой... // в кн.: Сентиментальное путешествие на двухместной машине времени. М: АСТ, 2003.

³²Столяров А. Детский мир. СПб.: Terra Fantastica; М.: АСТ, 1996.

Вселенную. Ребенок не менее хорошо знает, что мир един и он находится в самом его центре. Вписываться в сколь угодно прекрасную, но чужую (авторскую) картину реальности ребенок скорее всего не станет. (И это отнюдь не противоречит известному утверждению о лабильности психики ребенка. Представить вымышленный мир — это одно, поверить в него — совсем другое, а вписаться в мир, построенный другим, принять чужие — навязанные — правила игры, это совсем третье. Дело не в том, что ребенок не сможет вписаться. Сможет, но, боюсь, не захочет.)

Писатель может снова стать ребенком, написать книгу от имени ребенка, в картине мира ребенка, в системе ценностей ребенка. Но! Этим ребенком обязательно будет он сам. И это означает, что текст, картина мира, система ценностей обречены быть устаревшими. Лет эдак на двадцать. И современный подросток с полным основанием скажет: «Моему народу это неинтересно».

Но почему писатель не может «внести поправки», «учесть снос» и «дать верный прицел»? Потому что в соответствии с формальной динамикой общества развитие проходит через отрицание. Эдикты сегодняшних пятнадцатилетних не просто отличаются от моих. Они моим противоположны. Я в состоянии это понять, но понимание это неконструктивно. Их ценности представляются мне странными. А мои ценности — для них хлам. И бесполезно искать правых и виноватых — нужно согласиться с А. Лазарчуком («Жестяной бор»): именно такая ситуация представляет собой норму, реактивное, поступательное движение общества. Как раз отсутствие отрицания следует считать социальной болезнью.

Это делает написание детской книги почти безнадежным. Однако дело обстоит еще хуже. Если автор каким-то не вполне понятным мне способом напишет текст с позиций сегодняшнего школьника, он станет **понятен**, но перестанет быть **необычен**. Противоречие сугубо тризовское. Формула (с позиции юного читателя) выглядит так: мир должен совпадать с моим, иначе я в него не захочу войти, мир не должен совпадать с моим, иначе мне он не интересен. Можно и продолжить. Мир должен меня чему-то учить (иначе мне он не нужен), но я не желаю и не буду учиться тому, что придумали вы.

И остается сделать вывод, что детская литература, специфически детская литература, дидактическая и воспитывающая, имеет право на существование и даже очень нужна — при том условии, что автору удастся отталкиваться не от «вчера» (реакция юного читателя: глупо), не от «сегодня» (реакция: скучно), но от «завтра» (интересно!). Детская книга обязательно должна быть кусочком будущего. Но не вымышленного. Реального. Но все-таки чуть-чуть упрощенного, потому что нельзя начинать учиться математике по учебнику вариационного исчисления.

Именно потому лучшие ранние книги Стругацких («Трудно быть богом», «Далекая Радуга», «Хищные вещи века», «Понедельник начинается в субботу») остались их лучшими детскими книгами. Будущее в них реально и притягательно, и самое главное — что оно в них есть.

Переход из советского в постсоветское пространство привел к тому, что в масштабах страны возник «эффект запечатанного времени». Будущее исчезло. Будем надеяться, что не навсегда. Даже маги могли останавливать время лишь в Эвклидовом пространстве и ненадолго.

Капитализм, столь притягательный в кино и на обложках, столь победоносный и всеобъемлющий, все-таки нежизнеспособен. Он не в состоянии породить хотя бы одну собственную идею и вынужден перекраивать под свою мерку идеи, созданные в иную эпоху и органически ему чуждые (христианство, например). Капитализм воспринимает время и движение «по Уиллеру» — будущее «есть не что иное, как отрицание возникновения нового». Для того чтобы согласиться с концепцией Пригожина — будущее как создание новых структур, сущностей, смыслов — нужно иметь хоть какую-нибудь, пусть примитивную, но свою социальную перспективу. А ее нет. Потому и приходится всеми силами тормозить прогресс. А это «глупое занятие не приводит ни к чему».

«Эффект запечатанного времени» — еще одна причина кризиса детской литературы.

Нельзя придумать будущее там, где его нет.

«Экспедиция в преисподнюю» тем и интересна, что — при всех упрощениях и искажениях, местами едва ли не пародийных, действие все-таки происходит в «будущем Стругацких». В тексте поразительно много отсылок к «Возвращению». Тут и Мировой совет, и излюбленная тема китовых пастбищ, и «киберанекдоты» («отшлепала пятилетнего шалуна, науськавшего домашнего киберга гоняться за кошками и таскать их за хвосты»). Место ссылки Двухглавого Юла чем-то напоминает обиталище штурмана Кондратьева. Поведение старикашки Мээса на Земле — прямая иллюстрация к рассуждениям Руматы Эсторского о Ваге Колесе. («Кажется, он кошек любит...») Есть и более глубокие связи: между расследованием пакостей Великого Спрута в начале третьей части «Экспедиции...» и работой КОМКОНа-2 в романе «Волны гасят ветер».

Начало третьей части «Экспедиции в преисподнюю» отсылает нас еще к одной ранней повести — к «Стажерам». И если говорить о дидактике, то как раз здесь она и ненавязчива, и интересна.

Оказывается, вся история первых двух частей, повествующая о напряженной борьбе с Великим Спрутом и его приспешниками, на Земле давно забыта. Люди, получив ультиматум злодея, никак не могут толком уяснить, кто он такой и, главное, почему он считает, что его имя землянам вообще что-то говорит. В конечном итоге на решение этой мелкой, но досадной проблемы выделяют диверсионную группу в составе трех человек и один дредноут.

Великие подвиги, совершенные этой группой, тоже вскоре будут забыты. Жизнь великой империи Земной нации идет своим чередом, и никто не претендует на большее, нежели участие в каком-то одном ее славном эпизоде.

Сравните:

«Вы знаете, Юра, сколько людей на Земле? Четыре миллиарда! И каждый из них работает. Или гонится. Или ищет. Или дерется насмерть. Иногда я пробую представить себе все эти четыре миллиарда одновременно. Капитан Фрэд Дулитл ведет пассажирский лайнер, и за сто мегаметров до финиша выходит из строя питающий реактор, и у Фрэда Дулитла за пять минут седеет голова, но он надевает большой черный берет, идет в кают-компанию и хохочет там с пассажирами, с теми самыми пассажирами, которые так ничего и не узнают и через сутки разъедутся с ракетодома и навсегда забудут даже имя Фрэда Дулитла. Профессор Канаяма отдает всю свою жизнь созданию стереосинтетиков, и в одно жаркое сырое утро его находят мертвым в кресле возле лабораторного стола, и кто из сотен миллионов, которые будут носить изумительно красивые и прочные одежды из стереосинтетиков профессора Канаяма, вспомнит его имя? А Юрий Бородин будет в необычайно трудных условиях возводить жилые купола на маленькой каменистой Рее, и можно поручиться, что ни один из будущих обитателей этих жилых куполов никогда не услышит имени Юрия Бородина. И вы знаете, Юра, это очень справедливо. Ибо и Фрэд Дулитл тоже уже забыл имена своих пассажиров, а ведь они идут на смертельно опасный штурм чужой планеты. И профессор Канаяма никогда в глаза не видел тех, кто носит одежду из его тканей, — а ведь эти люди кормили и одевали его, пока он работал. И ты, Юра, никогда, наверное, не узнаешь о героизме ученых, что поселятся в домах, которые ты выстроишь. Таков мир, в котором мы живем. Очень хороший мир».

А ведь это, наверное, важнейший момент во взрослении: уяснить, что ты один из четырех или пяти миллиардов. И не свихнуться от этого.

«...Уже только в узкоспециальных источниках упоминалось о диверсии тройки мушкетеров, возглавляемой флагманом Макомбером...»

«Мушкетерская тема» — еще одно пересечение миров «детских» и «ранних

взрослых» Стругацких. (Атос в «Возвращении» и «Малыше», барон Пампа в «Трудно быть богом», в известном смысле — Виконт в «Поиске предназначения».) Заметим здесь, что знаменитые «Три мушкетера», некогда вполне «взрослый» (едва ли не под грифом «с 16-ти лет») роман, до сих пор остаются бестселлером детской литературы и одним из лидеров в индексе косвенного литературного цитирования. Не потому ли, что А. Дюма, описывая прошлое, случайно, или тонким нервом, или чудом, смог добавить в людей и их отношения что-то из будущего?

Из того, что в жизни есть,
ценились верность и честь,
А все остальное — потом...

Как не нравилось партфункционерам (ныне демфункционерам) «мушкетерская мораль». Дискуссии Андрея Т. с Колеом Кобылычем представляют с этой точки зрения некоторый интерес:

«— Генка — только о нем мы и думаем днем и ночью,— горестно продолжал он.— Для него мы совершаем геройские подвиги вместо того, чтобы лишний раз взять в руки учебник по литературе. Дурака Генку спасти — вот это подвиг и ура, это не то что постараться на твердую четверку по литературе выползти...»

Чтобы закончить разговор о параллелях между «детскими» и «взрослыми» Стругацкими, замечу, что «Повесть о дружбе и недружбе» неожиданно оказывается связанной с повестью «За миллиард лет до конца света» — полным параллелизмом сцен с коллекциями марок. Коль Кобылыч искушает школьника Андрея Т., так же как гомеостатическое мироздание воздействует на биолога Вайнгартена.

Можно долго рассуждать о приемлемости/неприемлемости этики «Трех мушкетеров». Да, честь — это лишь протез совести. Или все-таки ее эмбрион?

Во всяком случае, инстинктивное следование принципам чести лучше, чем инстинктивное подчинение законам наживы. Некогда адмиралом великого английского флота были сказаны замечательные слова: «Корабль можно построить за год, моряков воспитать за десятилетие. Но и ста лет не хватит на то, чтобы вернуть потерянные традиции». Так был дан ответ на вопрос, почему корабли Ее Величества ушли в безнадежный, бессмысленный и смертельно опасный поиск терпящих бедствие рыбаков.

«Экспедиция в преисподнюю» предлагает другую формулу, которая представляется мне если не следствием, то важной параллелью, «непременным условием» существования земной Империи. «Слона не задевай спящего, льва не задевай голодного, а землянина не задевай никогда».

Наверное, не совсем справедливо, что тексты, содержащие столько осмысленных ссылок и устанавливающие важные социальные формулы, остаются — в сравнении с другими книгами Стругацких — текстами слабыми. Но ведь «взрослые Стругацкие», доказывая те же самые теоремы, еще и ненавязчиво объясняют нам, что граница между детством и взрослостью, условная, пульсирующая, нестабильная, пропускающая немногих и не всегда, может оказаться фрактальной поверхностью или кривой Пиано, не имеющей площади, но заполняющей собой любой объем.

«ТАКОЖЕ НЕ ЗНАЮТ И ПОЛЬЗЫ СВОЕЙ...»

Анализировать литературные сценарии³³ — это примерно то же самое, что давать

³³Стругацкий А., Стругацкий Б. Киносценарии. СПб.: Terra Fantastica; М.: АСТ, 2001.

оценку боевому самолету, просмотрев эскизный проект. Может быть, при сборке рабочие заменят легкий, но дорогой и дефицитный дюраль на дерево и чугунный прокат, после чего самолет летать, конечно, будет, но медленно и очень невысоко (так случилось в самом конце Второй Мировой войны с рядом японских моделей). А может, наоборот, какой-то умелец приспособит к совершенно заурядной конструкции новый мотор, о котором генеральный конструктор на другом континенте и слыхом не слыхивал, и из ничего получится лучший истребитель своего поколения (американский «Мустанг» с английским двигателем «Мерлин»).

Что же до «окончательного результата», то в отличие от Текста, до сего дня остающегося продуктом индивидуального творчества, Фильм представляет собой завершение производственного цикла крупного индустриального предприятия. Потому и оценивать его приходится, соотнося свои зрительские пожелания с реальными возможностями экономики «сейчас и здесь».

В Советском Союзе кинофантастика практически не снималась. За весь период «славных шестидесятых» на экраны вышла «Планета Бурь» Павла Клушанцева (по роману А. Казанцева), кусок «Туманности Андромеды» (режиссер Евгений Шерстобитов), паратройка кинокомедий, из которых в памяти остался фильм «Его звали Роберт» (режиссер Игорь Ольшанский), и, по-моему, все... В следующее десятилетие наблюдался некоторый прогресс: даже если не относить к фантастике великолепного «Ивана Васильевича...» Леонида Гайдая и блистательные детские фильмы «Москва—Кассиопея», «Отроки во Вселенной» Ричарда Викторова и «Большое космическое путешествие» В. Селиванова, остается «Бегство мистера Мак-Кинли» (Михаил Швейцер), «Шанс» (Александр Майоров), «Через тернии к звездам» (Ричард Викторов), «Земля Санникова» (А. Мкртчян, Л. Попов), «Тридцать первое июня» (Леонид Квинихидзе), «Дознание пилота Пиркса» (Марек Пестрак), «Отель “У погибшего альпиниста”» (Григорий Кроманов), «Кин-Дза-Дза» (Георгий Данелия) и, разумеется, кунсткамера «фантастических странностей» («Звездный инспектор» Марка Ковалева и Владимира Полина, «Молчание доктора Ивенса» Будимира Метальникова, «Акванавты» Игоря Вознесенского и т.д.). В этот же период создаются фантастические фильмы Андрея Тарковского «Солярис» и «Сталкер». А чуть позже появляются фильмы нового поколения режиссеров, которое возникло на грани смутных времен: «Светлая личность» Александра Павловского, «Зеркало для героя» Владимира Хотиненко, «Вельд» Назима Туляходжаева, «День гнева» Суламбека Мамилова. И безусловно — «Письма мертвого человека» Константина Лопушанского (сценарий при участии Бориса Стругацкого).

Всякое обобщение есть упрощение, однако можно сказать, что причиной абсолютной бедности советского фантастического кинематографа в шестидесятые годы и относительной — в семидесятые было прежде всего техническое состояние советской киноиндустрии. Компьютерной графики не существовало в природе (как, строго говоря, и компьютеров в современном понимании этого слова), а создание крупномасштабных реалистичных моделей по образцу акулы в «Челюстях» выходило за всякие разумные бюджетные рамки. Эксперименты с комбинированными съемками или элементами мультипликации увенчались полным успехом в киносказках, но оказались противопоказанными фантастике, претендующей на какой-то художественный реализм.

Конечно, были фантастические произведения, не требующие ни грандиозных декораций, ни дорогостоящего натурального моделирования, ни даже съемок в японских мегаполисах, эмулирующих коммунистическую землю будущего. Экранизировать такие вещи легко, но встает вопрос «зачем»? Все-таки кино должно быть зрелищем — такова природа этого жанра.

Здесь, надо полагать, таится первая и главная причина неудач экранизации литературной фантастики вообще и произведений братьев Стругацких в частности.

В самом деле, когда технический уровень (если хотите: состояние «элементной базы») киноиндустрии не позволяет создать из сценария полноценное **зрелище**, фильм неизбежно вызовет разочарование. Но, увы, скорее всего фильм вызовет разочарование, даже будучи на

девять десятых состоящим из лучшей современной компьютерной графики.

Фантастика — не звездолеты, монстры и города будущего, равно как и Зона не сводится к коллекции «этаков», «пустышек», «мясорубок» и прочих череподавилок. Зона есть Чудо, и фантастика привлекает нас прежде всего реальностью встречи с Чудом. Или, например, с Богом, который тоже есть Чудо.

Чудо не бывает осязаемым и конкретным, оно всегда лишь некий символ, знак. Долгое время волшебством казался полет. Потом появился воздушный шар, первые аэропланы, современные самолеты. Самолет красив, он может вызывать страх и восхищение, он завораживает... только Чудом он уже не является.

Заданная реалистичность кинематографа способна разрушить обаяние недосказанности. Мир литературного произведения создается совместной работой автора и читателя; и если в этой совместной работе возникают новые сущности, то тогда и только тогда описанный мир становится живым.

Кинозрелище, как правило, такой «работы восприятия» не подразумевает. Режиссер предлагает нам **свое прочтение** — но **только свое**, и «пространство восприятия» зрителя заведомо сужено по сравнению с аналогичным пространством читателя. К тому же кинофильм втиснут в жесткие временные и бюджетные рамки, потому режиссер — желает он того или нет — обязан упрощать. И он будет упрощать. Сравните хотя бы повесть «Трудно быть богом» и литературный сценарий «Без оружия». Даже сами Стругацкие, адаптируя произведение для кино, вынуждены спроецировать многомерный мир на экранную плоскость. В результате Будах принимает на себя обязанности отца Кабани и барона Пампы. Румата, сотрудник Института экспериментальной истории, превращается в курсанта Школы космогации, волею случая оказавшегося на планете и вынужденного играть в «прогрессора-любителя». Да, конечно, упрощения количественные и в чем-то едва ли не косметические. Но в повести Арканар вписан в контекст живого средневекового общества, где есть и торговая республика, и куча герцогств, и некая разваливающаяся под действием центробежных процессов Империя... а на краю этой Ойкумены — первобытные племена, и Запроливье, и «могущественные заморские страны», и обледенелый полярный материк. А еще есть сельва, есть Икающий лес, есть сломанный сочинитель отец Гур, и несчастный принц Арканарский, и разбойник Вага Колесо, «не существующий и, следовательно, легендарный».

Конечно, осталась центральная линия любви Руматы к девочке-аборигенке, осталась проблема выбора... но ведь и она стала чуть попроще! В сценарии речь идет о героическом и безнадежном «последнем поединке» Руматы с черной нечистью. В повести оружие обнажает лучший боец империи, владеющий сказочными, созданными через сотни лет развития военного искусства приемами боя. Профессионал, который **обречен** остаться в живых. И потому, хотя и сценарий, и повесть одинаково обрамлены прологом и эпилогом, обрамление несет совершенно различную смысловую нагрузку. В повести — огромный и живой мир. В сценарии — великолепно выполненная, действующая, ну прямо, как живая! — **модель**.

Еще раз подчеркну — сценарий сделали сами Стругацкие и сделали — в рамках принципиальных ограничений, диктуемых спецификой киноязыка, — очень хорошо. И речь идет о, пожалуй, самой кинематографичной книге братьев Стругацких.

Да и сценарий этот, при всех его достоинствах и недостатках, все равно остается первым приближением — эскизным проектом... в фильм его превратил немецкий кинорежиссер Петер Фляйшман...

Критически анализируя сценарий, мы обратили внимание на ограничения, имманентные самому процессу переноса литературного текста на экран. Речь все время шла об упрощениях, потому есть смысл ввести некое подобие классификации.

Уровень первый: упрощения, возникающие при превращении текста в сценарий. Неизбежны прежде всего по соображениям времени показа. Едва ли не единственный

контрпример — знаменитый сериал «Семнадцать мгновений весны» — убедительно доказывает невозможность точной экранизации: для того чтобы создать адекватную телеверсию не столь уж «толстой» повести, потребовалось более двенадцати часов экранного времени.

Уровень второй: примитивизация антуража, вызванная недостаточным бюджетом картины и /или низким уровнем развития киноиндустрии. Необходимо осознавать, что отставание технического сопровождения от авторских задач было, есть и всегда будет — в соответствии с теоремой о невозможности полностью удовлетворить материальные потребности «идеального человека» профессора Выбегаллы.

Уровень третий: упрощения, вызванные самой процедурой визуализации. Будущее, Зона, Бармаглот, Логрус, Град обреченный, Управление, Лес — эти и многие им подобные **образы** принципиально непредставимы... их образ может возникнуть лишь на уровне тонкого взаимодействия магии текста и сферы читательского бессознательного... даже простая картинка иногда может разрушить это взаимодействие — тем более — «картинка движущаяся».

Уровень четвертый: аллюзии восприятия, вызванные зрелищностью как таковой. Прекрасный роман Сакё Камацу «Гибель Дракона»³⁴ сообщает внимательному читателю немало интересных сведений о тектонике литосферных плит. В одноименном фильме (в русском прокате — «Гибель Японии») вся эта информация есть. Но! Зритель пропускает ее мимо глаз и ушей, увлеченный великолепным зрелищем — рушащимся под ударами цунами и землетрясений Токио. Аналогичная история произошла с «Парком юрского периода»³⁵, где тонкие рассуждения Малкольма (читай: Майкла Крайтона) об общих основах теории систем, о принципиальной хаотичности систем живых et cetera пропадают на фоне впечатляющих достижений технологии компьютерной анимации динозавров.

Мы приходим к выводу, что экранизация фантастического произведения обязательно будет уступать исходному тексту по силе художественного воздействия и все усилия сценариста, режиссера, актеров, аниматоров могут быть направлены лишь на минимизацию неизбежных потерь.

Но, конечно, как и всякая формальная теорема, примененная к неформальным (т.е. **живым**) системам, это утверждение лишь ограничено верно.

Одно из возможных решений нашел Андрей Тарковский: не столько упрощать, сколько изменять. Отталкиваясь от исходного текста, от его структурообразующего конфликта, выполнить не дословный, а ассоциативный «перевод». Остаётся параллелизм идей, все остальное — свое, изначально кинематографическое. Рассказать о том же другим языком, но не снижая уровня изложения, не визуализируя, не пытаясь иллюстрировать. Иные семиотические ряды, иные морфологические конструкции... уровень абстрактности даже повышен, что подчеркнуто знаковыми Именами — Сталкер, Профессор, Писатель. Зона Тарковского так же непредставима, как и зона Стругацких, и то, что мы ее видим на экране, ничего не меняет. Видимая, она невидима. Зафиксированная камерой и калиброванная восприятием режиссера, остается Чудом. Часто говорят, что «Сталкер» — это только Тарковский. Не могу согласиться. «Сталкер» — это пьеса Стругацких в блистательном исполнении Андрея Тарковского.

Аналогичную попытку предпринял Александр Сокуров в «Днях затмения». Он был даже более последователен, нежели Тарковский, поэтому следы исходного текста в фильме вообще проследить не удастся. Здесь я, пожалуй, соглашусь с общим мнением: фильм любопытный, неоднозначный и, конечно, небезынтересный, но, увы, не имеющий никакого отношения к братьям Стругацким, к их сценарию, да и вообще — к кинофантастике. Тем не менее и «Дни затмения» выделим в «особые случаи»...

³⁴Камацу С. Гибель Дракона. М.: Мирг 1977.

³⁵Крайтон М. Парк юрского периода. СПб.: Амфора, 2005.

А вот «Отель “У погибшего альпиниста”» полностью подтверждает нашу теорему. Работа вполне добротная, обвинить режиссера не в чем. А результат, в общем, посредственный. Хорошо, что фильм есть. Но не будь его, мы не много бы потеряли.

Злую шутку с режиссером «Отеля...» сыграл «эффект визуализации». «Отходная детективному жанру» построена на тонкой и нарочитой схематичности, абстрактности персонажей, которые должны эмулировать своим поведением всех без исключения субъектов детективных историй — от пани Иоанны до коккер-спаниеля доктора Мортимера. Возьмите хотя бы «чадо»: инспектор почти весь сюжет пытается угадать, парень или девушка? А в фильме с Брюн все ясно с первого кадра. И на одну маленькую загадку становится меньше.

«Отелем...» заканчиваются реализации сценариев, которые (вспомним сравнение с самолетами в начале статьи) способны «летать». Однако есть еще «Трудно быть богом» в исполнении Петера Фляйшмана и «новогодние» «Чародеи» Константина Бромберга.

Один начальник Имперского Генерального штаба Германии (в ролевой игре) как-то написал, обобщая свой боевой опыт: «Хуже всего подчиненные, желающие работать, но не могущие выполнить необходимую работу. От таких “энтузиастов” надо быстро избавляться, например отправив их помогать какому-нибудь союзнику или командовать какой-нибудь группой армий. Также приятно проигрывать их в карты Герингу или отдавать за долги Канарису. Из оставшихся следует создать отдел по инспекции заполярных и пустынных дивизий с выписыванием безвременной инспекционной командировки и выдачей довольствия сухим пайком».

«Чародеи». Сценарий написан авторами исходного текста, фильм прост для постановки и — будучи сделан по «Понедельник начинается в субботу», одной из самых популярных вещей Стругацких, — нацелен на зрительский успех, тем более что премьера планируется на новогоднюю ночь. Казалось бы, делай фильм, получай заслуженные лавры да снимай потом сливки. Конечно, кто-нибудь пройдет ехидно, что можно было сделать получше, что до книги режиссер не дотянул, потому как «визуализация» и «упрощение», но, с другой стороны, требовать философской глубины от новогодней сказки — это брать пример с Витьки Корнеева с его «замечательной» идеей полной утилизации всего свободного времени населения.

Так нет же, режиссер зачем-то пишет и вставляет в сценарий десятки страниц отсебятины, меняет героев, вставляя одних и убирая других, превращает авторскую сюжетообразующую концепцию в какой-то болезненный маразматический бред, короче, трудится не покладая рук, для того лишь, чтобы по мере сил и возможностей испортить собственный фильм. Именно тот случай, о котором говорят: с усердием, достойным лучшей участи...

В свое время знаменитый писатель-сатирик Виктор Ардов³⁶ посмеялся над такой газетной ремаркой: «Драматург С. К. Кисель написал пьесу из жизни А. С. Пушкина. ...Пьеса написана стихами, главным образом — пушкинскими. Но в тех местах, где автор не мог найти подходящих строк у великого поэта, вставлены собственные стихи С. К. Киселя...»

Петеру Фляйшману в «Трудно быть богом» удалось еще удержаться на грани, отделяющий просто провал от провала, достойного быть запечатленным в памяти потомков. Нет, ну захотелось человеку сделать из «Трудно быть богом» боевик, превратить «Без оружия» в «Вооружен и очень опасен». Почему нет? Определенные элементы боевика в повести были (в прологе, когда Антон и Пашка играют в Вильгельма Телля), сценарий в рамках «процедуры проектирования текста на экранную плоскость» их усилил. Публика платит деньги, публика, особенно западная, любит боевики, режиссер обязан это учитывать, и если кто-то из тонких ценителей творчества Стругацких отказывается это принимать — что ж, значит, он просто не знает, что такое киноиндустрия. Все так, но объясните мне, ради

³⁶Ардов В. Листы познания// Антология сатиры и юмора России XX века. Том 9. Литературная пародия. М.: Эксмо-Пресс, 2005.

всего святого, зачем в фильм вставлена череда квазиефремовских сцен на земной базе? Они не вписываются стилистически **никуда**. В том числе и в концепцию кассового боевика. Я бы сказал — особенно в концепцию кассового боевика, которому невнятные переживания и непомерный пафос противопоставлены абсолютно.

А ведь сними Петер Фляйшман — с тем же очень неплохим актерским составом — «Без оружия», и мог бы он всерьез рассчитывать на пару-тройку престижных наград. До «Титаника», может быть, фильм бы не дотянул, но смотрелся бы очень достойно. Чего о получившемся опусе сказать нельзя: «...аппарат принадлежал к категории тех, которые не летают...»

Так что в нашу классификацию необходимо ввести еще один уровень примитивизации. Пятый, или, наверное, лучше нулевой: потеря всякого интереса зрителя к фильму, вызванная отсутствием у режиссера чувства меры и элементарного уважения к тому художественному произведению, которое он взялся экранизировать. И не нужно ловить меня на противоречии и указывать на пример Тарковского. Тарковский был талантлив. В этом отличие. Такое же, какое находили между лейб-медиком Татой и доном Рэбой, министром охраны короля.

Экранизация вообще, а экранизация фантастики в частности, экранизация книги известной, пользующейся заслуженной популярностью и любовью в особенности, — это всегда риск, это — поставленные на карту деньги и репутация. Поэтому стоит, приступая к работе, спросить себя «зачем?» или хотя бы вспомнить заповедь «не навреди». Фантастика подкупает нас встречей с Чудом? Что ж, в этой формуле присутствует и вопрос, и ответ: чтобы создать адекватный Тексту видеоряд, режиссер должен совершить чудо.

РУКОВОДСТВО ПО ПОСТРОЙКЕ МОСТОВ ЧЕРЕЗ БЕСКОНЕЧНОСТЬ

1

Три знаменитых романа — «Саргассы в космосе» А. Нортон; «День триффидов» Дж. Уиндэма; «Экспедиция “Тяготение”» Х. Климента — объединяли личности переводчиков — С. Бережкова и С. Витина³⁷. Много позже я узнал, что эти фамилии были псевдонимами А. и Б. Стругацких.

Здесь важно подчеркнуть, что в Советском Союзе была создана великолепная школа перевода — во всяком случае, с английского языка. А поскольку по идеологическим соображениям книг западных авторов выпускалось очень мало (так, например, за весь 1973 год в свет вышло всего два томика «Зарубежной фантастики» общим объемом где-то около 40 авторских листов), у издательств была возможность поддерживать очень высокий «средний уровень» качества перевода. Я привык к этому уровню, знал, на какой высоте находится «планка», ждал от переводчиков квалифицированной работы (но отнюдь, не литературных чудес) и серьезного значения личности автора перевода не придавал. Сакраментальная формула: «переводчик в прозе — раб» представлялась мне само собой разумеющейся.

Прорывом в новое измерение стала блистательная работа М. Демуровой над «Алисой в Стране чудес» Л. Кэрролла. В «литпамятниковском» издании 1979 года М. Демурова раскрыла общую схему, если не детали, своего подхода к английскому тексту. Тогда и начали вырисовываться контуры нетрадиционной — лежащей на стыке лингвистики, психологии и социологии — научной задачи, которая потом получила название «проблемы перевода».

³⁷Стругацкий А., Стругацкий Б. Миры братьев Стругацких. Переводы. СПб.: Terra Fantastica; М.: АСТ, 1999.

Во время сдачи государственных экзаменов по иностранному языку процедура казалась мне и моим сокурсникам точно формализуемой и в принципе довольно простой. С помощью некоего обобщенного «словаря» следовало построить соответствие между разноязычными текстами. Затем требовалось применить правила грамматики (с научной точки зрения — обычные проекторы, ограничивающие пространство языковых форм) и в завершение слегка пройти по полученному тексту «шкуркой» литературного редактирования. Неявно предполагалось, что уровень перевода зависит только от качества редактирования.

Некоторый диссонанс в эту бравурную мелодию вносила неоднозначность словаря: одному английскому слову сплошь и рядом отвечал столбик, а то и целая страница слов русских. Здесь рекомендовалось «выбирать по контексту», и на практике такая задача не вызывала никаких трудностей. Однако с математической точки зрения «проблема контекста» ставила под сомнение правомерность самой процедуры перевода.

Действительно, «контекстуальная неоднозначность» должна обозначать, что на самом деле в русском языке просто не существует лексемы, в точности эквивалентной исходному английскому термину. Потому приходится пользоваться последовательностью понятий, каждое из которых описывает иноязычное «нечто» с некоторой точностью. Но в таком случае какое бы слово, взятое «по контексту», мы ни использовали, смыслы перевода и оригинала с неизбежностью будут различаться. Иными словами, семантические спектры разноязычных текстов с неизбежностью различны; считается, что спектр перевода всегда уже спектра оригинала (процедура перевода представляет собой проектор), но даже это утверждение не представляется возможным доказать.

Ст. Лем, опиравшийся на Людвига Витгенштейна и других неопозитивистов, забил осиновый кол в могилу классической теории перевода, доказав, что «проблема значения» не имеет формального решения: любое понятие естественного языка может быть определено только через совокупность всех остальных понятий этого языка³⁸. В применении к интересующей нас задаче это означает, что какое бы английское слово мы ни взяли, его точный семантический спектр не может быть передан конечной последовательностью русских слов.

Эти рассуждения могли бы показаться глубоким философствованием на мелком месте, если бы они не допускали языковую интерпретацию. Рассмотрим, например, следующую фразу, принадлежащую перу Н. Некрасова: «Как женщину, он Родину любил...» и попробуем перевести ее на какой-нибудь язык, в котором аналог понятия «Родина» контекстуально воспринимается через семантический спектр понятий, ассоциаций и даже аллитераций, связанных с мужеством и мужским началом. (С точки зрения большинства русских читателей, знакомых с языком Гейне и Шиллера лишь по фильмам серии «Гитлер капут», примерно так обстоит дело в немецком языке: «Фатерланд» носит явно маскулинный оттенок, не так ли?) Но тогда дословный перевод приобретает транссексуальную окраску, которой в исходном тексте не содержалось.

Дальнейший взгляд на контекстуальную неоднозначность, на «эту маленькую частную проблемку, известную под названием Великой Проблемы Ауэрса», убеждает нас, что построенный пример отнюдь не носит казуистический характер. Невозможность дословного перевода следует из глубинных особенностей национальных культур: при всем желании невозможно корректно оттранслировать на русский язык английское «настоящее совершенное время» — русские глаголы настоящего времени не могут иметь совершенного вида. Как убедительно показал Евгений Лукин³⁹, этот простой факт находит свое отражение во всех перипетиях многострадальной истории нашей Родины.

Итак, простенькая фраза из пяти слов: «Как женщину, он Родину любил...» может

38 Лем Ст. Сумма технологии. СПб.: Terra Fantastica; М.: АСТ, 2002.

39 Лукин Е. Декрет об отмене глагола (Манифест партии национал-лингвистов) // Если. 1997. № 9.

потребовать при переводе на чужой язык серьезной работы по замене контекста. Причем это верно даже для тех стран и народов, которые столетиями активно торговали и успешно воевали друг с другом, вследствие чего культуры их развивались в непрерывном взаимодействии, и — как следует из общесистемных соображений — должны были стать очень близкими.

Намного хуже обстоит дело, когда мы работаем с весьма далекой от нас культурой. Язык эскимосов практически не содержит абстрактных понятий — как перевести на эскимосский такой простой и формальный, легко транслирующийся в любую индоевропейскую культуру текст, как учебник тригонометрии? И наоборот, фраза «идет снег» не передает и сотой доли семантического спектра исходного эскимосского выражения: народ, живущий на Крайнем Севере обитаемого мира, не знает абстрактного европейского «снега вообще» и пользуется тремя сотнями букво- и словосочетаний, обозначающих разные снеги в разных внешних условиях и внутренних состояниях.

2

Постепенно я пришел к выводу, что во всех практически значимых случаях речь идет о переводе не изолированного текста, но всей национальной культуры, о создании некоего «эмулятора» этой культуры в своей. Как правило, эту задачу действительно решали построением проектора, то есть сужением исходного семантического спектра: перевести — это выбрать из словаря какое-то значение «по контексту», построить контекст подразумевает «понять», а «понять — значит упростить».

С формальной точки зрения при переводе часть смысла всегда безвозвратно теряется — получается «вообще снег» вместо одного из сотен совершенно конкретных «снегов», другая же часть подменяется другим смыслом, может быть, и достаточно близким, но никоим образом не совпадающим (например, одно русское слово «должен» используется для обозначения двух разных английских терминов — *must* и *have to*). И все это было бы просто и неинтересно, если бы не фигура переводчика. Переводчик принадлежит отдельной, не

жизнеспособной вне его личности метакультуре, частными случаями (Представлениями) которой являются обе транслируемые культуры. Кроме того, он способен привносить в текст новые смыслы. А это означает, что действительная часть информационного сопротивления может стать и отрицательной — перевод в таком случае будет не сужать, а расширять семантический спектр! Отражение обретет самостоятельную жизнь и привилегию «отрабатывать» свою собственную судьбу.

Сколь бы редко ни происходили такие события, их значение ни в коем случае нельзя недооценивать. Собственно, только за счет таких «чудес» мы вообще научились понимать чужие языки! В самом деле, «расстояние» между культурами слишком велико, чтобы преодолеть его одним прыжком. Слова апеллируют к жизненным реалиям, а они разные в разных культурах, и притом обычно не известно, насколько именно они разные. Проектор отбраковывает как якобы бессмыслицу такое количество составляющих исходного текста, что происходит потеря структурности: результирующий семантический спектр оказывается пустым.

Однако литературное чудо контекстуального перевода расширяет пространство культуры, добавляет ему новые измерения, создает «ступеньку», новое «разрешенное», то есть заполненное смыслами семантическое состояние. И мало-помалу над пропастью «мира без имен и названий», разделяющей две культуры, вырастает «мост».

3

Эта модель может быть интерпретирована в терминах радиоэлектроники. Взаимодействие культур носит «полупроводниковый» характер: между оригиналом и переводом всегда зияет пропасть, преодолеть которую возможно (иначе мы вообще не понимали бы друг друга), но затруднительно. Контекстуальные переводы играют ту же роль, что и примеси в полупроводниковом материале: они создают опорные площадки в пустоте, облегчая преодоление пропасти. Сколь бы малочисленными они ни были, именно этим площадкам (примесям чужой культуры в своей) мы обязаны «транзисторным эффектом» — чудом информационной генерации при взаимодействии культур⁴⁰.

В связи с вышеизложенным мы можем ввести формальную классификацию переводов.

Самым простым случаем является, несомненно, дословный перевод. Он всегда опирается на уже выполненную кем-то работу по строительству «моста» и дает читателю

⁴⁰Электроны в зависимости от своей энергии могут находиться либо в валентной зоне (связанные с атомом), либо в зоне проводимости. В металлах эти зоны перекрываются, почти все заряженные частицы могут участвовать в проводимости. В диэлектриках между зонами зияет пропасть, преодолеть которую для частицы почти невозможно — зона проводимости пуста. В полупроводниках она тоже пуста, но ширина пропасти (разница между энергиями валентных электронов и электронов проводимости) сравнительно невелика. Аналогичную модель мы можем построить и для взаимодействующих культур. При трансляционной проводимости почти все реалии одной культуры отражены и в другой. При трансляционной изоляции семантическая пропасть огромна и текст, имеющий смысл в одной культуре, более чем бессмыслен в другой. Чаще всего встречается случай трансляционного барьера: семантическая пропасть существует, но достаточно узка. Здесь новые реалии, привнесенные в язык переводчиком (площадки в пустоте), дают возможность прочесть и понять текст, причем понимание появляется у читающего в результате «астрального сотворчества, на границе той самой семантической пропасти» автора, переводчика и самого читателя. Как правило, конечно, семантический спектр перевода уже, нежели у оригинала. Но теоретически (и практически!) он может оказаться и шире. Тогда мы говорим, что взаимодействие культур привело к генерации новых смыслов: информационное сопротивление на границе между культурами стало отрицательным. По аналогии с моделью проводимости это можно назвать «транзисторным эффектом».

возможность ознакомиться с замыслом иноязычного автора. Дословный перевод может быть выполнен лучше или хуже, но и в случае высшей квалификации переводчика он с неизбежностью упрощает оригинал. Огромное большинство всех существующих переводов относится к дословным.

Контекстуальный перевод подразумевает построение действующей модели чужой культуры в недрах своей. По сути эта работа сводится к решению высшей задачи литературного творчества — созданию собственной Вселенной. Причем от переводчика требуется еще и удовлетворить многочисленным «граничным условиям»: его индивидуальная Вселенная должна допускать интерпретацию в рамках обеих транслируемых культур. Н. Демурова описала некоторые общие правила построения контекстуального перевода⁴¹ — на частном случае кэрролловской «Алисы в Стране чудес», подчеркнув, что подобная работа требует десятков человеко-лет — по существу, целой жизни⁴².

Наконец, анагогический перевод является попыткой достичь похожих результатов более экономным образом. Здесь переводчик рассматривает оригинал как некоторый намек, отправную точку для написания своего собственного текста. В этом тексте присутствует и прежний авторский замысел, и соответствующая ему иная культура, но в упакованном («компатифицированном») виде — символом, знаком, «логотипом». Для данного типа переводов в литературных кругах принято использовать термин «пересказ», говорить о «зависимом тексте» или — в среде любителей фантастики вообще и Роджера Желязны в частности — о «тексте-отражении»⁴³.

«День триффидов», а в несколько меньшей степени «Экспедиция “Тяготение”» и «Саргассы в космосе» относятся к анагогическим переводам.

«СНЕЖНЫЙ МОСТ НАД ПРОПАСТЬЮ», ИЛИ МАГИЯ АБСОЛЮТНЫХ ТЕКСТОВ

1

Иными словами, эти книги написаны А. и Б. Стругацкими по мотивам некоторых мыслей, идей и художественных образов, созданных Дж. Уиндемом, Х. Клементом, А. Нортон. Конечно, работа во всех трех случаях была явно «заказной» и приходилось «играть по правилам»: выполнить все формальные требования классической советской школы перевода, для того чтобы выйти за рамки этой школы. То есть перед нами анагогические переводы, маскирующиеся под переводы дословные! Такая методология диктовала свои законы, существенно ограничивающие творческое, смысловое наполнение результирующих текстов. Тем не менее во всех трех случаях семантический спектр перевода оказался шире, чем у оригинала.

Трудно сказать, какие именно особенности исходных текстов обратили на себя внимание Стругацких и послужили причиной этого необычного литературного эксперимента. Может быть, этих особенностей не было вовсе. Может быть, речь шла об отдельных, случайно удавшихся англоязычным авторам эпизодах, таких как встреча Дейна и его друзей/недрузгов по Школе с коррумпированным Электронным Психологом в самом начале «Саргассов в космосе», путешествие Барленнана на крыше машины Летчика (глава

41 Демурова Н. Картинки и разговоры. Беседы о Льюисе Кэрролле. СПб.: Vita Nova, 2008.

42 Кроме «Алисы...» к контекстуальным переводам могут быть отнесены работы А. Кистяковского по африканской мифологии (сборник «Заколдованные леса». СПб., 1993) и по Вселенной Дж. Р. Р. Толкина, хотя последний перевод не вполне «доведен».

43 Возможно, одним из самых ярких примеров анагогического перевода является «Волшебник Изумрудного города» А. Волкова.

«Оторваться от грунта» в «Экспедиции “Тяготение”») или первая «больничная» сцена «Дня триффидов», выписанная в стилистике А. Хичкока. Во всяком случае, в дальнейшей работе над переводами использовались прежде всего эти стилистические мотивы.

И с этой точки зрения Уиндем, Нортон, Клемент несомненно заслуживают похвалы: в их книгах содержались зерна, способные прорасти. А. и Б. Стругацкие обнаружили эти следы таланта и, используя свое литературное мастерство, воссоздали тексты, какими бы они вышли из-под пера авторов, способных творить миры, а не отдельные эпизоды.

2

Было бы полезно перевести «День триффидов» обратно на английский и сопоставить результат с исходным текстом. Такой сравнительный анализ стал бы хорошим учебным пособием для совершенствующегося писателя. Представлял бы он интерес и с точки зрения общей теории перевода.

В средствах массовой информации два или три раза сообщалось об опытах по многократной трансляции. Обычно в основу эксперимента кладется достаточно длинная — на абзац — фраза, переводчики, разместившись за круглым столом, последовательно переносят ее с языка на язык. Круг замыкается, когда десятый или двенадцатый играющий возвращает измененную до полной неузнаваемости фразу к исходному языку. После этого все весело смеются⁴⁴.

Обычно на этом эксперимент и заканчивался, хотя оставалось сделать лишь один шаг, чтобы натолкнуться, быть может, на самую важную проблему трансляционной модели культуры. Попробуем мысленно продолжить опыт — пошлем записку по второму, третьему кругу и так далее: поскольку эксперимент мысленный, никто не мешает длить его бесконечно.

Мы получим последовательность (в общем случае — бесконечную) текстов, порожденных единственным оригиналом и процедурой перевода. Каждый элемент такой последовательности мы можем представить себе вектором в нормированном⁴⁵ информационном пространстве. Это переводит задачу на сугубо математический уровень и позволяет задать несколько простых вопросов:

- Имеет ли указанная последовательность предел — некоторый текст, который при дальнейшей трансляции восстанавливает себя?
- Как меняется ширина семантического спектра фразы при многократном переводе?
- Обнаруживаются ли в поведении элементов последовательности какие-то

⁴⁴В одном из таких экспериментов коротенькая фраза «С “пепси” к новой жизни!» обернулась следующим «жутким, додревни» заклинанием: «Шипучая вода поднимет ваших предков из их могил».

⁴⁵Пространство называется нормированным, если в нем может быть введен некоторый аналог «расстояния». То есть мы переводим на формально-математический язык интуитивное ощущение «близости» или «удаленности» переводов друг от друга.

периодические или квазипериодические закономерности? (Например, может оказаться, что трансляции, четность которых совпадает, ближе друг к другу, нежели «соседние» переводы.)

• Что происходит с последовательностью при малом изменении исходной фразы?

На сегодняшний день ни на один из этих вопросов нет удовлетворительного ответа.

3

Между тем «проблема бесконечного последовательного перевода» может иметь цивилизационное значение. Особый интерес представляют, конечно, не опыты с пустыми изолированными фразами, но работа с обширными текстами, имеющими богатый семантический спектр. Невозможно предсказать, что произойдет, если «положить» воистину великую книгу, породившую и продолжающую порождать новые смыслы, в «зеркальный лабиринт» последовательных трансляций. Во всяком случае на результат следовало бы посмотреть. (По-видимому, в рамках анализа **проблемы бесконечной трансляции** могут быть получены осмысленные ответы на многие важные вопросы теологического характера: так, например, последовательность, полученная путем многократного транслирования Библии, в рамках христианской картины мира обязательно должна иметь предел⁴⁶...)

Итак, рассуждения о «феномене Уиндема» привели нас от позитивистской логики дословного перевода — через «конструирование метакультуры», характерное для контекстуального перевода, через «Игру Отражений» перевода аналогического — к фундаментальной проблеме бесконечной трансляции, решение которой когда-нибудь будет положено в основу «эзотерического перевода»⁴⁷.

И, может быть, именно на этом пути человечество ждет встреча с Абсолютным текстом, философским камнем теоретической лингвистики.

4

...«Сорокафутовый шар, раздувшийся от горячего воздуха, стал тихо подниматься, и новый “Бри”, “Бри”- монгольфьер, снявшись с плато, несомый легким бризом, поплыл по направлению к реке»...

А «МЕДНЫЕ ТРУБЫ» ЗААРХИВИРУЕМ ДЛЯ ПОДХОДЯЩЕГО ОБЩЕСТВА

Всему свой срок. Бессмертья нет. И этот серый небосвод
Когда-нибудь изменит цвет на голубой, и час придет.
И попрощаться в этот час, когда б ни пробил он, поверь,
Не будет времени у нас. Мы прощаемся теперь.

М. Щербаков

⁴⁶При обилии слухов о проделанной подобной работе с ветхозаветными текстами приходится отметить, что результаты ее так и не были опубликованы.

⁴⁷Одним из удачных примеров такого «**абсолютного перевода**» может служить работа В. Аксенова над «Рэгтаймом» Э. Доктороу (Доктороу Э. Рэгтайм. М.: Б.С.Г.-Пресс, Иностранная литература, 2000). Автор романа, который читал по-русски свободно, совершенно явственно заявлял, что этот перевод намного ближе к **оригиналу**, чем английский текст. Ибо оригинал, разумеется, существует не на бумаге, но в воображаемом пространстве истинных текстов (в том же пространстве живет, по мнению А. Пушкина, и оригинал письма Татьяны к Онегину).

Немногие проекты требовали таких усилий как серия книг «Миры братьев Стругацких», завершенная в 1998 году. И, пожалуй, ни один не вызвал столь неоднозначной читательской реакции.

«— Ваше величество, я никогда не был доктринером, слепо державшимся за те слова, что сказаны мною ранее. Все на свете быстро меняется, и ничто здесь не вечно. Только глупцы хватаются за одряхлевшие формулировки... <...>

— Бисмарк, вы в чем-то извиняетесь?

— Нет. Но не считайте меня фанатиком...»⁴⁸

1. ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

Ютанов Н.Ю., 38 лет, астроном и издатель:

Мир Будущего братьев Стругацких лично для меня, а мне кажется, и для львиной доли людей моего поколения явился тем прекрасным миром, в котором очень хотелось жить. А если не жить, то хотя бы пожить, побывать. В школьные и университетские годы каждый новый роман братьев Стругацких — и свеженаписанный, и изданный давно, но только-только попавший в руки — прочитывался в один вечер, ну в крайнем случае — за ночь. И шел сразу к друзьям, товарищам, однокашникам, родственникам... Как мы читали эти книги! Повести Стругацких разлетались на цитаты и крылатые фразочки: «Вы мне это прекратите, это вам не балаган!», «Ну, скажем, мнэ-э... Полуэкт», «Счастье для всех даром, и чтобы никто не ушел обиженным», «...это вышел в подпространство структуральнейший лингвист!», «Студно туково...» и так далее до бесконечности. По тому как неофит реагировал на «кодовые слова», ты понимал, кто перед тобой: коллега по разуму или малек, которого еще не постигла радость настоящего чтения.

«Понедельник начинается в субботу» стал библией научных сотрудников всех возрастов и ранжиров. А «Трудно быть богом» — евангелием нескольких поколений молодых людей Советской Империи. Удивительно, но факт: «проходя» в школе «Преступление и наказание» Федора Михайловича Достоевского, мы непринужденно зацепили и «прошли» заодно и «Трудно быть богом», и «Обитаемый остров» в придачу. И это оказалось так естественно...

В 1984 году я появился в семинаре Бориса Стругацкого с папкой трудов и уверенностью в безусловной гениальности. Молодые и свирепые семинаристы разнесли мои бессмертные творения в пух и прах, но выразили стойкую надежду, что очень может быть и скорей всего этот молодой человек небезнадежен. Ребята были крепкие: Андрей Столяров, Вячеслав Рыбаков, Андрей Измайлов, Святослав Логинов, безвременно ушедший Виктор Жилин и еще много замечательных людей. Практически одновременно со мной в семинар прибыли Дмитрий Каралис, Сергей Переслегин, Александр Тюрин, Александр Щеголев и будущие знаменитые художники Яна Ашмарина и Андрей Карапетян... Хотя, может, Карапетян появился и раньше: мне казалось, что он испокон веков был в семинаре — всегда сомневающийся, с чертежной папкой для переноски крупногабаритных изобразительных материалов...

Трудно сказать, стал ли я за эти годы для Бориса Стругацкого учеником, но то, что он по-прежнему остался для меня учителем — безусловно.

Поэтому, когда в альянсе Санкт-Петербург—Москва удалось сформировать проект под условным названием «Мир Будущего братьев Стругацких», я ухватился за возможность вернуть книги Стругацких на современный книжный рынок. Надежда окрепла, после того как проект антологии «Время учеников», разработанный Андреем Чертковым, показал, что пресловутый рынок готов к теме Стругацких.

Карапетян А., художник:

⁴⁸Пикуль В. Битва железных канцлеров/ /в кн.: Пером и шпагой. Битва железных канцлеров. М.: АСТ, Вече, 2005.

Скажи, говорит, о Братьях Стругацких. О **мирах братьев Стругацких** — мы, вот, издаем тут... А что я, интересно, скажу? Пространные **миры**, таинственные **миры**, несмотря на как бы ясность их, **миров** этих.

Переслегин С. Б., 37 лет, социолог и бизнесмен:

Эта история началась в конце зимы 1995/96 года. Где-то в феврале ко мне в офис зашел мой старый друг Николай Ютанов и предложил принять участие в проекте, который тогда носил название «История будущего».

Ютанов Н.Ю.:

В русской фантастике «Мир “Полдня”» — единственный в своем роде, большой, тщательно продуманный цикл произведений, укладываемый в какую-то осмысленную, определенную временную шкалу. Изначально в проекте предполагалось издать пять томов, посвященных исключительно истории Галактической цивилизации Земли. Я предложил Сергею Переслегину представить себя историком, живущим в XXIII веке и пытающимся осмыслить события минувших двух с половиной столетий. Как всякому историку ему надлежало отсортировать легенды и реальные факты, государственные «заказы» и целенаправленную дезинформацию спецслужб, отсеять глупость и интерполировать пробелы исторического таймлайна. Мир был что ни на есть живым и требовал нормального исторического исследования.

Сергей сделал следующий эффектный ход: исследования проводил не просто историк, а действующий прогрессор, продолжающий дело Корнея Яшмаа на Гиганде.

А Борис Натанович Стругацкий дал неожиданное «добро» на такой эксперимент.

Переслегин С. Б.:

И я согласился. Во-первых, от таких предложений не отказываются. Во-вторых, поставленная проблема была потрясающе интересной. Предстояло верифицировать Реальность, отвергнутую официальной историей, заклеенную официозной пропагандой и забытую обыденной капитализированной жизнью.

Надо сказать, что задача «верификации Реальности» довольно часто встречается в практике специалистов по теории ролевых игр и, как правило, особых трудностей не вызывает. В данном случае ситуацию резко усложнял политический аспект проблемы. Мир братьев Стругацких был назван авторами коммунистическим. Более того, в отличие от И. Ефремова, который отнес действие «Туманности Андромеды» и последующих произведений цикла в далекое (и притом неопределенно далекое) будущее, мир «Полдня...» имел точно обозначенную привязку ко времени и четко прослеживающиеся связи с советской реальностью шестидесятых годов XX столетия.

Конечно, ничто не мешало попытаться решить задачу в рамках господствующей ныне парадигмы. Следовало лишь сказать, что идеологические клише были вставлены в тексты Стругацких по идеологическим же причинам, что речь там идет не о коммунизме или, во всяком случае, не о советском коммунизме, генетически связанном с так называемым реальным социализмом.

Такое решение, однако, имело два неустранимых недостатка. Во-первых, в мире «Полдня...» полностью отсутствуют рыночные механизмы релаксации экономики. Во-вторых, этические законы общества «Возвращения» носят отчетливый антибуржуазный характер. «Контрольные суммы» не сходились. Стало понятно, что так конструировать «историю будущего» нельзя.

Задача приобрела свой окончательный вид. Надлежало построить Будущее Стругацких из недоброй памяти «реального социализма». «Ты должен сделать добро из зла, потому что его больше не из чего сделать».

2. СТРУКТУРА ИЗДАНИЯ. ЧЕТВЕРТЫЙ ТОМ («ОБИТАЕМЫЙ ОСТРОВ»]

Переслегин С. Б.:

Итак, первоначальный проект включал в себя пять книг, формально отнесенных к одной Реальности, известной как *коммунистическое будущее Ефремова—Стругацких*. Единственным структурообразующим принципом было упорядочивание по времени действия: все произведения должны были быть выстроены в данном издании в строгом хронологическом порядке. Порядок был установлен не редакцией на основании анализа текстов, а непосредственно Б. Н. Стругацким (которому, думаю, все же виднее, чем даже «люденам» — аналитикам). Зафиксировав последовательность произведений, Борис Натанович сказал, что в текстах могут кое-где встретиться привязки ко времени, нарушающие этот порядок. Такие привязки являются ошибочными, их предполагалось устранить, но выполнить это не удалось из-за смерти Аркадия Натановича. Сейчас он отказывается что-либо менять в текстах, кроме опечаток и устранения последствий цензурной правки семидесятых годов, но оставляет мне право указать, там, где это будет желательно, на «ряд неточностей исторического характера» в романах братьев Стругацких.

Моей первой реакцией на «хронологию Стругацкого» было удивление. Как и большинство аналитиков, я относил время действия «Далекой Радуги» к концу столетия (во всяком случае — после «Малыша»). Дальнейшая работа, однако, привела меня к твердому убеждению, что только данная последовательность событий согласуется с законами исторической динамики и может быть осмысленно верифицирована.

Пятитомник был выстроен по схеме, четкой, как чертеж военного корабля. Он должен был открываться большой научно-публицистической работой аналитического характера, призванной вписать исторические романы братьев Стругацких в контекст событий XXIII века. Материал, скорее синтетический, **взгляд извне** на галактическую историю человечества, завершал издание. Наконец, каждый том, кроме первого, предварялся небольшим предисловием, носящим не то рекламный, не то информативный характер и также включенным в общую структуру связей, сгенерированных XXIII столетием.

Увы, выход томов в свет не отвечал никакому логическому закону: 4-й том, затем 5-й, потом 3-й и 2-й и, наконец, 1-й. Что-то вроде временной шкалы Кальдекуза.

Всякая творческая и околотворческая деятельность носит несколько хаотический характер (это подметил еще К. Чапек в своих знаменитых очерках: «Как это делается»), Короче говоря, «общая концепция мира» и «схема структурообразующих противоречий» вылилась в весьма настоятельное пожелание принести готовый и отредактированный материал «завтра»...

Ютанов Н. Ю.:

Название «Последние корабли Свободного Поиска» для статьи из четвертого тома (который должен выйти первым) предложил я. И я же выкинул из работы все ссылки на использованную литературу, дав Переслегину обещание, что он сможет отыгаться в первом томе (который должен выйти последним). Туда, кажется, он затолкал около сотни ссылок. Историко-аналитический труд, однако.

Переслегин С. Б.:

...Мне оставалось только одно: отнестись к предложенной литературной игре «в историка XXIII века» совершенно серьезно и попытаться передать «свою» непосредственную эмоциональную реакцию на события «Острова» и «Малыша».

К этому времени «свою» биографию я уже знал.

Разумеется, пришлось конструировать «биографии в XXIII веке» для всех, имеющих отношение к проекту. Авторы романов, предисловий, художники, редакторы, издатель должны были быть вписаны в Текущую Реальность — для того хотя бы, чтобы было контекстуально оправданным их отношение к тем или иным событиям или интерпретациям. Эти материалы не предназначались для публикации, но опосредованно использовались

весьма широко.

Историк не может быть бесстрастным и «объективным». В этом случае он скучен, а его работы и книги «случайны по своему содержанию». Хороший историк осознает, что в создании **своего Представления прошлого** он пристрастен, он любит хороших людей и ненавидит плохих и оставляет за собой право судить тех и других. История всегда современна. Как справедливо заметил Вильгельм Баскервильский: *«Дело не в том, считал ли Христос своей туникой, которую он носил, а износив, вероятно, выбрасывал. Вопрос в том, должна ли церковь владеть земными богатствами и диктовать свою волю земным владыкам».*

По биографии я прогрессор, работаю на Гиганде, начальником оперативного отдела штаба 6-го флота Алайской империи. Имею опыт организации встречного боя авианосных соединений (это правда). Женат, двое детей (тоже правда). Лидер «вероятностного направления» в теоретической истории (и это тоже, разумеется, правда, но не вся).

Затея с прогрессорством была не «эффектным ходом», как пишет Николай Юрьевич, а скорее попыткой справиться с проблемой заведомой семиотической неадекватности. Создавая себе «рабочее место» на Гиганде, находящейся где-то около современного земного уровня развития, я в меру своих способностей конструировал языковой и знаковый «мост» между XXIII и XX веками. Иными словами, я мог понять, как должен реагировать на исторические романы Стругацких историк-прогрессор, личная и профессиональная жизнь которого завязана на реалии почти синхроничной нам Гиганды. Но я не имел ни малейшего представления, что взволновало бы в этих романах историка-исследователя, не покидавшего пределов метрополии — Коммунистической Земли XXIII столетия. Для меня-здешнего метрополия слишком сложна. Сложна настолько, что я не только не могу выработать к ней правильного эмоционального отношения, но и не способен найти для ее конструктов адекватного языкового описания. Достаточно очевидно, что структура текстов в мире реализованных П-абстракций эмулирована моим мышлением быть не может...

Понятно, что при всем желании (а такого желания у меня-здешнего, кстати, и не было) я-«прогрессор» не должен был остаться равнодушным к инициированным «Жуком в муравейнике» дискуссиям на тему о допустимости/ недопустимости прогрессорства. В это время (весна 1996 г.) очередное обсуждение данной темы лениво прокручивалось в сети Фидо. Собственно, ряд цитат, использованных в статье, был взят непосредственно из Сети.

Ютанов Н. Ю.:

Битва была знатная: сроки, как всегда, поджимали, художники жужжали, что Стругацких в таком темпе иллюстрировать не дело. Андрей Карапетян регулярно запрашивал полгода на продумывание какого-нибудь шмуцтитла...

Карапетян А.:

...Обложки бы ободрать, да иллюстрации эти собачьи повытаскивать, да руки бы все ихние поганые пообломать бы тем, кто рисует, а пуще тем, кто платит за такое...

Ютанов Н.Ю.:

...Яна Ашмарина тоже ругалась и стоически закрывала телом и упорством все вскрывающиеся амбразуры. Лев Яковлевич Рубинштейн ухитрился попасть в больницу, но работу сдал вовремя. Борис Стругацкий бывало на недельку откладывал встречи с редактором Филипповым. А у комментатора Переслегина постоянно терялась связь с реальным временем — что и не мудрено! XXIII век все-таки! — и возникала проблема со счетом: 4,5,3,2 и только под занавес 1. В этом порядке готовились тома. Так сложилось, что трилогия о Максиме Каммерере оказалась практически готовой с текстологической точки зрения.

Переслегин С. Б.:

Статья в значительной степени определила тональность всех последующих работ. Я понял, что хочу и могу интерпретировать историю **Галактической империи земной нации** в духе позднего Киплинга.

Неси это гордое бремя
Родных сыновей пошли
К народам, тебе подвластным,
Живущим на крае Земли...

Предисловие к четвертому тому, единственное, было чуть сокращено. Ютанов выкинул длинную ссылку, посвященную особенностям науки на Саракше. Воспользуюсь случаем...

«Приходится читать много ерунды о развитии физики на Саракше. Многие убеждены, что там не известен Закон всемирного тяготения, а траектории ракет рассчитываются через теорию импетуса. На самом деле законы механики, оптики и электромагнетизма для миров, связанных комформным отображением, совпадают. (При таком отображении прямые переходят в дуги окружностей; жители Саракша считают, что свет распространяется по дуге. Бесконечно удаленная область попадает в центр окружности, который, следовательно, принципиально недостижим. Поэтому мысль отправить самолет или ракету «напрямик» через центр мира является для жителя Саракша абсурдной — по мере приближения к центру ракета за одинаковые промежутки времени будет преодолевать все меньшее и меньшее расстояние, так что в рамках физики Саракша такое путешествие займет бесконечное время.) Принцип эквивалентности гравитации и инерции известен на Саракше, соответственно известна и теория гравитации Эйнштейна. Ньютоновское квазиклассическое приближение нормально выполняется. Противоречие с теоремой Гаусса (согласно которой гравитационное поле в замкнутой полости строго равно нулю) снимается введением исчезающе малой добавки к закону всемирного тяготения».

3. **ВЕЧЕР НАШИХ НАДЕЖД. («ЖУК В МУРАВЕЙНИКЕ»)**

Ашмарина Я. С., художник и переводчик:
...попробовала нарисовать свое настроение...

Переслегин С. Б.:

Эмоциональным и смысловым центром пятого тома был несомненно «Жук в муравейнике». История страшная и нелепая, так никем и не проанализированная до конца. Мне, разумеется, известна концепция Бориса Натановича: «Пока существуют тайные организации типа КОМКОНа-2, будут происходить подобные вещи». Критику и историку не пристало спорить с автором, тем более, мне не пристало спорить с Б. Н. Стругацким, но меня эти слова не убедили. Ни тогда — кажется, в 1983 г., ни сейчас. Потому и написал то, что думал. Совершенно неверно, что, создавая предисловия, я обязательно старался выдумать нетривиальную интерпретацию событий. Почти все модели, предложенные в статьях, существовали задолго до Проекта. Некоторые я решился доверить бумаге.

Да, я действительно считаю события «Жука...» профессиональной разборкой, ценой очень плохого предотвратившей худшее. Схемы форсирования ситуации, при которых убивают всех «подкидышей», притом с санкции Совета, каждый желающий может сконструировать сам. Я нашел их три, если не считать зеркально симметричных. Что же до «тени», которую я кинул на доброе имя Корнея Яшмаа, то здесь все сводится к проблеме возможности/невозможности прогрессорских действий земных прогрессоров, никем не перевербованных, против тех или иных земных институтов. Я считаю, что априори исключать такую возможность нельзя.

Если хотите, это мое **профессиональное** мнение.

В завершающей работе цикла: «Свет мой, зеркальце...» я рискнул использовать метод свободных ассоциаций. «Писать такие отчеты — одно удовольствие, читать их, как правило,

— сущее мучение». В качестве комментария скажу, что фразу «из тридцати прорвавшихся танков пятьдесят уничтожено» не следует воспринимать как неудачную попытку пошутить. Это — вполне реальное коммюнике египетского командования в ходе арабо-израильской войны 1973 года (Синайский фронт).

4. «АРКАНАРСКИЙ ДЕТЕКТИВ» И ЕГО ОТДАЛЕННЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Ютанов Н. Ю.:

В этом месте нашего совместного коллажа Переслегин должен был спросить меня о моем отношении к повести «Трудно быть богом», которую он называет «культовой». При редакции вопрос убрали. А ответ оставили:

«Евангелие. История о том, как закончилось детство. А детство заканчивается тогда, когда игры перестают быть безобидными».

Каранетян А.:

Я скажу, например, что с **ними**, с **мирами** этими, вырос. Я, можно даже сказать, не повзрослел с **ними**. С **ними** вот теперь и помру, наверно. Был, правда, Бредбери еще когда-то. Да только — русский Бредбери. А это — голая поэзия. Прищуренные глаза. Золотые яблоки солнца и марсианин, который не может не любить всех. О нем бы поговорить. А **братьев Стругацких** читать надо, а не болтать о **них**, это самый загадочный автор на Руси социалистической. Автор, который **шел**. Да и как, с другой стороны, прикажете пересказать, чем пахнет «ведьмин студень»? Черт его поймет, как это у **них**, у автора, получалось все! Ни живописи, ни изобразительной влипчивости особенной, текст — и текст, а пахнет, сволочь, и язык обжигает! Несмотря на то что в руку не взять. Но ведь обжигает же как-то!

Там **все** уже есть, а может быть, там и лишнего навалено. На потом. Зачем пририсовывать — и без нас, грешных, Лес прет и липнет, подлый, и от грибницы этой, будь она неладна, аллергия на животе.

Переслегин С. Б.:

«Детектив по-арканарски» совершенно неожиданно для меня вызвал довольно резкое читательское неприятие. Собственно, тогда и было высказано обвинение в том, что я готов идти на все ради ложно понимаемой «оригинальности». Между тем гипотеза, изложенная в статье, не была ни оригинальной, ни новой. И, собственно, она даже не совсем моя.

Осенью 1993 года во Владимире состоялись Вторые Стругацкие чтения, на которых, в частности, впервые был представлен «Полет над гнездом лягушки» В. Казакова. После одного из официальных заседаний в кулуарах возник разговор об отдельных нестыковках в тексте «Трудно быть богом». В ходе последующей дискуссии кем-то (может быть, и мной) была высказана гипотеза, обвиняющая в нападении на дом Руматы и гибели Киры Арату Горбатого. Проверка показала, что эта гипотеза, во всяком случае, имеет больше прав на существование, нежели «версия дона Рэбы».

Кстати, никто не обратил внимание на, скажем так, избыточную осторожность дона Рэбы? Как и дон Тамэо, «трусоват он, да и политик известный». Румату испугался настолько, что отпустил прямо из рук. В обмен — не на нейтралитет даже, на ни к чему не обязывающую фразочку: «Там видно будет»... Нет, если каким-то откровением господним Рэба вдруг уяснил бы значение Киры для Руматы, он с нее пылинки бы сдувал... Вспомним хотя бы Марка Твена. «За жизнь твою я не опасался — никто во всем королевстве, кроме Мерлина, не решился бы дотронуться до такого волшебника, как ты, не имея за спиной десятитысячного войска. <...> За себя я тоже не боялся — никто не посмеет тронуть твоего любимца...» Как хотите, использовать Киру — мертвую или живую — как оружие против Руматы мог лишь человек, которому и «чужая шейка полушка, и своя головка копейка». Так что, если не Арата, то кто-нибудь из землян. Но последний вариант я отвергаю по соображениям господствующей в мире Стругацких этики. «Синдромом Сикорски» не

объяснишь хладнокровное убийство девочки-аборигенки. Если бы дону Кондору вдруг приспичило убрать Рэбу, он бы убрал Рэбу. И все.

В общем, тогда во Владимире «версия Араты» всем понравилась, и Владимир Борисов предложил опубликовать ее тому, кто первый получит такую возможность. Выпало мне.

В этой работе я попытался дать классический детективный анализ по схеме «мотив—возможность». Интересно, что почти все обсуждение проблемы вращалось вокруг тактико-технических данных средневековых арбалетов и, в частности, методов стрельбы из оных при больших углах возвышения...

Каранетян А.:

...чем менее рисуем автор, чем менее он, я извиняюсь, иллюстрируем, тем больше искушение его рисовать. Хочется, вот так — хочется, хотя и руки бы пообломать некоторым... Но рисовать получается там, где «Тахмасиб», где Быков и Жилин, там, где хочется не совсем, чтобы — вот так. Там, где автор примеривается пока, приигрывается. Хотя и получалось уже — вел. Но вот Кандида уже не нарисуешь, и Румату не нарисуешь, в блин расшибешься, а не выйдет. Не выйдет уточнить...

5. «БРИЛЛИАНТОВЫЕ ДОРОГИ»: МИР СТРУГАЦКИХ И ИСХОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Бондаренко С., Донецк, группа «Людены»:

Жаль, что узнала о проекте так поздно и успела принять участие в подготовке к изданию всего лишь четырех романов. Это «Стажеры», «Отель “У погибшего альпиниста”», «Улитка на склоне» и, конечно же, «Страна багровых туч». Хотелось бы больше. Даже по «Стране багровых туч» удалось включить не все фрагменты, изъятые в свое время цензурой.

Переслегин С. Б.:

До сих пор я старательно уводил разговор от главной для меня темы, от самой скандальной особенности настоящего Собрании. Люди самых разных политических взглядов сошлись в принципиальном неприятии предложенной мной модели, связывающей мир «Полдня...» с альтернативным исходом Второй Мировой войны.

Неприятие это носит иррациональный характер. Любая историческая последовательность содержит события с негативной эмоциональной окраской. Высадка Нейла Армстронга на Луне лежит на одной линии с кострами инквизиции. Создание «Мастера и Маргариты» оказалось исторически совместно с изобретением пулемета. И так далее. Я никогда не утверждал, что мир «Полдня...» был построен из-за того, что фашистская Германия победила во Второй Мировой войне. Я написал лишь, что эти события принадлежат одной исторической калибровке, иначе говоря, что они **совместны**.

Кстати, вопрос: почему с чисто эмоциональной точки зрения утверждение, что Реальность «Полдня...» совместна с победой сталинского Советского Союза вызывает меньшее неприятие? Уж во всяком случае, Империи стоили одна другой...

Ладно. Негативную читательскую реакцию я предвидел. Тем более что первой моей реакцией на эту модель тоже было иррациональное отрицание. А второй — обыкновенный страх. Должен признаться, что я не смог самостоятельно принять решение написать «Бриллиантовые дороги» и настоять на их публикации. Едва ли не впервые в жизни я просил у уважаемых мною людей совета относительно вещей, которые я, в принципе, должен был знать лучше других. Но «шоссе было анизотропное, как история». Назад идти было нельзя.

Впервые я сформулировал гипотезу в созданной «для служебного пользования»

разработке «Субъективные заметки о фотонных звездолетах». Конспективно, это выглядело следующим образом:

«Начнем анализ с технических несоответствий в будущем А. и Б. Стругацких. С одной стороны, перед нами высокий уровень космической техники. Мир «Стажеров» не знал ракет на химическом топливе. Эпоха атомноимпульсного двигателя (годного «только» для облета «малой системы») не продлилась и трех десятилетий. В начале 90-х годов он уже считается безнадежно устаревшим.

Рассмотрим, однако, авионику космических кораблей реальности Стругацких.

В «Стране багровых туч» Спицин вручную крутит верньеры и определяет пеленг. В «Пути на Амальтею» штурман «Тахмасиба» М. А. Крутиков работает за пультом вычислителя: «Вычислитель негромко шелестел, моргая неоновыми огоньками контрольных ламп». Капитан Быков... проверяет финиш-программу, отпечатанную на листе разграфленной бумаги. Так и хочется помянуть «Понедельник...»: «Вообще говоря, капитан фотонного звездолета крайне редко самолично занимается проверкой программ. Для этого есть математики-программисты, которых на “Тахмасибе” было двое и которых авторы почему-то упорно называют девочками...»

Измерительная аппаратура планетологов работает под высоким напряжением. При ближайшем рассмотрении оказывается, что эта аппаратура состоит из спектрографа, батиметра и бомбосбрасывателя. Последний аппарат по внешнему виду и функциям более всего напоминает морскую шестидюймовую пушку с ручным заряданием. Поскольку обойма бомбозондов весит 20 кг, работа планетологов оказывается изнурительной и довольно опасной.

Батиметр имеет рабочий диапазон в 300 атмосфер. В Текущей Реальности этот прибор представляет собой крохотный пьезоэлектрический кристалл и работает практически при любом давлении.

Дауге вручную считывает и отождествляет спектральные линии. Крутиков голосом сообщает командиру расстояние до экзосферы. Жилин все свободное время настраивает недублированный фазоциклер (это уже в «Стажерах» — десятью годами позже).

Технические проблемы, прежде всего со средствами связи, управления, вычислительной техникой, системами автоматического контроля, оказались для Реальности «Полдня» хроническими. Белов едва не открывает люк в батискафе Кондратьева на километровой глубине. «Скиф-Алеф» не имеет связи со спутниками «Владиславы». Измерительная аппаратура Атоса-Сидорова работает на печатных платах, которые, как выяснилось, временами раскалываются. Ультротроны «с полумикронным допуском» собираются вручную. Единой компьютерной сети, как социально значимого инструментария, нет: достаточно сравнить БВИ с инфосферой у Д. Симмонса в «Гиперионе». Персональных компьютеров или какого-то их аналога также не существует.

Проще всего посмеяться над этими несоответствиями, найдя им тривиальное объяснение: «дескать, писалось это в начале шестидесятых, да и неинтересны были братьям Стругацким все эти технические подробности...» Гораздо интереснее, однако, представить себе мир, в котором на фотонном звездолете «Тахмасиб» действительно нет приличного компьютера. И попытаться понять, как возник этот мир и почему он такой.

Обратим внимание, что с точки зрения мира Стругацких техника нашей Реальности тоже дает ряд поводов для насмешки⁴⁹.

Суммируя вышеизложенное, можно сказать, что мир Стругацких опережает нашу реальность, прежде всего по развитию энергетики, транспорта и конструкционных материалов. Отстает он по уровню компьютерной и иной вычислительной техники, автоматизации, средствам связи.

Логика развития науки состоит в том, что любая решенная задача дает возможность

⁴⁹Здесь дословно повторен отрывок из статьи «Пестрая лента в Гильбертовом пространстве»

решать новые задачи. Эти новые задачи связаны с предыдущими, т.е. материнская задача ограничивает пространство решений для дочерних. Одновременно, будучи превращены в технологии, новые задачи расширяют пространство решений для человечества. В результате начинается структуризация, при которой новые результаты не столько открывают новые возможности, сколько перечеркивают возможности альтернативные.

Если с технологиями всевозможные «параллельные линии бытия» более-менее можно проследить, с наукой все намного сложнее. Понятно, что выиграло человечество, перейдя к позиционной форме записи числа. Гораздо труднее определить, что при этом было потеряно. И довольно трудно поверить в то, что за прогресс в информатике, за создание виртуальной реальности человечество, по всей видимости, заплатило отказом от космической экспансии.

Мир Стругацких имеет две точные отсылки к нашей реальности. Первая из них очевидна — шестидесятые годы, эпоха последнего глубокого прорыва в будущее в истории человечества, — ощущается в произведениях цикла непрерывно. Можно даже сказать, что Реальность «Стажеров» — «Полдня...» это шестидесятые годы, продолженные в настоящее и будущее.

Что же, не зря, очевидно, эти годы стали временем расцвета фантастики и науки. Здесь и на Западе. Не зря это время до сих пор ностальгически вспоминают и те, кто тогда жил, и даже многие, родившиеся позднее.

Можно предположить, что шестидесятые годы не имели в мире Стругацких конца, которым в нашей реальности стала Пражская весна и ее зеркальная копия Парижская весна.

Вторая отсылка значительно менее очевидна — в текстах «Страны багровых туч» ощущается настроение сороковых, обстановка военной романтики. Романтики, уничтоженной у нас нечеловечески длительной и кровавой войной.

Напрашивается вывод, что Вторая Мировая война была в Реальности Стругацких менее длительной и стоила меньших жертв. Ментального обескровливания Европы не произошло, и накопленный потенциал использовался человечеством, в частности, в Космосе. Но нетрудно показать, что Вторая Мировая война либо быстро выигрывается Германией, либо медленно — союзниками.

То есть, если эта война оказалась короткой, победу в ней должны были одержать немцы.

Сразу же заметим, что при быстрой победе Германии не было нужды в ракетах Фау-2. Это означает отсутствие настоящей потребности в инерциальной навигации и системах автоматического управления. И действительно, мир Стругацких не знает таких систем по крайней мере до 1991 г. (Крутиков не может установить свое положение на Венере после того, как «Хиус» ушел с болота.) Иными словами, мы должны исходить из того, что этапа спутника в мире «Стажеров» не было, и сразу же создавались корабли, управляемые людьми: пилоты, а не гироскопическая автоматика удерживали эти корабли в равновесии на стартовом и посадочном участке, штурманы, а не кибернетические системы вели их к цели. Отсюда — значительно большая роль человеческого фактора и отставание в развитии автоматике и вычислительной техники, отставание, которое мы диагностировали как существенную особенность Реальности Стругацких.

Итак, мы пришли к выводу, что мир «Полдня...» не знал ракет Фау-2 и стратегических бомбардировок. Мы высказали предположение, что в этом мире Вторая Мировая война (по крайней мере ее «горячая стадия») закончилась быстро и общий объем потерь был значительно меньшим, чем в Текущей Реальности. Мы интерпретировали это как модель с быстрым выигрышем войны Германией (фашистской Германией). Рассмотрим эту интерпретацию с другой стороны.

Прежде всего, как могла выиграть Германия, отстающая по своему экономическому потенциалу от Запада, по людским резервам от Советского Союза и вдобавок еще и лишенная флота? Только за счет умелого управления ресурсами и войсками, за счет *Искусства*. Но такая победа должна привести к переоценке господствующих ценностей.

Всем трем сторонам: и западным державам, и СССР, и самой Германии требовалось вписать *Искусство* в существующий прагматичный контекст.

Заметим также, что разгром Советского Союза должен был сопровождаться резкой договорной демилитаризацией страны и, следовательно, поворотом от агрессивного сталинского социализма к некоему почти раннехристианскому религиозному коммунизму, переходом от географической экспансии к экспансии культурной.

Уничтожить социализм в СССР Германия не могла никоим образом. Ей был жизненно необходим быстрый мир. Быстрый мир можно заключить только с единой державой. К этому времени социалистические идеи и, разумеется, социалистический аппарат подавления были единственным обеспечением структурного единства пространства Империи. Потому, если уж мы исходим из того, что Германия оказалась достаточно искусной, чтобы победить, мы обязаны заключить, что она не только не демонтирует социализм, но и, напротив, постарается укрепить его.

С другой стороны, для Германии необходимым условием мира была демилитаризация СССР. Любое германское руководство предпочло бы иметь эту страну безоружным врагом, нежели вооруженным до зубов союзником. Потому в неизбежно развертывающемся противостоянии «Единого мира» против «Свободного мира» Советскому Союзу выпадала роль «третьего радующегося».

Иными словами, накопленный энтузиазм тридцатых-сороковых тратился в Советском Союзе этой Реальности на решение существенно более полезных задач, нежели «смертный бой» и «ядерный паритет». Промышленный и культурный рост всегда связывался в российской истории с поражениями, и чем поражение было более заметным, тем эффективнее выглядело возрождение.

В условиях «советского экономического чуда» идеологическое и психологическое подчинение победителя побежденному (и так не редкое в истории) становилось почти неизбежным. Германский примитивный национализм был хорош, даже очень хорош, для нищей послеверсальской страны. В качестве идеологической базы повелителей Европы он был попросту не пригоден.

Постепенное перетекание экономической и идеологической мощи от Германии к СССР (в пятидесятые-шестидесятые годы) должно было рано или поздно привести к тяжелому кризису в Германии, прежде всего психологическому, и спровоцировать явление, известное как «перестройка». Ирония судьбы: при победе во Второй Мировой войне СССР от идеологического распада Союза выиграла Германия. А вот при победе Рейха — от его распада выигрывал Советский Союз и идеология, которую он представлял. И, что самое важное, проигрывала западная буржуазно-демократическая система.

В общем-то, я считаю доказанным, что быстрая победа Германии во Второй Мировой войне и неизбежно возникающий вследствие этого конфликт между «Объединенным» и «Свободным» миром способствуют переводу истории на рельсы Реальности Стругацких. Кстати, ключевым звеном является не столько сама победа Германии, сколько тот факт, что поражение Союза фиксирует беспомощность американской военной идеологии, основанной на боевом использовании неоспоримого материально-технического, читай торгово-финансового, превосходства. Оказывается, «в этом есть определенная мудрость» только «при условии, что кто-то — кого вы не любите, — будет отдуваться за вас».

Другой вопрос, можно ли было найти решение, более элегантное и, по крайней мере, не требующее наступать на любимые общественные мозоли и «оскорблять память павших»? Мне это не удалось.

6. ВЕРИФИКАЦИЯ ОТРАЖЕНИЯ. ДИОНА: ВСТАВ С ЧЕТВЕРЕНЕК

Переслегин С. Б.:

Весной 1996 года я был буквально раздавлен осознанием того, как в действительности

завершились события на Дионе.

Термин «верификация Отражения» вовсе не подразумевает конструирование доказательства непротиворечивости, внутренней замкнутости и способности к развитию исследуемой Реальности. Во всех сколько-нибудь важных случаях эту работу проделали задолго до тебя. На самом деле, в эту Реальность необходимо войти и убедиться в ее существовании.

Среди ролевиков распространены легенды о странствиях между мирами. Не знаю, может быть, кто-то и умеет делать это, находясь в физическом теле. Я — нет. Существуют, однако, психотехники, позволяющие работать с другими (нефизическими) пластами Реальности.

Джон Лилли был, вероятно, первым, кто еще в шестидесятые годы составил осмысленное, формальное и пригодное в качестве практического руководства описание одной из эффективных и сравнительно безопасных технологий работы с Отражениями — изолирующей ванны. Когда Лилли говорили, что все, что испытывает человек, помещенный в изолирующую ванну, является продуктом его воображения, Лилли, обычно, отвечал: «Попробуйте сами». В общем, это именно тот случай, когда один эксперимент стоит сотен страниц рассуждений.

Ключевой момент здесь — новая информация. И изолирующая ванна, и психоделики, и игры с автокаталитическими петлями, и ряд других, менее обязывающих способов хождения по Отражениям (вроде потока свободных ассоциаций), иногда — редко, но достаточно воспроизводимо — выкристаллизовывают совершенно новую для тебя информацию, о которой ты совершенно точно знаешь, что придумал ее не ты. Потому, хотя бы, что она начисто отказывается вписаться в твой личный опыт и стремится стать «перпендикулярной» ему.

Той весной я практически не покидал Реальности «Полдня...» И во сне видел только ее. Именно во сне я узнал продолжение истории Дионы. Собственно, был показан только результат. Мертвая станция и мертвые люди. Это было страшно, и в той Реальности я бы наплевал на свои принципы, закон и долг, но никто не узнал бы подробностей. В Сети говорили, что я «заставил Быкова сжечь фотонным выхлопом станцию». В действительности в той ситуации у Быкова не было никакого нравственного выбора.

История Дионы испугала меня. Если общество, в общем уже весьма далеко продвинувшееся в «правильном направлении» (хотя бы только с моей точки зрения «правильному»), оказалось локально неустойчивым к эгрегориальному коллапсу, что тогда говорить о Текущей Реальности! В сущности, Диона стала для меня ответом на вопрос, почему «здесь и сейчас» столь трагически заканчиваются некоторые хорошие начинания.

7. ЭКОНОМИКА РЕАЛЬНОГО КОММУНИЗМА

Ютанов Н. Ю.:

Я всегда опасался, что мир «Понедельника...» погибнет. Погибнет от гнилых котлет в столовке, от бесконечной картошки на бесконечных полях, от того, что в один прекрасный день пришедший с работы маг обнаружит, что его ребенку нечем перекусить, пошлет всю маготехнику к черту и... перестанет быть магом. В свое время я десять лет отработал в прообразе НИИЧАВО — Пулковской обсерватории. Со мной случилось то, чего я и опасался...

Насколько он прочен, этот волшебный закон науки? И как долго он сможет противостоять левиафану наживы?..

Переслегин С. Б.:

Несмотря на мою приверженность классическому марксизму, экономические

императивы мира Стругацких интересовали меня в последнюю очередь. Прежде всего, потому, что я всегда с легкой иронией относился к «созданию материальной базы коммунизма». Промышленные возможности цивилизации европейского типа определяются уровнем ее технологического развития. Шпионаж и торговля развиты в современном мире достаточно, чтобы технологический возраст культур различался лет на десять-пятнадцать, не более. Между тем с точки зрения удовлетворения личных потребностей каждому поколению кажется, что предыдущее жило в сплошной нищете, а следующее — держит бога за бороду. Иными словами, практически при любой экономической модели можно нормально жить и как-то развиваться.

Однако же ни один из существующих экономических механизмов не приближает нас к концепции «земного рая». Социалистическая плановая экономика не стоит даже обсуждения. И дело здесь не в ее пресловутой неэффективности. В Текущей Реальности СССР в течение тридцати пяти лет воевал против остального мира, причем делал это на удивление неуклюже. «Этого никакой механизм не выдержит». Основополагающий и неустраняемый недостаток экономического планирования состоит в том, что система регулирования не носит автоматического характера и требует для своего функционирования отвлечения от производства значительных ресурсов. То есть даже в том случае, когда эта система работает (а на современной технологической базе она работать не может, равно как и на вычислительных устройствах мира «Полдня...»); минимальным условием ее функционирования в реальном времени является, по-видимому, инфосфера «Гипериона»⁵⁰), коэффициент полезного действия экономики меньше единицы. Как правило — значительно меньше.

Альтернативный «рынок» обладает, по крайней мере, тем преимуществом, что является авторегулирующейся системой. Впрочем, лишь в определенном интервале начальных условий, довольно узком. Однако и в «эксплуатационных пределах» работа рыночного механизма оставляет желать лучшего. Прежде всего регулирование происходит через циклические кризисы, что приводит к «порче ресурсов» и снижению КПД. Кроме того, «работа» рынка носит гомеостатический характер, то есть она препятствует всякому резкому изменению экономического состояния и тем самым накладывает ограничения на темпы роста.

Наконец, платой за функционирование рыночной экономики является тоталитарная власть денег. Можно спорить, лучше это, нежели тоталитарная власть Партии, неизбежная при плановом хозяйстве, или хуже, но мы ведь хотим сконструировать «земной рай», а не выбирать меньшее из двух зол.

Требования к экономической модели коммунизма достаточно очевидны:

1. Высокий коэффициент полезного действия (определяемый, как всегда, через отношение социально полезной работы к общей затраченной работе). Иными словами, экономический механизм не должен требовать на поддержание своего существования сколько-нибудь заметных ресурсов.
2. Авторегулирующий характер экономического механизма, обеспечивающий статический гомеостаз (баланс спроса/предложения) без вмешательства извне.
3. Автокаталитический характер экономического механизма, обеспечивающий динамический гомеостаз (т.е. экономическое развитие) без вмешательства извне.
4. Принципиальная возможность поддерживать «вертикальный экономический прогресс» — способность экономики к достаточно долговременному подъему с тангенсом угла наклона больше единицы (удвоение за год совокупного общественного продукта).
5. Теоретическая возможность перейти к насыщающей «хай-экономике», которая автоматически удовлетворяет потребности по мере их появления.

Граничным условием является политическая, социальная и психологическая «бесплатность» работы экономического механизма (иными словами, побочными продуктами

⁵⁰Симмонс Д. Песни Гипериона: Гиперион. Падение Гипериона. М.: АСТ, 2005.

его функционирования не должны стать, к примеру, концентрационные лагеря или ежедневный намаз).

Эта совокупность требований, по-видимому, совместна и может быть реализована на практике. Поскольку любая система, подсистема которой удовлетворяет предложенным условиям, также им удовлетворяет, должна существовать бесконечная последовательность экономических регуляторов искомого типа (в Части I в статье «Миражи золотого века» я назвал это утверждение «теоремой Лелика-младшего»).

Классическое ТРИЗовское требование к использованию вещественно-полевых ресурсов предопределило мое желание использовать для налаживания коммунистических экономических авторегуляторов социальные квазиорганизмы, простейшими представителями которых являются големы Лазарчука-Лелика⁵¹.

Ютанов Н. Ю.:

Более чем уверен, что у всех, кто читал работу Андрея Лазарчука и Петра Лелика «Голем хочет жить», сложилось впечатление, что голем — это информационный монстр, пожирающий человека на завтрак. Человек склонен преумножать чудовищ. И приукрашивать их так, чтоб было ужасней. У Лазарчука и Лелика сказано достаточно однозначно: голем индифферентен человеку. И понятно почему. Големов создают люди. Не являются их частью, а именно создают.

Переслегин С. Б.:

Ну почему «не являются»? Одно другому не мешает. И создают, и «являются частью», и «поедаются на ужин». Только вины голема в этом нет. Во-первых, для его семантики не определено понятие «вина» — очень уж простая система голем. Во-вторых, даже с нашей сугубо человеческой точки зрения голем — это только нами же созданная и нами запрограммированная информационная машина, которая отвечает за наши проблемы и неприятности не в большей степени, нежели трактор за непродуманную мелиорацию. Или даже не в большей степени, нежели двигатель этого трактора.

Ютанов Н.Ю.:

Поэтому задачей является, конечно, не борьба с големами или, скажем, с каким-то конкретным данным големом, который почему-то нам особенно не нравится. Такая «борьба» более всего напоминает даже не благородную затею кастильского идадьго с ветряными мельницами, а попытку Ксеркса высечь море. Задачей является точное уяснение логики функционирования големов и осмысленное программирование этих кибернетических квазисуществ. Во всяком случае, голем, который служит человеку, нравится мне больше, чем тот же голем, прислуживающий пресловутому Левиафану.

Переслегин С. Б.:

Как я понимаю, ты коснулся этой проблемы дважды. Как писатель, в «Ордене святого понедельника» из «Времени учеников-2». Как издатель, когда принял удивительное решение включить в Собрание обе редакции «Сказки о Тройке». В рамках «современной» (то есть нашей) терминологии в первом («Ангарском») варианте идет речь о борьбе с големом, а во втором («Сменовском») герои пытаются программировать его.

Ютанов Н.Ю.:

Первые книги показали, что, несмотря на параллельное собрание сочинений братьев Стругацких, выброшенное на рынок издательством «ЭКСМО», рынок проглотил наши книги с достаточно большим удовольствием. И проект «Мир Будущего» перерос в полное собрание

51 Лазарчук А., Лелик П. Голем хочет жить / Мир INTERNET. 2001. № 10.

исправленных и дополненных сочинений. Первым дополнительным томом сразу напрашивался «Понедельник начинается в субботу» и «Сказка о Тройке». Мы впервые воспроизвели под одной обложкой две версии повести «Сказка о Тройке», тем самым открыв удивительную тайну: это два совершенно разных произведения. Одно — оптимистично и конструктивно, другое — едко, пессимистично и призывает к битве с бюрократией. Как это ни удивительно, повести пересекаются только главой о пришельце Константине.

Выбирайте сами...

8. **«ТЕРМОДИНАМИКА БЛУЖДАЮЩИХ ВСЕЛЕННЫХ», ИЛИ «ТЕОРИЯ ВЕРОЯТНОСТНОЙ ИСТОРИИ»**

Переслегин С. Б.:

Концептуально весь проект «История будущего» обосновывался «вероятностной моделью истории», позволяющей связать **Текущую Реальность с Реальностью «Полдня...»**.

«Вероятностная история» действительно существует.

Первый набросок этой теории я сделал году в восемьдесят пятом. Тогда я занимался общей теорией систем и применял основные положения этой науки к самым разным объектам и процессам. Соответственно, возникла мысль рассмотреть науку историю как самоорганизующуюся структурную систему и изучить ее имманентные свойства.

В «Эдеме» Ст. Лем вводит ряд новых дисциплин, неизвестных на земле: механохимию, прокрустику и т.п. Возможно, он был первым философом, указавшим на возможные лакуны в древе эволюции разума. Идея эта меня заинтересовала с несколько неожиданной точки зрения: как может быть построена наука, которой нет.

И «вероятностная история» появилась вначале как формальная метамодель. Предположим, что никакой науки «истории» не существует и никогда не существовало. Построим ее, используя современные представления о структуре познания.

Сделать это оказалось не так уж сложно, и к концу восьмидесятых в моем распоряжении был набросок конспекта «метаистории», включающий структуру «уровней исследования» и описание процедур работы с этими уровнями. Разумеется, удалось легко получить метаописания классических «теорий истории», в том числе — истмата.

На этой стадии ни о какой вероятности истории речь не шла. Вообще я тогда считал, что «Господь в кости не играет». Сейчас мне кажется, что это утверждение необоснованно ограничивает свободу Господа.

Классические теории истории носили абелевый характер. Все они (по процедуре построения) выделяли некий ненаблюдаемый базис: экономика в марксизме, архетипы в модели Юнга, бессознательное в зоопсихологических концепциях. Самым простым способом обобщения классической теории была процедура формального включения в теорию эффекта обратного воздействия «надстройки» на «базис». Совершенно стандартные приемы «зашнуровки» сразу же привели к прямому аналогу квантовомеханического уравнения Шредингера для функции, описывающей состояние общества. И начал разматываться весь квантовомеханический клубок представлений о динамике объектов.

В дальнейшем выход на неоднозначность (вероятность) прошлого удалось получить еще по меньшей мере двумя способами — через термодинамический подход и через соотношение аспектной неопределенности А. Аугустиновичюте.

Можно спорить, характеризует ли неоднозначность само явление (исторический процесс) или только наши знания о нем. Однако в теоретической физике эта проблема решена давно в пользу вероятности бытия, а не только познания. Поскольку модели по построению эквивалентны, для истории должен быть сделан тот же вывод.

Таким образом, возникла концепция неоднозначности прошлого (и, естественно, будущего). Прежняя «единая и неделимая история, не знающая сослагательного наклонения» стала лишь «состоянием, имеющим наибольшую вероятность реализации» — аналогом классической траектории квантовомеханического объекта.

Эта модель самым естественным образом ложилась на схему миров-Отражений, предложенную Р. Желязны в «Янтарных хрониках»⁵². Теневые миры характеризуются вероятностями реализации — тем меньшими, чем мир «дальше» от нашей реальности. В рамках квазиклассического приближения непрерывная Тень (исторический континуум) рассыпается на дискретный спектр Отражений, из которых значимую вероятность реализации имеют, скажем, первые три. Правомерна постановка вопроса о «точках ветвления», в которых состояния, принадлежащие разным Отражениям, неразличимы. Приобретает практический интерес поиск и изучением «точек ветвления» классического единого исторического процесса.

В таком состоянии «метаистория» существовала следующие несколько лет. Я написал две статьи, прямо посвященные ей или опирающиеся на ее аппарат: «История: метаязыковой и структурный подходы» и «Исторические парадигмы и вероятностные корабли». Они не были опубликованы (и, собственно, не предназначались для этого), однако широко использовались как базисные разработки для цикла, впоследствии названного Н. Ютановым «Око тайфуна»⁵³.

Первоначальные наброски «Бриллиантовых дорог» также были сделаны в метаисторической квазиклассике — Реальность + Отражения (только в качестве Реальности — мир «Полдня...»). Однако чем больше времени я занимался генезисом будущего Стругацких, тем менее меня устраивал этот, ставший уже стандартным подход.

Собственно, всякие рассуждения о мирах-Отражениях начинаются с заклинания, что следует работать со всем историческим континуумом. Наконец, после десяти лет работы с метаисторией я удосужился поставить вопрос: а что, собственно, такое «исторический континуум»? Действительно, «худшим грехом является нелюбопытство».

Этот вопрос все поставил на свои места. Нет никакой выделенной «классической реальности». Есть лишь **Текущая Реальность**, которую конструирует мозг, дабы упорядочить процесс рождения/уничтожения исторических состояний. Эта Текущая Реальность ничем не лучше (и не хуже) любой другой вероятностной реализации. Она вполне субъективна; калибрует исторический континуум и выделяет Текущую Реальность сам человек. Сознательно.

Своими решениями и поступками он либо утверждает сделанный выбор, усиливая калибровку, либо ставит его под сомнение. Конечно, Текущая Реальность, которая сама по себе является структурной системой, обладает некоторой устойчивостью. Но эта устойчивость не безгранична. Если сомнения перейдут некоторое пороговое значение, калибровка сменится скачком. Мы потеряем одну историю и обретем другую.

Хотелось бы подчеркнуть, что в моих словах нет ничего иносказательного, никакой

52 Желязны Р. Янтарные хроники (Хроники Эмбера). СПб.: Terra Fantastica, 1996.

53 Переслегин С. Око тайфуна. СПб.: Terra Fantastica, 1994.

символики. Их надо понимать самым прямым и непосредственным образом. «Смена калибровки» в истории есть аналог квантового туннельного эффекта в физике. И реальна она настолько же, насколько реален туннельный эффект.

Человеческое сознание (мое во всяком случае) не способно воспринимать исторический континуум иначе, чем через Текущую Реальность и совокупность ее Теней. Иными словами, мы видим лишь одну проекцию каждого исторического события. Фактом существования обладает только само событие, но мы, по-видимому, обречены жить внутри проекции.

Суть вышесказанного проста. Мир «Полдня...», мир, где к концу 90-х годов освоена Солнечная система, конструируются прямоточные фотонолеты и завершается процесс мирового объединения,— это точно такая же проекция, как и наш мир с пьяницей президентом и полной победой товарно-денежных отношений над разумом. Просто кто-то когда-то, выйдя из комнаты, открыл не ту дверь...

В Текущей Реальности мир Стругацких тяжело болен. Эту Тень захлестывают волны отрицательной вероятности. Проекция становится все меньше, попасть в нее — все труднее. Скоро она исчезнет совсем. И ни изолирующая ванна, ни наркотик не смогут вернуть нам утраченное.

Наверное, тем, кто в состоянии покинуть «пещеру теней» и воспринять вероятностное «пространство событий» целиком, это не покажется трагедией.

Каранетян А.:

...Вообще-то грустно, господа товарищи. Потому что **миры упомянутого автора** нужно было назвать: **тяжкий путь познания**, но так уже называли однажды — и совсем не то. А можно бы еще и вот как: **дудочка крысолова**. Потому что мы послушно прошли за нею через рай коммунизма, по чистилищу его, и забрели потом в ад да и остались там, в аду все пути открыты. Дальше — уже сами. Но лично я хочу продолжения. Я не приучен ходить сам. Я хочу знать, что дальше!

Только **крысолова** уже нет, и учеников не оставил. Учил, да не тому. Хвалил, да лукаво. Вот она, дудочка,— никто поднять не может. Обидно.

ЧАСТЬ III

«ДРУЖБА МУШКЕТЕРОВ ПРИ ЖИВЫХ КОРОЛЯХ»

«КТО ХОЗЯИНОМ ЗДЕСЬ? НАПОИЛ БЫ ВИНОМ...»

(НЕТРАДИЦИОННОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ИТОГОВ ВТОРОЙ И ТРЕТЬЕЙ
МИРОВЫХ ВОЙН)⁵⁴

Нужно быть очень большим параноиком, чтобы
искать ежика на вершине елки.

П. Шумил

Политическую катастрофу конца 1980—начала 1990-х годов (распад Варшавского договора, разрушение Советской империи, переход европейской цивилизации в

⁵⁴Статья написана весной 1998 года, по различным причинам она долго не была опубликована, хотя обсуждалась на ряде литературных и политологических семинаров. Предлагаемая, несколько сокращенная, версия вошла в качестве «Эпилога второго, фантастического» в книгу С. и Е. Переслегиных «Тихоокеанская премьера», названную авторами «документальным фантастическим романом».

монокультурную американскую фазу) принято считать естественным следствием экономических несообразностей и политических девиаций социализма. Проиграли потому, что не могли не проиграть. Потому что коммунистическое варварство обязано было уступить буржуазной демократической свободе. *Историческая необходимость*. В смысле — психоисторическая.

«Нападете вы или нет, используете целый флот или одну эскадру, объявите войну или атакуете без предупреждения — в любом случае вы потерпите поражение»⁵⁵.

И все-таки?

Я прекрасно сознаю всю слабость бывшей империи, помню про летаргию ее политических предводителей и интеллектуальную недостаточность предводителей военных. Однако

«...позволю себе отнести последнее высказывание на счет привычки. Мы уже условились считать, что правительство — это мы»⁵⁶.

В конечном счете исход конфликтов такого уровня, как межцивилизационные или межкультурные, лишь в самую последнюю очередь определяется экономикой и в предпоследнюю — стратегическими и политическими талантами власть имущих. Они **всегда** — полные идиоты. Эволюционно закрепленная психоисторическая необходимость, по-видимому. Войны выигрываются и проигрываются «внизу»: в столкновениях (не обязательно вооруженных) конкретных людей, вооруженных менталитетом своей культуры и исповедующих ее ценности.

Оперативная информация: Брюс Стерлинг и Чарльз Браун

26 сентября 1997 г. «Странник», Всероссийский конгресс фантастики. Пресс-конференция трех приглашенных американцев — Роберта Шекли, Брюса Стерлинга и Чарльза Брауна.

Шекли, этакий «гуру» из шестидесятых годов, был ироничен, парадоксален и миролюбив, как его рассказы. Есть что-то общее между ним и Борисом Натановичем Стругацким. Аристократизм, наверное. Тот истинный, который не бросается в глаза. «...С высоты моего происхождения не видно никакой разницы даже между королем и вами». Они — с их подчеркнутым уважением ко всем людям данной планеты вне зависимости от того, с какой стороны периметра те живут,— были вне игры.

Стерлинг, истинно современный американец «компьютерного поколения», приехал интеллектуально развлекаться. Сейчас ему представилась великолепная возможность сыграть спарринг: один на одиннадцать.

С интересом и страхом я смотрел, как в мирной респектабельной пресс-конференции употребляются приемы «оборонной магии», которые у нас в стране прибегаются для самых ответственных словесных поединков. В жизни не видел такого виртуозного владения приемами психологической агрессии. И это — с переводчиком, когда 20-25% ментальной энергии теряется, по определению, на процедуре трансляции.

Не будь я диалектиком, нацепил бы защитное заклинание и переключил бы «локатор» на сканирование. Впрочем, постепенно разовый страх сменился у меня глубоким ужасом.

Двумя годами раньше мне случилось побывать в Италии, и я долго не мог забыть ощущение полнейшей психологической безопасности, которое было у меня в этой стране. Мы с рождения привыкли к формализму «боя всех против всех». Жизнь учила не расслабляться, «ловить» внутренним взглядом угрозу впереди и за спиной, быть готовым

⁵⁵Азимов А. «Основание». М.: Центр-полиграф, 2004.

⁵⁶Там же.

ответить, если вдруг «сельва спросит».

Там, в Италии, меня поражало отсутствие у людей включенных внутренних локаторов. Они не ждали угрозы. Они не были мобилизованы. Потому нам среди них было легко, а их наше присутствие стесняло и подсознательно пугало. Ночью на окраине Рима мы наткнулись на компашку подвыпившей молодежи, высыпавшей из ночного бара. Ситуация понятная и знакомая: радар на сопровождение, определение самого слабого и самого опасного, выработка тактики боя, адреналин на предбоевой режим, сближаемся обычной туристской разболтанной походкой, глазеем по окрестностям и ждем. Они испугались! Девчонки, подумав, юркнули обратно в бар, парни перевалили на другую сторону улицы. «Заводиться» им явно расхотелось: в конце концов до них дошло, что численного превосходства всего лишь три к одному явно недостаточно...

Так вот, в зале гостиницы «Славянская» на конференции фантастов я оказался в шкуре этих молодых людей. С ужасом я понял, что, во-первых, мобилизованности и энергетике Стерлинга мне противопоставить нечего. «*Как школьнику драться с отборной шпаной*»? Во-вторых, помощи от других ждать не приходится: большая часть народа даже не поняла, что их уже «сделали», что их психологическая оборона пробита и минимум, которым они отделаются,— это острая головная боль и депрессия, а с оставшимися Стерлинг разберется шутя. И в-третьих, что сам он — лишь авангардная группа, вызывающая огонь на себя. А во втором эшелоне действуют главные силы в виде редактора «Локуса» господина Чарльза Брауна.

Загадочный человек этот Браун. Такой же загадочный, как его журнал, который объективно нерентабелен, однако выходит уже двадцатый (или больше?) год. Интересно, почему это американцы, которые никогда не платят лишнего, его кредитуют? И почему сам этот, мягко говоря, незаурядный человек, отнюдь не находящийся в психологическом статусе «ребенка», занимается неприбыльным и малопrestижным делом? Очень интересно.

Браун говорил мало. Он вступал в разговор только тогда, когда Стерлинга заносило (а того время от времени заносило), и «*одним универсальным движением брови*» ликвидировал возникающую проблему. Видимо, Браун считал, что следует стремиться к 100% попаданий.

По окончании конгресса один из нас сказал:

«Ну, хорошо, может эти двое “там” самые “крутые”. Но ведь из списка американской писательской элиты их выбирали, в общем, случайно. Или это в США средний уровень?»

«Грустно, господа...»

Постановка задачи

До сих пор в кругах военных историков принято с иронией относиться к американским вооруженным силам. Собственно, все войны последнего столетия подтверждают тот факт, что воевать янки не умеют. «Пересмотр баланса» сил на земном шаре просто необходим.

Первая Мировая война: по численности американская дивизия превосходила английскую вдвое, а немецкую — втрое. По боеспособности они в лучшем случае были

одинаковы.

Межвоенный период: анекдотический случай — семь американских эсминцев днем вблизи собственной базы строем садятся на камни в проливе Санта-Барбара. Абсолютный рекорд всех времен и народов.

Вторая Мировая война: Япония, по своим экономическим возможностям стоящая где-то между Голландией и Бельгией, поставила вооруженные силы США на грань катастрофы. В Арденнах армия США потерпела поражение от уже разбитых гитлеровских войск, о действиях в Африке и Италии я лучше умолчу.

Корея: более чем посредственные результаты при абсолютном преимуществе в воздухе, да и эти результаты достигнуты по преимуществу австралийцами и новозеландцами.

Вьетнам: несмотря на все приложенные усилия, поставленная цель не достигнута, сухопутные части показали совершенно недостаточный уровень боевой подготовки. Американский матрос сжег (правда, не до конца) авианосец «Форрестол» и с десятков боевых самолетов, пытаясь потушить горящую магниевую ракету в ведре с водой...

Анекдоты можно множить и множить, но, сколь ни печально это для нашего самолюбия, должно вспомнить, что эти люди выиграли во всех военных конфликтах столетия. В том числе — у нас с вами.

Итак, ставим задачу: «они» не умеют воевать, но почему же их неумение так дорого стоит?

Сразу же придется отклонить ответ, объясняющий американские военные успехи их экономическим могуществом. Это лишь подмена одной задачи другой, ей эквивалентной. *«Опиум усыпляет, потому что в нем заключена снотворная сила».*

О несуществующем, или Об американской экономике

Государственный бюджет ничем принципиально не отличается от семейного. Доходная часть его определяется тем, как вы работаете (для страны — это уровень производительности труда). Расходная состоит из необходимых затрат, желательных затрат и «затрат на развлечения». Остаток, если он есть, идет в фонд накопления. Тратить больше, чем зарабатываешь, можно, лишь взяв кредит, что чревато. (Для государства, правда, есть возможность «нарисовать» внутренний кредит, который можно и не отдавать, — напечатать дополнительные деньги и взвинтить инфляцию. Последствия — за свой счет.) Ну, еще можно поторговать. Однако невозполнимые ресурсы рано или поздно кончаются, а торговый баланс при обмене продуктами труда в конечном счете опять-таки определяется производительностью этого труда. Короче, экономического «вечного двигателя» в природе не существует.

Принято считать, что государственная валюта обеспечивается «всеобщим достоянием» нации, однако кто и когда видел и считал это достояние? Наверное, только в фильмах о Джеймсе Бонде всерьез утверждается, что в подвалах Форт Нокса действительно лежат

золотые слитки...

Современные финансы — динамическая категория, устойчивая лишь при детальном равновесии производства и потребления. Как интуитивные построения, так и конкретный анализ наводят на мысль, что данное равновесие в экономике США давно и необратимо нарушено.

Заметим прежде всего, что производительность труда в США сегодня заведомо уступает японской и, скажем так, не превосходит западноевропейскую. Так что уровень государственных доходов в США и, к примеру, Великобритании должен быть сравним (хотя бы по порядку величины). Разберемся в расходах.

Флот США отвечает «мультидержавному стандарту»: он превосходит флота всех остальных государств земного шара, вместе взятые. Только одних ядерных авианосцев в этом флоте девять штук. С полными авиагруппами, с системой базирования по всему миру, с высокооплачиваемыми наемными экипажами. Причем, что характерно, последняя серия из пяти экземпляров строилась уже после распада Союза, когда стало ясно, что реального боевого применения этим авианосцам не найдется. Строили «с жиру». По уровню затрат (с учетом технического и экономического прогресса) такой спурт — что-то вроде «дредноутной гонки» начала столетия. «Дредноутная гонка», однако, была обусловлена, по крайней мере, наличием реального противника. И она привела, сейчас это более или менее очевидно, к разорению и упадку Великобритании⁵⁷.

Кроме надводного флота американцы полностью переоснащают подводный. Одновременно авиация переходит на новые типы боевых самолетов, созданных по стелс-технологии. Резко меняется техническое обеспечение сухопутных сил. Все это требует денег, и — с учетом очень высокого уровня жизни в США и обусловленной этим значительной доли заработной платы в общем объеме расходов — денег немалых.

Но военными расходами дело не ограничивается.

США немало тратят на космос — «шаттлы», беспилотные аппараты для разведки Большой Системы, станция «Альфа». Клинтон что-то говорил своему народу относительно планеты Марс...

В США очень дорогое и, если верить исследователям ЮНЕСКО, поразительно неэффективное школьное образование. Кто-нибудь подсчитает доллары, валящиеся в эту финансовую «черную дыру»?

⁵⁷Пример Великобритании характерен, поскольку в начале столетия она находилась точно в таких же условиях, что и нынешние США: фунт был резервной валютой, Лондон — центром мировой торговли и страна получала сверхприбыли, положенные гаранту системы мировой морской торговли.

И наконец — факт «на закуску». Дешевый бензин в Америке. Раза в два дешевле, чем в Западной Европе. Это при том, что привозная нефть стоит столько же, переработка в США — дороже (все тот же высокий уровень жизни), а сверх того США часть нефти добывает у себя дома, и эта нефть стоит заметно больше привозной. Иными словами, сырая нефть в США дороже, переработка тоже, а вот очищенный бензин оказывается дешевле.

Заметим, что дешевый бензин Штатам необходим, поскольку вся их транспортная система основана на автомобильном транспорте. Но ведь даже страны-экспортеры нефти разорялись, когда пытались поддерживать у себя цены на бензин много ниже мировых. Пример СССР здесь достаточно показателен.

Но может быть, американцы экономят деньги на сверхэффективности своей экономики? Любая стране тратит часть своего труда совершенно непроизводительно, поэтому КПД экономики всегда меньше единицы. (Например, реальный продукт изготавливает рабочий, вытачивающий детали. Но предприятие не может обойтись без более или менее раздутого штата администрации, которая деталей не делает, но необходима для регулирования процесса производства. В данном примере КПД завода определяется долей затрат на содержание администрации в общей стоимости продукта. Для страны неизбежные, но непроизводительные, то есть не удовлетворяющие никаких, даже самых извращенных человеческих потребностей, затраты связаны с содержанием государственных органов и налоговой службы.)

Так вот, США имеет высокие прямые налоги, и ее фискальная система весьма развита. Что же до администрации, то с учетом дублирования всех управляющих органов на уровнях штатов и Федерации она просто безобразно раздута.

Кроме того, в США очень и очень высокие и совершенно непроизводительные расходы на медицинское обслуживание и на поддержание безбедного существования «паразитических» сословий юристов и психоаналитиков⁵⁸.

⁵⁸Наверное, хочется возразить, что медицина и юридические услуги в США платные, а затраты на образование большей частью несут конкретные штаты, а не федеральный бюджет. Так оно и есть, и ничего это не меняет. Мы же считаем интегральный баланс расходов с доходами в масштабах всей страны — составляем баланс общества, а не государства. Поэтому нам не принципиально, кто именно непроизводительно тратит деньги: федерация, штат или отдельный гражданин. В любом случае они выбрасывают на ветер превращенный в деньги труд — свой или чужой.

(Понятно, что я не призываю вернуться в каменный век и вообще отказаться от психологического и медицинского обслуживания или от правового обеспечения общественной жизни. Речь идет о выходе за рамки здравого смысла, когда, обратившись к врачу по поводу элементарной ангины, получаешь назначение на рентген позвоночника или операцию аппендицита.)

В этом разделе навязчиво повторяются слова «большие», «огромные», «значительные», «недостаточные» и им подобные эпитеты, хотя говорят, что финансы любят конкретный счет, а не общие рассуждения.

С этим не приходится спорить, но у меня нет никаких оснований доверять официально публикуемым бюджетным цифрам больше, нежели представленному в российскую налоговую инспекцию балансу очередного мертворожденного общества с ограниченной ответственностью. Определить сколько-нибудь точно совокупный общественный доход весьма трудно. На этом основано само существование современной мировой финансовой системы, которая вся держится на необеспеченных ничем, кроме доброго имени того или иного государства, кредитах. Именно поэтому я предпочитаю эпитеты цифрам. Цифрами можно манипулировать всегда. «Айн, цвай, драй» — и в насквозь милитаристском имперском Советском Союзе самые низкие в мире оборонные расходы. «Эники, беники» — и американский ударный авианосец оказывается дешевле японского сторожевика...

В общем, мы не можем подтвердить цифрами интуитивный вывод, согласно которому Штаты не могут сводить концы с концами в экономике. Зато мы можем подтвердить это фактами. Фактами реального существования девяти ядерных авианосцев, дешевого бензина и сотен тысяч никому не нужных юристов.

О невозможном, или О личной жизни белого американца

Результаты социологического опроса, проведенного институтом Гэллапа. На вопрос: «Хотите ли вы интимной связи с Биллом Клинтонем?» — 65% американок в возрасте от 7 до 70 лет ответили: «Как, опять?». (Анекдот, однако.)

Разговоры о харассменте и феминизме всем надоели, потому буду предельно краток. За последние годы в Америке сложилась и оказалась закрепленной законодательно система личных отношений, основанная на отрицании традиционного разделения половых ролей. Но это разделение потому и традиционно, что порождено биологической эволюцией человека. В результате возникло и стало играть едва ли не определяющую роль в личной и общественной жизни нарастающее противоречие между биологическими и социокультурными императивами. Это вызвало стремительный рост неврозов сексуального происхождения.

В США появление ребенка в семьях, где оба партнера белые образованные обеспеченные американцы, стало настоящим событием. Уже не сексуальные девиации и наркотики (как в шестидесятые годы), а психологическая импотенция и бесплодие определяют здоровье нации. Понять это нетрудно. Сексуальные отношения (особенно в подростковом и юношеском возрасте) опираются на многие традиционные «знаки»:

«Но она же назвала номер каюты, — объяснил Лумис. — Это, вкуче со всеми остальными событиями сегодняшнего вечера, может быть истолковано только как приглашение, если не приказание...»⁵⁹

Сейчас в США эта знаковая система разрушена. А поскольку, согласно современному американскому толкованию законов, практически любое поведение мужчины может быть истолковано женщиной как сексуальное домогательство и повлечь уголовное наказание, поскольку сроки давности по подобным искам не определены, секс становится похожим на хождение по минному полю — со всеми вытекающими последствиями.

Собственно, хотя харассмент, несомненно, новое явление, с социально значимыми сексуальными девиациями человечество сталкивалось и раньше (например, в эпоху упадка

классической Греции). Всякий раз это было симптомом тяжелого политического кризиса.

С точки зрения теории систем современная ситуация в США должна обозначать взрывное увеличение социальной энтропии (доли труда, направленного на достижение заведомо недостижимых либо взаимно несовместных целей) и соответствующее падение производства. Должно. Однако же *не обозначает*.

О маловероятном, или О программе «Аполлон»

Мои первоначальные представления о причинах успеха американцев в Третей Мировой войне были связаны с произведениями А. Азимова, конкретно с «Нечаянной победой» (посвященной советскому народу!) и ранними вещами цикла «Основание». Вообще, именно Азимов всегда представлялся мне автором плана войны. (Уровень интеллекта американских военных, возглавляющих штабы в 40-60-х годах, никоим образом не позволяет приписать им разработку сколько-нибудь нетривиального оперативного замысла.)

Азимов был вполне последовательным марксистом, потому и придумал «психоисторию» — марксизм XX столетия. (Каким-то тонким нервом наши цензоры почувствовали враждебность «Основания» Советской империи, и книгу у нас запретили. Потому и упустили возможность своевременно разобраться в схеме операции и организовать контригру. Впрочем, Азимов запрещение своей книги в СССР предвидел — психоисторическая задачка для второклассника.)

Операция, как она представлялась Азимову, была проста. Сугубо непрямые действия — прежде всего в психологической области, направленные на разрушение общего ментального поля, основного, если не единственного, фактора, скрепляющего Советскую империю. (Собственно, в раннем «Основании» именно эту задачу — разрушение общего ментального поля противника — и решают любимые герои автора Сальвар Хардин и Хобер Мэллоу.)

Однако психоисторическая стратегия имеет два принципиальных и неустранимых ограничения: во-первых, социум, над которым производится психоисторический эксперимент, не должен знать психоисторию (это было надежно обеспечено самой советской системой) и, во-вторых, за время осуществления операции не должно появиться социально значимых технологических инноваций. Здесь и произошел сбой. Двенадцатого апреля 1961 г. человечество обрело новую — космическую — степень свободы.

Теперь речь уже не шла об «идеальном конечном результате». США на время вынуждены были перейти к стратегической и психологической обороне. Ментальная «отдача» сотрясала страну (убийство Кеннеди и Кинга, события 1968 г., Вьетнам). Волей-неволей пришлось перейти к прямым действиям. Ответом на полет Гагарина могла стать только высадка на Луне.

И американцы добились ее. Летом 1969 г. экипаж «Аполлона-11» под командованием Нейла Армстронга выиграл Третью Мировую войну, лишив СССР преимущества в космосе и вернув события на рельсы азимовской стратегии, столь блистательно увенчавшейся успехом в восьмидесятые годы.

И вновь критический анализ заставляет нас задать несколько неочевидных вопросов.

Ощущение, что с программой «Аполлон» не все благополучно, вызвало к жизни фильм «Козерог-1», где изображена имитация грандиозной марсианской экспедиции, и десятки идиотских замечаний, «доказывающих», что на Луну никто не летал. Летали, конечно. Межкультурный конфликт не выигрывается примитивным обманом. Но вот как летали?

Лунная программа на элементной базе шестидесятых годов была технологической авантюрой. К тому же американцы работали в невероятной спешке: от момента принятия решения до экспедиции Армстронга прошло всего восемь лет⁶⁰. Конечно, были приняты

⁶⁰Для сравнения: значительно более примитивный проект Space Shuttle разрабатывался 15 лет, далее около года шли испытательные полеты. Лишь после этого

неоптимальные решения: кислородная атмосфера, морской финиш, многократные перестыковки. В результате возникла система, надежность которой официальные лица определили всего в 98-99%. «Неофициально» дело обстояло, видимо, намного хуже.

«Сатурн-5», *предельная* ракета на жидком топливе. Браун, конечно, был гением, но и он не стал бы гарантировать абсолютную надежность этого носителя. Перестыковка. Коррекции траектории. Отстыковка лунного модуля. Посадка на Луну. Взлет. Стыковка. Коррекции траектории. Посадка. Все по отдельности вполне надежно. Но вместе — это уже система с минимальной, если не отрицательной, оперативной устойчивостью⁶¹.

Между тем риск, я разумею — политический риск, был очень велик. Общественное мнение при демократии носит истерический характер. Тяжелая авария «Аполлона-11» привела бы, скорее всего, к полному свертыванию программы и тяжелому поражению в космосе. Во всяком случае, следующий полет состоялся бы не раньше чем через несколько лет. (Вспомним, насколько была отброшена советская космонавтика случайной гибелью экипажа «Союза-11», хотя причины катастрофы были установлены мгновенно и никаких технических доработок эта трагедия не потребовала.)

К началу 1969 г. было ясно, что времени на раздумья, на доводку системы, на беспилотные эксперименты нет. В СССР уже была испытана система «Зонд» — двухместный космический корабль для облета Луны — и, невзирая на все неудачи, заканчивалась работа над лунным носителем Н-1.

Американцы рискнули и выиграли.

Американцы? Рискнули?

Что-то здесь подлежащее не согласуется со сказуемым⁶².

Промежуточные итоги

Приходится диагностировать, что в наших построениях концы не сходятся с концами. Можно долго доказывать невозможность полета «Аполлона-11», но Нейл Армстронг все-таки ступил на Луну и сказал свою знаменитую фразу о маленьком шаге для человека и огромном для человечества. Можно не верить в американскую экономику, но она существует, и товары, ей произведенные, мы покупаем едва ли не ежедневно. Можно постулировать неизбежность взрывного распада социума от одного только харассмента, но ведь это мы распались, а вовсе даже не Америка.

Но ведь и от поставленных здесь вопросов нельзя просто отмахнуться.

система была допущена к рабочей эксплуатации. И, как показала катастрофа «Челленджера», преждевременно.

⁶¹Конечно, успешные операции с заведомо отрицательной устойчивостью исторически известны. Атака Перл-Харбора, например. Или африканская кампания Роммеля. Но как раз для американцев подобные действия никогда не были характерны. Попытка при Картере освободить заложников в Тегеране малоустойчивой операцией (с двумя дозаправками на неприятельской территории) закончилась провалом, человеческими жертвами и крахом многих карьер.

⁶²Оперативная информация.

В описываемый период технический уровень нашей и американской космонавтики был в целом сравним (об этом можно судить по близкому количеству пусков, примерно одинаковому проценту аварий, сбоев, человеческих жертв). Одновременно с «большой» (пилотируемой) в СССР разрабатывалась «малая лунная программа» — доставка на землю лунного грунта автоматической станцией. Идея, конечно, не такая амбициозная, как проект «Аполлон», но и технически много более простая. Успешным оказался лишь третий запуск в 1970 г. Еще раз повторю: элементная база 60-х годов не позволяла организовывать лунные экспедиции. То есть позволяла. Но на пределе.

Притча о системе автоматического наведения

1935 г. Вы узнаете, что гитлеровская Германия разрабатывает ракеты «воздух—воздух» с автоматическим наведением на цель. Вы — грамотный инженер и представляете, как будет выглядеть этот электронный блок на шестернях, реле и вакуумных лампах, запитанных от кислотного аккумулятора. Вы отдаете себе отчет, что система эта громоздка, дорога и ненадежна, что от маневров носителя и толчка при включении двигателя будут вылетать из гнезд лампы, отрываться контакты, заклинивать шестерни. И со спокойной совестью вы докладываете начальству, что практического значения эта разработка не имеет.

Начинается война и оказывается, что все ракеты поражают цель. Наконец, удается захватить неповрежденный экземпляр. Вы вскрываете блок управления и видите примерно то, что ожидали: битое стекло ламп, сломанные шестерни и путаницу оборванных проводов. Однако головка ракеты следит за вашими движениями и отслеживает их, отклоняя рули. Вы пытаетесь разобраться и в конце концов находите среди хлама маленькую черную коробочку сантиметр на сантиметр с двумя десятками выводов, а около нее продолговатый цилиндрик с надписью «Energizer 1,5 V».

Оперативная информация: хронология «Оснований»

Первый цикл работы над хрониками приходится на 1942-1945 гг. Тогда это были довольно разрозненные микроповести, не представляющие единого Текста.

В период 1949-1953 гг. создается собственно «Foundation»⁶³: концепция психоистории, ее рабочие ограничения, схема «двухтактного двигателя» галактической истории с Первым Основанием на Терминусе и Вторым на Транторе. В этот период меняется концепция Второго Основания. Первоначально оно мыслилось, несомненно, как психоисторический «штаб операции», но никоим образом не как самостоятельная политическая сила. Однако уже в третьем романе цикла Второе Основание представлено не столько историками, сколько менталами, способными управлять другими людьми.

Затем следует долгое молчание, и с 1983 г., когда все уже было взвешено и решено, появляется совсем другое Основание, странное и горькое. Основание, в котором вся история, весь гениальный план Селдона представлены лишь наблюдаемыми проявлениями скрытой деятельности Р. Даниэла, который из рассудительного, но, в общем, звезд с неба не хватающего робота (Элайдж Бейли, в котором заметны черты самого Азимова⁶⁴, «сделал» его и в «Стальных пещерах», и в «Зеркальном Отражении», и в «Обнаженном Солнце») превращается в некую демоническую фигуру ментала, управляющего Галактикой. Понятно, что в повести «Основание и Земля» Р. Даниэл, проживший к этому времени не одну тысячу лет, выглядит по-иному, нежели в «Стальных пещерах». Но и в поздних (1983- 1985) повестях «авроровского цикла» он не слишком напоминает Даниэла времен Космополиса.

Вообще, противоречия между «ранним» и «поздним» Основанием настолько велики, что речь идет уже, в сущности, не об одном, а о двух сериалах с совершенно различными историческими концепциями.

Эгрегоры. Модификаторы поведения

Итак, изучение произведений Азимова наводит на мысль, что между серединой пятидесятых и началом восьмидесятых годов в США «что-то» случилось. И это «что-то», насколько можно судить, отравило Азимову всю радость от триумфального завершения его плана.

Прямой социологический анализ лишь подтвердил эту гипотезу (так, в пятидесятые годы американская экономика была сбалансирована вполне традиционно, обыденными были

⁶³Азимов А. Транторианская империя. М.: ЭКСМО, 2008.

⁶⁴Азимов А. Детектив Элайдж Бейли и робот Дэниел Оливо. М.: ЭКСМО, 2003.

и эксцессы общественной жизни — маккартизм под тем или иным названием «проходила» всякая великая империя), но не позволил определить семантику случившегося. Я обратился к историческому анализу и формализму причин и следствий.

Необходимо было сформулировать, чем американская культура принципиально отличается (и всегда отличалась) от породившей ее западноевропейской. Эта проблема надолго погрузила меня в мир архетипов, големов, эгрегоров и прочих объектов, принадлежащих частью информационному, частью «тонкому», но не объектному миру.

Големы Лазарчука-Лелика⁶⁵ сейчас известны настолько хорошо, что вряд ли есть смысл останавливаться на них, тем более что никаких особенностей, выделяющих американский голем из однотипных, найти не удалось. Совершенно заурядный информационный объект 1-го уровня, при распознавании — жирный и ленивый.

Исследование эгрегориальной структуры⁶⁶ привело к парадоксальному результату. Не то чтобы у американцев совсем не было «крыши», но «крыша» эта сводилась к примитивному набору представлений о так называемом «американском образе жизни». В пространстве информационных объектов Штаты если и выделялись из общеевропейского уровня, то в худшую сторону: конструкции, которые удалось идентифицировать, отличались меньшей структурностью и более простым поведением. Я отметил этот факт, первоначально не придав ему большого значения.

К этому времени у меня появились неясные сведения, намекающие на существование информационных объектов принципиально нового класса, — объектов, обобщающих классическое представление об эгрегоре как о присоединенном семиотическом пространстве культуры.

65В статье этих авторов «Голем хочет жить» было убедительно показано, что государственный административный аппарат и все эквивалентные ему системы представляют собой **искусственный интеллект** и обладают собственным **поведением**. В дальнейшем понятие «голем» было расширено на любые квазиживые объекты, элементной базой которых являются люди.

66Термин «эгрегор» имеет широкий семантический спектр: разные школы употребляют его в разном контексте. Эгрегоры относятся к числу высокоорганизованных квазиживых объектов со сложным поведением. На интуитивном уровне восприятия **эгрегор это голем, в который вселилась чья-то бессмертная душа, иначе говоря, это голем, обладающий свободной волей, а значит, и определенным творческим потенциалом, опирающимся на коллективное бессознательное его реальных или возможных адептов, информационный объект, имеющий признаки личности.**

Можно определить эгрегор как **общее психо-семантическое поле больших групп людей, выделенных по какому-то значимому признаку**: христианский эгрегор, национальный эгрегор и т.п. Понятно, что такой объект подпитывается личностной энергетикой своих адептов, и в этом смысле можно говорить о паразитизме. С другой стороны, за служение эгрегору человек **всегда** получает воздаяние: чувство защищенности (эффект «крыши»), дополнительную энергетiku, информационные озарения и т.п. При этом речь идет не только о перераспределении ресурсов, когда некие «жрецы» живут за счет паствы. Эгрегор, насколько можно судить, энергетически взаимодействует, во-первых, с другими эгрегорами и, во-вторых, с такими сущностями, как Земля и Космос. Соответственно, подключившись к достаточно мощному и развитому эгрегору, можно получать помощь из прошлого или будущего, из миров-Отражений, из глубин собственного подсознания. Можно дочиста «ограбить» незадачливых партнеров, столь мощной крыши не имеющих. Но платой за это будет твоя душа, которая, растворившись в личности эгрегора, усилит его.

В принципе, можно сказать, что ближе всего к нашему представлению об эгрегоре находятся древние боги. В смысле А. Городницкого:

На Олимпе же богов бессмертных много
Кто-нибудь да согласится нам помочь.

Толчком послужило ехидное письмо Александра Больных⁶⁷, человека, хорошо известного как в кругу любителей фантастики, так и среди фанатов военной истории. Больных с прямой римляниной задавал вопросы, нелицеприятные для всех конструкторов и реконструкторов версий Цусимского сражения. Прочитавши письмо, мне захотелось освежить в своей памяти некоторые материалы.

Я занялся судебными делами по факту сдачи миноносца «Бедовый» и эскадры Небогатова. Надо сказать, что по духу и букве петровского Морского устава сдача в плен кораблей, не потерявших возможности сопротивляться, не может быть оправдана ни при каких условиях. Соответственно, с юридической точки зрения у подсудимых были только две возможности: умолять о снисхождении, уповая на монаршую милость, либо перейти к нападению и клеймить «прогнивший царский режим, пославший их на верную смерть». В последнем случае можно было рассчитывать на поддержку «революционного» общественного мнения. (Конечно, обе линии поведения были несовместимы с личной честью, но, в сущности, само участие в процедуре сдачи уже покрыло подсудимых несмываемым бесчестьем.)

Прочтя все показания по нескольку раз, я оказался и полной растерянности. Создавалось впечатление, что русские морские офицеры: люди, которых я не мог не уважать за ум и образованность, ведут себя как скопище лгунов, тупых и бестолковых, не способных даже мало-мальски согласовать между собой версии случившегося. А уж объяснения, которые они давали своим поступкам... Прокурор, уцепившись за подброшенное ему словечко «машинально», имел все основания возразить Клапье де-Колонгу:

«Думаю, что машинально ни один офицер русского флота приказать изготовить и поднять белый флаг не может, До позора, чтобы такие приказания стали для офицера обычными, мы еще, слава богу, не дожили».

Только в этот момент я осознал, что произошедшее утром 15 мая в Японском море событие, в сущности, очень необычно. Прежде всего я пересмотрел список сдавшихся и сражавшихся кораблей.

Вот три броненосца береговой обороны, невесть как оказавшиеся за тридевять земель от своего естественного театра военных действий. Однотипные корабли, одинаковые биографии, похожие командиры (надо сказать, что крупные боевые корабли создают собственные эгрегоры, при этом у однотипных судов и эгрегоры, как правило, похожи). «Адмирал Ушаков» сражается до последнего снаряда, «Адмирал Сенявин» и «Апраксин» сдаются в плен. «Ушаков» шел один, «Сенявин» — в составе эскадры, сохраняющей преемственность командования. Из девяти миноносцев сдался только один — тот, на котором был адмирал и чины его штаба. Сдался в обстановке, весьма далекой от «окружения превосходящими силами противника». Короче, чем дальше — тем больше создавалось впечатление театральности, *сюжетности* происходящего. В самом деле, если бы я писал фантастический роман о некоей Русско-японской войне (случившейся, очевидно, в параллельной Реальности), об адмиралах Рожественском и Того, о Цусиме, какая ударная концовка мне понадобилась бы? Да именно эта самая: церемония спуска флага на «Николае» и разговор двух адмиралов в госпитале Сасебо.

Что характерно: цусимскую капитуляцию рассматривают по-разному: как позор, как преступление, как единственную возможность спасти людей — но все без исключения считают ее *естественным и логичным* концом нойны.

Я вновь обратился к материалам следствия, предположим на этот раз, что все или почти все подсудимые говорили правду. Могли ли их показания быть совместны и если да, то

⁶⁷Больных Александр Геннадьевич (р. 1954, Таллин, СССР) — российский писатель, переводчик. Закончил Уральский политехнический институт. Начинал как автор научно-фантастических произведений. Живет в г. Екатеринбург. С 1996 г. профессионально занимается переводами на военно-историческую тематику. Автор ряда произведений, посвященных Первой и Второй мировым войнам. Член Союза писателей России (1993). Лауреат премии им. Александра Беляева (2004).

при каких условиях? Анализ позволил выделить следующие принципиальные моменты:

1. Показания свидетелей (матросов, судовых священников, врачей, корабельного инженера) единодушны в том, что до самого момента капитуляции такая возможность не приходила никому в голову. Дело здесь не в героизме моряков и в верности присяге. Просто люди были слишком измотаны, чтобы мыслить категориями, выходящими за рамки обыденного опыта, а, как правильно заметил прокурор, сдача в плен пока еще не стала для русских моряков привычным и естественным явлением. После этого момента, напротив, никому не приходило в голову, что могли быть и другие варианты. То есть можно говорить о *психологическом переключении*.

2. В показаниях непосредственных виновников сдачи обращает на себя внимание навязчивое повторение семиотических конструкций «машинально», «как в тумане», «я не осознавал, что делаю», «я находился как будто во сне», указывающее на *бессознательный характер поступков*.

3. Отмечается *амбивалентность* поведения многих участников сдачи, отдававших с минимальным промежутком времени самые противоречивые приказания («Открыть огонь!», «Ни в коем случае не стрелять!», «Поднять белый флаг!», «Приготовиться к бою!», «Выбрасывать за борт затворы!», «Не смей портить орудия!»...)

4. Некоторые моменты сдачи практически полностью *вытеснены из памяти* обвиняемых и свидетелей. Так, только на броненосце «Орел» (который находился в бедственном положении и согласно Морскому уставу имел право сдаться в плен) помнили процедуру подъема японского флага.

5. Наиболее необъяснима ситуация на «Изумруде», который уже отрепетовав сигнал о сдаче, неожиданно для всех дал полный ход и ушел из кольца японских кораблей. Вместо душевного подъема, который по идее должен был вызвать такой поступок, офицеры и команда корабля пришли в состоянии острой депрессии, которая на следующий день вылилась в форменный психоз (в результате чего крейсер был сначала посажен на мель в русских водах, а потом взорван «во избежание захвата японцами», коих в радиусе сотни миль не было и не могло быть).

Напротив, психическое состояние команд сдавшихся судов оставалось почти нормальным. Во всяком случае, среди офицеров не было самоубийств или серьезных психических расстройств.

Такая *парадоксальная психическая реакция* требует объяснений.

Все эти факты хорошо объясняются гипотезой о *динамических эгрегорах*, которые я назвал *модификаторами поведения*. В самом деле, нам известно, сколь мощное воздействие на психику могут оказать обычные статические объекты. На стадионе, в Храме Господнем, на первомайской демонстрации естественно вести себя в соответствии с «пожеланиями» местного эгрегора. В этом случае ты будешь вознагражден состоянием, близким к эйфории. Если же ты решил противопоставить себя воле этого эгрегора, то последствия в виде головной боли, дурного настроения, депрессии не заставят себя ждать. Можно сказать, что в подобных «полях» модифицируется восприятие человека.

«Но ты же знал, что дракона убил не бургомистр?» —

«Дома знал, а на параде...»⁶⁸

Предположим теперь, что некоторые эгрегоры существуют не в пространстве, а во времени, представляя собой *сюжеты*. В отличие от обычных информационных объектов, для жизнедеятельности которых требуется лишь сам факт наличия людей-носителей и информационного поля, их связывающего, для объектов динамических непременным условием существования служат определенные поступки людей. И такие объекты оказывают на людей психологическое воздействие, *модифицируя их поведение* и заставляя подчиняться логике *сюжета*, даже если внушенные действия абсолютно не соответствуют их натуре⁶⁹. В

⁶⁸Шварц Е. Дракон. М.: АСТ, 2008.

⁶⁹В дальнейшем мне удалось отыскать в истории еще несколько событий, общепризнанных как естественные и едва ли не единственно возможные, хотя их

рамках этой модели очевиден список сдавшихся кораблей: воздействие оказывалось лишь там, где капитуляция была важна сюжетно. Объяснима амбивалентность поведения — императивы личности боролись с императивами модификатора. Понятна ситуация с «Изумрудом» — наказание за ослушание.

Бессознательный характер поведения и эффект вытеснения указывает на то, что механизмы воздействия модификатора на личность находятся глубже уровня сознания.

Модель модификаторов объяснила довольно многие загадки человеческой истории и вызвала интересную дискуссию (в которой, в частности, было дано определение нирваны как состояния, позволяющего человеку выйти из кругооборота сюжетов и, следовательно, не подвергаться воздействию со стороны каких-либо динамических модификаторов), но она отнюдь не прояснила ситуацию с современной Америкой. Во всяком случае, гипотеза, укладывающая отмеченные нами особенности США в некий сюжет, не подтвердилась. Более того, оказалось, что как раз *американская история* по сравнению с европейской или японской подчеркнута *бессюжетна* или слабо сюжетна.

Архетипы. Существенные отличия США

Итак, я вторично наткнулся на свидетельство относительной бедности *высокоорганизованных информационных структур США*. Не только статические, но и динамические эгрегориальные поля проявлялись в этой стране сравнительно слабо. Было, однако, не ясно, имеет ли отмеченная особенность американской культуры какое-то отношение к исследуемой проблеме.

Модификаторы поведения представляют собой сложные, многоуровневые *социальные и исторические* сюжеты, восходящие, насколько можно судить, к мифам. Однако известны и значительно более древние биологические сюжеты, которые лежат в основе этих мифов. Такие сюжеты были изучены К. Юнгом и получили название *архетипов*.

Архетипы рассматривались Юнгом как воплощения коллективного Бессознательного, так что бессознательный характер воздействия модификаторов на личность роднит их с архетипами.

Но в таком случае не означает ли малая сюжетность американской истории *недостаточную насыщенность коллективного Бессознательного архетипами*? И что должна означать эта самая «недостаточная насыщенность архетипами»?

Вдали от могил предков — американские пионеры

Сегодня ученикам старших классов взбаламученные перестройкой и настропаленные конкуренцией социологи раздают вопросы: «Как бы это цивилизации избавиться от войн и возможно ли это?». Настроенные на продолжение образования прагматичные детки бодро отвечают, что нужно искать компромиссы и развивать дипломатию, забыв давненько уже сформулированное сторонниками ТРИЗа правило: для противоборствующих сторон *компромисс всегда хуже любой из альтернатив*. Какая бы теория личности вам ни попалась, психологи так или иначе сходятся на том, что юность — это возраст экспансии и если государство не найдет этой экспансии выход, то будет война, ибо никакой другой формы коллективной сублимации в существующей цивилизации пока не выдумали.

Экспансия — великая сила. Юные варвары, растворившись в Римской империи, были безжалостно поглощены более структурной системой организации жизни, превратились в новых римлян и заложили века спустя основу нашей пресловутой демократии.

Петровская Россия во главе с молодым царем яростно развивала экспансию на море и обрела черты смеси европейских дворов и эклектическую западную застройку дворцов и

психологическая недостоверность бросается в глаза: капитуляция Германского флота в 1918 г., самоубийство Гитлера, расстрел царской семьи, якобинский террор.

площадей.

Все экспансии, будь они прогрессивны или хаотичны по мнению придирчивого историка, так или иначе занимали на время от юности до взросления значительную часть молодежи страны и назывались в странах периодами изменений, перемен, революций, реформ и т.д. И похожи эти периоды были лишь тем, что экспансия приходилась на какое-то уже богом и людьми обжитое место, и это место, а также знания и прочие блага перераспределялись в пользу юных агрессоров, а чем они за это платили, зависело от их военного искусства, своевременности и конструктивности агрессии с точки зрения обобщенного Всевышнего...

Интересно, что даже духовные экспансии, они же религиозные и идеологические, как правило, направляют своих воинов на уже обжитые кем-то идейные пастбища и перекраивают оные с энтузиазмом, закрепленным в крови воинствующими рыцарями прошлого.

Опыт предшествующих поколений значим для Европы. Значим он и для России, потому что со времен становления государства *традиционность* культуры, оформленная в семейную жизнь людей, осуществляла *медленный* поворот жерновов истории. Уж который век, как только клонет жареный петух перемен, снова и снова уповаем мы на сказки, песни, обряды, наряды давно минувших дней и переименовываем улицы «туда» и «обратно», закрепляя заклинаниями языка возвращение назад — к образам, прообразам, отцам, праотцам и архетипам.

А Новый Свет так разительно отличался по своему происхождению от всех видов экспансий, что, как водится, это и не сразу заметили. Эпоха географических открытий породила колонии, обогащение культур, создание нового поколения *людей свободного поиска*. Это ведь были почти полеты в космос: уплывающие в никуда корабли, без надежды и со страхом, без страха и с надеждой. Но люди иногда возвращались, огрубевшие от чужого солнца, пережившие «сто испытаний и двести чудес», они возвращались к медленно вращающемуся миру Европы XVII века, и он добросовестно ассимилировал бродяг в себя прагматизмом их подрастающих сыновей...

Они возвращались... К семьям или образцам семей... К традициям или памяти о традициях...

Американская цивилизация строилась на хитром сплетении трех китов: забыть—выжить—найти. Мир, который лежал перед завоевателями, был *информационно пустынен*, индейцы, структурно слабые организационно и свободные идейно, не могли оказать на завоевателей никакого влияния, кроме закрепления в их памяти возможного для сознания разрыва в уровнях людей. *Европейцы*, уехавшие на одну жизнь в далекие индийские колонии, носили в своем сердце кто родовой герб, кто образ лондонской лавочки, кто портрет возлюбленной в воротах Вестминстерского аббатства. *Американцы* уезжали от предавшей, изгнавшей и неугодной им Европы. Они *забывали*, потому что хотели забыть, у них закрепилось это генетически, уже во втором поколении,— им было некогда сентиментальничать — они строили Антиевропу, Антимир, Антисебя и преуспели в этом. Англичане до сих пор питают стойкое отвращение к американцам, не за то ли, что свою мечту те построили не очень-то соблюдая английские законы и традиции?

Уже древние греки понимали, что боги нуждаются в жертвах и молитвах и умирают без них. Американцам было некогда молиться всерьез⁷⁰.

Случайно сказанное слово, прочитанная проходим молитва, индейцы со своими нарядами и обрядами — все это в сумбурном клубке определяло воспитание юных

⁷⁰Мне, разумеется, известно, что первоначальная эмиграция в Новый Свет носила по преимуществу религиозный характер и что французские гугеноты и английские пуритане часто и, в общем, искренне молились. Но протестантский бог, рожденный и живущий в Америке, имеет мало общего с Христом, а американская прагматичная молитва — с той жертвой, которая поддерживает существование эгрегора. Старый Бог умер в Америке, им пришлось верить в нового Бога. И они поверили.

американцев, а до могил предков и домов бабушек было далеко, а дома были только те, что построили отец с дядькой, и мир ложился перед ребенком как опасный край, где нужно поменьше рассуждать — побольше действовать, поменьше мечтать — побольше угадывать, поменьше верить — побольше подозревать. И вот тогда можно строить—жить—властвовать над миром. И — много места и много свободы, и это край сильных, не обремененных воспоминаниями *молодых* людей. Так, благодаря *изоляции* от Европы, Америка обрела групповую солидарность в борьбе за свое величие и процветание. Люди, избавленные от вечных тягот традиционных социальных программ, наделенные неназванной землей, создали гортанный язык — смесь огрубленного английского с вербализацией терминов прогресса.

Интересно, что именно отрыв молодых, отчаянных и отчаявшихся людей от *земли предков* так мощно снял многие ограничения традиционных социумов Европы, что активная индивидуальность, не задавленная никакими условностями, кроме эрзаца протестантской религии, необходимости выжить и следствия этих двух китов — избытка здравого смысла, росла и развивалась в нечто свободное от комплексов, но и избавленное по сей день от порожденной этими комплексами культуры. Американцы уехали с земли, где жил Бог, и истовая, экстатическая вера в него, и порожденная этой верой культура. Католицизм Европы мог вызывать любые нарекания в эгрегорической жесткости насаждения своих идей, но он породил Боттичелли и Микеланджело, Рафаэля и Тинторетто, блестящую литературу, пленительную поэзию и религиозную, духовную скульптуру, только символами своими рождающую даже у атеистов преклонение перед Богом, во имя которого было создано такое. Культура Европы зарождалась в сомнениях и противоречиях души создателя, его обращений к Богу, страха Его предать, сублимации комплексов, очищения и медленного философского, глубокого и внутреннего осознания действительности. Культура Америки могла родиться только как память о своем феномене, как случайный каприз свободного времени первооткрывателей, как ремесло устроителей государственных структур, но вовсе не как служение великой вечности, именуемой Господом. Как древние художники, писавшие свои наскальные полотна во имя удачной охоты и последующего за нею ужина, американские творцы могли создать только массовую культуру, культуру потребляемую, а не сопереживаемую. Вырвавшись на свободу, колонизаторы не только заменили землю с корнями предков на пустынные и безымянные земли, но и поменяли веками примеряемое небо с сияющим Иисусом на холодный космос, который управляется прагматичным богом, приветствующим труд и здравый смысл. И вот под влиянием этого-то признавшего прибыль Бога американцы очень быстро отказались от сомнительных путей всех этих искусств и философий и стали развиваться под знаменем технологии.

Они жили «здесь и теперь», как учит сегодня всех желающих вездесущее нейролингвистическое программирование (НЛП). Они изобрели ровно столько видов упаковочных материалов, продуктов и агрегатов, сколько требовало ближайшее будущее, они обучили своих неразумных чад многим великим правилам, таким как «цени проверенные факты», «делай полезные поступки», «улыбаясь, проходи мимо», «смотри на этот мир и находи себе в нем удобное место». На этом сломалось некоторое количество будущих поэтов, бродяг и мизантропов, зато энтузиазм по устройству своего места в социуме захлестнул все слои населения. Ученые, теоретики и историки были чудненько поставлены на службу «Теперь». Американцы собрали базы данных, систематизировали факты, стусовали системы разных представлений в модели обучения и полетели вперед на бинарной, сиречь двухколесной, системе управления и образования. Я смотрю на — Большинство, и очень быстро получается пообтесанное большинством «Я». «Психологию большинства», наверное, создали дух К. Маркса в союзе с духом Дж. Оруэлла. Два сапога устойчиво менялись на один топор, а улыбка великого Карнеги заменила весь набор противоречий коммуникации, о которых ранимая Европа уже некоторое столетие создавала бессмертные романы. Драйзер довольно подробно описал становление американского капитализма и банальный набор трагедий американских обывателей.

Я Мэрлин, Мэрлин,
Я героиня
самоубийства и героина...

Прошли времена, и началось то самое «Свободное время цивилизации», когда хватает на еду, управление и досуг и можно уже о душе подумать, то есть зрелость наступила — по-нашему, по-европейски. И случилась, спустя 5 веков от начала колонизации Северной Америки, очень гармоничная ситуация — молодость у дитяти, покинувшего родителей, оказалась полной трудов и опыта, а зрелость оказалась награждена технологическим комфортом и бездной свободного времени на осознание случившегося.

Шестидесятые годы: АУМ

Великий АУМ (Американский университет Мастеров [психологии]) родился в США на стыке современных технологий, позволивших в домашних условиях осуществлять отключение от реальности в изолированных ваннах и безудержный порыв вечно экспансивного сознания вперед. Начинить собою космос, астрал и прочие трудноопределяемые реалии, колонизировать и установить американский флаг! Для молодых это был лучший выбор, чем Вьетнам, чем беспечное скалолазание или бездумное обогащение. Семинары проникновения в неведомое, внутрь себя и прочие погружения в обход и налево от американской модели «получил—потратил» наводнили все сколько-нибудь интеллигентские среды. В параллель с этим духовным подъемом рядовые американцы, вскормленные идеями получать пользу от того, что есть (если уж оно есть и его нельзя съесть), вмиг оказались «премного обязанными» народившимся психоаналитикам, арт-терапевтам и прочим хелперам, которые по роду своей деятельности должны были (а как же иначе?) отвечать за порядок в их душах: (ну, не самим же, в самом деле, этим заниматься?). Система образования быстро расплодила отмеренное количество юристов для составления и соблюдения новых законодательных актов отношений людей с психоаналитиками или через психоаналитиков. Может быть, исследователи нирваны в тоске покинули эту землю, отследив такой странный прогресс... Может быть. Впрочем, Алан Уотс писал свой горный дневник вдали от точек сгущения обывателей. И очень даже похоже на то, что он не тяготился печальными духовными обстоятельствами страны, где остановился на время путешествий во Вселенной. Но его смерть почти совпадает с созданием АУМ, которому он был инициатором. Как смерть Р. Желязны и А. Азимова — с полной и окончательной победой американского образа жизни.

Отступление о высоких и низких технологиях

Вывод о несоответствии экономического баланса производства и потребления в США основывался на предположении о том, что основная цивилизационная экономическая характеристика — производительность труда — соответствует европейской. На сегодняшний день все исследования это подтверждают. Производительность труда в развитых странах в первом приближении одинакова (что неудивительно при современном уровне индуктивных процессов), и США на общем уровне если и выделяется, то не в лучшую сторону.

Поставим, однако, вопрос: может ли производительность труда быть выше среднеевропейской, причем не на проценты, а в разы, еще лучше — на порядки?

Оказывается, теоретически может.

Представьте себе, что вы объясняете представителю охотничьего первобытного племени, что в долине реки Нил живут сотни тысяч и даже миллионы людей. Что он вам ответит, если сумеет правильно оценить цифры?

«Не-а, не может такого быть... Во всем мире не найдется столько мамонтов, сколько нужно, чтобы прокормить такую ораву...»

Человечество знало два великих экономических скачка, каждый из которых выводил

экономику на принципиально новый уровень и создавал изобилие, воспринимаемое как «земной рай». Это — неолитическая революция с переводом от присваивающего к производящему хозяйству и промышленная революция с переходом от экстенсивного к интенсивному производству. Поскольку достигнутый экономический уровень не может нас удовлетворить, сейчас активно создаются модели новой «насыщающей» экономики, лежащей за индустриально-постиндустриальной страной.

Такая экономика может быть создана на пути программирования големов и создания последовательности автоматических нерыночных регуляторов спроса-предложения либо — на основании реализации в производстве заведомо неустойчивых (хаотических) систем.

Насыщающую экономику нельзя получить просто внедрением в производство новых и новых высоких технологий. **Она сама должна быть высокой технологией.**

«Мы называем здесь технологией проектор информационного пространства на объектное. Назовем микротехнологией (личной технологией) проектор присоединенного семиотического пространства на объектный мир. По сути своей микротехнология — это совокупность навыков, позволяющая личности решать встающие перед ней задачи. (Например, умение читать или навык работы с компьютером представляют собой примеры микротехнологий.)

Будем понимать под метатехнологией проектор информационного пространства на пространство технологий (технология технологий). Следствием известной теоремы о замыкании метаязыков является утверждение: метатехнология метатехнологий есть метатехнология.

Интуитивно известно и широко используется разбиение множества технологий на «хай» и «лоу» — «высокие» и «низкие» технологии. «Низкая технология» может быть названа «функционально неграмотной».

Алгоритм существует, в принципе он позволяет получить необходимый результат. Но для получения этого результата используются все доступные ресурсы системы (прежде всего, время и деньги). При этом удается получить только самый минимум. (Ребенок умеет писать под диктовку, но ни о какой эстетике, тем более о придании тексту самостоятельного смысла речь не идет.)

То есть мы считаем характерным признаком низкой технологии использование всех доступных ресурсов для получения минимального заданного результата. Напротив, высокие технологии рассматривают этот минимальный заданный результат лишь как элемент функционирования некоей технологической надсистемы.

Чисто формально низкие и высокие технологии отличаются мощностью множества граничных условий решения задачи. Технология тем выше, чем большее количество граничных условий она признает совместными.

Технология порождается наукой. (Наука понимается, естественно, как оператор, устанавливающий соответствие между областями информационного пространства, гомоморфными объектному миру.) Наука может породить произвольное множество технологий, в том числе — и пустое множество.

Назовем науки, порождающие более десяти разнообразных технологий, — развитыми, науки, не породившие технологий (социология, история, экономика), — слабо развитыми, науки, породившие порядка одной технологии, — пороговыми.

Пороговые науки представляют особый интерес, так как их развитие сопровождается включением в технологический оборот областей человеческой жизни, ранее находящихся в «первобытном состоянии». Таким образом, есть основания рассчитывать на порождение такими науками «ливня технологий».

К настоящему моменту на пороговый уровень вышли психология и нетрадиционная (безлекарственная) медицина. К этому уровню приближается социология. Хотелось бы надеяться, что и экономика, освободившись от религиозных догматов монетаризма, сможет в ближайшие десятилетия породить хотя бы одну, пусть плохонькую, но технологию».

Подведение итогов. Теорема Бромберга

А может быть, уже породила?

Для того чтобы быть гегемоном мира индустриальной экономики, достаточно иметь в своем распоряжении совсем небольшие производительные мощности экономики насыщающей. Внешний наблюдатель, рассматривающий ситуацию на индустриальном уровне, вообще ничего не заметит, кроме бьющего в глаза процветания. Вспомним притчу о системе автоматического наведения — битое стекло и жгуты проводов, и микросхема с батареей... — по сути вся традиционная экономика оказывается призраком, фата-морганой, «муляжом для публики и иностранных разведок», и США может строить не несчастные девять, а все девятьсот ядерных авианосцев, только они никому не нужны (как, впрочем, не нужны и девять, но по инерции мышления этого еще не заметили).

Но — откуда в Штатах насыщающая экономика?

Мы выяснили уже, что эгрегориальная и архетипическая структуры в США заметно ослаблены, и всегда были ослаблены. Мы поняли, почему это произошло (механизм «ухода в никуда» в период колонизации, потеря могил предков, храмов, всего пространства Европы, заключающего в себе ее тысячелетнюю историю). Мы осознали важность того факта, что **в Америке не жил Маленький Народ кельтских мифов и Бог Живой христианских легенд**. Осталось ответить на вопрос, к чему это должно было привести.

Слабость архетипической структуры вынуждала создавать собственные сценарии биологического поведения. В харассменте и в феминизме мы видим проявление трагедии тех, кто работоспособные сценарии создать не мог.

Слабость эгрегориальной структуры означала отсутствие «крыши» и постоянный энергетический голод души, внезапно посаженный на «голодный паек». В «американском прагматизме», «американском патриотизме», «американской мечте» и «американском образе жизни» мы видим эрзац эгрегора, подаренный нищим духом.

Слабость воздействия модификаторов поведения приводила к взрывному росту проблем коммуникации. В работе Дейла Карнеги и в меньшей степени в действиях НЛПистов мы видим попытку создать протез модификатора.

Итак, все, что мы видим, — творения *неудачников*? Но тогда должно быть что-то, чего мы не видим, поскольку современное состояние Америки никоим образом не приводит нас к выводу о глобальной неудаче.

Я утверждаю, что в условиях снижения информационного воздействия американский народ оказался — в согласии с положениями экзистенциализма — обреченным на свободу и попал в условия теоремы Айзека Бромберга⁷¹ о неизбежном расслоении социума на две подгруппы — большую и меньшую, причем меньшая группа необратимо опережает большую по уровню развития. Иными словами, я утверждаю, что в Соединенных Штатах Америки реальная власть принадлежит **людям, использующим плоды высоких психологических технологий для обеспечения функционирования насыщающей экономики**.

Слово произнесено.

Гипотеза люденов

В шестидесятые годы США пережили тот психологический бум, который сейчас только начинается у нас. Разумеется, тогда нас это не интересовало: коммунистический эгрегор решал проблемы межличностной коммуникации автоматически и в целом лучше, чем первые американские психотерапевты и конфликтологи начала шестидесятых. Так

71 Стругацкие А. и Б. Волны гасят ветер. М.: АСТ, 2008.

первые пароходы безоговорочно проигрывали сравнение с парусниками и признавались годными лишь в качестве буксировщиков партах. Но возможности эгрегориальной регуляции оказались все-таки ограниченными...

Кто-то первым вышел на высокотехнологический уровень, и когда-то это случилось. Вероятно, отдельные метагомы появлялись с той или иной частотой всегда⁷². Но лишь в Америке конца пятидесятих (или начала шестидесятих) они осознали себя: АУМ либо какая-то иная группа сумела разрешить «проблему скачка».

«Усвоение человеком новых умений происходит только скачкообразно. Имеет место переход между двумя психическими состояниями: «я никогда не пойму, как это делается, и не смогу этого делать» и «это настолько очевидно, что я не могу понять, что здесь можно объяснить». Если не говорить о первых годах жизни ребенка, скачки данного типа происходят:

- при овладении чтением
- при овладении письмом
- при всех стандартных расширениях множества чисел (дробные, отрицательные, рациональные числа, но не комплексные числа)
- при овладении понятием бесконечно малой величины и следствий из него (пределы)
- при овладении дифференцированием
- при овладении интегрированием
- при овладении комплексом специфических умений, образующих специальность
- при овладении комплексом специфических умений, образующих явление информационного генерирования (иначе говоря, при переходе от изучения науки или искусства к осознанному профессиональному творчеству)

Заметим, что на любой из этих стадий по причинам, которые нам не вполне ясны, скачка может не произойти. Это означает, что некоторое умение не перешло в стадию неосознаваемого профессионального применения и не может произвольно использоваться личностью для решения возникающих перед ней проблем. При этом необходимый алгоритм вполне может быть известен. Иными словами, человек знает буквы. Он знает, как их писать. Он может складывать из них слова. Он может написать предложение. Но! Эта работа потребует от него напряжения всех умственных и большей части физических сил. В связи с тем что все ресурсы мозга расходуются на процедуру письма, неизбежны ошибки. Очевидно, что, несмотря на формальную грамотность (знание алгоритма есть), человек не может заниматься какой бы то ни было деятельностью, для которой одним из базовых или хотя бы значимых навыков является умение писать. Подобное состояние личности широко известно в современной педагогике и называется функциональной неграмотностью. Точно так же можно говорить о функциональном неумении интегрировать (весьма частая причина отчисления студентов с 1-х, 2-х курсов физико-математических специальностей).

Любопытно, что на более высоких ступенях скачок не происходит настолько часто, что это даже считается нормальным. Формула: «Отличный студент, но неудачно выбрал себе призвание. Ну, не физик он по мышлению - что тут поделывать?» (не произошел скачок, позволяющий автоматически применять определенный - в данном случае физический - стиль мышления). Что же касается автоматического творчества, то эти понятия вообще считаются несоединимыми, а людей, для которых процесс создания новых сущностей в науке и

⁷²И, может быть, именно они ответственны за странное стечение обстоятельств, решившее судьбу сражения у атолла Мидуэй и вместе с ним — всей Тихоокеанской войны. Управление случайностями — одна из высоких психотехнологий, метафорой которой служат многие философские учения Запада и Востока. Эта технология известна с глубокой древности, но до последнего времени она никогда не использовалась в военной и политической борьбе.

культуре есть обыденная профессиональная работа, не требующая особого напряжения сил, называют гениями. Однако же ребенку, больному функциональной неграмотностью, сверстник, овладевший письмом настолько, что он даже в состоянии писать, не глядя в тетрадь, тоже покажется гением!

Тем самым мы приходим к выводу, что творчество на уровне простой гениальности в принципе доступно каждому. Вопрос, что лежит на следующем «щелчке», чрезвычайно интересен, но выходит за рамки данного конспекта.

Современное образование транслирует учащемуся знания (90% которых, как показали исследования, благополучно и почти немедленно забываются) и очень ограниченное количество навыков, скачкообразно переводящих личность на следующую ступень интеллектуального или физического развития. Следует четко осознать, что бесконечные школьные упражнения и домашние задания, изнуряющие спортивные тренировки - все это не более чем бесконечные «броски кубика» в надежде на выпадение счастливой цифры — в надежде на «щелчок», А «щелчок» может произойти с первой попытки. Может не произойти никогда. Соответственно, принцип «повторенье — мать ученья» (или, что ближе к истине: «если зайца долго бить, он научится курить») в сущности сводится к давно и справедливо заклеяменному ТРИЗовцами «методу проб и ошибок». В общем, хочется вспомнить группенфюрера Мюллера: «Разведчик или ломается сразу, или не ломается никогда — за исключением довольно редких случаев, когда его удастся расколоть, используя специальные методы». Те 3-5%, на которые удастся повысить характеристики обучаемого за счет долгих тренировок, как правило, не стоят и десятой доли затраченных усилий.

По сути, скачкообразный характер перехода между ин- и аут-состояниями при «щелчке» наводит на мысль, что речь идет о структурном преобразовании психики. То есть «щелчок» требует разрушения структуры (образа мышления, картины мира) и создания другой, в которую новый навык включен «аппаратно», чтобы использоваться автоматически. Отсюда вытекает педагогическое значение процедур временной смерти (инициационные процедуры), помещения в обедненную/обогащенную/регулируемую информационную среду, приема лекарственных средств, снижающих входное сопротивление психики. Другой вопрос, что все эти приемы в лучшем случае относятся к низким технологиям, в худшем - лежат на дотехнологической стадии...

Заметим также, что современный человек, более-менее овладевший ресурсами своей психики на дотехнологическом уровне, по сравнению с обезьяной того же веса выносливее, сильнее, жизнеспособнее, быстрее. Наконец, он в среднем втрое дольше живет. Овладение ресурсами психики на низкотехнологическом уровне, по-видимому, позволит решить проблему «обычных» болезней. «Человек разумный» становится «человеком здоровым». Но тогда на высокотехнологическом уровне не превратится ли он в «человека бессмертного», в смысле желязновского Янтаря?»

(Из неопубликованной статьи «*Высокие технологии в психологии*»)

Итак, людены? Те самые — описанные в «Волнах...» А. и Б. Стругацких. Метагомы, следующая ступень эволюции человечества. Метагомы, возникшие не в коммунистической, а в буржуазной страте. Факт, наводящий на печальные размышления.

Если не отбросить эту гипотезу по разряду «Бога из машины», придется признать, что она довольно легко объясняет все отмеченные противоречия.

Низкая эффективность образования? Люденам оно вообще не нужно. Огромные затраты на образование? Скорее всего, в реальности это затраты на механизм отсева. И с точки зрения возможностей люденов — умеренные.

Сверхэффективная экономика? Да, насыщающая, базирующаяся на технологии «скачка» и, наверное, не на ней одной.

Противоречие между слоем люденов и остальной Америкой обеспечивает развитие и самое существование этого социума. За это нация платит катастрофическим оглушением основной части населения и неспособностью выжить в отсутствие контроля и помощи со

стороны люденев. Зато «народ» является носителем идеи величия Америки, которое не им создано и не за его счет существует (строго говоря, люденам, а они и есть Америка, основная масса только мешает, но существование их необходимо для процветания самих люденев, а их деградация — для дальнейшей эволюции люденев). Вместе люденев и народ образуют два полюса социального двигателя.

«Феномен Брюса Стерлинга» объясняется существованием сравнительно большого (по сравнению с люденами) слоя людей, испытавших индукционное воздействие самих люденев или люденевских технологий.

Антисоветизм люденев, их «переключение» плана Азимова на свои возможности и доведение его до успешного конца могут быть объяснены как атавистическими мотивами (в конце концов люденев порождены американской нацией и американской культурой, и, как бы то ни было, враги Америки — их враги), так и мотивами самосохранения (поскольку люденев не бессмертны и серьезные войны с применением оружия массового поражения в их планы не входят, они решили проблему кардинально быстро и с наименьшими обоюдными потерями — уничтожили одну из сторон конфликта, разумеется не «свою»). А может быть, им просто захотелось поставить какой-то непостижимый для нас социальный эксперимент и они выбрали страну, которую не жалко...

Так что план Азимова был выполнен, хотя и не так, как хотелось бы автору. Второе Основание не построило вместе с Первым Галактическую Империю Земной Нации.

Оно уничтожило Первое.

Вместо заключения

Я пришел к мертвому и сказал:
«Дай несколько твоих птиц.
Мне не хватает войска
Для победы над пустотой».
Он улыбался.
Когда они поднялись в воздух,
Я понял свою ошибку:
Ни разу еще небо Не было таким.

Карен Джангиров

— Другого объяснения нет и быть не может. Другие мы сами исключили, ты забыл? Я очень хорошо тебя понимаю, ведь это опровергает все, что ты привык считать истиной, что для тебя равносильно закону природы. Допустим, я начну доказывать тебе, что тяготения в привычном для тебя понимании нет, а есть сила, которой можно до какой-то степени управлять, если знать способ. Ты, само собой, скажешь, что тебе мало слов, подавай доказательство. Пусть, мол, кто-нибудь пройдет по воздуху, а?

Г. Гаррисон

А в ответ мне: «Видать,
Был ты долго в пути.
И людей позабыл.
Мы всегда так живем».

В. Высоцкий

КАК РОЖДАЮТСЯ БОГИ?⁷³

Или так:

⁷³Настоящий раздел написан совместно с Н. Ютановым.

по пустыне, как зной раскаленной,
Мчится конная лава под стягом зеленым,
Под оскалом забрал исступление стынет,
Полумесяца сабля висит над пустыней,
И глядит в никуда исступленно и пьяно
Человек на верблюде, творец «Ал-Корана»,
Человек, не способный понять и поверить,
Осознавший свой долг приоткрывшего двери...
Глухо тают в песке лошадиные ноги
В этом первом походе...
Так рождаются Боги!

Лев Вершинин

1

Словоформу «миф» употребляют теперь в самых разных значениях. Как синоним термина «волшебная сказка» — «Миф о золотом руне». Как знак победы над некой таинственной, могущественной и темной силой: «Развей миф о непобедимости бронетанковых дивизий вермахта». Как обозначение для целой группы PR-технологий, связанных с созданием / уничтожением образов и систем образов. Миф о перестройке. Миф о советской военной мощи. Миф об американской демократии. Миф о добром «дедушке Ельцине»...

Принято говорить, что современный человек живет в искусственной мифологической реальности, созданной современными имиджмейкерами и производителями рекламы. Но, может быть, это заблуждение, притом заблуждение из числа упрощающих проблему, выводящих ее из контекста культуры в слой сиюминутной политики?

2

Прежде всего, возможности политической и торговой рекламы очень сильно преувеличиваются как самими имиджмейкерами, так и их верными журналистами. Уже в начале 1970-х годов А. и Б. Стругацкие написали: «Нельзя внушить голодному человеку, что он сыт. Психика не выдерживает».

В глубине души каждый из «обманутых» рекламой или же пропагандой знает, что он вполне сознательно захотел быть обманутым. Знает также, почему он этого захотел и что эта ложь ему обещает или дает.

Желание обманываться, жить в мире иллюзий — свойство человеческой души, которое ни в коем случае нельзя порицать. Мир, полностью избавленный от «информационной косметики», попросту непригоден для жилья. И надо иметь в виду, что образы политиков, созданные разоблачениями и даже саморазоблачениями, ничуть не ближе к истине, нежели сотворенные предвыборной рекламой.

Между двумя полюсами — сусальной Вселенной рекламных роликов и безжалостным миром всеобщего «прозрения» — лежит не столько Реальность (она если и существует, то далеко не для всех), но проблема. Проблема мифа и его места в истории человечества. Ибо сознание человека действительно мифологично, всегда было таковым и всегда таковым будет. Но оно мифологично совсем в ином, не в политтехнологическом, аспекте.

3

Прежде всего заметим, что народы — творцы великих мифологических систем — относились к мифологии очень серьезно и отнюдь не рассматривали миф как легенду или

даже специфическую форму приукрашивания (изменения) Реальности. Напротив, миф для них был источником этой самой Реальности, она существовала только как следствие мифа: «В начале было слово...» И уж если переводить термин «миф» на русский язык, то самыми близкими его аналогами оказываются «быль», «былина» и «бытие».

В позитивистском XIX столетии и, тем более, в советское время господствовала концепция мифа как древней сказки, не имеющей ничего или почти ничего общего с действительностью. В эту концепцию, правда, категорически не укладывалось такое обстоятельство, как структурное подобие мифов у народов, разделенных пустынями, морями и тысячелетиями. Трудно было объяснить и удивительную подробность и достоверность мифов, их способность «врастать» в реальную историю. Миф о Гильгамеше тщательнейшим образом повествует о семье героя, никого отношения к сюжету не имеющей. Миф настаивает на том, что Гильгамеш, совершив свои великие подвиги, жил потом в Шумере, что он долго правил там, что он был основателем династии. Многие представители этой династии известны нам из курса истории. Убедительны родословные участников Троянской войны, да и остального греческого эпоса.

Историчен Иисус Назаретянин. И нет никаких сомнений в реальности существования Пророка Мухаммеда⁷⁴.

Двадцатое столетие «сняло» вопрос о реальности мифов и мифологических героев через юнговские представления об архетипах. Мифы были признаны Реальностью, даже творческой Реальностью, но — как Представление⁷⁵ коллективного бессознательного.

В начале 1970-х Л. Мештерхези сделал в «Загадке Прометея» следующий шаг. «Если некий зверь похож на кошку, ведет себя как кошка, то есть мяукает и ловит мышей, то, может быть, он кошка и есть?» Если некий миф выглядит реальностью, столетиями воспринимался как реальность, врос в реальность целой системой связей (родственных, династических, функциональных, структурных и т.д.), то, наверное, этот миф не только можно, но и должно рассматривать как реальность. Как одну из ключевых ее форм.

Но в таком построении статус «объективной действительности» приходилось придавать не только Героям, но и Богам.

4

При изучении мифов обращает на себя внимание некоторая «вторичность» образов Богов. Миф добросовестно описывает их, но — лишь в связи с Героями и через Героев. Исключение составляют так называемые «мифы творения», но все они в рамках самой мифологии рассматриваются как «показания с чужих слов» и в рамках американской системы судопроизводства не могут считаться сколько-нибудь надежными свидетельствами⁷⁶.

При этом мифы настаивают на реальности существования Богов столь же уверенно, как и на реальности существования Героев. Боги — активнейшие персонажи героического эпоса: они играют роль субъектов действия, и представить на их месте абстрактные «силы природы» не удается.

Но для обычного человека нет возможности жизни среди Богов. Они обитают за пределами его *горизонта деятельности*. Повседневная практика требует лишь обеспечения благоволения Богов, что на протяжении человеческой истории осуществлялось через специальные институты. Но использование уникального по своим возможностям человека —

74Огромное количество сведений о жизни Мухаммеда, воспоминания людей, знавших его лично, многочисленные свидетельства его исторической деятельности не мешали историкам довольно долго считать его мифологическим персонажем.

75Представлением называется метафора системы в ином семантическом поле.

76У Дж. Толкина, одного из последних творцов великой мифологии, читаем о начале времен: «У людей об этих эпохах записей нет, да и эльфам известно немного, и это немного записано со слов валар».

Героя — и реализация уникального же проекта позволяют проникнуть на мифологическое пространство. Это может привести к развитию или созданию Мифа. Человек обретает возможность расширить горизонт деятельности в мир Богов.

Герои взаимодействуют с Богами, они получают от них информацию, иногда — сражаются с ними (Диомед), иногда — используют их в своих целях. Часто содержанием мифа оказывается «кража» Героем во имя людей тех или иных атрибутов божественности или божественных умений.

Герой меняется после встречи с Богом (Моисей), такая встреча рассматривается мифами — мифами разных народов — как сильнейшее, но почти всегда **преодолимое** потрясение. Известны, впрочем, Герои, которые впоследствии сходили с ума, — Беллерофонт, например, — но эти исключения настолько правдоподобны, что лишь повышают доверие к мифологической информации.

Итак, миф повествует о герое, и только о нем⁷⁷. Герой является потомком Бога или Богини, в нем течет божественная кровь (ихор). Вступив в возраст юности, Герой отправляется в странствие, и это странствие обязательно выводит его за пределы Ойкумены. Там — вне человеческого пространства — Герой встречается с Богом или Богами. Миф подробно описывает этих Богов, их взаимоотношения, их генеалогию, их личностные особенности. (Боги Древней Греции, например, не просто антропоморфны, они настолько «характерны», что вполне могли бы быть героями современного «бесконечного» телесериала)⁷⁸. Затем Герой возвращается к людям, привнеся из Внешнего мира нечто принципиально новое. Огонь. Земледелие. Выплавку бронзы. Оливковое дерево. Письменность. Свод законов. Умение убивать⁷⁹.

Не все унесенные у Богов тайны можно удержать в руках. Чаще всего Герой утрачивает «по дороге» бессмертие.

Община получает от Героя великий дар и обычно провозглашает его вождем. С ним, однако, очень трудно общаться, его личная жизнь, как правило, складывается несчастливо (Геракл, Тезей). Сам он становится иным, непохожим на других людей и на себя прежнего⁸⁰.

Этот сюжет повторяется очень часто. По сути любая мифология строится вокруг него или соотносится с ним. И всякий раз речь идет о фундаментальных знаниях и умениях, превращающих человека в подобие Бога.

Известен парадокс, согласно которому все наиболее сложные Человеческие изобретения, образующие целые пласты новых жизненных форматов, — огонь, земледелие, письменность, дистанционное оружие, колесо, лодка — сделаны на самых ранних стадиях человеческого существования. Старую, еще домарксистскую концепцию, согласно которой эти изобретения делались случайно на протяжении многих веков, сейчас уже никто не решается всерьез отстаивать. Элементарные расчеты показывают, что для случайной техноэволюции нужны не века и даже не тысячелетия, но буквально — геологические эпохи. И волей-неволей приходится прислушаться к тому ответу, который дает нам миф.

77В терминах А. Лосева Герой обретает имя, проходя через Миф.

78Подобные телевизионные проекты — «Геракл» и «Зена — королева воинов» — осуществлены голливудским продюсером и режиссером Сэмом Рэйми.

79В блистательном романе У. Ле Гуин «Слово для “леса” и “мира” одно» (*Ле Гуин У. Планета изгнания*. М.: Мир, 1960) именно это умение главный герой переносит из Мира Сна в Мир Яви («Лес»).

80Мухаммед был признан арабами Пророком, посланным на Землю Аллахом, именно из-за резкого изменения своего поведения. Ранее не сочинивший ни одной поэтической строчки, он говорил изумительными по красоте и силе стихами. Не представляя из себя ничего особенного ни в политическом, ни в личном плане, он вдруг начал подчинять себе людей одной магией голоса. В его речах появилось совершенно новое содержание. Мухаммед, как человек, был настолько несоразмерен своему собственному новому облику Посланца Неба, что это вызывало оторопь у знавших его ранее людей.

5

Мы мало что знаем о Богах, но их атрибутивные свойства (бессмертие при обязательной зависимости от приносимых им жертв, всеведение, всезнание) дают нам право предположить, что они связаны со сложнейшей информационной системой, существующей в специфическом времени и развивающейся в физическом пространстве. Такая информационная система есть «всегда», но не «везде».

Древний Бог — антропоморфное Представление этой информационной системы, подсознательно (или архетипически) выстроенное Героем при взаимодействии с ней. Та форма, в которую Герой сумел перевести получаемую им информацию.

В современных информационных потоках Древние Боги жить не могут. Они, конечно, не умирают в полном смысле этого слова. Они умирают для нас, отесняясь в физическое «никуда». В психику младенцев, еще не способных взаимодействовать с информационной оболочкой современной цивилизации⁸¹. В исчезающие с карты дикие земли, не знающие компьютера, телевизионного экрана и библиотеки. В наследственную память пангенома.

Но если наши старые Боги умирают или уходят, да здравствуют другие Боги!

6

Герой — главный структуро- и сюжетообразующий субъект мифа, оказывается «третьей силой» между Человеком и Богом. Именно поэтому мифы, как правило, настаивают на происхождении Героя от Бога и смертной женщины (или Богини и смертного мужчины) — родство по обеим линиям.

Но одновременно и различие по обеим линиям⁸².

Герой не является Человеком и не является Богом. Он — нечто новое. Третья сила. И потому и сами мифологические эпохи, и эпохи, когда мифы создавались и активно записывались, характеризуются именно появлением «третьей силы» в экономике и в политике.

Для человеческой истории наряду с хорошо известным периодическим процессом аккреции/диссипации, может быть выделен еще один дуальный периодический процесс. Речь идет о периодическом возникновении и гибели третьей политической силы.

Практически на любых исторических масштабах прослеживается простейшая диалектика двух- и трехклассовой социальной системы. В «норме» общество поделено на «управляющих» и «управляемых» и устойчиво по отношению к вызовам этой среды. Такие социальные структуры хорошо создают своды законов и правил, славятся своей культурой, но мифологии не порождают.

По мере падения устойчивости (неизбежного для двухфазной системы в сложном мире) возникает потребность в «третьей силе» — свободных земледельцах, или горожанах, или интеллигенции. Общество переходит в трехфазное состояние, что, как правило, чревато революцией. И революция происходит, окончательно разрушая социальную структуру, но создавая новую: устойчивую и адекватную текущим вызовам. Эта новая структура быстро упрощается до исходного трехфазного состояния, причем прежний управляющий класс оказывается в роли «третьего».

Далее этот класс размывается аккреционными эффектами: наиболее энергичные

⁸¹Когда ребенок взрослеет, Древние Боги покидают его, и вместе с ними уходит высочайшая детская креативность и обучаемость. В психике ребенка от них остаются следы — те самые юнговские архетипы.

⁸²В течение мифа Герой совершает путь от Человека к Богу. Его редко удастся пройти до конца, но не подлежит сомнению, что Герой развивается, причем в наиболее сильном значении этого слова: он расстается с фундаментальной идентичностью «человек» и с фундаментальной привязкой к «этому» миру, миру материальных объектов, физических законов и человеческих общин

поднимаются «наверх», входя в систему управления, остальные деклассируются. Общество вновь становится простым, двухклассовым.

Мифология создается только в трехфазный период развития общества и только накануне революции, когда новая социальная сила отчаянно нуждается во всем. В лидере, в Пророке, в чуде, в новых технологиях, в новой информации.

«Третий класс» осознает себя в мифе и творя миф

Современный мир очень близко подошел к постиндустриальному кризису, вызванному невозможностью дальнейшего промышленного развития. Тем самым общество потеряло устойчивость и не может существовать в двухклассовом состоянии.

Возникают все новые и новые претенденты на промежуточную позицию между управляющими и управляемыми, между уровнем Человека и уровнем Бога.

Все больше людей покидают пределы Ойкумены.

А это означает, что для историка из Будущего современная эпоха станет одним из крупнейших в человеческой истории периодов мифотворчества. А это значит — вернемся к началу статьи,— что создание современного человека действительно мифологизировано от начала и конца, но «по-иному» — не через имиджмейкеров и рекламщиков, а через «голос будущего»: иные жизненные форматы, новую трансценденцию...

Пока еще в мире «новых героев» не появился новый Пророк и, тем более, Бог. Но и то и другое — всего лишь вопрос времени. Не следует ждать повторения пройденного. Образ Мифа, прорвавшегося через горизонт реальности, может быть совершенно обыденным, но именно он пропишет новый шаг развития.

ДРУЖБА МУШКЕТЕРОВ ПРИ ЖИВЫХ КОРОЛЯХ

Суров и неумолим закон **правды чудес**:
кто из чудо-созданий мира живой жизни не
выполнит хотя бы раз свое предназначение,
тот обречен миру мертвой жизни.

Я. Голосовкер

Композитная пентаграмма дарит
испытываемому понимание схемы мира, но
совершенно не терпит отклонения от оной
схемы хоть на один бит, ангстрем или хрон.

Н. Ютанов

Речь здесь пойдет о конструировании истории, причем не о новых форматах ее описания в тех или иных интересах, но о работе с самой тканью исторического процесса, с реальностью нереального⁸³.

Об информационных объектах

Представления о живых объектах, способных «проглотить» человеческую личность и полностью модифицировать ее восприятие, восходят к глубокой древности. В Библии — это рассказ об Ионе и ките, в древнеиндийских священных книгах — концепция «покрывала Майи». С поэтического на экономический язык миф перевел Т. Гоббс: «Множество, соединенное в одном лице, именуется Государством — Civitas. Таково происхождение Левиафана, или, говоря почтительнее,— этого смертного бога».

⁸³«Реальность нереального» — книга выдающегося русского философа XX столетия В. Налимова (*Налимов В.* Спонтанность сознания. М.: Прометей, 1986).

Читаем у Максимилиана Волошина:
Он в день седьмой был Мною сотворен,—
Сказал Господь,—
Все жизни отправления
В нем дивно согласованы.
Лишен Сознания — он весь пищеваренье.
И человечество извечно включено
В сплетенье жил на древе кровеносном
Его хребта, и движет в нем оно
Великий жернов сердца...

Большую часть XX столетия господствовали представления об информации как о «негэнтропии», «отрицательной энтропии». Информация считалась скалярной величиной, мерой упорядоченности системы. Такой подход оказался продуктивным с технической точки зрения (например, позволил создать космическую радиосвязь и современные телекоммуникационные системы), но затормозил исследование сложных самоорганизующихся информационных структур.

Лишь в 1980-е годы возникли предпосылки к созданию векторной теории информации. Например, в «Соционике» А. Аугустинавичюте⁸⁴ и в «Информационном психоанализе» Р. Седых⁸⁵ была представлена модель различных типов восприятия информации. В основу модели была положена работа К. Юнга «Психологические типы»⁸⁶. Информационное сопротивление при акте мыслекоммуникации стали рассматривать как комплексную величину, причем действительная часть определяла потерю информации при трансляции, то есть сокращение длины вектора, а мнимая — угол поворота информации в формальном пространстве соционических аспектов. Сразу же возникли очевидные аналогии с простейшими радиотехническими схемами и начала развиваться теория информационных генераторов (ИГ).

Такие ИГ-объекты относились к автокаталитическим структурам, описанным И. Пригожиным⁸⁷, и представляли собой «информацию, производящую информацию».

Тогда же, в 1980-х годах, А. Лазарчук и П. Лелик из Красноярска написали статью, которая была опубликована лишь на рубеже столетия⁸⁸. Статья называлась «Голем тоже хочет жить» и содержала глубокий анализ соответствий между кибернетическими системами и системами административного управления⁸⁹. Практически одновременно с «Големом...» мною была написана работа «История: метаязыковой и структурный подходы», которая также была опубликована к началу века⁹⁰. В «Истории...» я рассматривал научные теории как информационные структуры, существующие вне зависимости от своих носителей и развивающиеся в силу собственных императивов, модифицируя окружающую их бесструктурную информационную среду.

Эти две статьи вместе с интереснейшими работами биолога и физиолога В. Келасьева, изучающего эмотику кибернетических устройств и доказавшего, что формально

84Аугустинавичюте А. Соционика. СПб.: Terra Fantastica; М.: АСТ, 1998.

85Седых Р. Информационный психоанализ. Соционика как метапсихология. М.: Менатеп-Траст, 1994.

86Юнг К. Психологические типы. М.: АСТ, 2008.

87Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: Едиториал УРСС, 2003.

88Мир INTERNET. 2001. № 9.

89Справедливости ради надо отметить, что похожая мысль была высказана В. Савченко в одном из его ранних фантастических произведений («Алгоритм успеха»). Но повесть Савченко касалась лишь самых очевидных параллелей и потому прошла незамеченной.

90В кн.: Макси К. Вторжение, которого не было. М.: АСТ; СПб.: Terra fantastica, 2001.

неодушевленные структуры могут испытывать эмоции и обладать поведением⁹¹, создали базис современной теории информационных объектов. Развитием этой теории, и в частности классификацией информационных объектов, занимались в дальнейшем исследовательские группы «Конструирование Будущего», «Имперский генеральный штаб» и «Санкт-Петербургская школа сценирования».

Итак, **информационный объект** (ИО) — это информация, обладающая поведением, способная к саморазвитию и не зависящая от своих носителей. Сразу отметим, что по сегодняшним представлениям сам термин методологически ошибочен: ИО по построению занимает субъектную, а не объектную позицию.

Административный и научный големы представляют собой простейшие информационные объекты с вполне «животным» поведением. Значительно более сложной является информационная оболочка системы товарно-денежных отношений, которую, следуя Гоббсу и Волошину, называют Левиафаном. Практически, современная история общества представляет собой хронику борьбы големов и Левиафана. Объекты эти слепы и о существовании друг друга не подозревают, их взаимодействие, оказывающее сильное и непосредственное воздействие на жизнь миллиардов людей, носит рефлекторный характер.

Сложные информационные объекты, имеющие хаотическую составляющую — в другом языке — обладающие душой — носят название эгрегоров.

Человек, являющийся антропоморфным Представлением ИО: голема, левиафана, эгрегора, «на глаз и на слух» отличается от «просто человека». У него меняется голос: иногда это тембр, скорость речи, появление несвойственной ранее метафоричности изложения или чрезмерной сухости, формульности речи. В таких случаях мы утверждаем в бытовой лексике, что «он говорит не от себя». Иногда появляются специфическая, не присущая ему в обычном состоянии мимика, резко меняются привычные паттерны поведения. В некоторых случаях человек, ставший «аватарой» информационного объекта, может приобрести не свойственные ему ранее знания и навыки. Все ИО имеют свои Представления, в том числе антропоморфные, но наиболее интересны для нас здесь и сейчас Представления эгрегоров. Мы называем их Богами. Издавна.

Древние Боги, первые ИО, существовали уже в мезолите и живут поныне в психике первых лет жизни детей. Они отвечают за социальные и личные всплески креативности, за сами понятия развития и ароморфоза. Наиболее сложные открытия были сделаны исторически первыми. Волей-неволей приходится верить, что пришел Господь и принес, пришел Герой и взял: выменял, отнял, украл и передал людям. Интересно, что прислали нам Древние Боги кроме огня, земледелия, колеса и лодки?

«Сознание человека есть набор преобразований (отражений) некоторых аспектов реальности. Будем называть подобные преобразования **мыследействием**, а результаты подобных преобразований — **мыслеобразами**.

Рассмотрим процесс познания человечеством окружающего мира, то есть множество всех частных процессов познания и отражения реальности. Сумму всех мыслеобразов, общее "отражение" реальности для всего человечества, будем называть **мыслетканью**.

Термин введен по аналогии со знакотканью в методологии. Кстати, вопреки кажущейся близости, мыслеткань и знакоткань имеют весьма существенные различия в структуре.

Рассмотрим мыследействие несколько подробнее. С нашей точки зрения, мыследействие можно сравнить с определенной функцией, ставящей в соответствие некоторому элементу(ам) реальности некоторый(е) элемент(ы) мыслеткани.

Но что при этом нужно называть реальностью? Разумеется, в понятие "реальность" нужно включить объекты материального мира (или их следы). Но объектами мыследеятельности точно также являются номены материальных объектов, элементы языка

⁹¹Келасьев В. Системные принципы организации психической деятельности. Вестник ЛГУ. 1988. Сер. 6. Вып. 2.

и т.д. Более того, объектами мыследейтельности могут быть и некоторые объекты мыслеткани, разумеется в том случае, когда возможна их референция. Подобные объекты мы будем называть, соответственно, **референтными**.

<...> Область значений мыследействия всегда лежит в рамках мыслеткани, но область определения может быть как в реальном мире, так и в мыслеткани. Будем называть подобное объединение реального мира и мыслеткани Универсумом.

Вообще говоря, понятие "мыследействие" имеет очень близкий аналог в языке математики — понятие оператора.

Рассмотрим некоторый специфический вид мыследействий, а именно мыследействия, переводящие некоторый образ на мыслеткани в мыслеткань. То есть и областью определения, и областью значений подобного мыследействия будет мыслеткань. По своему смыслу подобный вид мыследействий соответствует рефлексии. Дабы избежать дурной бесконечности, уточним определение, ограничив рефлексию только теми мыследействиями, результатом которых не является ничто или весь Универсум.

В этих обозначениях информационным объектом является информация, замкнутая относительно рефлексии. Аналогом рефлексии в математике будет, конечно же, композиция операторов. Тогда мы можем сформулировать следующее определение: информационным объектом называется множество операторов, замкнутое относительно композиции⁹²».

О динамических сюжетах

Динамический сюжет (ДС) — это еще более неудачное название, нежели информационный объект. Можно подумать, что бывают «статические сюжеты»...

ДС используют в качестве своей элементной базы не самого человека, но акты его деятельности. Если статические ИО модифицируют характер человека (тем сильнее, чем этот человек ближе к почетной, но опасной роли Представления), то ДС управляют его деятельностью, т.е. тем, как он преобразует мир, — развитием.

Информационные объекты этого типа были описаны весной 1998 года, и отправной точкой их открытия были стенограммы судебных заседаний по делам о сдаче противнику кораблей 2-й Тихоокеанской эскадры⁹³. Поражала полнейшая психологическая недостоверность мотивировок подсудимых. Между тем законы психологии столь же точны, как и законы механики, и поведенческие девиации нуждаются в объяснении не меньше, нежели возмущения в траекториях небесных тел. Я предположил, что в случае со 2-й эскадрой мы имеем дело с некоторым аналогом «задачи Леверье»⁹⁴.

Позднее анализ позволил обнаружить целый ряд случаев, когда исторические или военные деятели, писатели или спортсмены, художники или миллионеры, или просто знакомые люди «вдруг» начинали вести себя необычным и даже неприемлемым для себя образом. Всякий раз это воспринималось окружающими совершенно нормально — и именно потому, что прекрасно укладывалось в один из исторически известных **сюжетов**. Сюжет «проклятия власти» — поведение Ленина после завоевания большевиками власти и особенно расстрел царской семьи. Сюжет «воздаяния за грехи» — самоубийство Гитлера. Сюжет «Короля Лира». Сюжет «Песни о нибелунгах». Сюжет «Гамлета». Сюжет Христа. Смысл пословицы «Весь мир — театр, и люди в нем — актеры» раскрылся с неожиданной и пугающей стороны.

Сюжетов много, сюжеты конкурируют между собой, они «растут» и становятся

⁹²Из выступления Ф. Дельядо и Р. Исмаилова на семинаре Санкт-Петербургской школы сценирования 23.11.2003.

⁹³См.: *Переслегин С.* Кто хозяином здесь? В кн.: *Переслегин С., Переслегина Е.* Тихоокеанская премьера. М.: АСТ; СПб.: Terra fantastica, 2001.

⁹⁴Уран перемещался по небу не так, как должен был, исходя из уравнений Ньютона и движения уже известных планет. Леверье предположил, что на Уран оказывает воздействие еще одна тяготеющая масса, и, исходя из этого, предсказал существование Нептуна.

сильнее, если все чаще и чаще — в самых разных ситуациях и с самыми разными людьми — они повторяются через жизни людей. Сюжет способен подчинить личность своему императиву и «прописать» судьбу человека.

Воздействие ДС на одного или группу людей может быть отслежено по тем же симптомам, что и воздействие обычного «статического» ИО. Кроме того, для лиц, находящихся под управлением сюжета, характерна амбивалентность поведения, например попытка одновременно выполнять действия, заведомо противоречащие друг другу: приказывать поднять белый флаг и одновременно готовить к бою орудия; потеря ощущения реальности происходящего, пространственная и ситуационная дезориентация, «бытие в сновидении». При активном противопоставлении своей личности логике сюжета развивается острое депрессивное состояние.

Понятие ДС сходно «колесу сансары» в индуистской мифологии: Человечество обречено повторять одни и те же событийные последовательности.

«...Победы сменялись разгромами, рушились высокие башни, горели горделивые замки, и пламя взлетало в небеса. Золото осыпало усыпальницы мертвых царей, смыкались каменные своды, их забрасывали землей, а над прахом поверженных царств выростала густая трава. С Востока приходили кочевники. Снова бляели над гробницами овцы. И опять подступала пустошь...»

В современном языке семантический спектр конструкта динамический сюжет может быть передан через понятие **Скрипта**: набора правил, определяющих поведение персонажа компьютерной игры.

О Богах и Героях

Дальнейшее изучение темы информационных объектов с неизбежностью выводит в область мифологии: существование динамических сюжетов доказывается через совпадение, иногда текстуальное, сюжетных линий мифов совершенно различных народов, не имеющих в эпоху мифотворчества ни культурных, ни военных, ни торговых связей. ДС ответственны также за бедность факторизуемого сюжетного пространства; ИО этого класса породили миф о Судьбе. Концепция скриптов в чем-то совпадает с античными представлениями о предопределенности; ДС может рассматриваться как терминологическое соединение «ананке» — неотвратимости с природой — «фюзисом».

Судьба сильнее Богов, они не в силах выйти за пределы предопределения. Людям иногда, хотя и очень редко, это удается.

Боги древнее, нежели скрипты, которые, как можно судить по названию, требуют прописи⁹⁵. В известном смысле Боги были всегда, хотя и возникли вместе с Человечеством: информационные объекты, в противоположность материальным, существуют во времени (последовательности) и живут в пространстве (протяженности).

Вероятно, именно Древние Боги породили первые сюжеты. Много позже, когда появилась письменность, эти сюжеты превратились в мифологию, первую метрику информационного пространства. Будучи спроектирована на реальную, земную человеческую жизнь, мифология рассыпалась на набор скриптов, мгновенно «поймавших» и Богов, и людей в сеть следования своим законам.

Заслуга микенской и дорийской Греции перед человечеством в том и состоит, что греки первыми построили не «в принципе антропоморфные», а совершенно человеческие Представления Древних Богов, что позволило расширить «окно контакта»: вместо

⁹⁵Скрипт, динамический сюжет, соединяет физический и информационный планы. Тем самым он должен допускать представление в виде набора материальных знаков. Вековечное «мир есть текст» просто обозначает «прописанность» поведения людей совокупностью скриптов.

однократного акта дарения — тесное взаимодействие. Люди помогают Богам, истребляя чудовищ (информационные химеры, разрушающие информационную метрику и опрокидывающие упорядоченное информационное пространство мифа обратно в изначальный Хаос). Боги учат людей, вмешиваются в их дела, участвуют в организации социальной жизни.

Греки сконструировали понятие Героев: детей Богов и смертных. Герой — смертное Представление Бога, свободное от божественных скриптов⁹⁶.

Появление Героев сделало Богов смертными, хотя в реальности превратить их самих в сюжет смогла лишь трансценденция более высокого порядка — христианская.

Но Герои, свободные от божественных скриптов, прописали в Реальности свои собственные сюжеты.

Типология сюжетов и структура исторического процесса

Является ли таким «героическим скриптом» само «колесо истории», в котором «победы неизменно сменяются разгромами»? Можно ли анализировать в терминах ДС эволюцию? Происхождение жизни на земле? Антропогенез? На эти вопросы до сих пор нет внятного ответа.

Мы описываем скрипты как информационные структуры эгрегориального класса, использующие в качестве носителей динамические психические структуры (человеческую душу, Древних и Юных Богов, эгрегоры). Принципиально, что литературный символичный язык описывает лишь одну из реализаций сюжета (Представление), но не сам сюжет.

Сюжет прописывается в текстах, но распространяется посредством личной передачи. Количество сюжетов ограничено, они конкурентны. Появление новых сюжетов происходит крайне редко и, по всей видимости, открывает новую страницу, если не главу, в динамическом сюжете история (эволюция социосистемы). Далеко не все Герои преуспели в создании сюжетов, но все, кому удалось своей жизнью прописать в атомоткани мира новый скрипт, удостоивались статуса Героя, Представления и сына Божества.

Одиссей («сердящий Богов») с самого рождения находился в сюжете «пути Героя», необходимым завершением которого является славная гибель на поле брани или от руки Бессмертного. Стремясь вернуться в свой дом, к жене и сыну, Улисс отказался от существующего сюжета и вышел за пределы греческого номоса — в информационно пустое пространство, где сюжетов не было вообще. Он вернулся и рассказал свою историю сыну и другим людям. Так был создан скрипт, описывающий странника, потерявшего свой дом. И с этого момента физические дороги, сколь бы далеко они ни заводили человека, уже не выводили в бессюжетное пространство. Путь сам по себе стал скриптом.

Иисус, прямой потомок Давида и Соломона, родился в скрипте «Возвращение Короля». Когда к нему явился Древний Бог и сказал: «Вот, посмотри, сколь прекрасен мир, который по праву принадлежит тебе. Следуй своему предназначению, спаси великий Иерусалим от Ирода и Понтия Пилата, организовав поход на Сирию, затем на Грецию и Рим, объедини вокруг себя Ойкумену», — Иисус ответил: «Изыди, Сатана!».

Так он уничтожил Древнего Бога, превратив его в Дьявола. Так он оказался на кресте, с которого он видел мир, умоляющий об искуплении человеческих грехов. Как и Одиссея, его выбросило во внесюжетное пространство; как и Одиссей, Иисус создал собственный великий сюжет — сюжет о жертве и самопожертвовании.

И опять-таки пространство между жизнью и смертью, пространство, заполненное

⁹⁶Этот мотив постоянно подчеркивается в разных мифологиях. Геракл более свободен, нежели Зевс (он может освободить Прометея, чего Зевс, связанный клятвой, не может). Одиссей более свободен, нежели олимпийцы. Зигфрид освобождает Валькирию, окруженную стеной пламени, неприступной для пантеона и даже для Одина, который ее создал. Герой ни в коем случае не является аватарой, и именно потому, что аватара подчиняется божественным скриптам.

преступниками, богохульниками, отбросами мира сего, пространство, где до Иисуса не появлялся ни один Бог, ни одно Информационное Представление, теперь заполнено, и новая добровольная жертва усилит сюжет Иисуса, но не создаст нового.

Скрипты настолько тесно связаны со временем, что, вероятно, и породили его — в человеческом понимании. В сюжете время локально и развивается линейно — от «точки входа» до «точки выхода». Внесюжетное время, по-видимому, вообще не определено. По отношению к физическому «скриптовому времени» оно может двигаться как вперед, так и назад. Вообще, вне сюжета не определена причинность и соответствующие связи отсутствуют.

Всякий проход через сюжет должен оставлять материальный след: между входом и выходом из сюжета существует промежуток, и он заполняется описанием. Геракл поставил столб на выходе в океан и описал это в рассказе о своих путешествиях. Одиссей миновал этот столб и пошел дальше. Но чтобы можно было идти дальше (в этом сюжете), материальный след необходим. Скрипты потому и «сражаются» за публичных людей — царей, принцев, политиков, мудрецов, — что их движение по сюжету всегда оставляет материальный след. Иными словами — «прописывает» скрипт на Земле, усиливая его.

«Будем рассматривать мыследействие как некоторый конечный процесс.

Существование этого процесса зависит от воли некоторого сознания. Его результаты, представляющие собой определенную информацию, существуют также в рамках отдельных сознаний или в рамках материального мира (операция, обратная отражению — воплощению) и, вообще говоря, конечны. Мыслеткань (вернее Универсум) в динамике представляет собой весьма зыбкое образование, в котором постоянно исчезают и появляются новые объекты, информация, образования. В подобных весьма зыбких рамках имеет смысл говорить в первую очередь об автокаталитических системах, где результаты мыследействий "провоцируют" использование других мыследействий из этой структуры. Подобные структуры обладают некоторой устойчивостью в Универсуме. Понятно, что подобная автокаталитическая структура должна быть замкнута по рефлексии. Согласно статической модели ИО мы можем сказать, что указанные мыслециклы представляют собой информационные объекты.

Отметим, что ИО действуют в условиях жесткой конкуренции за места в сознаниях носителя, коммуникацию, материальный мир. Также следует отметить, что в связи с нечеткостью мыслительных процессов ИО находятся в изменчивой среде.

Т.е. мы можем говорить о естественном отборе ИО по признакам устойчивости, системности и т.д. Мыследействие, следовательно, представляет собой одно из атрибутивных свойств жизни. При этом простейший мыслецикл, связанный с отражением в мыслеткани пищи и реакции на ее поглощение существует с момента появления простейших. Так что история эволюции ИО, как минимум, не меньше истории одноклеточных организмов и насчитывает где-то около двух миллиардов лет. Роль информационных объектов в жизни первых видов была весьма незначительна, так как основным способом выхода ИО за пределы отдельного сознания была наследственность.

Постепенно в результате эволюции появились сравнительно сложные информационные системы, позволяющие осуществлять коммуникацию различных особей (коммуникативная система, очевидно - ИО). Так как наличие внутренней коммуникации предоставляет весьма существенные преимущества сообществу, данное эволюционное достижение было зафиксировано.

Значительным шагом в эволюции ИО стало появление обучения (система обучения также, очевидно, представляет собой ИО). Результатом появления обучения и последующего усложнения коммуникаций и информационного поля стал симбиоз высших животных и информационных объектов, и чем более тесным был данный симбиоз, тем эффективнее был данный вид.

Следующим шагом эволюции стало появление языка. Язык есть существенно более

эффективный метод коммуникации, нежели коммуникация через пример, поощрение и наказание (используемые при обучении высших животных). То есть язык есть результат эволюции коммуникативных способов. Как и в эволюции материальных существ, к грани **языкового барьера** подошло сразу много видов (дельфины, высшие приматы, некоторые другие млекопитающие), но только человек перешел данный барьер.

Эволюция ИО в рамках человечества отмечена несколькими эволюционными скачками, описываемыми в том числе и как контуры сознания в модели Лири-Уилсона⁹⁷. Так, третий (семантический) контур соответствует изобретению письменности и возможности создавать ИО на «сознаниях», вообще не коммуницирующих между собой. Четвертый (социополовой) контур позволил вырастить социумы с коллективной идентичностью и управляющими големами (контролируют обучение и надежно манипулируют выборами мыслей действий)⁹⁸.

Типовой набор для конструирования истории

Рассмотрим четыре основных класса статических информационных объектов: Голем (Г-система с конечным базисом), Человек (П-система со счетной базой), Трансценденция (Э-система, базис которой несчетен), наконец Универсум (У-система), о базе которого мы ничего не можем сказать. Возможно, существуют объекты промежуточного между Э-системами и У-системами класса, но на сегодня такие информационные объекты (кодона) не обнаружены.

Динамический сюжет связывает между собой любые два объекта, принадлежащие этим классам:

	Г-система	П-система	Э-система	У-система
Г-система	Мифы о чудовищах	Миф о государстве	Миф о церкви	Миф о Космосе
П-система	Мифы о Героях	Мифы о любви и смерти	Мифы о Богах	Мифы творения
Э-система	?	Трансцендентальные сюжеты	Мифы о небесных войнах	?
У-система	Современная наука (как скрипт)	Мифы познания	Эволюционные скрипты	Мифы о сингулярности

Связь образована тремя основными скриптовыми командами: создать, уничтожить, обменять. Имеем, таким образом, 48 основных классов ДС и, конечно, неисчислимое множество вариаций.

Совершенно отдельно существует 49-й класс: создание нового сюжета, то есть прописывание сюжета на поле сюжетов.

Снижая уровень абстракции, можно выделить:

- Рождение (сотворение) мира
- Апокалипсис (уничтожение мира). Этот миф имеет очень яркие

информационные следы, так что кто-нибудь в обязательном порядке «пропишет» такой сюжет (скорее, локальный)

- Личные мифы (апофеоз, рождение Героя, богоборчество)
- Личные мифы (возвращение Странника, возвращение Короля, «Принц и Нищий»)

Подведем итоги:

1. Динамические сюжеты (скрипты) существуют. Их можно определить как эгрегориальные ИО, в которых задана скриптовая система команд и протокольный интерфейс взаимодействия с иными системами.

2. Сюжеты нуждаются в людях, как в тех, которые замыкает рефлексию в материальных воплощениях, так и в «трансляторах» — передающих структурах.

⁹⁷Лири Т. История будущего. СПб.: Янус, 2000.

⁹⁸Из выступления Ф. Дельгадо и Р. Исмаилова на семинаре Санкт-Петербургской школы сценирования 23.11.2003.

3. Скриптов ограниченное количество, и все они суть продукт взаимодействия между классами информационных объектов.

4. Динамический сюжет представляет собой «странный аттрактор» (малое изменение «точки входа» ведет к значительному и непредсказуемому смещению «точки выхода»).

5. Описание взаимодействия человека со скриптом может быть сделано в обозначениях локальной метрики искривленного пространства-времени, причем чем глубже «колея», тем сильнее она «тянет» в сюжет и искривляет информационное пространство.

6. Часть скриптов формируются у человека в первые годы жизни (родовые программы, тесно связанные с матрицами Грофа), остальные «подключаются» по мере развития.

7. Человек существует в «море сюжетов». Лишь в процессе личностного развития происходит конкуренция скриптов и их «отсоединение». Как правило, наиболее реализованные люди находятся в симбиозе с единственным скриптом, остальные скрипты позиционируются как «прочие воздействия».

8. Одним из инструментов управления системой скриптов, определяющей жизнь современного человека, является, по-видимому, музыка.

«Мушкетерский сюжет» господина Дюма-отца

«Успешность носителей ИО увеличивает устойчивость ИО. То есть големы и эгрегоры тогда успешнее, когда они помогают своим носителям.

Упрощение преобразований материального мира способствует упрощению материальных звеньев цепочек. Так, письменность - эволюционный скачок для ИО, позволяющий создавать практически вечные ИО.

Информационный объект, соответствующий идеям Европейской цивилизации (Свобода, Развитие), способствовал резкому ускорению социоэволюционных процессов и привел к появлению действительно сложных систем (по-видимому, государственные големы - один из результатов этого ускорения эволюции)⁹⁹.

Сейчас в нашей стране и во всем остальном мире процесс конструирования будущего затруднен исчерпанием не только свободного физического пространства (глобализация), но и свободного информационного пространства. Последнее явление часто называют «постмодерном», хотя, может быть, правильнее было бы сказать «некромодерном».

В терминах данной статьи мир испытывает переизбыток устаревших, **исчерпанных**¹⁰⁰ и давно утративших способность порождать не только смыслы, но и толкования скриптов, буквально связывающих современного человека сотнями и тысячами «надо» и «нельзя». Именно в этом смысле группа «Конструирование Будущего» говорит о переусложнении индустриального общества и о высокой вероятности демонтажа **индустриальной фазы развития** методом **первичного упрощения** (сюжет, относящийся к апокалиптической группе)¹⁰¹.

С другой стороны, отсутствуют как принципиально новые сюжеты, относящиеся к 49-му классу, так и целый ряд вполне тривиальных скриптов, необходимых для исторического конструирования.

Первый дефицит приводит к острому экзистенциальному голоду, уродливой реакцией на который стал современный «парад» этноконфессиональных идентичностей.

Вторую проблему интересно рассмотреть на частном, но весьма важном для

⁹⁹Из выступления Ф. Дельгадо и Р. Исмаилова на семинаре Санкт-Петербургской школы сценарирования 23.11.2003.

¹⁰⁰Динамический сюжет называется исчерпанным, если любые разумные смещения точки входа порождают траектории, ранее уже пройденные.

¹⁰¹Переслегин С., Столяров А., Ютанов Н. О механике цивилизаций//Наука и технология в России. 2001. №7(51). 2002. № 1 (52).

современной цивилизации примере.

Всякий уважающий свое ремесло стратег знает, что основная «ударная сила» — будь то авианосцы, танки или назгулы с дементорами — должна применяться массированно и чем более серьезна боевая задача, тем более мощным должно быть это «массирование». «Нельзя быть достаточно сильным в главном пункте», — не уставал повторять Наполеон.

Понятно, что точно так же массированно должны «применяться» люди и рабочие команды. Если в вашей стране всего шесть ученых высшего уровня (гениев или, если хотите, Героев), то все шесть должны решать одну, но ключевую и фундаментальную проблему. Аналогично — ударным социальным соединением — должны действовать писатели, художники, политехнологи, бизнес-элита.

В действительности элитные группы численностью более двух человек способны совместно действовать только в одном случае: когда они находятся под сильнейшим внешним давлением. Например, в «шарашке» под чутким руководством исторического Лаврентия Павловича. Опыт показывает, что обеспечить такое давление в современном обществе исключительно сложно. Сюжет потерял свою материальность.

Но что это за магическое число «два»? Почему вдвоем решать мировые проблемы можно (и втроем это иногда получается), а создать рабочую информационную решетку из восьми академиков можно только под дулом пистолета?

Заметим, что среди детей дошкольного и младшего школьного возраста образуются вполне устойчивые дружеские союзы практически любого численного состава, даже переменного. По мере взросления устойчивость таких компаний, однако, падает и в конце концов они разваливаются, порождая пары или (редко) тройки друзей. Тройки со временем также распадаются, а вот пары могут существовать десятилетиями.

Распад организованностей — один из древнейших сюжетов, «прописанных» со времен античности. Такого слова, как «дружба», во взрослом мире не существует — это прерогатива детей и рабов. Свободный воин всегда одинок, и привязанности представляют для него опасность. Жизнь с неизменностью разводит по разным полюсам друзей детства и товарищей юности. Как у Валерия Брюсова:

И уже пред царским ложем, как предвестье скорых сеч,
Полководцы Александра друг на друга взносят меч.
Мелеагр, Селевк, Пердикка пьяны памятью побед,
Царским именем, надменно, шлюют веленья, шлюют запрет.

Войны диадохов — бывших ближайших друзей — стали самыми страшными военными столкновениями античности. И много позже А. Дюма заметил в «Графе Монте Кристо»: «Дерутся всегда с друзьями».

Именно А. Дюма в лучшем своем романе «Двадцать лет спустя» прописал в Реальности новую версию старого сюжета, создав скрипт дружбы, выдерживающей любые испытания: временем, достатком, политикой. Книга понравилась, динамический сюжет вечной дружбы и производные от него сюжеты предательства, прощения, дружеского любовного треугольника и т.п. получили права гражданства, и через сто пятьдесят лет в одной из российских «фабрик мысли» возникла модель организационно-деятельностной двойки¹⁰².

А. Дюма пытался решить более общую задачу. Но четверка друзей не могла действовать как единое целое ни во втором, ни в третьем романе «мушкетерского цикла». Она все время распадалась на двойки, находящиеся в достаточно сложных отношениях. Лишь сильное внешнее давление со стороны Кромвеля и наличие у всей четверки общих дворянских идеалов вынудило их сплотиться перед лицом «третьего сословия».

Не побоюсь утверждать, что создание динамического сюжета, описывающего устойчивую по отношению к процессам полового взросления и социального развития

102 Дельгадо Ф. И. Управленческие «двойки» / Административные системы управления будущего. Сборник материалов по итогам Первой Междисциплинарной конференции «Форум Будущего». СПб., 2003.

дружескую компанию «более чем из трех человек», представляло собой главную задачу советской литературы и культуры в целом. Тимур и его команда не так уж сильно отличались от группы Тимофеева-Ресовского. Но двадцать лет спустя никто из них не сохранил связность юности как первейший онтологический выбор. Потому что если б — не так, то мы бы об этом прочитали. И может быть, если бы в литературе подобная задача была решена, история пошла бы другим путем и Третья Мировая («холодная») война завершилась бы с иным результатом.

ТАЙНА ОТЦА БРАУНА

Существуют очевидные вопросы, ответы на которые далеко не очевидны. Чаще всего такие вопросы маркируют границу номоса, мира названного.

Так, во второй половине XIX столетия выяснилось, что «вечный» вопрос — **почему** через данную точку можно провести одну и только одну прямую, параллельную данной прямой, — должен быть переформулирован в терминах вселенных и границ. **Где** именно через данную точку можно провести одну и только одну прямую, параллельную данной? Ответ разбивает Реальность на плоский мир и искривленные миры, для которых справедлива разная геометрия.

Другой простой вопрос — как синхронизировать свои часы с часами, находящимися в движущемся поезде, — разграничил Ньютоновскую и Эйнштейновскую Реальности.

Проблема, которая будет предложена к рассмотрению в этих заметках, выглядит тривиальной даже на фоне простоты других «очевидных вопросов». Кажется, что ее можно решать самыми разными способами. Более того, возникает устойчивое впечатление, что она давно решена литературоведами и надо только вспомнить название конкретной, давно прочитанной, но не задержавшейся в памяти из-за своей незначительности статьи или книжки.

На самом деле, однако, такой книжки нет.

О «диких картах» второго рода

Современное западное прогнозирование опирается на сценарный анализ выявленных трендов развития. Создаваемые таким способом прогнозы логичны, понятны, правдоподобны, содержат много полезной информации, но неизменно умалчивают о главном: о том, что, собственно, и отличает будущее от настоящего.

Так, в 1990-е гг. делалось много прогнозов на следующее десятилетие, и эти прогнозы были бы прагматически полезны, если бы только содержали в себе хотя бы намек на события, случившиеся в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года.

Так, аналитики финансовых рынков единодушно предрекали России многолетний экономический спад, причем указывали, что «их наука достоверна, выводы точны и надежны, что к России они испытывают самые теплые чувства, но с финансовой предопределенностью ничего сделать нельзя. Может быть, лет через тридцать...» Сейчас они говорят: «Кто же мог предусмотреть Бен Ладена, разрушение ВТЦ, антитеррористическую войну и взрывной рост цен на углеводороды?»

«С божьею стихией, царям не совладать...»

Надо сказать, что разительное несоответствие благостных прогнозов 1990-х и реальности 2000-х было отрефлектировано американскими футурологами, в результате чего сценарный анализ был существенно модифицирован. Наряду с трендами теперь учитываются «дикие карты» (wild card, на русский язык этот термин переводится еще как «непредсказуемое событие» или «джокер»).

«Дикие карты», — это крайне маловероятные, но весьма значимые события, которые могут изменить если не сами долговременные тренды, то их «упаковку», образ, в котором тренды являются миру. К «диким картам» американцы относят преимущественно

катастрофы типа гибели «Титаника» или «11 сентября».

Насчет «Титаника» можно, пожалуй, согласиться, но рассмотрение в качестве «джокера» таких событий, как Великая депрессия, или «террористические акты нового типа», или ипотечный кризис 2007 года, вызывает удивление. Что такого уж удивительного в кризисе фондового рынка, полностью оторвавшегося от реальной экономики? Что непредсказуемого в том, что Украина, отчаявшись противостоять Ойкумене в правильной войне, перейдет к террористическим действиям, которые правильно было бы охарактеризовать как наступательную партизанскую войну? Что странного в кризисе энергетических мощностей после четвертьвековой «экономии» на развитии энергетики?

Представляется, что А. Азимов со своей «психоисторией» сумел бы предсказать все эти события с абсолютной точностью. Наш метод анализа противоречий (социодинамика) более ограничен, но и он позволяет вполне надежно предсказывать «дикие карты по-американски».

Проблема в том, что, научившись рассматривать западные «джокеры» как скрытые тренды, невидимые глазу, но легко открывающиеся при анализе противоречий, мы с неизбежностью сталкиваемся с **иными** артефактами, логически необъяснимыми в рамках как социодинамического, так и гипотетического психоисторического подхода.

Будем называть артефактами второго рода такие явления культуры, для которых выполняются следующие условия:

- Объект возникает сразу и целиком (а иногда он и исчезает сразу и целиком)
- Возникновение объекта не обусловлено ни историческими причинами, ни формальным развитием выявленных структурообразующих противоречий, ни угрозами/вызовами, ни рефлектируемыми разрывами

При этом объект либо сам является локусом Будущего, либо содержит такие локусы, либо, что бывает чаще всего и наиболее интересно, служит «ключом» к социальной «упаковке» тренда, причем этот тренд может быть в этот момент еще не проявлен и даже вообще не существовать — он возникает в Будущем, и в этом смысле артефакт есть «таинственный ход ладьей¹⁰³».

Всегда наличествует формальное алиби — объяснение откуда взялся этот артефакт, причем эти объяснения крайне неправдоподобны, но воспринимаются как что-то само собой разумеющееся, — странность возникновения артефакта и неправдоподобность алиби не рефлектируются ни профессионалами, ни публикой.

Классическим и притом простым примером артефактов второго рода является кэрролловская «Алиса в Стране чудес», самая цитируемая после Библии и самая парадоксальная англоязычная книга в истории. Напомню, что, согласно распространенной легенде, первая «Алиса...» была придумана Кэрроллом во время лодочной прогулки. Эта версия кочует из книги в книгу, и, похоже, никто не удосужился подумать, что управлять гребной лодкой на Темзе, где довольно сильное течение и большой трафик всевозможных лодок, ялов, судов и буксиров, не так уж просто, даже если на борту нет трех маленьких девочек... Я, конечно, подобно Черной Королеве, могу поверить до завтрака в две-три невозможные вещи, но не в такую *сказку*.

Между тем после первой «Алисы...» появилась вторая — и совсем с другой логикой, а потом и «Охота на Снарка», логика которой «распаковывается» только сейчас, на наших глазах.

К артефактам можно и должно отнести феномен «единственной книги» автора (все остальное у этого автора «читать не нужно», а иногда этого «остального» нет вообще: «Трое

¹⁰³Так шахматисты называют ход ладьей на заведомо закрытую линию, которая, однако, должна будет, по мнению гроссмейстера, через некоторое время открыться.

в лодке, не считая собаки» Джерома К. Джерома¹⁰⁴, «Территория» О. Куваева¹⁰⁵, «Под одним солнцем» В. Невинского¹⁰⁶, «Властелин колец» Дж. Толкина), а также — книги, стилистически и содержательно резко выдающиеся из творчества, **иные** для данного писателя, — «Таинственный незнакомец» Марка Твена¹⁰⁷, «Катти Сарк» И. Ефремова¹⁰⁸, «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» Р. Л. Стивенсона¹⁰⁹, «Загадка Прометея» Л. Мештерхези¹¹⁰, «Тихий Дон» М. Шолохова¹¹¹, «Капитальный ремонт» Л. Соболева¹¹²... Да, пожалуй, и «Мастер и Маргарита» М. Булгакова попадает под это определение.

Артефакты второго рода встречаются и в истории науки. Никого не может удивить специальная теория относительности: во-первых, ее логика очевидна и была известна уже И. Ньютону, во-вторых, ее преобразования вытекают из анализа уравнений Максвелла, в-третьих, в 1905 году вплотную к созданию СТО подошло сразу несколько физиков, и, если бы не было Эйнштейна, эта модель появилась бы полугодием или годом позже. Но после специальной теории относительности (СТО) А. Эйнштейн создал ОТО, общую теорию относительности. Эта теория «не созрела», ее появление ничем не было мотивировано и, более того, противоречило господствующей парадигме мышления. Общая относительность, теория пространства, искривляемого тяготеющей массой, до сих пор не представима в образах — по существу, ее «нет» в мышлении, кроме рафинированного научного. Но значение этой теории очень велико. Достаточно сказать, что она послужила образцом для создания калибровочных теорий, теории струн и суперструн, суперсимметрии, современной космогонии и, кроме того, привела к пониманию гуманитарного принципа терпимости, этической относительности. ОТО породила также новые формы схематизации мышления и произвела на свет динамическую геометрию.

Еще более явный образец артефакта — квантовая механика, которой мы обязаны целым рядом парадоксов, мыследеятельностной методологией, созданием ядерного оружия и перереформатированием всей мировой политики.

Заметим, что и квантовая механика и ОТО — **гуманитарные технологии**, воздействующие на мышление. Вообще, было бы крайне интересно исследовать, как выглядел бы современный мир без перечисленных артефактов...

О классическом детективе

Кратко обрисую теперь особенности классического английского детектива (далее — детектив), которые заставляют отнести этот жанр, как целое, к артефактам второго рода:

1. Жанр не имеет прототипов в античной литературе, не представлен в мифах и архетипах, не числится в списке мировых Сюжетов. Он возник как целое, в законченном виде, вместе со всеми своими атрибутами, причем произошло это очень поздно (конец XVIII — начало XIX века). Следует добавить, что детектив представляет собой жанр с очень строгой структурой текста, и не будет ошибкой заявить, что он заявляет Сюжет.

104Джером Дж. К. Трое в лодке, не считая собаки. Трое на четырех колесах. Как мы писали роман. М.: Пушкинская библиотека, АСТ, 2003.

105Куваев О. Территория. М.: Современник, 1975.

106Невинский В. Под одним солнцем//в сб. В мире фантастики и приключений. Л.: Лениздат, 1964.

107Твен М. Таинственный незнакомец. М.: Издательство политической литературы, 1989.

108Ефремов И. Эллинский секрет. М.: АСТ, 2005.

109Стивенсон Р. Странная история доктора Джекила и мистера Хайда. СПб.: Азбука-классика, 2006.

110Мештерхези Л. Загадка Прометея. М.: Прогресс, 1977.

111Шолохов М. Тихий Дон. М.: Эксмо, 2007.

112Соболев Л. Капитальный ремонт. М.: Гослитиздат, 1937.

2. В детективе представлены «чистые» типы мышления. Более того, классическое научное мышление инсталлировалось в социальную среду через жанр детектива.

3. В детективе мышление героев, как преступников, так и сыщиков, является очень «продвинутым»: оно сильное, последовательное, рефлексивное, четкое. При этом герои еще и решительны, предприимчивы, готовы рискнуть жизнью — то есть обладают высокой пассионарностью. Эти качества относятся к представителям самых разных социальных слоев — по детективам Агаты Кристи в одной деревушке Сен-Мери-Мид живет больше рефлексивных людей, чем, по моим представлениям, реально существует во всей Европе в целом, и даже самый последний пьяница в этом селении поддерживает *протоколы коммуникации* метафорического уровня. Грубо говоря, в детективе «последний преступник» обладает мышлением, соответствующим высшим управленческим элитам. С этой точки зрения детектив **фантастичен**: способы как совершения, так и раскрытия преступления не имеют ничего общего с действительностью. Для преступников Агаты Кристи как нельзя лучше подходят слова К. Еськова: «Для того чтобы задумать и совершить такое, нужно иметь полностью раскрепощенное воображение — этаким “хомо люденс” по ту сторону добра и зла — и плюс к этому — высочайшую культуру штабной работы».

4. В детективе впервые описаны рефлексивные управленческие группы — организационно-деятельностные двойки, теория которых появилась почти через 200 лет.

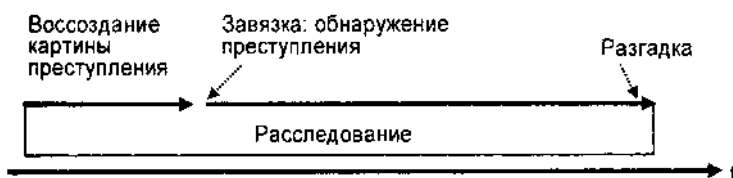
5. Детектив этически анизотропен и буквально настаивает на различии добра и зла. «Я не одобряю убийств», — говорит Пуаро. Эта особенность — лишь одна из множества черт, благодаря которым детектив оказывается «вне времени» (это интересное свойство проявляется, например, в том, что великие сыщики и их спутники живут сколь угодно долго, причем практически не меняются все это время — тот же Пуаро был пожилым человеком, пенсионером, с 1914 по 1970-е годы).

6. Детектив является формальным контрпримером к «бритве Оккама».

7. Детектив производит впечатление искусственно сконструированного жанра. Тот же спутник главного героя явно взят из жанра волшебной сказки.

Характеристические признаки детектива можно описать следующим образом:

- Инверсия времени (причины событий восстанавливаются по их следствиям, сначала описывается результат преступления, затем — механизм раскрытия его, затем, в самом конце, воссоздается картина преступления)

- Завязкой всегда является убийство (все остальные формы преступления можно рассматривать как превращенную «цензурированную» версию убийства). Это всегда убийство с заранее обдуманым намерением или, в очень редких случаях, случайное убийство, которое преднамеренно скрывают (то есть намерение, обдуманное не априори, а апостериори)

- В произведении обязательно содержится загадка, причем она должна отвечать всем требованиям, предъявляемым к шахматной задаче: единственность решения, сложность решения, элегантность решения, парадоксальность решения

- Всегда присутствуют следующие «ролевые элементы»: Гениальный Сыщик; Помощник Гениального Сыщика; Преступник; Подозреваемый (хотя бы один)

- Ситуация всегда этически неоднородна, причем Гениальный Сыщик представляет Абсолютное Добро, а Преступник — Абсолютное Зло

- Мышление Гениального Сыщика и его Помощника относится к разным типам, и эти типы являются чистыми и выраженными

- Содержанием текста является описание мыследеятельности Гениального Сыщика (А. Конан Дойл, Агата Кристи) или мыслекоммуникации Гениального Сыщика с

Преступником и Подозреваемыми (Э. Гарднер, Р. Стаут)

Укажем здесь еще несколько странных особенностей английских детективов и их авторов.

А. Конан Дойл — крупный публицист Британской империи, один из ведущих корреспондентов «Таймс» во времена поздней Виктории и Эдуарда, по образованию врач. Ввел в культурный оборот не только образы Холмса и Ватсона, но и фигуру профессора Челленджера: два или три исследовательских судна и один разбившийся «Шаттл» были названы именем этого персонажа. Весьма влиятельный человек в британском «теневом истеблишменте» начала XX столетия.

Г. Честертон, создатель влиятельного литературно-политического кружка, знаком с У. Черчиллем, семьей Чемберленов и т.п. Ввел два образа: сыщик-католик отец Браун и джентльмен Хорн Фишер, вылитый Майкрофт Холмс, но для следующей эпохи. Поставил вопрос о кризисе демократии.

А. Кристи — одна из очень немногих писателей, награжденных орденом Британской империи и получивших рыцарское звание.

О Шерлоке Холмсе, докторе Ватсоне и мирах-отражениях

Перейдем к вопросу, который многократно исследовался. А именно: постараемся определить, в чем причина непреходящей популярности рассказов А. Конан Дойла о Шерлоке Холмсе и докторе Ватсоне?

С сугубо литературной стороны рассказы следует назвать просто слабыми. Автор совершенно сознательно нарушил одну из основных заповедей писателя: «героями произведения должны быть живые люди, если только речь идет не о покойниках». В текстах же «холмсовского цикла» действуют схемы, и только схемы, причем количество сюжетообразующих типажей настолько ограничено, что они воспринимаются как отражения буквально двух или трех «патентованных злодеев». Характеры Холмса и Ватсона не изменяются в течение всего цикла, захватывающего временной промежуток с 1881 по 1914 год. Более того, если Холмс, по крайней мере, имеет четкий психологический тип, соответствующий информационному метаболизму самого А. Конан Дойла, то о докторе Ватсоне мы не можем сказать даже этого. Политические события, весьма важные для любого англичанина «золотой эпохи», и тем более для Холмса, брат которого является экспертом-консультантом правительства Ее/Его Величества, проходят мимо жилища на Бейкер-стрит 221в. Так же обстоит дело с научным и техническим прогрессом.

Язык рассказов монотонен, юмор начисто отсутствует, сюжеты обладают свойством повторяемости, развязка весьма часто предсказуема. Впрочем, сие вообще несущественно: рассказы «холмсовского цикла» допускают перечитывание, когда развязка заведомо известна.

Но, может быть, дело в том, что «Приключения Шерлока Холмса» остаются лучшими в своем жанре?

Нет, и это не совсем так. Великолепные образчики детективного метода продемонстрированы в классических рассказах Эдгара Аллана По¹¹³. Практически одновременно с А. Конан Дойлем работает Г. К. Честертон, чьи рассказы значительно разнообразнее и интереснее; к тому же они много лучше вписаны в политический, исторический, социальный контекст пред- и послевоенной эпохи, нежели «холмсовские». Да и позднее жанр интеллектуального детектива не умер. В Великобритании работала А. Кристи, создавшая, в частности, блестящие образцы детектива с ретроанализом. Свой вклад

¹¹³Сходство настолько очевидное, что А. Конан Дойл вынужден сам его озвучить. Хотя Ш. Холмс и отзывается о Дюпоне пренебрежительно-снисходительно, дедукции героев По были вполне на уровне лучших холмсовских. Достаточно проследить выраженную генетическую связь между «Пляшущими человечками» и «Золотым жуком», «Похищенным письмом» и «Вторым пятном», «Убийством на улице Морг» и «Львиной гривой».

внесли Ч. Сноу и Д. Френсис; в США не вполне традиционную ветвь судебного интеллектуального детектива развивал Э. Гарднер.

Тем не менее понятие «детективный рассказ» прочно ассоциируется с именами Холмса и Ватсона. Тем не менее из всех великих сыщиков только Шерлок Холмс вместе со своим неразлучным спутником оказался персонажем зависимых литературных произведений самых разных жанров¹¹⁴ и — высшая степень признания — стал героем анекдотов. Тем не менее по количеству экранизаций и театральных постановок А. Конан Дойл превосходит всех прочих авторов интеллектуальных детективов, едва ли не вместе взятых.

Заметим здесь, что «Музей Шерлока Холмса» на Бейкер-стрит не имеет аналогов в истории детективного жанра (и более того, так сразу и не вспомнить другие музеи, посвященные литературным героям, — разве что пещеру Тома Сойера). В штате этого музея работает специальный человек, который отвечает на письма со всего мира, адресованные Шерлоку Холмсу.

Иными словами, перед нами едва ли не идеальный пример *информационной голограммы*. Но такой объект подразумевает целенаправленное создание, между тем А. Конан Дойл никогда (во всяком случае, очень долго) не относился к своим детективным рассказам сколько-нибудь серьезно, рассматривая их прежде всего как возможность немного подзаработать. То есть перед нами конструктор, который возник сам по себе и сам по себе инсталлировался в общественное сознание.

Тогда — это никакая не голограмма. Перед нами «естественный» информационный объект, который характеризуется сплошными «не». Это — не административный голем, не разжиревший Левиафан, не хитрый мистический Кодон и даже не толкинское Кольцо, хотя в некоторых моментах он ведет себя подобно кольцу: при всем желании Конан Дойлю не удалось «убить» Холмса. Значит ли это, что перед нами Представление динамического сюжета?

Подойдем теперь к проблеме с несколько иной стороны. Литературоведение свысока относится к детективу, полагая его сугубо развлекательным, «низким» жанром. Для серьезного писателя наличие сюжетобразующей детективной интриги является «неджентльменским поступком», нарушением «цехового соглашения», и У. Эко шел на значительный риск, создавая «Имя розы»¹¹⁵ в эстетике классического детектива. Однако элементы детектива, более или менее явно выраженные, встречаются почти у всех крупных современных писателей. Еще более интересно регулярное обращение к детективу (или детективным архивам) авторов, работающих в весьма специфическом жанре «альтернативной истории». У П. Андерсена в «Патруле времени»¹¹⁶ есть прямая отсылка — притом конкретно к Холмсу; А. Азимов практически создал сам жанр фантастического детектива; к детективному сюжету обратился Р. Харрис в «Фатерланде»¹¹⁷, Ф. Дик в «Человеке в высоком замке»¹¹⁸, В. Рыбаков в «Гравилете “Цесаревич”»¹¹⁹, Х. ван Зайчик в

114 Собственно детективную линию продолжали Адриан Конан Дойл, Джон Диксон Карр, Элери Куин. М. Тартаковский заставил Холмса и Ватсона заниматься тонкими вопросами теоретической истории. Фигура Холмса появляется в ряде более или менее популярных книг по логике. Наконец, великолепное семиотическое повествование У. Эко «Имя розы» содержит конандойлевский цикл в качестве присоединенного архива. Список примеров, разумеется, далеко не исчерпывающий.

115 Эко У. Имя розы. СПб.: Симпозиум, 2007.

116 Андерсон П. Собрание сочинений в 5 т. М.: Фабула, 1994.

117 Харрис Р. Фатерланд. М.: ЭКСМО, 2005.

118 Дик Ф. Человек в высоком замке. Лабиринт смерти. СПб.: Амфора, 2006.

119 Рыбаков В. Гравилет «Цесаревич». М.: ЭКСМО, 2006.

«Евроазиатской симфонии»¹²⁰, А. Лазарчук в «Зеркала»¹²¹ и он же вместе с М. Успенским в «Гиперборейской чуме»¹²².

Отдельно следует упомянуть «В Институте Времени идет расследование» А. Громовой и Р. Нудельмана¹²³. Список, который легко может быть продолжен, намекает на наличие какой-то неочевидной связи между «альтернативной историей» и «интеллектуальным детективом».

Вновь вернемся к Ш. Холмсу и поставим более точный и более резкий вопрос: почему Шерлок Холмс абсолютно невозможен в Великобритании королевы Виктории и короля Эдуарда? Хотя это вызовет негодование у литературоведов — адептов детективного жанра, рискну утверждать, что он именно невозможен¹²⁴. Проблема прежде всего заключается в том, что в Текущей Реальности структурирование социальной жизни осуществляется государством. Поэтому частный сыщик принципиально не может иметь выхода на те социальные сферы, в которых работает Холмс («Морской договор», «Чертежи Брюса Партигтона», «Второе пятно», «Скандал в Богемии» и пр.). Речь идет именно о невозможности: Холмсу пришлось бы иметь дело не с несчастным «почти одиночкой» профессором Мориарти, не с идиотской масонской ложей «чистильщиков» из «Долины ужаса», но с совершенно реальным големом, для которого недопустим сам факт того, что значимые с точки зрения государственного управления действия совершаются вне административной сферы¹²⁵. Однако же такая ситуация вполне допустима в мире с иной картой информационного пространства. Например, в Отражении, для которого характерны социально значимые негосударственные структуры (Большие Институты), или в метамедиевисткой Реальности со значительным влиянием религиозных орденов фигура Холмса, находящегося вне сложно сплетенных информационных структур и вольно или невольно способствующего поддержанию динамического равновесия между ними, вполне органична.

Гипотеза о принципиальной связи между жанром интеллектуального детектива и Альтернативной Реальностью кажется более чем умоуязвимой до тех пор, пока мы не вспомним атрибутивные признаки жанра, перечисленные выше, и, в частности, тот факт, что детектив является единственным литературным жанром, не представленным в античной культуре.

Заметим здесь, что собственно расследованием преступлений вполне благополучно занимались в Греции, а в Риме для этого была создана вполне совершенная судебная система. В античной мифологии излагается сколько угодно преступлений, говорится о ряде судов, но вот детективного динамического сюжета нет — чего нет, того нет! Нет и Бога, «ответственного» за работу сыщика, притом, что у суда есть своя богиня, да и вообще дефицита богов Греция и Рим не испытывали.

120См., например: *ван Зайчик Х.* Дело непогашенной луны. СПб.: Азбука-классика, 2005.

121*Лазарчук А.* Зеркала / в кн.: Сентиментальное путешествие на двухместной машине времени. М.: АСТ, 2003.

122*Лазарчук А., Успенский М.* Гиперборейская чума. М.: ЭКС-МО, 2003.

123*Громова А., Нудельман Р.* В Институте Времени идет расследование. М.: Детская литература, 1973.

124Не откажу себе в удовольствии самоцитирования: «Не надо даже особенно вдуматься, чтобы понять абсолютную невозможность Леонида Андреевича Горбовского в викторианской Англии. Он там гораздо более невозможен, нежели фотонный планетолет».

125В «Специалисте по этике» Г. Гаррисона (*Гаррисон Г.* Специалист по этике// в кн.: Неукротимая планета. М.: ЭКСМО, 2008), герой оказывается в подобном положении, пытаясь занять место наемного рабочего в обществе, расслоенном только на рабов и рабовладельцев.

Указанные вопросы, как мне кажется, допускают единственное решение: интеллектуальный детектив является жанром, чуждым Текущей Реальности. Он связан с совершенно иными Отражениями, где, во-первых, этот жанр проявлен в мифологии и способен организовывать архивы и, во-вторых, где существенно более значима этическая оценка «восстановления справедливости». Весьма вероятно, что «родная» тень этого жанра допускает сосуществование государственных и внегосударственных големов.

Это близко подводит нас к идеологии В. Рыбакова и Х. ван Зайчика.

Тем самым мы должны признать интеллектуальный детектив динамическим сюжетом нетрадиционного вида — квантом межтеневого взаимодействия.

О молчании Вселенной

В заключение постараемся принять следующее:

Античность не знала детектива не потому, что не знала преступлений, а потому что не знала режима расследования убийства.

В «социальной норме» убийство противоречит как законам Дружественной Вселенной, так и социосистемным законам, не говоря уже о социальных нормах. В этом смысле оно «противоречит самой природе человека». Это, конечно, не касается убийств, совершенных на войне (война есть карнавал, на котором предписано все, что запрещено в нормальной жизни), в состоянии аффекта, случайно или по страсти. Но во всех этих случаях не предпринимается попытка скрыть преступление.

То есть приходится предположить, что по мере развития общества произошел принципиальный «сбой», который привел к появлению Представлений социосистем, в которых в принципе возможно убийство, совершенное «по уму», а не «по сердцу». Но именно «ум» привел к созданию социосистемы и запрету на убийство, кроме случаев войны.

По-видимому, это необычно для Вселенной. Можно даже предположить, что благодаря этому странному свойству мы находимся в своеобразном «карантине» по открытым контактам с иными разумами. Хочется даже предположить, что предельность скорости света — форма такого карантина, своеобразная «решетка» на палате буйнопомешанного.

С другой стороны, детектив может быть формой скрытого контакта. Детектив — это, возможно, игра для начинающих **ксенов** или их попытка обучить нас рефлексии методом выведения фигуры сыщика как человека, изучающего иррациональное, и преступника, делающего **инное**. Убийство, если это не война, претит человеческой природе, но в детективе два привлекательных героя: сыщик и преступник, оба мыслят нетривиально и не по-земному.

В предположении об артефактности, инаковости детектива заключена и гипотеза о его прогрессорской деятельности.

Детектив — это сразу несколько перспективных гуманитарных технологий. Тут и «рефлексивное зеркало», и обратный принцип Оккама, и антипричинность, и очистка «лектики», нормализация мышления, и инсталляция научных форм мышления, и фигура частного актора, противопоставленного системному, государственному актору.

Во всяком случае, **все развитые страны имеют развитую школу детектива.**

ГОРОД КАК БРЕНД

1

16. И пошел Каин от лица Господня и поселился в земле Нод, на восток от Эдема.

17. И познал Каин жену свою; и она зачала и родила Еноха. И построил он город; и назвал

город по имени сына своего: Енох.

Бытие

Янтарь был самым великим городом, который когда-либо существовал или будет существовать. Янтарь был всегда и будет всегда, и любой другой город, где бы он ни находился, когда бы он ни существовал, был всего лишь тенью Янтаря в одной из ее фаз. <...> Янтарь, бессмертный город, подаривший образ всем городам...

Р. Желязны. Янтарные Хроники

2

Некоторое время назад я принимал участие в оценке конкурсных сочинений на тему «Будущее, в котором хочется жить» (конкурс был организован Северо-Западным отделением «Единой России» и проводился для старших школьников СЗФО). Среди представленных работ четко выделялся «патриархальный тренд» с его неизменным «возрождением русской деревни». На очном обсуждении «деревенское будущее» оказалось одной из наиболее актуальных тем: «нравственная, чистая, трудовая деревня» противопоставлялась «городу, погрязшему в разврате, вместилищу пороков и лени». Самое трогательное заключается в том, что школьники всерьез полагали себя оригинальными и были поражены наличием античных «первоисточников»...

Поскольку я не вижу разницы между убеждениями и предрассудками, а деревенскую жизнь считаю такой же бессмысленной и беспощадной, как русский бунт, я обошелся с этими... последователями штабных мыслителей-буколистов¹²⁶... достаточно жестко и, в частности, попросил их объяснить, где, собственно, проходит граница между городом и деревней.

Вопрос, кстати, очень интересный. В старой Империи границу проводили в административно-правовом пространстве, причем вопрос присвоения статуса города входил в компетенцию правительств Союзных Республик. Формально при этом надлежало руководствоваться размерами населенного пункта, но вот со скольких человек начинается город — советской науке было доподлинно неизвестно: в БСЭ указываются цифры от нескольких сотен до нескольких десятков тысяч человек.

Надо отметить, что школьники мыслили сравнительно четко и в отличие от авторов энциклопедии не втянулись в «вечную» дискуссию о песчинках и куче. Вопрос о минимальном числе жителей города, по-видимому, не имеет окончательного ответа. Во всяком случае, известны города с одним-единственным жителем и даже вовсе без жителей (по крайней мере, живых). Думаю, можно если не найти, то помыслить города с отрицательным и мнимым населением.

Энциклопедия информирует об особом правовом статусе городов, о городских землях, огражденных городской чертой, но эти признаки не только конкретны и преходящи, но и предельно архаичны. Городская черта — это же просто периметр, крепостная стена, ограда, отделяющая цивилизованное, освоенное, охраняемое пространство (скандинавский Мидгард) от агрессивной внешней среды. Особый юридический статус городской земли

126А. и Б. Стругацкие «Обитаемый остров»: «Теоретизируя, он высказывал странную смесь взглядов: власть богатых надобно свергнуть (это от Вепря, который, видимо, был чем-то вроде социалиста или коммуниста), во главе государства поставить надлежит инженеров и техников (это от Кетшефа), города скрыть, а самим жить в единении с природой (какой-то штабной мыслитель-буколист), и всего этого можно добиться только беспрекословным подчинением приказу вышестоящих командиров, и поменьше болтовни на отвлеченные темы».

восходит к европейскому средневековью с известной его формулой: «Городской воздух делает свободным». И, кстати, не все города расположены на юридически городских землях¹²⁷.

В классическом советско-марксистском подходе делается упор на то, что основная часть населения города не занимается сельским хозяйством. Если включить нужное число оговорок (добавить «непосредственно» к «не занимается», добавить «в традиционном понимании» к «сельскому хозяйству» и т.п.), это, наверное, будет даже верно. Но данное определение неконструктивно — что-то вроде «комбинация — форсированный вариант с жертвой», а «картина — кусок полотна, с одной стороны замазанный краской». Кроме того, под него попадает, например, исправительно-трудовая колония. Если вдуматься, это не так уж и абсурдно, но все-таки настораживает...

Значительно более эвристичным является определение В. Л. Глазычева: «**Город есть пространство возможностей, неутилитарное место обитания, самовоспроизводящаяся система деятельности, не сводимая к материальному производству и его непосредственному обеспечению**». Такой подход раскрывает город как единство двух объектов: «земного», материального, и «небесного», информационного, объясняет «прописанность» города в знаковых пространствах, указывает на важнейшее свойство города — соединять реальное с экзистенциальным. Это свойство налагает обязательное требование на архитектуру города — по крайней мере одно из городских зданий в обязательном порядке должно иметь выход в «тонкий мир», в социальное трансцендентное. В разные эпохи роль такого «знакового здания» мог играть Храм, Собор, Суд, Ратуша, Университет, Горком Партии¹²⁸. Одним из признаков кризисного характера современной эпохи является отсутствие в современной городской застройке однозначно воспринимаемого экзистенциального символа.

В логике В. Л. Глазычева город отличает от деревни именно «застроенность» информационного уровня, наличие собственных, принадлежащих только этому месту знаков, однозначно «читаемых» всеми людьми, принадлежащими данной культуре. Многие города Древнего Мира и возникали первоначально как храмовые, культовые центры географически распределенного сообщества: Ниппур в Месопотамии, Дельфы в Элладе, Мекка на Аравийском полуострове.

3

В предложенном мною социосистемном формализме город имеет совершенно особый статус.

Социосистема есть способ существования носителей разума, высшая форма экосистемы, проходящая в своем развитии несколько последовательных фаз: архаичную, традиционную, индустриальную, когнитивную. Социосистема связывает материальное (физическое), информационное (знаковое) и социальное (коммуникативное) пространство, тем самым обеспечивая конвертацию информации в материальный ресурс, в конечном итоге — пищевой. Другими словами, социосистема проектирует информационное пространство на материальное, используя социальную среду как механизм этого проектирования. Познание

¹²⁷Британские юристы трактуют «земли короны» как «государственные». У меня есть серьезные сомнения даже в том, что такое толкование фактически справедливо, во всяком случае, вне индустриальной фазы развития, но с правовой точки зрения оно не лезет ни в какие ворота.

¹²⁸В действительности все еще интереснее. **Роль «знакового центра» города может играть пустое пространство**: например, площадь, на которой проходят городские карнавалы и праздничные шествия. В Советском Союзе во многих городах существовала пустая круглая площадь, символическое здание, а именно Кремль, в этом случае подразумевалось, но не строилось — оно существовало в информационном пространстве, но в материальном мире замещалось зданием Горкома Партии.

есть производство новой информации, экспансия в информационном мире. Обучение — воспроизводство информации. Управление — упорядочивание информации. Производство — конвертация информационного ресурса в необходимый в данный момент материальный ресурс. Качественный рост социосистем возможен в том и только том случае, когда приращение освоенной информационной среды происходит быстрее, нежели использование информации: темпы познания опережают темпы производства.

Четыре перечисленных процесса: познание, обучение, управление, производство — обязательны для социосистемы вне всякой зависимости от ее особенностей, происхождения, фазы развития.

По определению, человечество в целом представляет собой социосистему. Понятно, что один человек не может эмулировать социосистему, по крайней мере стабильную. В этой связи возникает естественный вопрос о минимальной социосистеме, способной устойчиво воспроизводить себя. Таких «первичных», «базисных», «фундаментальных» социосистем за всю историю оказалось всего две: город и национальное государство¹²⁹, причем только город представлен во всех фазах развития. Не зря Библия приписывает создание города уже второму поколению людей.

Итак, город является фундаментом любой социальности, поскольку представляет собой минимальную систему, поддерживающую и воспроизводящую все четыре базовые деятельности или, что то же — связывающую три «человеческих» пространства. При этом город, в отличие хотя бы от национального государства, ограничен территориально, фиксирован, конкретен. Другими словами, он не только связывает пространства между собой, но и структурирует каждое из них.

Эта пространствосвязующая функция является важнейшим проявлением города.

Толкование города как социальной ячейки, поддерживающей четыре социосистемных процесса, приводит к неожиданным выводам относительно деревни. Именно универсальность города делает его плохим конвертором информации в иные формы ресурсов. В этой логике деревня должна рассматриваться как выдающееся социальное изобретение, неолитический хайтек: высокоэффективный и высокопроизводительный преобразователь уже накопленной социосистемой информации в пищу. Деревня не занимается познанием. Деревня не требует управления (администрирование возникает в ней только вследствие необходимости отдавать излишки продуктов в город — на стадии перераспределения, а не стадии производства). Воспроизводство информации происходит в деревне внутри отдельного хозяйства — как конверсия от основной деятельности. Деревня, однако, полностью зависит от города в отношении орудий труда. Являясь чрезвычайно стабильной в стационарной среде, деревня практически лишена способности к выживанию в быстропеременных средах, поскольку модуль, отвечающий за познание, то есть — расширение контроля над информационным пространством, в деревне отсутствует.

Советская власть быстро выяснила, что деревня практически не управляема (ведь контур управления в ней редуцирован). В целях «включить деревню в коммунистическое строительство» в ней были инсталлированы базовые социосистемные функции в форме триады «сельсовет—школа—клуб», что, наряду с формальной коллективизацией, превратило деревни в «плохие города», сразу же начавшие терять население. В перспективе это привело к острому продовольственному кризису. Заметим также, что советская власть преуспела в строительстве «индустриальных деревень» — «городов», выстроенных вокруг структурообразующего предприятия и культивирующего единственный вид деятельности. Опыт показал, что индустриальная деревня неустойчива: ввиду сложности индустриальных форм деятельности они не могут воспроизводиться в изолированном хозяйстве и требуют

¹²⁹К фундаментальным Представлениям социосистемы относится также род в значении «большая, многопоколенческая семья». Однако чисто родовые социосистемы представляют собой «экзотику вроде семьи Лыковых и некоторых других староверских общин, в клановых же структурах мы в обязательном порядке сталкиваемся с проявлениями города (полиса) или National State.

развитого «контура обеспечения». Как следствие, такие квазигорода либо проявляли тенденцию к деградации, либо стремились развиваться в «нормальный город» — даже там, где для этого полностью отсутствовали условия (Норильск).

Город создал деревню как механизм своего продовольственного обеспечения. По мере роста производительности труда ценность деревни непрерывно падала, и в какой-то момент «содержание» деревни городом становилось нерентабельным. Начинался массивированный процесс социокультурной переработки: города разрушали деревню, сгоняли ее жителей с земли (обычно, грубым физическим давлением, реже — экономическими методами воздействия) и адсорбировали «ионизированное» деревенское население, за несколько лет превращая его в городское. В каких-то случаях этот процесс мог идти в два этапа: сначала создавались рабочие предместья, своего рода «индустриальные деревни», затем, в следующем поколении, они объединялись с городом в единую неутилитарную структуру.

В настоящее время можно говорить о продолжении процесса социокультурной переработки городом деревенского населения, но в ином масштабе и в иной логике — Мировой Город поглощает Мировую Деревню.

Способность «уплотнять» и структурировать информационное пространство, «привязывая» информацию к земле, но не к отдельным людям-носителям, привела к быстрой анимализации древних городов. Города начинали «вести себя»: у них возникал характер, появлялись особые предпочтения, желания, или, напротив, отвращение к чему-то или кому-то, вокруг этих личностных проявлений, усиливая их, создавалась специфическая городская мифология — города рождали Богов и сами становились Богами... пары Вавилон—Мардук, Афины—Афина, Дельфы—Аполлон, Иерусалим—Яхве — лишь наиболее известные. Повидимому, информационные оболочки города были первыми информационными объектами, с которыми столкнулось человечество, и, во всяком случае, первыми информационными объектами, обладающими душой (эгрегорами). Римляне не случайно ввели понятие «гения города». Впрочем, уже древние шумеры знали о существовании невидимой, но действенной субстанции, связанной с городом, защищающей его, но переходящей при падении города к победителю. Формула: «Город N был побежден силой оружия, и его государственность (сущность, душа) перешла к городу M». В «Илиаде» ахейцы не могут взять Трои, пока Одиссею и Диомеду не удастся выкрасть «палладий», в котором была заключена душа города.

Одушевленность города может рассматриваться как одна из его наиболее существенных характеристик. Можно с полным основанием заключить, что «смерть» информационного объекта, отождествляемого с городом (или его отсутствие *ab initio*, с самого начала, *ab urbe condita*), низводит город до статуса индустриальной застройки.

Города не вечны, но живут, как правило, достаточно долго, и с этим связана еще одна их важная функция — **времясвязующая**. Иногда приходится слышать, что города — источники инноваций, в то время как село сохраняет традиции. В действительности село не может сохранять ничего из сферы культуры — это противоречит его базовой функции информационного конвертора. Город же действительно сохраняет прошлое, запечатлевая его в своей структуре, архитектурных сооружениях, архивах. В городах с особенно древней историей, таких как Дамаск (наверное, древнейший живой город Ойкумены) или Рим, пересечение времен ощущается чисто физически. Городской ландшафт «схватывает» настоящее и сохраняет его для будущего.

4

С национальным государством город находится в сложных и, как правило, враждебных отношениях. Генезис National State ознаменован «наказанием» городов вплоть до их физического разрушения. Великий Новгород не столько «последняя республика, сожранная подрастающей монархией», сколько последний полис, низведенный создающимся единым государством до статуса индустриальной застройки. Иван IV убил Новгород,

подобно тому как Филипп II убил старую столицу Фландрии, а Людовик XIV вынул душу из древней Тулузы. Очень немногие города, как правило выполняющие геополитически важные функции, сохранили и приумножили свое значение. Единицы возвысились, получив статус национальных символов. Есть некоторая ирония в том, что именно эти центры — Париж, Вена, Санкт-Петербург, Москва, Нью-Йорк — первыми «оторвались» от структуры National State, образовав еще до Первой Мировой войны совершенно особое «комьюнити» — Мировой Город, источник когнитивной фазы развития, инструмент глобализации и ее орудие в борьбе против национального государства.

5

Современная городская среда обладает тремя важнейшими качествами:

- **Комфортностью**, определяемой согласно **социомеханике**¹³⁰ уровнем развития ускоряющих (физических) технологий и обеспечивающей комфортное существование жителей города, согласование их материальных потребностей с природными условиями

- **Трансцендентностью**, связанной со степенью неутилитарности среды. Трансцендентность определяется уровнем развития управляющих (гуманитарных) технологий и обеспечивает духовные/экзистенциальные потребности жителей города

- **Системностью**, которая понимается в нескольких смыслах:

- как представленность в городе всех четырех базовых социосистемных процессов

- как связность материального, информационного и социального Представлений города

- как связность между комфортностью и трансцендентностью, то есть между пространствами гуманитарных и физических технологий (социомеханический баланс)

- как связность между различными видами деятельности, представленных в городе

- как наличие информационного объекта (гения, голема, эгрегора или динамического сюжета), ассоциированного с городом

Городская среда включает в себя научную, образовательную, административную, производственную среды. Линейные комбинации этих «первичных сред» образуют «вторичные городские среды»: хозяйственную, культурную, социальную, политическую.

Пространствосвязывающую функцию несет на себе «базовое» городское здание: дворец, ратуша, мэрия, храм, собор, университет, фабрика...

Одушевленность города представлена, во-первых, в самой структуре улиц и площадей и, во-вторых, в том особенном здании или сооружении, которое является символом, знаком этого города: для Москвы — Кремль, для Санкт-Петербурга — Медный Всадник, для Лондона — Тауэр, для Парижа — Эйфелева башня и т.д.

Времясвязывающая функция может быть задана историческим центром города, его архивами и библиотеками.

В этой логике можно продолжить разговор о количественных критериях, при которых происходит переход от поселка городского типа к настоящему городу, и рассмотреть «минимальные города».

Своеобразный рекорд принадлежит герою Д. Дефо Робинзону Крузо из Йорка. Этот «малообразованный английский моряк» создал на необитаемом острове город, состоящий (первоначально) из одного-единственного гражданина. Однако все городские структуры были построены и функционировали.

Прежде всего отметим, что Робинзон поочередно занимался всеми четырьмя базовыми социосистемными деятельностями. У него было налаженное производство. Была четкая система управления, скопированная с его Родины: недаром Робинзон почти без

130См.: *Переслегин С., Столяров А., Ютанов Н. О механике цивилизаций/ /Наука и технология в России. 2001. №7 (51). 2002. № 1 (52).*

проблем осуществляет «социокультурную переработку» Пятницы, а в заключительных главах романа побеждает пиратов и судит их как генерал-губернатор острова, представляющий священную особу короля Великобритании. Робинзон с помощью Библии постоянно воспроизводит свои знания языка и культуры (обучение). Наконец, Робинзон исследует остров, решает проблему урожайности, строит лодки, переходя от неудачных моделей к удачным. Если его и нельзя назвать исследователем, то, по крайней мере, можно утверждать, что он тратил часть своих сил на познание, причем не всегда его цели были утилитарны.

Для каждого вида деятельности у Робинзона было отдельное «помещение». Календарь исполнял обязанности Ратуши и осуществлял времясвязывающую функцию. Библию Робинзон читал в Храме. Что же касается «души острова», то она была неразрывно связана с личностью самого моряка из Йорка, подобно тому как Санкт-Петербург обрел душу государя-реформатора.

Современные Помпеи можно рассматривать как город с нулевым постоянным населением. Этот мертвый город широко представлен в культурном, информационном, знаковом пространствах, у него есть своя система символов (порожденная Везувием), его имя брендировано и ребрендировано.

Виртуальным (мнимым) населением обладают знаменитые литературные города, отражающие Реальность: Петербург Достоевского, Москва Булгакова, Дублин Джойса, Троя Гомера, и вымышленные: Янтарь, Зурбаган, город Солнца, Камелот. Особняком в этом списке стоят имеющие отрицательное население адский город Дит и город-символ Осгилиат, «в развалинах которого поселились тени — призрачные ночью и прозрачные днем».

Все перечисленные города подлинны (Петербург Достоевского кому-то до сих пор представляется даже реальнее самой жизни), они оказывают воздействие на обыденный мир и, между прочим, брендированы лучше многих «настоящих» городов. Все они поддерживают социосистемные процессы, хотя и бессознательные, являясь частью огромной, создающейся на наших глазах социальной машины — Мирового Города.

6

Вышесказанного вполне достаточно, чтобы ответить на вопрос о городских брендах. Собственно, **бренд** — это не более чем **количественная оценка стоимости информационного объекта**, обычно взятая «с потолка». Любой город может быть брендирован, поскольку представляет собой информационный конструкт, причем древнейший и «сильнодействующий»¹³¹. И конечно, реальная цена брендов Санкт-Петербурга, Парижа или Нью-Йорка оставляет далеко позади пресловутую троицу: Coca-Cola, Audi, Apple.

В сущности, стоимость национальных брендов, о которой некоторое время назад написали едва ли не все новостные ленты Интернета («Путин в четырнадцать раз беднее Буша» и т.д.) складывается именно из стоимости брендов национальных городов. И в этой логике естественно возникает вопрос: сколько же все-таки стоит бренд Мирового Когнитивного Города?

ГОРОД В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН

Ветер поднимается, звезда меркнет,
Цезарь спит и стонет во сне,—
Скоро станет ясно, кто кого свергнет,
И кого убьют на войне.

¹³¹О том, насколько сильнодействующим объектом является Город, многое могли бы рассказать солдаты вермахта, похороненные под Ленинградом.

Еще только полгода назад катастрофические прогнозы будущности мировой экономики популярностью не пользовались. Считалось, что проблема терроризма взята под контроль, а *перспективы* развития технологического мейнстрима (нано-, био-, инфотехнологии, технологии природопользования), кстати, действительно впечатляющие, сами по себе, одним только фактом существования соответствующих экспертных оценок, способны обеспечить ликвидность переоцененных выше всякой разумной нормы деривативов. Примерно в такой же логике можно накормить страну хлебом следующего урожая, призвать под ружье еще не родившееся поколение или запитать сегодняшние энергостанции от той Новой, которой Солнце станет в очень отдаленном будущем¹³².

А потом в нескольких средней значимости банках США начались вполне предсказуемые проблемы с ипотечным кредитом, и правительство Буша-младшего не преминуло воспользоваться давно обкатанной схемой экспорта финансового кризиса в Европу и Россию. В результате мировые рынки трясет и лихорадит полтора месяца подряд, аналитики вспоминают Великую депрессию, а население ждет, когда все наконец утрясется.

Что ж, в этот раз, скорее всего, действительно утрясется, хотя я не стал бы биться об заклад на благополучный исход. Но кризисы, если только их внутренние причины не ликвидированы, имеют тенденцию повторяться, нарастая. Рано или поздно предел прочности финансовой системы будет превзойден.

Ипотечный кризис 2008 года вызван, несомненно, полным отрывом экономики производных ценных бумаг (фьючерсов, опционов, опционов на фьючерсы и т.д.) от какого-либо реального производства. Это — правда, но, к сожалению, не вся. Потому что колебания курсов вполне обеспеченных товарами (даже не услугами) ценных бумаг, типа акций российского Газпрома или американского GE, свидетельствуют, что кризис испытывает не только деривативный, но и фондовый рынок, а его индикаторы перестали иметь отношение к развитию экономических процессов. Иными словами, стоимость акции на бирже перестала отражать нужность бизнеса, его успешность, его конкурентоспособность, его перспективы... эта стоимость — просто цифра, которая вообще ничего не означает. «Шестьдесят шесть! А что шестьдесят шесть? А что приборы?».

Но и это еще не вся правда. Западная экономика построена на экономическом механизме, который не может работать без развитой системы кредитования. А кредиты подразумевают необходимость неуклонного экономического роста. А неуклонный экономический рост в конце концов сводится к неограниченной экспансии: должны расти рынки, население, его покупательная способность. В конечном счете — территория, контролируемая кредитной экономикой.

Так и продолжалось более двухсот лет, а возникающие при смене масштабных факторов проблемы разрешались через такты высокотехнологической деструкции — мировые войны. Однако земной шар неожиданно оказался конечен, и глобализация исчерпала его. Что же касается новой мировой войны, то — да, такая возможность существует, но пока еще мировые элиты не решили, не окажется ли лекарство страшнее самой болезни. Я, надо заметить, полагаю, что все дороги ведут в один и тот же Рим.

Итак, мыслимы следующие пути разрешения — пусть не данного конкретного американско-ипотечного кризиса, но прогнозируемого сверхкризиса:

- Мировая война с ограниченным, но значимым использованием ядерного оружия
- Тотальное экономическое упрощение, отказ от деривативов, жесткий государственный контроль над ценными бумагами, в конечном итоге — уход бизнеса сначала в какой-то аналог «золотого стандарта», потом в кэш, наконец, в бартер¹³³

¹³²Азимов А. Конец вечности. М.: ЭКСМО, 2008.

¹³³Для Запада такой прогноз звучит более чем абстрактно. Мы, однако, имели

- Перестройка экономики с отказом от кредитного механизма или его серьезным ограничением

На практике во всех случаях речь идет о тотальном упрощении экономики и ее откате назад — к конструкциям 1950-х годов, если не ранее. Однако сейчас на земном шаре живет намного больше людей и эти люди привыкли к совершенно другому уровню потребления. Следовательно, простой откат назад — как в Windows: «Загрузить последнюю удачную конфигурацию? Да/Нет» — невозможен. Приходится предсказывать, что современные жизненные форматы кардинально изменятся и далеко не все нации и государства переживут эти изменения безболезненно.

Теоретически мыслим и альтернативный вариант: резкое усложнение экономики, быстрое увеличение характерных частот ее процессов, повышение замкнутости по веществу и энергии, переход к соконкурентным механизмам. Такой прогресс возможен, но он будет сопровождаться коренной перестройкой привычных хозяйственных механизмов, даже более радикальной, чем в псевдокатастрофических сценариях.

Неизменно город концентрировал в себе производство и управление, образование и познание, вызовы и ответы, противоречия и вызванное ими развитие. Город, как человек и корабль, всегда имеет собственное имя и почти всегда — судьбу или участь.

История Человечества — история его городов.

Кризисы этой истории — катастрофы городов и городских цивилизаций.

2

Мы можем поэтапно проследить некоторые такие кризисы.

Римская империя отличалась от греческой цивилизации не только сетью дорог, но и отлаженным городским хозяйством, важнейшую часть которого составляли акведуки, подающие в город чистую воду. Своеобразный «хайтек» античности: в наши дни было бы непросто, пользуясь только римскими технологиями, рассчитать акведуки, построить их и заставить бесперебойно работать.

Эта система обеспечивала не только удобную и комфортную жизнь, но и само существование крупного античного города в эпоху, не знающую ни антибиотиков, ни асептики.

Крупный античный город, разумеется, не обеспечивал себя продуктами питания, даже с учетом окрестных сел. Он существовал только благодаря отлаженному и охраняемому Империей механизму доставки хлеба из Африки и с Сицилии.

Охрана со стороны Империи — здесь ключевое понятие. Маленькие города могли существовать как крепости. Большие также обносились стеной, но особого смысла в этом не было: город не мог ни запасти достаточно хлеба для длительной осады, ни обеспечить свою противоэпидемическую защиту без акведуков.

Нужно отметить, что в известной мере в кризисе V- IX веков оказалось действенным известное правило ТРИЗа: Империи уже не было, а функции ее выполнялись. Варвары, захватившие Галлию, Италию, Испанию, Африку¹³⁴, были своими, домашними, латинизированными варварами, и они прекрасно понимали, какую ценность представляют города и городская система жизнеобеспечения, восстановить которую в случае серьезной поломки было уже невозможно. Как могли, варвары, сменившие римлян, поддерживали существование городов, тем более что городское население начало сокращаться уже в последние века Империи и нагрузка на дороги и акведуки была относительно умеренной. Но по мере того как усугублялся кризис античности, возможности городских властей становились все более ограниченными.

возможность наблюдать все эти стадии при коллапсе советской экономики в 1990-е годы. Следует учесть, что на сей раз крах будет всеобщим и никаких продовольственных посылок из Соединенных Штатов не пришлют.

134Римская провинция со столицей в Карфагене.

Мы называем период, наступивший вслед за разрушением акведуков и гибелью античного города как структуры, поддерживающей равновесие между физическим, социальным и информационным (тонким) миром и организующей систему человеческих деятельностей, Темными веками.

У нас в России, в период распада СССР и кризиса 1990-х годов, мы могли наблюдать слабые отголоски подобного кризиса городской жизни — кратковременное сокращение населения мегаполисов, расцвет натурального хозяйства под стенами столицы, блошинные рынки. В самой России кризис продолжался десять лет, был институционализирован, но остался под определенным контролем. Но Ереван, на гребне волны борьбы за экологию отказавшийся от атомной энергии, воочию изобразил, что такое остаться без электроэнергии в условиях современного индустриального хозяйствования. А город Шевченко на побережье Каспия был покинут людьми и остался жутковатым символом отступления цивилизации и образования антропустынь.

Для того чтобы погубить город, не всегда нужна глобальная страновая катастрофа. Например, Детройт фактически стал антропустыней, когда из него ушла деятельность: в связи с энергетическим кризисом дорогие мощные автомобили утратили конкурентоспособность и автомобильная столица мира превратилась в город с маргинальным населением, преимущественно черным. Фотографии развалин Детройта есть в Интернете, они производят впечатление.

3

В период любых катастроф город должен сохранить население, систему деятельностей и свою информационную оболочку — душу. На практике это означает, что должно сохраниться городское коммунальное хозяйство, а также снабжение города энергией и продовольствием. То есть нужно любой ценой обеспечить функционирование коммуникаций и наличие жизненно необходимых ресурсов. Кроме того, город должен остаться городом, то есть неутилитарной системой, пространством возможностей, полем выбора жизненных траекторий.

Чем крупнее город, тем проще выполнение информационных и социальных требований, которые принято считать постиндустриальными, хотя они были характерны и для первых городов Двуречья, и тем сложнее выполнение требований материальных. Москва, например, потребляет 16 ГВт электроэнергии (примерно шестую часть всей электроэнергии, производимой в России). В конечном счете для каждой фазы развития человечества существует два предела города: снизу и сверху. Если город становится слишком маленьким, он перестает выполнять городские функции и главную из них — служить проводником в «тонкий» информационный мир. Если город неограниченно растет, он сталкивается с проблемой коллапса коммуникаций. Москву уже сейчас невозможно насытить дорогами, развязками и парковками, сколько их ни строй и сколько специалистов с Запада ни приглашай. В сущности, минимальные, оптимальные и допустимые размеры города определяются балансом между физическими и гуманитарными технологиями, и сам город как ведущая форма человеческого существования выстраивает этот баланс за счет неэквивалентного обмена товарами, услугами и энергией с окружающим пространством. Город тем эффективнее, чем более замкнутой системой он является.

Здесь необходимо учитывать, что чем крупнее город, тем, как правило, дороже стоит городская земля. В результате в мировых городах очень скоро оказывается нерентабельным любое производство, даже изготовление наркотиков. Такие города сохраняют только управляющие функции, все же остальные деятельности бегут с их сверхкапитализированной территории. Заметим, что управление остается в значительной степени либо формальное и фиктивное, либо оно идет через контроль над финансовыми потоками, то есть в конечном счете через биржу, ценные бумаги, деривативы... И в этом отношении современный кризис — это кризис мировых городов. Той единственной функции, которую они пытаются

выполнять.

Понятно, что в условиях кризиса, катастрофы, перестройки экономики эти города начинают играть чисто паразитную функцию. Они пытаются организовывать мировое производство, но без них оно работало бы лучше. При этом за свою деятельность, в сущности вредную, мировые города присваивают огромную геоэкономическую ренту.

В этой ситуации есть только одна развилка: умирание мировых городов с образованием огромных антропустынь или же обретение этими городами новой системы деятельностей, столь значимой, что ее выгоды перевешивают все затраты на содержание крайне дорогого, «предельного» и, в общем случае, весьма неэффективного монстромногомиллионника. И очень существенно, что эта деятельность не может быть осуществлена в городах умеренных размеров.

Речь может идти только о принципиально новых, прорывных технологиях, технологиях постиндустриального перехода. Их довольно много, но акцептованы мировыми элитами и, предположительно, оплачены только технологии мейнстрима, перечисленные выше. Нано-, био-, IT-, природопользование.

4

Вокруг города как сложной системы ходят-бродят эксперты аналитики и вечно придумывают различные способы описания и переописания, чтобы, вестимо, получить какие-то инвестиции для городского развития или, если это эксперты внешние, — оплатить свой труд создателя модели. Такова природа всех программных, проектных, стратегических, сценарных разработок. Архитекторы, равно как поэты и психологи, видят город как целое, могут присвоить ему статус живой системы и даже говорить о возможностях самоосуществления города, субъективного произрастания, расцвета, умирания и развития.

Сегодняшний город — это прежде всего город индустриальной фазы цивилизации. Даже если базовым процессом его является единственно туризм, этот город отягощен индустриальной инфраструктурой и ее дефициентностью.

Никого не пугает присвоение Норильску, например, статуса «город-комбинат», а городу Балей Читинской области — «парк советского периода». Так или иначе, мы связываем развитие городов с упакованными в пакет или разрозненными технологиями, которые освоены на данной территории и являются ее индустриальной архитектурой. Причем города, по нашему мнению, будут различаться на города-пакеты, города — отдельные технологии, то есть инфраструктурные приатки пакетов, и города прочие.

В современном мире, где глобализация отстывает медленно, а развитие регионов изнутри тормозится нормативной и административной политикой государства, заметными останутся только те города, которые сохранили в своем ресурсном теле технологии мейнстрима: инфо-, био-, нано-. Почему? Потому что сначала на этих технологиях строится сегодня обороноспособность государств Европы и Америки, а в конце — потому что мировой форсайт (прогноз, основанный на договоренности мировых элит) выделил именно эти направления для перехода в постиндустриальный мир. И тогда, в рамках финансирования, остальные, не охваченные пакетами мейнстрима города будут либо аккреционным ресурсом, либо обеспечивающими площадками, либо тем и другим сразу.

Наиболее перспективны те города и регионы, которые соберут вокруг себя либо целый мейнстрим-пакет, либо базовую технологию. Тогда город символически вступает в технологические сценарии. Например, в сценарий «Квантовый мир», и в информационно-культурном поле города формируется онтологема будущего. Такому городу есть куда идти. Туда приезжает молодежь, специалисты, креативный слой, приходит бизнес.

Но развитие мейнстрим-пакета вряд ли сможет обеспечить обычный город среднего размера и среднего класса. Лишь предельная концентрация индустриальных и постиндустриальных возможностей, характерная для Мирового Города, предоставляет шанс в разумные сроки пройти всю лестницу концептуальных исследований, НИРов, НИОКРов,

ОКРов, технологической «упаковки», внедрения, коммерциализации и продажи. Лишь в этих городах наблюдается одновременный избыток образованных специалистов, креативной молодежи, опытно-производственной базы и, наконец, финансов. Мировые города способны обеспечить технологический прорыв. Технологический прорыв способен оправдать их существование.

В сущности, вариантов не очень много.

Во-первых, перерастание современного частного кризиса во всеобщий кризис индустриальной фазы развития. Этим кризисом будет затронуто все, но особенно ярко и рельефно он проявится там, где индустриальная фаза наиболее развита и уже начала переходить в следующую — когнитивную. То есть в мировых городах — центрах глобализированного управления, просто столицах, обычных миллионниках, специализированных индустриальных городах. Затем, на следующей стадии, кризис коснется городов умеренного размера, специализирующихся на деятельности, без которых в кризисное время можно обойтись, — города-музеи, города-выставочные центры, города-танцевальные залы. Одновременно, другая волна кризиса — демографическая — ударит по малым городам, которые и так непрерывно теряют население. Кто выживет? Города умеренного размера с четко прописанной системой деятельности, сбалансированной между индустриальной и когнитивной фазами. И малые города, сумевшие создать в себе ту или иную уникальность, «прописаться» в информационном пространстве и получить мандат на существование от самого неба.

Во-вторых, кризис может быть купирован и отложен на несколько лет или даже одно-два десятилетия. В этом случае какое-то время можно будет жить как жили, а затем — смотри пункт первый. Но, пусть чисто теоретически, выигранное время может быть использовано для технологического прорыва и создания новых систем деятельности, прописанных на крупных городах.

Не нужно обманывать себя: энергетический и транспортный кризис в той же Москве произойдет и в этом благоприятном сценарии. Но вместо общего кризиса мы столкнемся с частными трудностями, очень серьезными, но все-таки разрешимыми. Разница в том, что в данной версии в Москве будут деятельности, во имя сохранения и развития которых проблемы придется решать.

Сценарии технологического развития бьются на условные три группы в зависимости от ведущего мейнстримного технологического пакета. При этом «ИТ» как самый развитый пакет претендует на управляющую функцию во всех сценариях, а самый слабый — нанопакет пытается проектно усилиться хотя бы до стадии «слабого управляющего звена» в единственном экзотическом сценарии.

Биотехнологии стали уже системой, которая обрела структуру и функцию, то есть противоречия в ней — заданы, а значит, развитие определено и альтернативные направления этого развития известны. Вся разница с пакетом «ИТ» в наличии или отсутствии у ТП «Биотехнологии» внятной онтологической или мифологической рамки, а также — в интенсивности движения, то есть в скорости преобразования внутренних противоречий технологического пакета. Раз «ИТ» исторически более развит, то есть имеет уже свой конечный продукт, понятный обывателю, то ТП «Биотехнологии» в наиболее вероятном сценарии будет ему подчинен и из него возьмет управленческие технологии и онтологические основы для деятельности. Но в альтернативном сценарии ТП «Биотехнологии» обретает самостоятельный статус, и в споре онтологических представлений возникнет множество новых продуктов, в том числе этических и правовых. Это может стать настоящим конкурентным развитием двух парадигм: от инфо- — все управляется через макрообъекты и сети и от био- — все управляется через подобие и мутации, то есть через микрообъекты или дублирование природоподобных механизмов.

Возникнет противоречие между искусственным от инфо- и естественным от био-, при этом все био, как парадокс, будет уже искусственным, а все инфо решит проблему информационного мусора и обретет черты живого (по крайней мере, в азимовском и

смешанном сценариях). Нанотехнологии будут играть значительную роль как последний ценный ресурс, пригодный для применения в конкурентной борьбе между технологическими пакетами-носителями онтологии.

Государства могут даже заявлять свои парадигмы развития в связи с этими сценариями и своими созданными разнообразиями спорить — у кого лучше. Слив же примитивного биотеха пойдет, как всегда, в развивающиеся страны, которые пока никакого разнообразия заявить не могут и будут довольствоваться глобализацией, имея при этом, кстати, приличные лекарства, фастфуды, синтетические материалы и Интернет. Государства разделятся на две категории: выбравшие себе сценарий и вложившие государственные средства в мейнстрим, и колонии, которым их деятельности будут задаваться другими странами. Развитые страны возьмут на себя заботу и ответственность за будущее, а страны, отстающие в развитии, будут довольствоваться ролью пользователей устаревшего продукта и будут опутаны социальными сетями. То же касается и распределения регионов одной страны и отдельных городов — среди них выделятся те, которые вложатся в НТ сценарии и выберут свою парадигму развития. Остальные превратятся в пустоши, которые повиснут на балансе у государства, если их не приватизируют возникшие на базе НТ эконодомены, создающие свои разнообразия.

В инерционном ИТ-сценарии города существенно не изменятся и кризис индустриального города будет преодолен лишь на первом этапе сценария и лишь частично.

В биосценарии наиболее интересен с точки зрения эволюции города тот момент, что возникнут специфические экосистемы, искусственные, сверхэффективные, специально сконструированные «под город», причем под данный конкретный город — экосистема Москвы, экосистема Красноярска, экосистема Норильска...

Сценарий ускоренного развития нанотехнологий — это прорывной революционный сценарий, требующий открытия уровня полупроводников или антибиотиков, причем в области влияния микроизменений на макросети. Из всех сценариев это единственный, претендующий на решение проблем глобальной нехватки энергии и транспортного коллапса крупных городов. Наносценарий — это бездорожная экономика, для которой функционирование коммуникационной сети не облигатно, а факультативно (то есть удобно, приятно, эффективно, но не обязательно), и распределенные, носимые или ввозимые источники тепла и энергии. Наносценарий — это еще и управление природными катастрофами, управление климатом, управление энергетическими потоками в масштабах, способных обеспечить существование сверхгородов... равно как и отказ от них в пользу сравнительно небольших поселений, поддерживающих произвольные системы деятельности, на следующем шаге развития.

«2020 год.

В мире начинается новое освоение ранее необитаемых территорий. Это касается как участков дикой природы, так и заброшенных промышленных земель. Распространяется технология безлюдного производства: максимально автоматизированное, энергонезависимое, экологически безвредное. Ключевым фактором для промышленности стала разработка промышленного нанореактора.

Проблема кризисных городов получает новый виток обсуждения. Основной залог дискуссии: является ли город предельной ценностью? Вероятно, его легче построить заново, на новом месте, под новую задачу, чем сохранять любыми силами. Пока проблема обсуждается политиками и учеными, корпорации и консалтинговые компании технологизируют процесс.

Разрабатывается и реализуется ряд проектов поселений, где сама среда является средством производства. Попав в нужную среду и включившись в определенные процессы деятельности, развернутые в таком поселении, у человека существенно вырастает креативность и интеллектуальные способности. Ранее подобный феномен наблюдался только

в сверхкрупных городах»¹³⁵.

ЧАСТЬ IV

«СТРАННЫЕ ВЗРОСЛЫЕ»

СТРАННЫЕ ВЗРОСЛЫЕ

(ОПЫТ СОЦИОМЕХАНИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ФАНТАСТИЧЕСКИХ РОМАНОВ И. ЕФРЕМОВА)

Малым вперед, как вел их лот, солнце в тумане все дни,—
Из мрака в мрак, на риск каждый шаг, шли, как Беринг, они.
И вел их свет ночных планет, карта северных звезд,
На норд-норд-вест, Западный Крест, за ним Близнецов мост.

Р. Киплинг

«В основе личиночных цивилизаций лежит рассчитанное невежество в отношении будущего. Четырехконтурная личность не желает ничего знать о будущем, так как это угрожает устойчивости импринта реальности. Четырехконтурные общества не желают ничего знать о настоящем, так как это знание ослабило бы слепое стремление к организованной неопределенности.

На предсказания будущего наложено табу. Книга “Шок будущего” больше говорит о шоке настоящего, описывая ужас и смятение в мире, который отличается от прошлого, то есть от импринтных реальностей детства».

Эта цитата из книги, написанной замечательным американским психофизиологом Тимоти Лири¹³⁶, станет отправной точкой нашего исследования «Истории будущего».

Чтобы познать законы общества, надо сначала понять, что у общества есть объективные законы. И здесь не оценим вклад по-немецки педантичного, точного и обстоятельного экономиста К. Маркса и блестящего историка Ф. Энгельса, предвосхитивших многие мотивы позднейшей теории систем и построивших динамическую модель общества. Их тексты, впрочем, содержали множество ошибок, что вообще характерно для научных трудов.

Катастрофическое разрешение «кризиса Европы» в ходе Первой Мировой войны породило на земле веру, что «политические программы, будучи применены в экономике тоталитарной властью, могут изменить ход истории без предварительной подготовки психологии людей». В оправдание конструкторам первых тоталитарных режимов необходимо сказать, что в их эпоху уровень развития психологической науки не позволял решать сколько-нибудь существенных прикладных задач: появившееся в 1916 году «Введение в психоанализ» З. Фрейда наметило лишь внешние контуры первой структурной модели психики, а от такой модели до значимых практических рекомендаций — десятилетия Пути. Теории информационного пространства не существовало даже в эскизных разработках, и никто не мог предсказать, что в условиях всеобщей радиофикации средний авторитаризм оборачивается диктатурой.

Незнание обернулось трагедией, но безжалостные социальные эксперименты, поставленные в России и в Германии, ответили на очень многие вопросы и оформили проблемное поле «социологии будущего».

Прежде всего выяснилось, что жизнь не в полной мере определяется экономикой.

¹³⁵Результаты технологического сценария, выполненного по заказу Министерства образования (и науки) в 2007-2008 гг.

¹³⁶Лири Т. История будущего. СПб.: Янус, 2000.

Само по себе это означало, что марксисты катастрофически недооценили сложность задачи. Смысл понятия «системный подход» был распакован только в шестидесятые годы XX столетия, тогда же появились первые якобы работающие технологии возбуждения высших контуров сознания человека — способностей Прямого Луча: «технология» контролируемого коллективного приема психоделических средств, таких как ЛСД, псилоцибин, мескалин, «технология» утомительных дыхательных упражнений, «технология» многочасовой медитации — чтобы раскрыть навстречу Вселенной свой тоннель Реальности следовало сбивать тонкую настройку химических и психофизиологических фильтров организма. «Каждый полет в неведомую область мира таит в себе гибельный риск...» Чайка в ночном урагане — не поэтическое сравнение, а точный образ ЗПЛ... а до первой «революции сознания» оставалось почти десять лет.

Спираль познания разворачивается очень медленно: даже сейчас не удастся перебросить семантический мост через пропасть, разделяющую индивидуальную и коллективную психику. Тем самым социология и теоретическая история остаются науками будущего. Которого может и не случиться.

Шестидесятые годы — существование на грани термоядерной войны, время государственных систем — големов.

Нулевые годы — существование на грани «остановки истории»: замыкания всех значимых информационных потоков в ноосфере на идею безопасного потребления, господство процессов глобализации, эпоха внегосударственного Левиафана — бизнеса.

«— Сообщите нашим врачам меры для продления жизни. Как вы достигаете своей силы и красоты и живете вдвое дольше вашего.

— Зачем вам знать?

— Как зачем? — вскричал сановник.

— Все должно иметь цель и смысл. Долгая жизнь нужна тем, кто духовно богаче, кто может много дать людям, а если этого нет, тогда зачем?»

Но Будущее, которого нет, оставило-таки свои Знаки в прошлом и рисует их в Настоящем. Мудрому бы эти Знаки прочесть...

Так возникла неклассическая футурология, представленная в США группой АУМ¹³⁷, а в Советском Союзе ученым-палеонтологом Иваном Ефремовым. Так возникли тексты, которые одновременно и больше, и меньше, нежели обычные книги, ибо представляют собой метафоры Пути.

Эти книги — их немного — мы называем книготренингами. Они не предназначены развлекать, они даже не учат чему-то в общепринятом смысле этого слова. Они всего лишь чертят на стенах наших индивидуальных тоннелей Реальности Знаки Будущего и объясняют доступные нам смыслы, заключенные в таких Знаках.

Будучи тренингами, эти книги провоцируют измененные состояния сознания, то есть — способности Прямого Луча и заключенный в их природе риск. Во всяком случае, проделав до конца весь «путь правой руки» с фантастическими романами Ефремова или «путь левой руки» с метанаучными книгами АУМовцев, невозможно вернуться к себе прежнему и «жить повседневной жизнью».

Следует, однако, учитывать, что книготренинг — в отличие от обычной книги — привязан к своей эпохе и ее реалиям. Десятилетия, прошедшие со времени создания «Туманности Андромеды» и «Часа Быка», воздвигли семантический барьер, препятствующий проникновению магии текстов в сознание современного читателя. К сожалению, в литературе не принято создавать ремейки.

Все же мы решились дополнить переиздание романов И. Ефремова развернутой статьей, содержащей современные представления о структуре исторического процесса и

137Американский университет мастеров (см., например, *Ютанов Н.* Цветы для планеты Земля/ /Сообщение. 2006. № 6).

путях выхода из инферно. В сущности, различие с авторской концепцией невелико, и вряд ли реалии миллениума отображают Знаки Дороги отчетливее, нежели знакоткани шестидесятых.

Нулевой цикл: проблемы классификации цивилизаций

«Туманность Андромеды» можно рассматривать как классическое «доказательство существования». В романе изображена цивилизация с отрицательным приростом социальной энтропии¹³⁸. Поскольку всякий придуманный мир «где-то» существует¹³⁹ (в одной из Реальностей, в пространстве возможностей, наконец, среди метафор коллективного бессознательного), тем самым доказано, что основная задача социологии — **построить модель позитивного неэнтропийного будущего** — имеет решение.

Вообще говоря, этого совершенно достаточно. Величайшим и единственным секретом атомной бомбы было само ее существование. Важнейшей проблемой теории низкоинфернального общества является возможность такого общества.

Другой вопрос, что предложенное И. Ефремовым доказательство неконструктивно, а рассмотренные им на страницах романов социотехнологии либо нам недостаточны, либо для нас невозможны. Можно сравнить тексты Ефремова с математическим расчетом, убедительно доказывающим, что крыло, обтекаемое потоком воздуха, действительно создает подъемную силу. Такой расчет, несомненно, обосновывает возможность создания летательного аппарата тяжелее воздуха, но — сам по себе — не объясняет, как сделать самолет.

Кроме того, доказательства, представленные «Туманностью Андромеды», справедливы лишь для одного типа цивилизации¹⁴⁰, притом, как мы скоро увидим, весьма

138 Мера затраченной, но не реализованной на достижение какой-либо конечной цели социальной работы. Возрастает:

- при попытке добиться принципиально невозможного результата («мир без наркотиков», «честная политика» и т.п. программы);
- при наличии «конфликта интересов», когда в рамках индивидуального или группового тоннеля Реальности не существует такого конечного состояния системы, при котором все конфликтующие стороны осуществили свои намерения (двое добиваются должности, которая может достаться только одному из них, — вся деятельность проигравшего пошла на увеличение социальной энтропии);
- при «ошибках перевода»;
- при трансляции окружающим негативных эмоций (гнев, раздражение, зависть, обида).

Анализ семантического спектра понятия «социальная энтропия» проделан также В. Рыбаковым. Смотри, в частности, роман «Очаг на башне» и критические материалы к нему.

139 Это общеизвестное утверждение представляет собой одну из теорем метаистории. «Существование» в данном случае подразумевает, что этот мир, во-первых, оказывает измеримое воздействие на Текущую Реальность, прорываясь в нее в зависимых текстах, снах, ролевых играх, и, во-вторых, что он стремится стать Текущей Реальностью и может действительно стать ею. О метаистории смотри: *Переслегин С.* История — метаязыковой и структурный подходы // *Макси К.* Вторжение, которого не было. М.: АСТ, 2001.

140 Как всегда, Цивилизация понимается как транслятор, связывающий информационное пространство с физическим. Иначе говоря, **Цивилизация — это образ жизни, заданный в виде совокупности технологий и наложенных на них рамочных ограничений.** В этом смысле современная «европейская, или западная, цивилизация» ориентирована на «время» и противостоит «восточной» цивилизации («дао») и «южной» цивилизации («power»). Неизвестно, почему из сорока возможных цивилизаций, которые могут быть выделены в рамках обычного морфологического анализа, на Земле были реализованы всего три.

экзотического.

Критика «Туманности Андромеды» (а в известной мере — и всего творчества И. Ефремова) справедливо указывает на «ходульность» персонажей и неестественность отношений между ними. «Можно придумать все, кроме психологии»¹⁴¹. Вопрос из зала: а вычислить психологию можно?

Вообще говоря, да, важно заметим мы, и это — одна из основных задач **сравнительной социомеханики цивилизаций**.

Многие литературные претензии к «Туманности...» снимаются, как только мы начинаем понимать, что на страницах романа изображены представители **вычисленной** автором цивилизации, социальная психология которых существенно, хотя и вполне предсказуемо, отличается от привычной нам.

Прежде всего, цивилизация «Туманности...» не является время-ориентированной. Чтобы понять это, достаточно вычислить ее индекс развития. Экспедиция «Тантры» продолжалась порядка 20 лет. Что изменилось за это время на Земле? Очевидно, ничего, поскольку экипажу звездолета не потребовалось никакого «культурного карантина» для того, чтобы уравновесить свое присоединенное семантическое пространство с земным. Строго говоря, даже люди не постарели — Веда Конг, возлюбленная Эрга Ноора, остается молодой женщиной, причем не только физически, что как раз вполне в русле традиционных идей футурологической фантастики, но и психологически. Низа Крит — и в начале, и в конце экспедиции «юный астронавигатор». Можно рассмотреть ситуации и на больших временных масштабах. «Тантру» и «Парус» отделяют 85 лет, между тем это звездолеты одного класса и одних возможностей. То есть, конечно, «Тантра» более совершенна: она относится к следующей серии и превосходит «Парус» настолько же, насколько «Индефатигибл», британский линейный крейсер образца 1911 года, превосходил «Инвинсибл», построенный на два года раньше: на 4% длиннее, на 10% шире, на 7% больше индикаторных сил на валах...

Темпы развития космических исследований в Реальности «Туманности...» можно прикинуть из следующих простых соображений.

Экспедиция «Тантры» — 37-я звездная. Как правило, Земля не посылает новых экспедиций до возвращения предыдущей или истечения контрольного срока ее запаздывания. При описанной в романе технике экспедиция ни при каких обстоятельствах не может продолжаться менее 10 лет. Тем самым космическая история человечества продолжается уже три с половиной столетия, а скорее — лет пятьсот. За эти века, эпохи и эры более или менее освоена первая ступень космической техники в терминологии С. Снегова. То есть «Гаризель» Л. Горбовского, конечно, десантный сигма-Д-звездолет и использован для сравнения быть не может, но и рядом с лемовским «Инвинсиблом» «Тантра», что называется, «не смотрится».

Обратим внимание в этой связи на чрезвычайно медленный ход космической экспансии — после четырех или пяти столетий звездных полетов не до конца исследована даже солнечная система; лишь обсуждается вопрос о космической экспансии человечества (экспедиция на Архенар)¹⁴².

Наконец, проанализируем с точки зрения цивилизационных парадигм Тибетский опыт, смысловой и сюжетный центр «Туманности...», технологический пролог к «Часу Быка».

С нашей, то есть европейской время-ориентированной, точки зрения, посылать после этого опыта «Лебедь» на Архенар — в экспедицию без возвращения — преступление,

141 Это не помешало роману пережить три исторические эпохи и до сих пользоваться потребительским спросом. Герои ходульны, отношения неестественны, психология выдумана... но при десятом прочтении слезы так же наворачиваются на глаза, как при первом. «Вы же не умеете фехтовать, Горн. Но почему ваше неумение так дорого стоит?»

142 Для сравнения: в Реальности «Полдня...» А. и Б. Стругацких население периферии уже в конце второго космического столетия сопоставимо с населением метрополии.

которому нет оправдания. Ведь теоретические выкладки Рен Боза неопровержимы, а эксперимент дал неоднозначный, но, скорее, положительный результат: даже если рассматривать видение Мвен Маса как галлюцинацию, приборы фиксировали наличие нуль-пространства. Что следует делать в рамках европейской парадигмы? Бросить на открывшееся направление, на поддавшийся, уже потерявший свою целостность «фронт», все наличные резервы, получить за два-три года точные доказательства справедливости теории, попутно восстановить спутник 57 и создать какую-никакую рабочую базу на Фобосе или в поясе астероидов — не столько потому, что она может понадобиться, а скорее с целью использовать благоприятную конъюнктуру и получить задел на будущее, ввести в образовавшийся «чистый прорыв» свежие научные и технические силы и создать полноценный ЗПЛ, экипаж которого не играл бы при каждом прыжке в орлянку с судьбой. Чтобы передать такой звездолет в серийное производство европейской цивилизации понадобилось бы лет пятнадцать, если работать в рамках обычной научно-технической логики, и лет пять, если использовать ТРИЗ и прочие практические метатехнологии. Ресурсное обеспечение операции, открывающей новую эру существования человечества, вряд ли превысило бы «цену» полета «Лебеда». В общем, пятнадцать лет труда, один золотой конь, один администратор с кругозором генерала Гровса, и человечество получает ключ к Вселенной.

Характерно, что идеи подобной направленности даже не озвучиваются в Совете Звездоплавания. В Реальности Ефремова господствуют совершенно другие сроки: лишь правнук Рен Боза увидел первые экспериментальные звездолеты Прямого Луча¹⁴³.

Получается, что в нулевом приближении индекс развития Реальности «Туманности...» примерно на порядок уступает современному земному, не слишком высокому. Кроме того, сам механизм принятия решения не соответствует европейским приоритетам: позиция Мвенна Маса, построенная на ощущении быстро убегающего времени, рассматривается окружающими как необычная. Дара Ветера вообще не интересует, будет ли опыт поставлен прямо сейчас или через сто лет. Он предлагает подождать, а за это время прикинуть все прямые и косвенные риски и вычислить распределение вероятностей отдаленных последствий.

Мы приходим к выводу, что мир Ефремова не ориентирован во времени в том смысле, что безудержное «развитие» не является структурообразующим принципом построенной советским палеонтологом низкоэнтропийной цивилизации. Конечно, эта цивилизация не статична. Однако ее преобразование происходит с характерными частотами природных явлений: ведь и в отсутствие разума меняется климат и рельеф, перемещаются материки, вырастают и разрушаются горы, возникают и исчезают биологические виды. Движение — в том числе его высшая форма — структурное развитие — есть атрибутивное свойство материи, эту истину не могут отменить никакие цивилизационные парадигмы. Но в отличие от современной нам «белой» евроцивилизации в «Туманности...» не стремятся искусственно ускорить это движение¹⁴⁴. Зато прилагаются значительные усилия к поддержанию соответствия, согласия, равновесия как внутри человеческого общества, так и между людьми и Геей/Землей. Критерием такого равновесия служит состояние ноосферы, трактуемой как макроскопический, планетарный фактор.

Итак, настолько, насколько принцип дополнительности применим к цивилизациям,

143Напомним, что продолжительность жизни в мире «Туманности...» составляет 130-140 лет. В тексте «Часа Быка» есть и прямые указания на то, что полет «Темного пламени» происходит через 200 лет после событий, описанных в «Туманности Андромеды». Действие закольцовывающих текст пролога и эпилога отнесено еще на сто лет вперед.

144Заметим здесь, что характерная скорость перемещения людей по поверхности планеты у Ефремова определяется поездами Спиральной дороги и составляет 200 километров в час. Для современной европейской страны эта скорость не менее 500 км/час (исходя из статистики пользования железнодорожным, автомобильным и авиационным транспортом).

мир Ефремова дао-ориентирован и потому принципиально отличен от нашего. Этот мир исследования естественных законов природы и общества и безукоризненного следования им имеет скорее «восточные», нежели «западные» корни.

Определим теперь «индекс риска» космических экспедиций в мире И. Ефремова. В «Туманности Андромеды» и в «Часе Быка» рассказывается о судьбе пяти космических кораблей. «Альграб» погиб со всем экипажем (7 человек). «Парус» погиб со всем экипажем (14 человек). «Гантра» — экипаж 14 человек, вернулись все. «Темное пламя» — экипаж 13 человек, вернулось 8 человек. «Нооген» погиб со всем экипажем (состав экипажа не приведен, но исходя из штатного расписания «Темного пламени» в него должно было входить 8 человек). Таким образом, средневзвешенный уровень риска превышает 60%¹⁴⁵. Эти потери считаются допустимыми, следовательно, речь идет отнюдь не о «цивилизации безопасности», описанной Ст. Лемом в «Возвращении со звезд»¹⁴⁶. Более того, согласие платить подобную цену за достаточно относительные знания (практические результаты, например, экспедиции «Паруса» могут быть изложены «весьма размашистым почерком на половине тетрадного листка в клетку») означает, что познание является не только структурообразующей ценностью данной цивилизации, но и ее трансцендентной сверхценностью.

Понятно, что дальние звездные экспедиции — и наиболее сложная, и наиболее рискованная область человеческой деятельности. Однако в дао-ориентированном мире должно наблюдаться определенное соответствие между уровнями риска в различных сферах, поэтому мы не погрешим против истины, определив средневзвешенный личный риск как лежащий между 0,5% и 5%. Даже минимальная из этих цифр очень велика.

Постараемся понять, зачем «им» все это нужно.

Непосредственно из текста следует, что цивилизация «Туманности...» рациональна. Она, очевидно, духовно, а не материально ориентирована: познание, преодоление энтропии является ее жизнеподдерживающей ценностью¹⁴⁷. Но всякая духовноориентированная цивилизация должна иметь имманентный ей механизм трансцендентного опыта. Риск, постоянное существование на предельном напряжении всех сил и страстей и одновременно — на грани смерти, небытия, абсолютного в атеистическом мире — одна из сильнейших форм трансценденции. В этом плане, прослеживая корни «Туманности...», мы должны иметь в виду, что перед нами нетрадиционная версия «восточного» общества: оно состоит из «западных», предельно индивидуализированных личностей, остро переживающих свою экзистенцию. Коллективизм мира Ефремова есть превращенная и структурированная дао-ценностями форма индивидуализма.

Тип общества с «трансценденцией риска», насколько мне известно, не имеет прямых аналогов в Текущей Реальности¹⁴⁸.

Если принять эти социомеханические построения (а И. Ефремов дал в «Туманности Андромеды» **прямое** указание на то, что время-ориентированная, материальная цивилизация «белого человека» осталась в глубоком прошлом¹⁴⁹), то чисто литературные претензии к

145И опять-таки для сравнения: индекс риска в советской авиации во время Отечественной войны достиг максимума в 1943 году и составил 39%, интегральный индекс риска по призванному в вооруженные силы накануне и во время войны населению не превышал 25%.

146Лем Ст. Возвращение со звезд. Глас Господа. М.: АСТ, 2007.

147Уровень сугубо материальных потребностей героев романов И. Ефремова заметно ниже стандарта потребления современного среднего класса.

148Может, пожалуй, быть прослежена определенная связь с позднесредневековой японской культурой. Разница в том, что «Путь воина» предусматривал «трансценденцию смерти», а не «трансценденцию риска». То есть бусидо можно считать ранней (если хотите, уродливой, inferнальной и т.п.) формой «Пути личности».

149Критика «общества потребления», которая проходит красной нитью через «Туманность Андромеды» и «Час Быка», вполне согласуется с даосской мудростью. Вир

романам снимаются, зато возникает ряд трудных вопросов.

Во-первых, европейская время-ориентированная цивилизация является планетарной. Ее насильственная гибель или даже естественное умирание может (должно) обернуться планетарной же катастрофой, по сравнению с которой «Век голода и убийств» планеты Торманс покажется «сказкой для старших». И дело даже не в том, что эта катастрофа в обязательном порядке отравит почвы, воду или воздух или приведет к порче генофонда — гораздо опаснее отравление социального подсознания продуктами распада знакотканей, слом архетипического базиса индивидуальной психики, накопление некротической, мертвой информации в семиотическом пространстве, чреватое его деструкцией.

Гибель Рима обернулась пятью веками Тьмы.

Тем самым «неконструктивность» доказательства Ефремова приобретает существенное значение: что все-таки произошло? Перестройка цивилизации со сменой структурообразующих парадигм (по современным представлениям это вообще невозможно) или Эра Разобщенного Мира завершилась войной цивилизаций на уничтожение?

Во-вторых, хороша ли, плоха ли «цивилизация времени», она — наша. Мы вправе спросить, неужели для того, чтобы люди могли жить по-человечески, титаническая европейская культура обязательно должна уйти в небытие?

«Туманность Андромеды» и «Час Быка» (а равным образом учебники жизни Т. Лири, Р. Уилсона, Д. Лилли) создавались в те годы, когда европейская «белая» цивилизация была «теоретически и практически самодовлеющей». Поэтому естественно стремление адептов «революции сознания» по ту и по эту сторону «железного занавеса» сдвинуть равновесие, поставив эту цивилизацию под сомнение или вовсе отказав ей в праве на существование.

Сейчас европейская цивилизация испытывает глубочайший системный кризис. Она находится на грани раскола, и едва ли мы можем прогнозировать сколько-нибудь позитивные отношения между миром протестантского прагматизма, классической западноевропейской Ойкуменой (преимущественно католической) и российской культурой, тяготеющей к созданию самостоятельной Северной цивилизации, новой «точки сборки» время-ориентированных социальных структур. Впрочем, какая бы из страт цивилизации, над которой треть века назад не заходило солнце, ни возобладала, общий баланс на планете сдвинется — и, скорее, в сторону фундаменталистского Юга, нежели дзен-буддистского Востока. В этих условиях огульная критика культуры Запада этически, да и прагматически неоправдана.

Для лучшего понимания иерархии цивилизаций следует учесть, что обычным результатом трансляции между слабо связными семиотическими областями является сужение пространства смыслов. Для атеиста католическая исповедь это сеанс примитивного психоанализа. В лучшем случае. И дело не в ущербности атеиста, а лишь в отсутствии у него языковых и смысловых конструкций, пригодных для адекватного спектрального описания этого термина. Но заметим! — ситуация абсолютно симметрична. Точно так же для католика вера в безграничное могущество науки представляет собой пустое суеверие. Опять-таки в лучшем случае.

Американский бизнесмен свысока смотрит из окна трансконтинентального автобуса на бредущего по обочине дороги даоса. Сосед бизнесмена, молодой университетский

Норин говорит тормансианским ученым, что проблема планеты не столько в технической отсталости, сколько в переизбытке техники. А вот цитата из современной работы Бенджамина Хоффа: «Рассуждая логично, если бы эти устройства для экономии времени (Стойка с Гамбургерами, Супермаркет, Микроволновая печь, Атомная Электростанция и т.п.) действительно его сэкономили, у нас сейчас было бы времени больше, чем когда-либо за всю историю человечества. Но, как ни странно, у нас, кажется, времени меньше, чем даже пару лет назад. Как здорово на самом деле отправиться туда, где нет никаких экономящих время устройств, потому что, когда вы туда попадаете, вы вдруг обнаруживаете, что у вас полно времени! <...> Основная проблема с этой навязчивой идеей Экономии Времени очень проста: вы не можете экономить время. Вы можете только тратить его».

преподаватель, поклонник учения Кастанеды и начинающий Мастер НЛП, свысока смотрит на любителя гамбургеров и кока-колы. Оба демонстрируют одинаково ошибочное восприятие: бизнесмен не видит того богатства, которым свободно и бесконтрольно распоряжается даос, а преподаватель отказывается принять, что бриллиантовые запонки на шелковой сорочке, мягкое кресло в пятизвездочном автобусе, глоток холодной кока-колы в жаркий день — это тоже всего лишь знаки западного Пути, эффективного и бесконечного преобразования материи и информации. Заметим в этой связи, что даос хотя бы никого ни с кем не сравнивает. В этом его отличие от преподавателя, который остается время-ориентированным, хотя искренне считает, что это не так. Смешна претензия ученого объяснить все сущее комбинацией десятка-другого основополагающих принципов. Но недостойно и стремление новоиспеченного «гуру» обесценить работу этого ученого. Вселенная слишком велика, чтобы быть заключенной внутри цивилизационных парадигм.

- «— Кто ты?
— Я — белый человек, несущий свет знания невежественным индейцам.
— Это убеждение. Выброси его,— скажет улыбчивый Бог вселенских соответствий.
— Кто ты? — повторит он свой незамысловатый вопрос своему собрату.
— Я — тот, кто наслаждается простотой и спокойствием, естественностью и ясностью.
— Это убеждение. Выброси его,— снова скажет ученику Всевышний».

И здесь мы, пожалуй, вернемся к основной проблеме социологии. Маловероятно, чтобы существовала технология построения низкоэнтропийного общества без реинтеграции цивилизаций. Но какая из трех ныне существующих (или сорока измыслимых) структур в состоянии осуществить сборку? И. Ефремов дважды указывает на необходимость преодоления соотношения неопределенности «древнего физика» Гейзенберга, и это неспроста: цивилизационные принципы зачастую связаны аналогичным соотношением и подобно координате и импульсу микрочастицы не могут быть определены совместно.

Представляется, что при решении принципиально неразрешимых задач шансы белой европейской цивилизации предпочтительней. Во-первых, неразрешимые задачи, как квинтэссенция познания,— ее жизнесодержащая функция. Во-вторых, пространство ее технологий плотно, что свидетельствует, в частности, о возможности производить технологии «по заказу». Наконец, время-ориентированные культуры весьма восприимчивы¹⁵⁰ и, будучи построены на отрицании, могут выполнять свои рамочные принципы, отказываясь от них.

Кроме того, богатая (не столько ресурсами, сколько накопленными технологиями) европейская цивилизация способна в течение всей эпохи глобальной реконструкции¹⁵¹ поддерживать общечеловеческие тренды.

Первый цикл: описательная история

«Вершина, куда сходятся в фокусе все системы познания, у нас история»,— сказал Вир Норин, и председатель собрания сразу же увел разговор от опасной темы. Иначе кто-нибудь из молодых астрофизиков мог бы спросить: А что такое у вас — история? Описательная наука, устанавливающая некие полуслучайные факты и тасующая их в

¹⁵⁰Стало общим местом обвинение представителей Запада в косности. Следует, однако, учесть, что максимальное время задержки новых идей обществом составляет одно поколение, то есть — около 40 независимых лет в США и Западной Европе и лет 25-30 в России и Восточной Европе. Сравните с характерными временами внедрения инноваций на Востоке.

¹⁵¹Эры Мирового Воссоединения.

процедурах интерпретации? Динамическая модель, венцом которой является эволюционное уравнение социума, очевидно, неразрешимое в квадратурах? Аксиоматика основополагающих принципов, заключающих эволюцию общества в определенные рамки и позволяющих отличать возможное от невозможного, т.е. некий аналог законов сохранения в физике? Может быть — наука о квантовомеханическом универсуме, в котором Разум является Наблюдателем, ответственным за выбор той или иной калибровки? Но тогда история — такая, какой мы ее видим...

Или речь идет на самом деле о психологии больших систем и, может быть, даже самой ноосферы-Геи? В этом случае нам, жителям Ян-Ях, будет трудно понять самый базис этой науки, поскольку мы не видим ответа на главный вопрос: что здесь может быть измерено, взвешено, исчислено?

Но оставим битву за определения. Наука — это только лишь знание, между тем, как мы полагаем, уровень развития измеряется не столько знаниями, сколько умениями. Способна ли ваша история породить технологии, или роль ее сводится к беспомощному следованию за событиями? Предлагает ли ваша история рекомендации или только преподносит уроки, как это имеет место быть у нас?

Нет нужды двигаться дальше по спирали несуществующего диалога, тем более что она будет бесконечно наматываться на непреодолимую преграду непонимания. Например, в дао-ориентированном мире наука порождает не столько технологии, сколько психотехники, но кто сможет объяснить «цвету физико-математической науки Ян-Ях», что одной из рекомендаций истории является настоятельная необходимость расширения индивидуальных тоннелей восприятия, а это подразумевает либо длительные духовные практики, либо употребление психоделических препаратов? С другой стороны — небинарная логика, которой пользуется Вир Норин, технология — и еще какая! — но, чтобы объяснить ее связь с исторической наукой, нужно строить Представление земной версии этой науки в культуре Ян-Ях.

Кроме того, исторические технологии, если понимать и применять их в смысловой системе Ян-Ях, обладают огромной разрушительной силой. Методы ломки индивидуальной психики известны с античных времен, но только сейчас, в ходе «второй революции сознания», появились какие-то намеки на «психологические прививки» типа «десяти ступеней inferнальности», которые пришлось пройти Фай Родис, а починить разбитое зеркало души мы не умеем до сих пор. Коллективное же сознание еще более хрупко... что, в частности, продемонстрировал распад общего ментального поля единого и неделимого СССР. Впрочем, предъявленное доказательство разрушительности историотехнологий является только намеком: история работает с более глубокими пластами Реальности, нежели те, которые являются предметом личной или же социальной психологии, ergo эффекты ее «боевого применения» гораздо опаснее. В рамках квантовомеханического подхода к истории¹⁵², исследователь, например, может поставить под сомнение не только знако-, но и атомоткани Человечества...

«Противоречивыми словами ты меня сбиваешь с толку. Говори лишь о том, чем я могу достигнуть Блага!»

Увы, «для раскрытия сложнейшего процесса истории иных миров нужно очень глубокое проникновение в суть чуждых нам экономики и социальной психологии». Своего собственного мира, который нельзя «увидеть извне», это касается в еще большей степени.

Все же Ефремов пытается ответить на вопрос Арджуны. Не текстом — действием, вписывая свои книготренинги в противоречивый контекст изменчивой Реальности второй половины XX столетия: пятого периода Века Расщепления Эры Разобщенного Мира. Он ставит эксперимент, более рискованный, нежели Тибетский опыт Мвена Маса, и неизмеримо

¹⁵²На начало XXI столетия такой науки здесь, на Земле, еще не существует. Однако пути к ее созданию намечены, и, по всей видимости, к концу десятилетия «квантовая история» войдет в круг наших представлений о структуре Реальности.

более ответственный.

Как десятилетием или двумя позже будет показано И. Пригожиным, самоорганизующие процессы в обязательном порядке должны содержать автокаталитические петли: структурные рекуррентности, контуры обратной связи по информации/материи/энергии — любые конструкты, Представлением которых является древний образ Змеи, кусающей свой хвост. «Чтобы создать клетку, нужна клетка, чтобы получить ДНК нужна ДНК»¹⁵³. Будущее нуждается в метафорах Будущего; смыслы постличиночного человечества необходимо включить в систему реальных человеческих отношений.

Прежде всего автору предстояло построить эти смыслы.

Для палеонтолога И. Ефремова первичным был научный метод познания мира: фантастические романы обрели форму и содержание социологических трактатов, в основу исторического анализа была положена эволюционная биология¹⁵⁴. На этой основе удалось получить периодизацию «истории будущего», оценить структурообразующие противоречия позднекоммунистического общества, обосновать фундаментальный **закон инфернальности ноосферы** и — в первом приближении — разобраться в **социальной термодинамике**.

Следует еще и еще раз подчеркнуть: «Туманность Андромеды», «Час Быка», «Лезвие бритвы», «Таис Афинская» — это исследования по теоретической истории и прикладной социологии, выполненные в художественной форме. Речь, однако, идет не о том, что в произведениях Ефремова доминировал «философ, социальный мыслитель (в ущерб художнику)»¹⁵⁵, но исключительно об объективности и научной добросовестности этих произведений. Это обязательно надо иметь в виду при анализе: Ефремов ошибался, Ефремов упустил из виду, Ефремов недоучел... во всех этих лексемах подлежащее не согласуется со сказуемым. В следующем цикле мы проиллюстрируем на простом примере, что тексты романов содержат скрытую семантику, расшифровка которой резко меняет устоявшиеся литературоведческие оценки. Место художественных метафор занимают у Ефремова криптоисторические и криптосоциологические метафоры, контекстуальные отсылки к союзникам и противникам по обе стороны «железного занавеса» (Д. Линдсей, Олдос Хаксли, М. Лейнстер, Т. Лири и др.), историко-политические мистификации¹⁵⁶. Цикл «романов о будущем» содержит и классическое «рекуррентное замыкание»: «Произведения Эрф Рома, по мнению Кин Руха, помогли построению нового мира на переходе к Эре Мирового Воссоединения». Известно, что прикладная социология есть форма магии...

153 Пригожин И. От существующего к возникающему. Время и сложность в физических науках. М.: КомКнига, 2006.

154 Задача допускала еще два альтернативных решения, соответствующих иным основным формам познания. Трансцендентный Путь использовала американская группа АУМ. А. и Б. Стругацкие в СССР, Р. Желязны в США шли от художественности текста — истинно то, что может быть верифицировано литературными методами.

155 Борисов Вл., Гаков В. Энциклопедия фантастики. Минск, 1995.

156 «Гриб воды и пара от ядерного взрыва стоял над океаном на заоблачной высоте, над холмами и пальмовыми рощами крутого берега. Несколько кораблей были опрокинуты и разметаны. Из берегового укрепления двое людей наблюдали за происходящим. Пожилые и грузноватые, они были в одинаковых фуражках с золотыми символами — очевидно, командиры.

Их лица, освещенные заревом морского пожара, изборожденные морщинами, с припухшими веками усталых глаз, не выражали испуга, а лишь сосредоточенное внимание. У обоих были крупные черты, массивные челюсти и одинаковая уверенность в благополучном исходе титанической битвы...»

Фильм, попавшийся на глаза Фай Родис, действительно существует, и лица адмиралов, присутствующих при послевоенных **испытаниях** ядерного оружия на атолле Бикини, на самом деле выражают полную уверенность в благополучном завершении ряда «тестов».

«Туманность Андромеды» вышла в свет в 1957/58 году, вызвав негативную реакцию официальной советской критики и восторженные отзывы тех, к кому были обращены ее смыслы. Книга явилась ярко выраженной структурной инновацией: ее публикация разом сделала устаревшей и неконкурентоспособной всю «фантастику ближнего прицела» и привела к резкому загибу вверх Главной Последовательности¹⁵⁷ русского советского фантастического романа. Именно на семантическом поле, заданном «Туманностью Андромеды», выросла советская фантастика «золотой эпохи» шестидесятых годов.

Речь идет только об опосредованном влиянии — через общие смыслы. Прямое воздействие творчества И. Ефремова на советскую фантастику преувеличено простительной ошибкой: в большинстве критических публикаций смешиваются между собой две существенно различные модели коммунистического будущего. В творчестве А. и Б. Стругацких описана «галактическая империя земной нации», построенная на классических европейских парадигмах и населенная лучшими из «шестидесятников». И. Ефремов же рассматривал общество с принципиально иной парадигмальной структурой, иной личной и социальной психологией, что подразумевает также иную этику и эстетику текстов. В рамках подхода И. Ефремова иногда работал Ст. Лем и очень часто — Геннадий Гор¹⁵⁸. Весьма неожиданное влияние «Туманность Андромеды» оказала на знаменитого американского режиссера Дж. Лукаса: Дар Ветер — под именем Дарта Вейдера — действует в последнем эпосе XX столетия, приобретя статус пусть иронической, но безусловно знаковой, архетипической фигуры, одного из символов эпохи.

«Туманность Андромеды» была синхронична с первым спутником, запуск которого резко осложнил политическую «игру» сверхдержав. Фигуры на «мировой шахматной доске» пришли в движение, характерные геополитические частоты быстро нарастали, что, в частности, привело цивилизацию к скольжению по краю бездны Карибского термоядерного кризиса. Кризис был относительно легко ликвидирован, но он разбудил спящих великанов. Государственные големы пожертвовали развитием и даже благополучием во имя дополнительных гарантий самосохранения. Это стоило жизни Джону Кеннеди и власти Никите Хрущеву.

...Одно из первых ярких воспоминаний раннего детства: 14 октября 1964 года, с утра по радио читают «Cor Serpentis», потом передача прерывается для сообщения об итогах работы Октябрьского Пленума ЦК КПСС. «Дорога в сто парсеков» на этом дне закончилась, история пошла на новый виток...

С 1965 по 1968 год И. Ефремов работает над «Часом Быка». Книга, ставшая вершиной его творчества и, возможно, лучшим советским фантастическим романом вообще. Запрещенная книга.

Был конец шестидесятых — трагическое время, когда страна еще не знала, что Третья Мировая война проиграна, а ответственные руководители уже понимали это. И обыденная

157Инновационный анализ технической или смысловой системы может быть выполнен методом построения Главных Последовательностей. Для этого выбирается совокупность динамических параметров, описывающих элементы системы, и составляются графики зависимости этих параметров от времени. В согласии с опытом (и в подтверждение принципов ТРИЗа) точки на таких графиках группируются вблизи некой кривой, в общем случае S-образной, — Главной Последовательности. Отдельные элементы системы могут опережать ГП, являясь инновациями. В очень редких случаях удачная инновация может привести к слому самой Главной Последовательности и резкому ускорению развития анализируемой системы. (См.: также: *Переслегин С.* Исторические парадигмы и вероятностные корабли. Сайт www.stabes.ru).

158Заметим в этой связи, что произведения Г. Гора (см. например: *Гор Г.* Изваяние//Нева. 1971. № 8-9), литературно безупречны, тем не менее восприятие их вызывает определенные трудности. Это еще раз указывает на то, что претензии к текстам «Туманности Андромеды» и «Часа Быка» лишь маскируются литературно-художественными мотивами, а в действительности представляют собой реакцию на инаковость.

драка «змееносцев» за власть приобрела вдруг «всемирно-историческое значение». Столкнулись три основные стратегии. Сутью первой было затягивание конфликта, стремление к сохранению статус-кво. По существу, речь шла об «отсроченной капитуляции» — благо конфликт носил информационный характер, скамья подсудимых никому не грозила. Да и сама капитуляция растягивалась на десятилетия, так что формальная «честь» ее подписания падала на следующее поколение иерархов: в общем, «можно играть еще ходов двадцать, но все равно на ничью нет шанса даже одного на тысячу»¹⁵⁹.

Вторая стратегия пыталась изыскать какие-то практические шансы в «счетной игре» «ход на ход»: «При самом неблагоприятном стратегическом положении исход борьбы решается столкновением живой силы, вооруженной техническими средствами. Сильная и уверенная в себе, сознательная воля главнокомандующего могла бы во много крат повысить динамику битвы, устранить помехи маневру, внести согласованность, — словом, направить события по иному руслу. Такой вариант был вполне возможен, а кто может определить пределы осознавшей себя и всю обстановку твердой и непоколебимой воли, в особенности такого могущественного аппарата, каким было германское главное командование»¹⁶⁰ или советское партийное руководство?

Третья линия самая естественная для диалектика: создать условия для победы в самом факте поражения. Понять, что суть вовсе не в том, над какой из сверхдержав весь следующий век будет не заходить солнце, а в том, какая система внутренних человеческих ценностей предложит более адекватный ответ на вызовы Будущего.

«Предание говорит о сражении между владыками головного и хвостового полушарий. Погибли сотни тысяч людей. Победил владыка головного, и на всей планете установилась — единая власть. Эту битву называют победой мудрости над темными хвостовыми народами.

— Ваши предки участвовали в сражении на стороне побежденных?

— Да.

— А если бы победили они, а не головные? Изменилась бы жизнь?

— Не знаю. Зачем ей меняться?! Столица была бы в Кин-Нан-Тэ, наверное. Дома бы строили по-другому, как принято у нас, башнями».

Не знаю, чего стоило И. Ефремову и тем неизвестным в аппарате ЦК, которые его прикрывали, добиться публикации «Часа Быка» в двух популярных журналах¹⁶¹ без предварительной цензуры или с цензурой чисто формальной. Во всяком случае, роман вышел в свет, а в 1970 году появилось и великолепное иллюстрированное книжное издание в издательстве «Молодая гвардия»¹⁶² у С. Жемайтиса, исправленное и дополненное, тираж составил 200 000 экземпляров, то есть был вдвое больше стандартного.

И лишь после этого «демонстрация стереофильмов была прекращена» и запрещена. Были попытки изъять тексты из массовых библиотек, но, казалось, сам раненый и озлобленный советский голем понимал сугубую рефлексорность подобных действий. Трудно убедить население целой страны в том, что Бога нет, если вся страна наблюдала его явление прямо в своих убогих жилищах. Люди согласятся и в страхе поклянутся в том, что ничего такого не видели, но навсегда уверятся в том, что в мире помимо лозунгов сбываются сказки о будущем.

«Час Быка», роман о структуре тоталитарного посткапиталистического общества, был включен в информационный оборот ноосферы.

¹⁵⁹Вайнитейн Б. Мыслитель. М.: Физкультура и спорт, 1981.

¹⁶⁰Галактионов М. Париж 1914. Темпы операций. СПб.: Terra Fantastica; М.: АСТ, 2001.

¹⁶¹«Техника — молодежи» и «Молодая гвардия».

¹⁶²Ефремов И. Час Быка. М.: Молодая гвардия, 1970.

Второй цикл: аналитическая история

1

К концу 60-х годов «последнему земледельцу» стало понятно, что «легкого и быстрого перехода» к коммунистическому обществу не произойдет. Прежде всего выяснилось, что границы между Добром и Злом никогда не проходят по Андуину¹⁶³ и, тем паче, по «линии Керзона»: в стране победившего социализма «под новыми масками затаилась та же, прежняя капиталистическая сущность угнетения, подавления, эксплуатации, умело прикрытая научно разработанными методами пропаганды, внушения, создания пустых иллюзий». Это, впрочем, не означало структурной тождественности систем. Советский Союз был «заражен» будущим и — невзирая на позицию своей правящей и околоправляющей элиты — еще мог стать зародышем низкоэнтропийного общества. Но космическая гонка была проиграна, Пражская весна подчеркнула отсутствие взаимного доверия внутри Варшавского договора, а системное «давление будущего» Соединенные Штаты научились обращать себе на пользу.

Это означало гибель антиэнтропийной культуры «шестидесятников», причем как в СССР, так и в США, и действительно запрещение «Часа Быка» практически совпало по времени с арестом Т. Лири и подавлением «первой революции сознания». К середине семидесятых на повестку дня уже встала проблема демонтажа двухполюсного мира, то есть возникла реальная угроза перехода даже не к моноцивилизации, а к монокультуре. Несколько спутал карты и на десятилетие растянул агонию советского социализма «энергетический кризис» 1973 года, спровоцированный активностью «экологистов» Римского клуба.

Назревало мировое воссоединение, но не на коммунистической, а на капиталистической основе. С одной стороны, это ликвидировало угрозу всеобщей войны и, что даже более существенно, позволяло снизить (в перспективе, практически до нуля) военные расходы. С другой — приводило к полной социальной замкнутости и, следовательно, неизбежному возрастанию социальной энтропии — инферно.

Вариант, конечно, не форсированный и в 1968 году далеко не очевидный, но И. Ефремов, рисуя Торманс, ориентируется именно на него. В девяностые—нулевые это сделает «Час Быка» неожиданно современным.

2

XX столетие характеризовалось резким увеличением роли информационных потоков в механизме управления. Сначала визуально-знаковый канал распространения новостей (газета) был дополнен аудиальным, притом функционирующим в реальном времени: этого оказалось достаточно для массового воспроизводства тоталитарных структур. Затем научились передавать и проецировать непосредственно на индивидуальное сознание целенаправленно сконструированные образы.

«Радиофицированное общество» обретает ряд неожиданных для своих создателей черт (например, потеря инстинкта самосохранения как индивидуального, так и национального) и оказывается способным на чрезвычайное напряжение сил. В обществе же «телевизионном» уровень социоглоонного взаимодействия¹⁶⁴ повышается настолько, что это приводит к погружению социума в целиком контролируруемую властью искусственную информационную среду.

В рамках теории будущего нас будет интересовать механизм полного разрушения

¹⁶³Еськов К. Последний кольценосец. М.: ЭКСМО, 2003.

¹⁶⁴Мы понимаем под «социоглоонным» взаимодействие, связывающее эволюционно эгоистичных крупных приматов в единую общественную структуру — племя, народ, государство, секту и пр. Характер этого взаимодействия не вполне ясен: возможно, оно имеет химическую (феромонную) природу.

личности в сильных внешних полях. Речь идет о массовом и стойком воспроизводстве эффектов «Дня Победы», «первомайской демонстрации» или «осажденной крепости». Во всех случаях Власть индуцирует в психике обывателей свое Представление, образуемая субличность становится доминирующей и начинает использовать внутреннюю энергетику перепациента. Случайные отклонения от такого порядка вещей могут быть ликвидированы в обычном порядке:

«Те, кто затаится, опустив глаза,— тайные враги планеты. Те, кто не сможет повторить гимна преданности и послушания,— явные враги планеты. Те, кто осмелится противопоставить свою волю воле Змея, подлежат неукоснительному допросу у помощников Ян Гао-Юара!».

Здесь мы вплотную подходим к модели информационного коллапса общества. В сильных и многоаспектных информационных полях социоглобальные силы формируют единый коллективный тоннель Реальности, причем смыслы, не согласующиеся со структурой тоннеля, перестают распаковываться и, следовательно, существовать. Такое общество теряет всякий потенциал к развитию и пребывает в неизменной форме до тех пор, пока не исчерпает конечные ресурсы¹⁶⁵.

Вообще говоря, жизнь «внутри» социального коллапсара не обязательно должна быть inferнальной — даже с точки зрения внешнего наблюдателя. Было бы странно утверждать, что Власть, задающая форматы регулирующего информационного поля, неизменно ставит своей целью возрастание уровня страдания населения. Личности психопатические не могут быть грамотными пользователями тоталитарной системой и, как правило, отбраковываются ею на ранних этапах карьеры. И. Ефремов сознательно рисует своего Чойо Чагаса человеком умным, очень терпимым и лишенным всяких признаков ксенофобии.

Однако смысловое пространство коллапсара слишком примитивно, чтобы поддерживать какую-либо систему управления, кроме пирамидальной. Это означает абсолютное господство в социальной жизни големных структур¹⁶⁶, воплощением которых является образ «тупого чиновника», на исполнение функций которого достаточно «простой звукозаписи». А вот здесь уже господствует открытый и описанный И. Ефремовым закон «стрелы Аримана»: управляющее информационное поле начинает накапливать зло. Таким образом, в социальном коллапсаре существует механизм повышения социальной энтропии, inferно, но по определению не может существовать каких-либо структур, понижающих ее (поскольку атрибутивным признаком таких структур является усложнение общества, то есть производство и/или распаковка новых смыслов).

Система самовозрастающего inferно не может быть разрушена изнутри — в этом смысле модель опровергает представления утопистов, в том числе Энгельса. Однако «черная дыра» неустойчива по отношению к высокоорганизованной внешней информации, и это вселяло в Ефремова надежду. Дальнейший ход событий подтвердил его правоту.

Через два десятилетия после создания «Часа Быка» процессы, происходящие внутри социального коллапсара, в значительной степени удалось конкретизировать. Это сделал В. Рыбаков в романах «Дерни за веревочку» и «Очаг на башне»¹⁶⁷, в последнем из которых автор вводит новый психоинформационный термин — СДУ, синдром длительного унижения. В. Рыбаков перевел анализ социальных проблем на микроуровень, показав, что происходит с человеческой душой в сильном замкнутом социоглобальном поле. Но как только механизм воздействия стал понятен, были найдены и «личные технологии», способные резко

¹⁶⁵Строго говоря, социальные «черные дыры», подобно своим физическим аналогам, медленно испаряются за счет квантовых (в данном случае, квантовоисторических) эффектов.

¹⁶⁶Впервые о социальных квазиорганизмах и, в частности, о големных структурах было написано в статье А. Лазурчука, П. Лелика «Голем хочет жить» (написана в 1989 г., опубликована только в 2001 в журнале «Мир INTERNET». № 9).

¹⁶⁷Рыбаков В. Соч. в 2 томах. М.: Терра — Книжный клуб, 1997.

подавлять нарастание инфернальности.

Большая часть этих технологий лежала в русле психотехник «пути левой руки»: с точки зрения власть имущих по обе стороны Атлантического океана первая революция сознания была подавлена с непозволительным опозданием.

3

В 1968 году И. Ефремов не считал возможным надеяться на столь удачное стечение обстоятельств: «Час Быка» был написан в предположении, что реализуется наихудший из возможных вариантов. И с этой точки зрения приобретает интерес вторая ключевая фраза романа. Первая: «Кораблю — взлет!» — хорошо известна и не нуждается в интерпретации.

Итак: **«Единственный глазок — не человека Земли, а тормансианина Таэля — остался гореть как символ восстановленного братства двух планет»**. Сама по себе семантическая конструкция традиционна и ожидаема, если только не принять во внимание одно важное обстоятельство.

Напомним, что И. Ефремов был специалистом по анатомии тоталитарных режимов пятого периода ЭРМ. Это подразумевает точность в изображении существенных сторон жизни Торманса, тем более что автор не был ограничен «временем на обдумывание»: роман объемом около 20 авторских листов создавался три года.

После этого предуведомления — обещанная скрытая семантика в форме простого вопроса: какую именно из конкурирующих спецслужб Совета Четырех представлял инженер по работе с информацией Хонтээло Толло Фраэль?

Наивно даже предполагать, что в распоряжение гостей из чужого и, очевидно, могущественного мира, мог быть направлен «инженер с улицы», само имя которого указывает на низший ранг, да еще и оппозиционно настроенный. Начнем с того, что со стороны Чагаса это было бы просто невежливо.

Да и поведение Таэля совершенно не соответствует образу человека, впервые попавшего в сферу высокой политики, где, как известно, ошибки стоят жизни. Сравните: «Едва появлялась на свет карточка [гостя Совета], как грубые люди сгибались в униженных поклонах, стараясь в то же время поскорее спровадить опасную посетительницу». Таэль же со спокойной улыбкой балансирует между владыками (большими и малыми), землянами, местным «долгоживущим» подпольем, Серыми Ангелами¹⁶⁸. Да и чтобы полюбить женщину из другой Реальности, требуется, по крайней мере, бесстрашие...

Родис при своих природных способностях не нуждалась в ДПА. То есть она была способна распознать психическую структуру человека и, следовательно, специальность Таэля не была для нее секретом. «Я знаю, что ты знаешь, что я знаю...» — классическая формула многократного отражения, излюбленная разведчиками. Они очень хорошо понимали друг друга — Чойо Чагас, владычица землян и инженер службы информации.

«...В каких случаях вы говорите правду?»¹⁶⁹

— Всегда!

— Это невозможно. Истинной, непреложной правды нет!

— Есть ее приближение к идеалу, тем ближе, чем выше уровень общественного сознания человека.

— При чем тут оно?

168Особый статус Таэля настолько очевиден, что нет необходимости обращаться к прямому доказательству, содержащемуся в тексте — Ген Ши и Ка Луф, обсуждая план переворота, постановляют: «Всех свидетелей убрать, в том числе и дурака Таэля, не умеющего толком шпионить!» Таэль, — единственный, кого высокопоставленные заговорщики называют по имени, выделяя из общего списка «прочих свидетелей».

169Обратите внимание: это первый вопрос, который владыка Торманса задал своей гостье.

- Когда большинство людей отдает себе отчет в том, что всякое явление двусторонне, что правда имеет два лица и зависит от изменяющейся жизни...
- Значит, нет абсолютной правды?
- Погоня за абсолютным — одна из самых тяжелых ошибок человека...»

Чагас разгадал инсценировку, срежиссированную Фай Родис и Оллой Дез, и сказал об этом — так, как счел нужным. Фай его **услышала**. Он это почувствовал. И возникло простейшее антиэнтропийное «поле связи» информированных людей. Доверие:

« — Я давно опасался чего-нибудь подобного и не переставал удивляться вашей игре с Чойо Чагасом.

— Это не он», — твердо отвечает Родис.

Эти слова замыкают скрытую структуру романа, заключающую в себе метафору невозможного, но — по принципам диалектики и неизбежного — союза Будущего с ключевыми фигурами Власти.

И. Ефремов, понимающий, что «по диалектическим законам обратной стороны железная крепость олигархического режима одновременно очень хрупка», отыскал «точку сборки» такого режима.

4

Операционная линия в общем и целом проста. Госкапиталистическая олигархия, как бы она не называла себя, не может создать Будущее. Тем самым она не может предложить народу, или привилегированной верхушке, или себе самой смыслы низкоэнтропийного общества: свободу, познание, любовь, красоту. Но еще более важно другое: она не может построить **интересный динамический сюжет**.

Речь идет о высокоорганизованной информации, структурированной совершенно по-иному, нежели в привычных големах, левиафанах и т.д. Динамические сюжеты можно рассматривать как Представления самой Истории. Если для жизнедеятельности обычных информационных объектов требуется только само наличие людей-носителей и информационного поля, их связывающего, то условием существования **сюжетов** являются определенные поступки носителей.

В рамках этого формализма системные свойства истории выступают как проявления литературных законов. Анализируя допустимость тех или иных событий, мы можем интересоваться не столько правдоподобием версии или включенностью ее в общий контекст причинно-следственных связей, сколько осмысленностью и красотой сюжета, выстраивающегося вокруг этих событий¹⁷⁰.

Циклическое, маятниковое существование социального коллапсара менее сюжетно, нежели разматывание спирали инферно и построение низкоэнтропийного общества. Тем самым оба намеченных И. Ефремовым союза — открытое объединение КЖИ и ДЖИ и проходящая на уровне «скрытой семантики» линия взаимодействия интеллигенции и спецслужб — становятся эвентуальной неизбежностью.

Что, впрочем, не устраняет потребности в Распознавателях Индивидуальной Психики и Ингибиторах Короткой Памяти.

¹⁷⁰О динамических сюжетах смотри также: *Переслегин С.* Кто хозяином здесь? // *Переслегин С.*, *Переслегина Е.* Тихоокеанская премьера. СПб.: Terra Fantastica; М.: АСТ, 2001.; *Переслегин С.* Ролевая игра как метод исторического моделирования / Упущенные возможности Гитлера. СПб.: Terra Fantastica; М.: АСТ, 2001.

Третий цикл: философия истории (выдержки)¹⁷¹

Теперь, завершив два круга анализа, мы вновь должны вернуться к сравнительному описанию цивилизаций.

Кроме обычного **соответствия**, которое мы здесь, на Русском Западе, воспринимаем как системность развития, кроме сложного и многостороннего понятия, обозначаемого на Востоке иероглифом «Дао», необходимо построить новый социомеханический конструкт — «метасоответствие» и придать этому термину глобальное трансцивилизационное значение.

В нулевом цикле мы определили цивилизацию через совокупность технологий. Введем теперь в пространстве технологий простейший наблюдаемый базис¹⁷².

Технологии, оперирующие с физическим пространством, физическим (внешним) временем, материей и объективными, но не зависящими от наблюдателя, смыслами, назовем физическими. В совокупности с вещественными результатами производства эти технологии образуют материальное пространство цивилизации — **техносферу**.

Альтернативные им технологии, которые работают с информационными сущностями, внутренним временем, цивилизационной трансценденцией и личными (субъективными) смыслами, определим как гуманитарные. Эти «технологии в пространстве технологий» образуют информационное пространство цивилизации — **инфосферу**, включающую в себя культуру, религию/идеологию и науку.

Функция физических технологий — согласование (взаимная адаптация) человека и Вселенной. Миссия же гуманитарных технологий — согласование (взаимная адаптация) техносферы и человека.

Тогда генерализованные тенденции развития текущей фазы той или иной цивилизации определяются совокупностью физических технологий, а вероятности реализации этих тенденций как тех или иных версий будущего модифицируются гуманитарными технологиями.

Иными словами, **физические технологии** заключают в себе объективные возможности истории: они отвечают за то, **что** происходит. **Гуманитарные технологии** управляют субъективными вероятностями и отвечают за то, **как** это происходит. Так, например, деструкция современного индустриального общества есть объективное следствие развития физических технологий (в этом необходимо безоговорочно согласиться с И. Ефремовом), а вот формы этой деструкции определяются действием субъективизированных гуманитарных технологий.

В рамках «аэродинамической аналогии» физические технологии играют роль двигателя, а гуманитарные — системы управления летательным аппаратом. Если мощность двигателя недостаточна, самолет не сможет перелететь через горный хребет или подняться над грозой. Хуже того, достаточно чуть-чуть потерять скорость, и аппарат потеряет возможность «держаться в воздухе» — цивилизация начнет падение на дно океана инферно. Запаса энергии недостаточно, и противостоять неблагоприятному воздействию внешней среды нечем. Подобными «слабыми двигателями» обладают утонченные культуры Востока. В этом плане «восточные» корни «Туманности...» оборачиваются «родимыми пятнами»: резерва мощности нет вообще, столь простое дело, как посылка одновременно трех звездных экспедиций, требует усилий всей планеты, введения режима экономии и в конце концов опирается на случайное событие. «Золотой конь», сделавший возможным производство анамезона для полета «Лебедя», — реликт ушедшей культуры Запада¹⁷³.

171 Опущены специальные разделы, посвященные теориям статического и динамического образования.

172 Здесь и далее использованы материалы из работы *Переслегин С., Столяров А., Ютанов Н. О механике цивилизаций*// «Наука и технология в России». 2001. №7 (51). 2002. № 1 (52).

173 Как говорил один летчик-испытатель: «Никогда еще мне не было так плохо в полете. У этого самолета максимальная скорость равна минимальной и к тому же полностью

Если недостаточно эффективно управление, то свыше некоторой критической скорости развития самолет затягивает в пикирование — с вполне однозначным результатом для экипажа и пассажиров. Такому риску непрерывно подвергается Запад с его культом науки и техники и привычкой к предельно несбалансированному развитию. Перефразируя З. Тарраша, можно сказать, что нигде ошибочный принцип приобретения новых и новых возможностей без создания прочной базы в психике человека и структуре общества не проводится так последовательно, как в развитых европейских странах¹⁷⁴.

Мы понимаем под «метасоответствием» фундаментальный принцип социомеханики, согласно которому поступательное развитие общества, восхождение из инферно, возможно лишь в том случае, если каждой физической технологии соответствует комплементарная ей гуманитарная — и наоборот. Эта теорема выполняется для человечества в целом, для цивилизаций, для их страт, называемых культурами, для социальных групп, в том числе — семей, наконец, для отдельного человека (на этом — микрокосмическом — уровне она приобретает форму закона соответствия профессионального и личностного роста).

Хронический дисбаланс между «физической» и «гуманитарной» составляющими цивилизации может быть разрешен эволюционным путем, острый же — приводит к системным кризисам, субъективно воспринимающимся как глобальные катастрофы. Такой катастрофой был, например, тормансианский век Голода и Убийств.

Проблема рассогласования технологических пространств есть атрибутивный признак плохо устроенного общества. Она может быть интерпретирована как приближение цивилизации к одному из двух структурных пределов: **пределу сложности** или **пределу бедности**.

Предел сложности возникает при дефиците или неразвитости принципиально необходимой «гуманитарной» (управляющей) технологии и представляет собой ту степень структурной переизбыточности цивилизации, при которой связность ее резко падает, а совокупность «физических» технологий теряет системные свойства. В этом случае культура уже не успевает адаптировать к человеку вновь возникающие инновации и техническая периферия цивилизации начинает развиваться, как правило, хаотическим образом. Это приводит к рассогласованию человека и техносферы, человека и государства, человека и общества — результатом чего является увеличение числа происходящих катастроф.

Предел бедности, в свою очередь, возникает при отсутствии или недостаточной развитости принципиально необходимой в данной фазе цивилизации «физической» технологии и представляет собой то крайнее состояние, при котором системную связность теряют уже «гуманитарные» технологии. Это также приводит к внутреннему рассогласованию цивилизации и, как следствие, опять-таки — к возрастанию динамики катастроф.

Динамическим выражением предела сложности являются кризисы мировой системы хозяйствования, возникающие именно при структурной переизбыточности индустриального способа производства. Примером предела бедности является, например, европейская чума XIV столетия: дефицит санитарно-гигиенических технологий при начавшейся концентрации городов и быстром развитии транспортных связей между ними породил не только колоссальную эпидемию, унесшую около трети населения тогдашней Европы, но и привел к смещению общественных приоритетов в область опытного знания и светских форм организации жизни.

Оба предела, как можно заметить, представляют собой диалектическое единство.

Предел сложности подразумевает абсолютную недостаточность «знаний» при относительной избыточности «технологических действий», а **предел бедности**, напротив,—

отсутствует путевая устойчивость». В мире «Туманности...», правда, с путевой устойчивостью все в порядке.

174Точнее, не проводился. Сегодняшний Запад, похоже, пришел к выводу, что, набрав определенную высоту, можно летать с выключенными двигателями. Это в какой-то степени верно, но — лишь очень недолго.

абсолютную недостаточность «действий» при относительной избыточности накопленных цивилизацией «знаний».

То есть оба предела образуют поверхности в пространстве решений, которые цивилизация не может преодолеть без разрушения своей жизнеобеспечивающей структуры. Если вектор развития пересекает одну из этих предельных поверхностей, глобальный структурный кризис становится неизбежным¹⁷⁵.

Переход к низкоэнтропийным формам организации человеческой жизни возможен, видимо, на базе любой великой цивилизации. Мы говорим о предпочтительности шансов привычного техномира обобщенной Европы лишь потому, что сейчас, в современном мире, реинтеграция на базе культуры Запада подразумевает достижение соответствия через развитие: массовое производство управляющих технологий, сопровождающееся управляемым «вторичным упрощением». Напротив, развитие на базе культуры Востока предполагает предварительное разрушение (физико)технологического пространства Запада — соответствие достигается в ходе разрушительного «первичного упрощения»¹⁷⁶.

«Западный Путь» приводит к реинтеграции быстрее, нежели «Восточный», следовательно, он более рискован¹⁷⁷. В сущности, вместо постепенной гармонизации ноосферы предлагается взрывное насыщение ее самоорганизующимися информационными структурами. «Конструирование будущего» в парадигме культуры Запада предусматривает не только тоннельный переход через всю Эру Мирового Воссоединения (содержание ее Веков «упаковывается» в комплект личных трансляционных технологий), но и отказ от построения классической сверхцивилизации. Вместо Утопии создается «мир за пределами утопий».

Запад исходит из следующей крупномасштабной структуры исторического процесса:

Инфрачеловечество, младенчество Разума. В этой фазе уже появился разум, то есть атрибутивные признаки общества: управление, познание и образование, но информационное пространство еще бесструктурно. Отсутствуют как статические информобъекты — големы, левиафаны и пр., так и динамические сюжеты; «Вавилонская башня» единой системы смыслов еще не обрушилась: вид Ното остается информационно единым и описывается примитивной системой, фазовые переходы отсутствуют.

Человечество, детство и юность Разума. Эта стадия включает в себя всю собственно историю — в том числе и классические сверхцивилизации Ефремова—Хайнлайна—Стругацких. Система, описывающая человечество, аналитична, информационное пространство заполнено высокоорганизованными структурами. Видовые тоннели

¹⁷⁵В «Часе Быка» сформулирован частный случай этой важной социомеханической теоремы — «порог Роба». «Если они достигли высокой техники и почти подошли к овладению космосом — и не позаботились о моральном благосостоянии, куда более важном, чем материальное, — то они не могли перейти порога Роба! Ни одно низкое по морально-этическому уровню общество не может его перейти, не самоуничтожившись», — говорит Гриф Рифт. В рамках современных социомеханических представлений вероятность ядерной гибели человечества исчезающе мала, поскольку такой исход противоречит закону неубывания структурности систем. Однако страны, нации, культуры, даже цивилизации смертны, и обычной причиной их самоуничтожения является нарушение закона соответствия, приводящее к пересечению вектором развития системы предельной поверхности.

¹⁷⁶Заметим тем не менее, что такой исход все же предпочтительнее, нежели цивилизационная катастрофа, вызванная полной потерей соответствия и достижением «предела сложности».

¹⁷⁷Произведение «нагрузки на операции» (которая понимается как мера неэквивалентности преобразования позиции) на показатель риска не может превышать единицу. Тем самым, всякое ускорение развития свыше «естественных темпов эволюции» априори опасно.

Реальности расщеплены, что проявляется, в частности, в существовании типов информационного метаболизма¹⁷⁸.

Наконец, Ультрацивилизация, время Зрелого Разума, открывающее историю не-человечества.

В этой фазе социум приобретает свойства хаотической или, во всяком случае, предхаотической системы, информационное пространство смыкается с объектным (виртуальная революция), начинается индуктивная «сапиентизация» природы, кайнозой сменяется ноозоем, что подразумевает распространение био- и ноосферы на космическое пространство.

Таким образом, Текущая Реальность может быть охарактеризована как начало одного из наиболее фундаментальных фазовых переходов в истории. Человечество становится взрослым.

Если возникающий «селдоновский кризис» будет преодолен (вовсе неочевидно, что это удастся сделать с первой попытки), то, насколько мы можем судить, человечество, каким мы его знаем, прекратит свое существование, и возникнет новая сущность, для которой в современном языке нет адекватного названия.

«БЫСТРЫЙ МИР»

— Ну, у меня дома,— все еще с некоторым трудом проговорила Алиса,— если уж начнешь бежать и будешь бежать ОЧЕНЬ долго, в конце концов, окажешься на новом месте, а не на том же самом.
— Значит, твоя страна ТЯЖЕЛА НА ПОДЪЕМ,— сказала Королева.— Вот у нас приходится бежать во весь дух, чтобы остаться на месте. А если нужно попасть куда- то еще, приходится бежать чуть ли не в два раза быстрее.

Л. Кэрролл. Алиса в Зазеркалье

Основная проблема с этой навязчивой идеей Экономии Времени очень проста: вы не можете экономить время. Вы можете только тратить его.

Б. Хофф. Дао Пуха

«Темп» относится к «движению», как «полное» к «пустому», «янь» к «инь».

Темп есть совокупность свободных ресурсов, выигранных одной из сторон в результате сознательной деятельности. Можно рассмотреть темп как запасенную вероятность, как ресурс, который модифицирует вероятностное распределение в благоприятном для одной из сторон направлении, выигрыш темпа

178См.: Аугустинавичюте А. «Соционика». В 2 т. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastika, 1998.

есть мера управления случайными событиями.

*Р. Исмаилов, С. Переслегин.
Учение о темпах операции*

Война должна быть короткой, как удар молнии.

А. фон Шлиффен

В чем состояло реальное действие внезапности? Его можно было бы определить, прежде всего, как моральную категорию: противник застигнут врасплох, его построение отнюдь не соответствует направлению полученного удара, он вынужден принять сражение повернутым или перевернутым фронтом, а перестроить армию не так просто, как взвод. Но моральный фактор в данном случае играет все же подчиненную роль: весь вопрос в том, как быстро атакованный справится со своими нервами. Быть может, он и вообще не растеряется, сохранив стальное хладнокровие воина и командира. Но тогда на сцену выступает жестокий и непреклонный фактор, который гораздо хуже поддается усилиям воли: это — время. Время требуется для принятия контрмер, для сообразования действий и сил с новой, неожиданно вскрывшейся ситуацией. Успеет ли атакованный осуществить все, требуемое этой ситуацией?

Кто станет особо упираться на динамику как сущность наполеоновского маневра? Это представляется всем таким бесспорным и ясным, что к этому вопросу не возвращаются. «Бог войны» мчался, как метеор, по Европе, все сокрушая на своем пути.

М. Галактионов. Темпы операции

Нищим был Бэзил Бегельбекер, который через полтора часа станет богачейшим человеком мира. В течение восьми часов он сколотит и потеряет четыре состояния: то будут действительно огромные деньги, а не мизерные капиталы, которые добывают середнячки.

...продукция и перевозка стали

практически вопросом времени. Дела, которые отнимали до этого месяцы и годы, решались теперь в течение минут и часов. В течение восьми часов можно было сделать одну или несколько изрядно закрученных карьер.

Фредди снял контору и поручил ее обставить. Это заняло одну минуту: переговоры, выбор и оборудование прошли почти одновременно. Потом он изобрел ручной модуль, что заняло следующую минуту, и начал его производство и продажу. В течение трех минут модуль оказался у ведущих потребителей.

Р. Лафферти.

Долгая ночь со вторника на среду

Почему мир удалось создать за шесть дней? Тогда не было производственных совещаний.

А. Жвалевский, И. Мытько.

Личное дело Мергионы, или Четыре чертовых дюжины

Вступление: о понятии «быстрого мира»

Когда мы рассуждаем о будущем, требуется и хочется назвать, поименовать этот «следующий мир». И сделать название социально реферируемым: так Реальность братьев Стругацких вполне понятна для поколения, родившегося в 50-60-е годы XX века. Для нужной нам референции совершенно достаточно, чтобы поколение подростков после ознакомления с литературным образом жизни в новом мире сказало: «Да, мы туда хотим», и лучше, чтобы это были русские, а не японские или американские подростки. А то Россия — мастерица мечтать, а бренд с начинкой утащить и активизировать легко и на другой половине земного шара. Глобализация, знаете ли...

Сергей Градировский, руководитель Центра стратегических исследований Приволжского федерального округа, задает уныло конкретные вопросы: а какое «у них» завтра будет расписание занятий в Университете, и будет ли вообще Университет, о чем «они» будут говорить, и что носить? Если мы не ответим на вопросы о материальной культуре и «цимесе» придуманного мира, он и не возникнет. А отвечать — эдак по толстому роману в год, у нас, теоретиков будущего, нет времени.

Зануда С. Градировский не унимается и спрашивает о главном: в чем различие между нами и «ими»? Ведь если различения нет, то нет нового, и бренд «быстрого мира» становится трендом из существующего в позднесуществующее. И приходится таскать каштаны из огня и отвечать вопрошающему хотя бы в самом общем виде: это будет, ну почти как у Р. Лафферти в «Долгой ночи со вторника на среду»¹⁷⁹. Фантасты всегда были подспорьем прогностикам; футурологические конгрессы — это междисциплинарные съезды вычислителей и угадывателей. Что-то хило у нас в России со съездами. Последний такой «Странник» был, и то там писатели обсуждают «скушный мир», «хорошее интеллигентское прошлое», «продажность и продаваемость» и прочие в зубах навязшие проблемы людей без глаз, ощущений, интуиции и чувств. Людей, у которых Россия давно погибла, а водка пока осталась. Интеллигенция переродилась, а элита не возродилась. Издательства стали ОБЛ

¹⁷⁹Лафферти Р. Долгая ночь со вторника на среду/ /Если. 1992. №3.

ОНО и прочими адептами Тройки Стругацких. Пиар нужен любой. Никто никому ничего не должен, но хочется, чтобы должен был... ну и «опять пошла морока про коварный зарубеж».

Маша Звездецкая, как звезданет в Конгрессе своим весельчаковым прагматизмом: «Давайте на одном и том же месте кушать, спать, жить, творить и делиться со мной», так сразу и вспоминаешь произведения Стругацких, где женщин мало... И все они не похожи на Машу. Хочется, конечно, закрыть дурному настоящему вход в будущее или пропуска устраивать, карантин эдакий на перерождение человека, осваивающего материальное пространство, в человека, проживающего духовное время.

Билл Гейтс считает, что, поднимая столларовую купюру с пола, он теряет деньги, а не зарабатывает их: если бы эти пять секунд он мыследействовал, прибыль была бы больше несчастных ста баксов.

При приближении к постиндустриальному барьеру скорость бега возрастает, однако следует помнить и то, что «делать быстро» это означает «медленно, но без перерывов выполнять свою работу». Иначе говоря, концентрироваться и не производить лишнего. Особенно же — лишних сущностей. Такой вот, новый Оккам. Подобная практика — суть безошибочные действия, то есть озарение и следование этому озарению вместо шатания от решения к решению с отвлечениями на людей или Богов. Частично данную задачу решает ТРИЗ, но вот беда: тризовские решения плохо объясняются Заказчику, ТРИЗ предельно бесчеловечен: объяснять, а тем паче «живописать» — ему чуждо. А если Заказчика нет, даже в виде собственной совести или мечты, то бежать просто незачем. И правда, чего жилы рвать в никуда? Вспоминается Алиса — «если не знаешь, куда ты хочешь попасть, то все равно куда и идти».

Проектант у «быстрого мира» есть, и будем надеяться, что он строит «постиндустриальное будущее» не за шесть дней. А если и за шесть, то, что по нашему счету Его День? Посмотрим раскладку грядущих кризисов, они же — вызовы нашего Проектанта к текущей цивилизации. Во-первых, кризис сырьевой (и энергетический, прежде всего), его рамки 2008-2030 годы. Дальше придется идти (или лететь) через барьер или откатиться в Темные века нового феодализма. Во-вторых, кризис управления: мировые корпорации не справляются со сложностью собственной системы, государства уныло перебирают комбинации прежних форм управления и не имеют инновационных амбиций. Кризис превратит мировую экономику в тупое перераспределение средств уже к 2010 году. В-третьих, экзистенциальный кризис: шарик географических открытий кончился, Космос слабо расположен к людям. Тот же кризис трансцендентный: старые Боги надоели, до новых не достать, Единого не очистить от информационной пыли, да и страшновато. Вдруг там его нет. Это — вечный кризис. Его ровесник — Век, мы к нему все привыкли.

Так что наш Первый день — это адаптация к перелету и пересчет приземлившихся. Канун перелета — 2030 год, например, и спасибо, если люди вспомнят ефремовское «лучше быть беднее, но подготовить общество с большей заботой о будущем».

Предисловие: проблема потери темпа

Каждому школьнику, прошедшему через увлечение занимательной математикой и логикой, известна «Задача о двух золотоискателях». Имеются два старателя, вооруженных кольцами, лопатами и иным оружием и отнюдь не склонных к длительным переговорам и обсуждениям. Имеется намытая ими совместно куча золотого песка. Надо быстро разделить ее и по возможности так, чтобы никто не счел себя обиженным и не схватился за пистолет. Решение тривиально и находится почти сразу: один делит золото на две, как ему кажется, равные части, а второй выбирает любую часть. Все честно, обижаться не на кого. Мало кто знает, однако, что, если золотоискателей не двое, а трое, решение становится очень сложным¹⁸⁰: едва ли кто-то из старателей сможет понять его. Далее с ростом численности

¹⁸⁰Решения, приводимые в учебниках, даже в прекрасной книге М. Гарднера (Гарднер М. Математические досуги. М.: Мир, 1972) ошибочны: они не учитывают

бригады проблемы растут, как снежный ком.

По-видимому, что-то подобное происходит и в административных системах. С ростом количества управляющих элементов согласование позиций и интересов лиц, принимающих решения, поглощает все большую долю совокупного управленческого ресурса. В конце концов система теряет связь с реальным временем и, по сути, перестает функционировать как административная. Процессы идут сами по себе (и в одном темпе), система работает сама по себе (и совсем в ином, много меньшем темпе), а расплачиваться за возникающие административные диссонансы приходится за счет избыточной открытости системы. Проще говоря, золотом, железом и кровью.

Сказанное выполняется вне зависимости от того, с какой административной системой мы имеем дело. При росте сложности управляемой системы индуктивно растет сложность управляющей, то есть увеличивается число осмысленных и кем-то занятых позиций. С увеличением числа «игроков» длительность обсуждения решений увеличивается, как факториал числа игроков, и соответственно растет характерное время принятия решения. Между тем если исходная управляемая система усложняется, то есть если в ней растет число противоречий и/или их напряженность, частота процессов в системе увеличивается, а время реагирования на эти процессы управляющей системы, соответственно, должно уменьшаться. В результате управляемая система приходит в режим нарастающих колебаний, который разрушит или ее административную надстройку, или саму систему, или обе системы вместе.

Еще раз подчеркнем: принципиально, **что** именно является объектом управления и **кто** пытается играть роль управляющего субъекта. Речь может идти об администрировании баз данных, федеральных целевых программ, развития науки, территорий, корпораций... в любом случае при росте числа «игроков» возникает кризис управления и вытекающий из него кризис развития.

Представляется, что именно с таким кризисом столкнулось сейчас прогрессивное западное человечество, а вслед за ним и все подвергнувшиеся глобализации страны. Россия, как всегда, шла своим особым путем, но в том же направлении. Сегодня характерное время принятия стратегических решений в управленческих системах составляет приблизительно год¹⁸¹, что примерно соответствует темпам макроэкономических процессов, но уже отстает от темпов политических процессов (0,1-0,2 года по опыту Грузии и Украины). Еще хуже обстоит дело с оперативно-тактическим уровнем управления, где характерные времена развития событий составляют часы, а реагирования на них — дни¹⁸².

возможной коалиции двоих против третьего.

181 Вероятно, даже больше. Здесь не учитывается то обстоятельство, что в год выборов (а также полгода до этого срока и полгода после) стратегические решения традиционно не принимаются.

182 При правильной (для террористов) тактике расписание боевых действий в Беслане выглядит следующим образом: 9.00 — захват заложников, 9.30 завершение релаксационных процессов (местные силы сопротивления подавлены, заложники собраны вместе и изолированы), 9.45 — уничтожение основной массы заложников и отход, 10.00 — передача властям требований (по Интернету через спутниковую связь). К 12.00 в Беслане появляются первые федеральные силы, которые втягиваются в расчистку завалов, спасение оставшихся в живых заложников, стрельбу по подозрительным целям. 14.00 — атака следующей цели (от 150 до 300 километров от Беслана)... При хорошем расчете и некотором везении одной террористической группой можно нанести до трех ударов за световой день, убить за это время более 2000 заложников и к вечеру отвести группу в глубокий тыл, поставив федеральную власть перед тотальной политической катастрофой. Подобное развитие событий привело бы к падению кабинета, если не Президента, но весь ужас в том и состоит, что следующее правительство столь же бессильно против «опережающего террора», как и предыдущее. На наше счастье чеченские террористы или силы, ими прикрывающиеся, принадлежат к традиционной фазе развития и действовать быстро, по-видимому, не умеют. Но Кавказом тактические вызовы современному российскому управлению, увы, не

Практически, на тактическом уровне современный цивилизованный мир уже не управляется, что воспринимается населением и элитами как лавинообразное возрастание **угрозы безопасности жизнедеятельности** (катастрофы, террористические акты разного уровня и т.п.).

С появлением глобальных, то есть обладающих свойством втягивать в себя чужие смыслы когнитивных геокультурных проектов, в ближайшие годы резко возрастут характерные частоты гео- и социокультурных процессов. В результате властные элиты, что русские, что зарубежные, окажутся перед лицом прогрессирующего «схлопывания» пространства процессов, вообще не поддающихся управлению. Огромный мир, вершителями судеб которого они недавно были, представится не чем иным, как воплощением Хаоса.

И речь идет не о каком-то далеком будущем, типа «времени исчерпания запасов углеводородов» или «падения астероида». ВТЦ, «Норд-Ост», Мадрид и Беслан убедительно доказывают, что тактическое управление нарушено уже сейчас. Если нарастание сложности системы «человечество» идет с той же скоростью, что и демографический рост (а из общих соображений сложность должна расти быстрее), полная утрата управления произойдет в конце второго — начале третьего десятилетия XXI века.

Напомним, что ситуация, когда «верхи» не могут управлять ни по старому, ни по новому, указывает в лучшем случае на революционную ситуацию, а в худшем — на социальную катастрофу.

Единственная разумная возможность — резко изменить характерные скорости принятия решений. Сначала на уровне элит, затем — на уровне масс. Перейти от неспешного индустриального существования к быстрой жизни в «быстром мире».

Данная статья посвящена техникам «быстрого мира» и их сравнению с современными форматами жизни.

1. Как происходит потеря темпа? (на примерах из новейшей истории России)

Производство книг как версия сырьевой индустрии

Начнем наш анализ со специфического сектора российской экономики — производства книг. В свое время (конец 1980-х годов) именно этот сектор первым выстроил у себя систему рыночных отношений — с частными производителями, колебаниями цен, сверхприбылями, борьбой за потребителя. В настоящее время книжное дело находится в России в глубоком и долговременном кризисе, причем маловероятно, что рынок сможет сам — без помощи государства и не вследствие полного коллапса — из этого состояния выйти.

Прежде всего издательский рынок перешел в так называемую «олигопольную стадию», когда все доступное экономическое пространство разделено между несколькими (в данном случае тремя) крупными собственниками, заключившими между собой ряд картельных соглашений. Собственники контролируют основной пул авторских прав и розничную торговую сеть. В этих условиях появление на рынке нового игрока невозможно.

Дефолт 1998 г. резко снизил прибыли в книжной индустрии, поскольку авторские вознаграждения выплачиваются в валютном эквиваленте, в то время как книги продаются за рубли — и значительно позднее. Ответом концернов на это стало снижение авторских и редакторских расценок. Как следствие, талантливые люди начали покидать сектор, новые авторы если и появлялись на российском литературном небосклоне в период 2000- 2004 гг., то как исключение. Правилom стали стандартные книги, однообразно, но с обязательным соблюдением всех правил жанра написанные, плохо вычитанные и отредактированные, но прочно и качественно изданные.

ограничиваются.

Книги эти издаются, поскольку отделы продаж концернов находятся в уверенности, что их читают. Так это или не так, но установить истину вне отдела сбыта все равно невозможно. Во всяком случае, читатели, получающие этот товар в течение длительного времени, другую литературу понимать уже не в состоянии... Как я уже неоднократно говорил и писал, «того читателя, который был в 1986 году, мы даже приблизительно не имеем».

«Средняя книжка» 2004 года (тираж 5000) стоит в магазинах и на лотках 150 рублей за 15-18 авторских листов текста без иллюстраций, но с цветной обложкой. Из этих денег 100 рублей получает книготорговая сеть. Насколько можно судить, примерно столько же она теряет на учете, «распиле», воровстве и бесхозяйственности.

Из 50 рублей отпускной цены издательства автор получает 0,5-1,5 рубля (в среднем 100), редактор, корректор и т.д.— еще столько же. В результате стоимость человеческого труда сотрудников издательского сектора (от секретарши до директора издательства + автор + литературные агентства) в лучшем случае составляет 4% отпускной цены издательства и менее 1,4% конечной стоимости книги.

Таким образом, органическое строение капитала оказывается в книжном бизнесе катастрофически низким, что свидетельствует, во-первых, о низких прибылях в секторе, а во-вторых, о его социальной незначимости. Рассчитывать на появление новых ярких и талантливых авторов, на расцвет таланта уже пришедших в литературу, на повышение общей культуры издания не приходится. Человеческий капитал сам по себе не растет, а при низком органическом строении капитала он не является привлекательным объектом для инвестиций. Бизнес с подобным строением капитала не умеет зарабатывать на человеческом труде и не пытается делать это.

В сущности, книгоиздательский бизнес носит в России все признаки сырьевого. За счет контроля над рынком авторских прав концерны гарантируют себе поступление текстов, отвечающих требованиям отдела продаж (никаких других требований к этим текстам не предъявляется). Прибыль концернов образуется за счет объемов проходящей через них макулатуры.

В этой схеме авторы (среди которых многие — сотрудники редакций) представляют собой «запасы нефти». Скупка авторских прав эквивалентна созданию буровых вышек. Книготорговая сеть играет роль «Транснефти», и неудивительно, что на ее долю выпадает очень большой доход, как неудивительно и то, что этот доход едва компенсирует потери. Такая вот версия сырьевой индустрии, преобразующей смыслы в деньги. Преобразующей крайне неэффективно, но, если за ресурс не надо платить, — вполне рентабельно.

В условиях «быстрого» и даже «ускоряющегося» мира эта индустрия обречена на гибель. Во-первых, она чрезвычайно инертна. Во-вторых, полностью или почти полностью утратила качественный кадровый состав и не сможет в короткие сроки его восстановить. В-третьих, все существующие книгоиздательские механизмы рассчитаны на очень медленное движение большого числа проектов: прибыль создается массой, а не скоростью.

В современной книжной индустрии время отклика на событие, будь то война в Ираке, Олимпиада в Афинах, террор в «Норд-Осте» или, скажем, выход на Западе нового бестселлера, составляет примерно год. Три месяца занимает минимальный цикл принятия решения, то есть согласования позиций редакционной коллегии концерна, авторско-редакторской группы, которая может и не принадлежать концерну, входя в состав так называемых пэкетжинговых компаний, отдела продаж концерна, иногда — владелец концерна. Не менее полугода создается или переводится текст. Еще три месяца делается макет, и примерно столько же времени требуется на типографские работы. Некоторые стадии процесса могут быть ускорены, но принятие решений, как правило, происходит даже медленнее, чем в изложенной «стандартной модели».

Понятно, что за год современной «ускоренной» жизни актуальность события резко падает: книга теряет привязку к современности и ресурс общественного внимания. Она будет «как-то продаваться», но свой шанс оказать макроскопическое воздействие на социум и вместе с тем принести реальные прибыли создателям она упустит **по самой технологии**

современного издательского бизнеса.

С точки зрения интересов «быстрого мира» органическое строение капитала в книгоиздании должно быть увеличено не менее чем в 10 раз. Это означает на деле картельный сговор всех субъектов издательского процесса и установление минимальных ставок, ниже которых «опускать планку» не имеет права ни один из участников соглашения¹⁸³. При этом книги подорожают, что первоначально приведет к сокращению спроса. На это следует реагировать сокращением литературного «потока» — что-то вроде ОПЕКовских квот на поставку нефти на рынок.

Далее следует развивать «быстрые технологии»:

- Принятие решения в течение 24 часов после наступления события
- Создание основного текста в течение двух недель после наступления события¹⁸⁴
- Создание макета в течение недели после сдачи текста
- Контроль над типографией, гарантирующий недельный цикл обработки макета
- Одновременная подготовка рекламной компании и книготорговой сети к «раскрутке» проекта

В этой схеме время реакции составляет 28-30 дней, что соответствует стапельному периоду постройки судов класса «либерти» во Вторую Мировую войну. Это, конечно, еще не «быстрый мир», но, во всяком случае, «ускоряющийся».

По сравнению с сегодняшним днем.

Инновационная Россия 2000-2004 гг.

История с переходом России к инновационному развитию может рассматриваться как иллюстрация нарастающих **задержек в каналах управления**.

К 2000 году стало ясно, что развитие РФ как страны с чисто сырьевой экономикой не имеет перспектив. Во-первых, сырьевое производство принципиально не замкнуто, причем управляющие звенья технологических цепочек находятся вне юрисдикции России. Во-вторых, соглашаясь на моноукладную экономику, государство попадает в заложники этой экономики: оно не может регулировать экономические процессы внутри страны и не в состоянии противостоять неблагоприятным изменениям конъюнктуры на внешних рынках.

Напротив, модель с двумя секторами экономики позволяла правительству и государственному аппарату активно влиять на внутристрановой экономический баланс и обеспечивала определенную устойчивость экономики за счет возможности ресурсного маневра. Поскольку восстановление индустриальной экономики как модуля мирового индустриального производства не обещало ничего, кроме проблем во взаимоотношениях с Китаем и Индией, в высших элитах РФ был достигнут консенсус по вопросу о необходимости создавать в России инновационную постиндустриальную экономику. Дополнительным аргументом в пользу этой позиции была необходимость технологического

¹⁸³Современные расценки таковы, что популярный, хорошо издающийся и продающийся автор должен, чтобы прокормить себя и семью на очень среднем уровне, выпускать за год не менее двух 20-25 листовых романов, то есть писать около 40 000 знаков **чистового** текста каждую неделю.

¹⁸⁴Это подразумевает переход от авторов к авторским коллективам, работающим в парадигме совместной мыследеятельности (если хотите, со-творчества). Работа осуществляется в режиме погружения, что означает соответствующую зарплату. Для книги в 20 листов авторское вознаграждение составит от 8 до 10 тысяч долларов, а общая «надбавка за срочность» — около 12 000. При стандартном пяти тысячном тираже это дает наценку на конечную стоимость книги 2 рубля 40 копеек, с увеличением тиража «наценка» быстро падает. О состоянии издательского рынка сегодня говорит тот факт, что все концерны и все пэкетжинговые компании считают такую надбавку неприемлемой, а цену проекта — неконкурентоспособной.

переоснащения предприятий сырьевой отрасли. Выгоднее было проводить это переоснащение на базе собственных НИОКР, а не за счет импорта устаревающих западных технологий.

Все необходимые для создания инновационной экономики предпосылки в стране были: имела научная и технологическая база, наличествовал соответствующий кадровый состав, функционировали адекватные образовательные структуры, сохранялся опыт успешных инновационных проектов, осуществленных в СССР. Единства мнений в государственном аппарате было. Даже поддержка со стороны бизнеса имела место. Тем не менее за период с начала 2000 по конец 2004 года никаких реальных действий по инсталляции инновационной программы России предпринять не удалось.

Почему?

Потому что все эти годы в экспертных и правительственных кругах продолжается дискуссия: какой должна быть эта самая инновационная программа.

В принципе, прототипов достаточно. Есть модель ЕС, наиболее полно представленная в Национальной инновационной системе Франции. Есть британские, немецкие, американские разработки, близкий нам по идеологии южнокорейский проект. Есть, наконец, собственный советский успешный опыт. Достигнуто понимание того, что инновационные системы никогда не создавались как некий законченный рефлектируемый проект. Как правило, они возникали постфактум — через системное объединение различных «чрезвычайных» институтов, созданных для быстрого решения наиболее насущной проблемы из числа тех, с которыми столкнулось общество. В этой связи российскую инновационную систему можно было также выстраивать поэтапно и привязывать к конкретным задачам.

В действительности до сих пор в нашей стране не создано ни одного инновационного института, но уже пятый год продолжается изучение и сравнение разнообразнейших инновационных программ.

Темпы потеряны. Деньги на разработку этих программ истрачены. Конечно, это — мелкие деньги, но и их тоже жалко. Практическая деятельность отсутствует.

Контрольное решение:

- Разработать и принять временные законы «о статусе инновации», «об инновационной деятельности», «об инновационной корпорации», «о НИР и НИОКР на территории РФ»
- Подготовить силами экспертного сообщества и опубликовать доклад «Национальная инновационная система РФ», придать этому документу статус закона
- Создать также на временной основе ряд инновационных институтов, описанных в докладе
- По мере развития инновационного процесса вносить изменения в принятые документы, имея в виду получить к концу двух лет работы (2002 год) окончательные версии законов, докладов, институций

Пространство СНГ

Правительство Б. Ельцина, похоже, вообще обходилось без внешнеполитической доктрины. Внешняя политика В. Путина не озвучивалась, но, насколько можно судить, сводится к обеспечению суверенитета РФ над своей территорией, поддержанию сравнительно мирных отношений с ЕС, США, Китаем и поиску активной «игры» на постсоветском пространстве, прежде всего, среди государств СНГ.

СНГ — естественный источник рабочей силы для РФ. Привлекательность России как «мирового перевозчика» во многом зависит от того, осуществляет ли Россия контроль над транспортными структурами «лимитрофов». Некоторые из стран СНГ могут быть интересны с точки зрения разработки и утилизации их природных ресурсов (Казахстан), другие привлекают географическим положением и возможностями геополитического контроля

территорий (Белоруссия, Украина, Армения, тот же Казахстан), есть области, где РФ может по-прежнему выполнять свою роль «арбитра», выстраивающего региональную систему отношений. Наконец, СНГ является рынком сбыта для российского производителя: сырьевого, промышленного, постиндустриального.

Понятно, что по тем же причинам пространство СНГ интересует конкурентов России, и прежде всего ЕС, для которого постсоветские государства — естественный источник роста и развития. И Евросоюз плодотворно работает в этом направлении. Он уже включил в свой состав Литву, Латвию и Эстонию, что, кстати, существенно понизило уровень военной безопасности РФ, и — через «Оранжевые революции» — Украину и Грузию. Была попытка спровоцировать «оранжевые» выступления в Армении. Идет борьба в Молдавии. Практически, за истекшее четырехлетие Россия проиграла схватку за пространство СНГ, в то время как Европа выиграла ее. Какие-то шансы, впрочем, еще остаются..

Чем объяснить столь неблагоприятное для РФ развитие событий, особенно с учетом выгодного географического положения России, наличия исторических, политических, культурных, личных связей с «лимитрофами»? Причина все та же: организационно-управленческий коллапс, растрата активного времени. Российская политика, да и экономика действовали в пространстве СНГ «с медлительностью, для которой нет имени».

Здесь необходимо указать, что если «силовые» или «экономические» министерства России еще осуществляют какую-то, пусть и крайне медленную, но все-таки деятельность, то российский МИД, по-видимому, находится в глубоком анабиозе. Дело обстоит даже хуже: он не только не в состоянии вести сколько-нибудь последовательную и разумную политику, но и блокирует все попытки других инстанций заняться (вероятно, от отчаяния) внешнеполитической деятельностью.

В результате Россия политически проигрывает везде.

В ситуации с Киотским протоколом, где была занята твердая, надежная, непробиваемая и отвечающая интересам РФ позиция, отсутствие своевременной «игры» привело к неожиданной и унижительной капитуляции. На Дальнем Востоке странная как по форме, так и по содержанию попытка МИДа разом решить тяжелую проблему взаимоотношений России и Японии лишь по счастливой случайности не завершилась катастрофой. В Абхазии, Аджарии и Грузии была видимость деятельности, но опять-таки с таким «отставанием по фазе» от развития событий, что результат получился прямо противоположный ожидаемому. Еще хуже была проведена операция на Украине.

Здесь даже как-то неудобно говорить о «контрольном решении», столь оно очевидно:

- Прежде всего стране необходимо определиться с политическими целями страны — в мире, в регионах, в пространстве СНГ
- Затем нужно создать проводника этой политики (поскольку российский МИД не в состоянии перестроиться, а в своей современной форме физически не способен проводить в жизнь что бы то ни было)
- Вести политику поддержки экономической зависимости государств СНГ от России при всемерной поддержке их культурной и политической независимости
- Расширять культурное сотрудничество
- Способствовать созданию в пространстве СНГ региональных объединений
- Способствовать проникновению на территорию СНГ крупных российских корпораций, прежде всего РАО ЕЭС России, Газпрома, Транснефти
- Иметь в качестве стратегической цели тесно связанные политико-экономические объединения внутри СНГ, созданные вокруг России («Союз четырех», «Золотой круг» и т.п.)

Заметим здесь, что дальнейшее проведение «запаздывающей» внешней политики в пространстве СНГ приведет к тому, что оно будет потеряно, а следующей «площадкой» — для той же игры по тем же правилам — станет территория самой Российской Федерации.

В мире «Туманности Андромеды», или «Когда счет идет на столетия»: Россия на Тихом океане

Как-то, при анализе романа И. Ефремова «Туманность Андромеды», обнаружилось, что время в этом тексте не движется. Технические системы развиваются с неправдоподобной медлительностью (прирост характеристик звездолетов составляет единицы процентов за столетие), социальные отношения не развиваются вообще, даже на уровне личности время стоит: за характерное время звездной экспедиции порядка 20 лет на Земле ничего не изменилось, даже возлюбленная Эрга Ноора по-прежнему молода. Автор не акцентировал на этом особого внимания, но в действительности он просто изображал цивилизацию не-европейского типа, с выраженными «восточными» корнями.

Россия — по крайней мере со времен Петра — настаивает на своей принадлежности к Европе, и с учетом впечатляющего динамизма ее истории с этим трудно не согласиться. Однако в некоторых вопросах наша страна ведет себя так, будто у нее сколько угодно времени и потеря трех-четырех столетий ничего для России не значит.

Первая попытка России выработать стратегию борьбы за Тихий океан принадлежит XVIII столетию. Григорий Шелихов, сын небогатого купца из Рыльского, начал эту операцию, добравшись до Иркутска и вступив в местную колонию зверопромышленников. Накопив средства, он закладывает в Охотске три парусных корабля и с суммарным экипажем 192 человека отправляется в плавание. Он поставил перед собой следующие задачи:

- Создание факторий, то есть присоединение к России де-факто Командорских и Алеутских островов, Аляски, Калифорнийского побережья
- Создание русскоязычных школ для местных жителей (русский язык, русская литература, Закон Божий, арифметика)
- Установление экономического и военного контроля над Гавайским архипелагом
- Установление присутствия России на Филиппинских островах, Тайване и в Голландской Ост-Индии (Индонезии)
- Перевод российского форпоста на Дальнем Востоке из Охотска в Авачинскую бухту полуострова Камчатка

Большую часть этих задач Шелихов успешно решил за три года. Затем он вернулся в Иркутск, отчитался перед местными зверо- и золотопромышленниками, был послан в Петербург, доложил проект «Русская Америка» высшему руководству Империи, получил высочайшую поддержку и благословение, вернулся в Иркутск готовить новую экспедицию и скоропостижно скончался от неизвестной болезни.

Последователи Г. Шелихова не имели его пассионарности и размаха, но распорядиться наследством, в общем, сумели, обеспечив за собой и за Россией Алеуты, Аляску, Калифорнийское побережье.

Затем Россия начала терять эти земли. Сперва Калифорнию, а затем и Аляску с Алеутами. Последний акт ликвидации «Русской Америки» и российского влияния на Тихом океане пришелся на царствование Александра Второго. Вряд ли Освободитель с легким сердцем расставался с завоеванными землями, зарабатывая сомнительную славу первого русского самодержца, торгующего территорией России. Увы, вариантов не было: Россия так и не удосужилась создать на Тихом океане систему обороны, а русский флот, опоздавший к промышленной революции, был неконкурентоспособен.

Александр Третий подошел к тихоокеанским задачам с истинно царским размахом. Опираясь на Петропавловск и Владивосток, оборудованные как первоклассные крепости, он начал строительство колоссальной трансконтинентальной магистрали. Руководителем проекта был наследник престола Великий князь Николай Александрович. Одновременно началось сосредоточение на Дальнем Востоке российского Тихоокеанского флота. Предполагалось, создав все необходимые предпосылки, развернуть активные действия на Тихом океане, прежде всего в его западном секторе.

К несчастью, Николай Второй в тонкости отцовских замыслов посвящен не был. В

результате Россия, воспользовавшись случайно подвернувшемся тактическим шансом, захватила Порт-Артур и оказалась преждевременно втянутой в войну с Японией. Война эта обернулась политической катастрофой, потерей половины Сахалина и ликвидацией русского Тихоокеанского флота.

После Второй Мировой войны Сахалин вернулся обратно, а с ним и полезный «довесок» в виде Курильского стратегического барьера, но особого интереса не вызвал. За прошедшие десятилетия на острове даже не сочли нужным заменить железнодорожную колею на русскую. В эпоху Третьей Мировой («холодной») войны Дальний Восток рассматривался лишь как место базирования подводных ракетноносцев.

Сейчас, через 250 лет после Шелихова, перед Россией вновь стоит задача определить свою тихоокеанскую политику. На сегодня восточнее меридиана Иркутска живет менее двенадцати миллионов человек, непосредственно в Дальневосточном федеральном округе — около трех миллионов. Экономическая, социальная, культурная связность этого региона с Россией очень мала. Экономика ряда областей ДВФО растет значительно быстрее, нежели увеличивается пропускная способность инфраструктуры. Согласно «транспортной теореме» это означает, что при «позиционной игре» на «мировой шахматной доске» Российская Федерация Дальний Восток не удерживает.

Рост рынка АТР и перспективы активного развития тихоокеанской торговли — все это ставит Россию перед необходимостью как-то соотнести свое региональное развитие с мировыми трендами. Эту проблему российский истеблишмент решает, по крайней мере, с момента создания федеральных округов, если не раньше. Тем не менее по сей день программы развития Дальнего Востока нет и не предвидится, средства на ее разработку и реализацию не выделены¹⁸⁵. В этих условиях отдельные субъекты Федерации начинают разрабатывать собственные самостоятельные стратегии и политики — с вполне понятным результатом.

«Контрольное решение» в этой задаче — делать хоть что-нибудь. Как в старом английском анекдоте: «Скажите им... ну, хоть, прощайте, ребята!». Идеальное решение — полностью сосредоточить внимание страны на Дальнем Востоке и Тихом океане, для чего перенести во Владивосток одну из столиц РФ (президентскую)¹⁸⁶, резко усилить военный флот на Тихом океане, чтобы, для начала, обеспечить прикрытие морской границы РФ по Курило-Камчатско-Сахалинскому барьеру, объявить Охотское море внутренним морем РФ. Далее создать торговый флот на Дальнем Востоке, построить мост, связывающий Сахалин с материком, инсталлировать кольцевую инфраструктуру Сахалин—Хабаровский край—Приморский край—Китай—Корея—Япония—Сахалин, наращивать возможности портов.

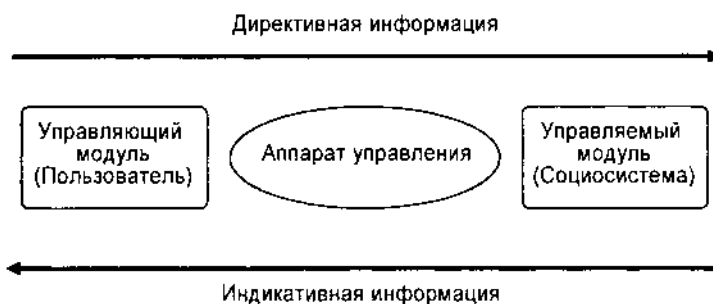
2. Почему происходит потеря темпа?

Сдвиг фаз как атрибутивное свойство индустриальных каналов управления

Всякий управленческий уровень можно рассматривать как контур обратной связи между управляющим и управляемым модулями системы:

185С 2004 года ситуация в этом отношении изменилась к лучшему: Владивосток намечен как место проведения форумов ФТЭС и ШОС, в хозяйство региона вложены крупные финансовые ресурсы, вновь начались разговоры о строительстве Сахалинского моста, но вернуть потерянные темпы трудно, тем более что развертывание стратегических инвестиционных проектов на Дальнем Востоке по-прежнему происходит очень медленно.

186Сосредоточение всех столичных функций (исполнительная, законодательная, судебная, президентская, финансовая, духовная власть) в одном городе методологически не оправдано и с практической точки зрения не удобно. Смотри также статью «География нового освоения» во втором томе настоящего издания.

Этот механизм работает в двух основных режимах: директивном, когда источником управленческого сигнала является Пользователь, и релаксационном, когда управляющий сигнал создается социосистемой и свидетельствует о том или ином неблагополучии. Директивный режим отвечает динамическому, а релаксационный — статическому равновесию социосистемы. В любом случае в аппарате управления происходит сравнение директивного сигнала (как должно быть) и индикативного сигнала (так есть), разностный сигнал передается Пользователю либо рассматривается как директивный сигнал для следующего уровня управления.

Понятно, что процесс передачи информации сопровождается изменением длины информационного вектора (изменение объема информации при трансляции, действительная часть информационного сопротивления) и поворотом этого вектора в аспектном пространстве (изменение структуры информации при трансляции, мнимая часть информационного сопротивления). В этой связи, если директивный сигнал объективно совпадает с индикативным, будет вырабатываться ложный разностный управляющий сигнал — управленческий «шум»¹⁸⁷.

Для нас существенно, что директивная и индикативная информация, касающаяся одного и того же события, не может быть синхронизирована, причем величина задержки определяется особенностями работы аппарата управления.

В традиционном обществе аппарата¹⁸⁸, как такового, не существует. В результате для этого общества характерны три моды управления:

1. Управление ситуацией — непосредственная реакция Пользователя на те или иные события (например, приказы, отдаваемые на поле битвы лично королем Франции)
2. Управление будущим — распоряжения, предусматривающие действия, результаты которых заведомо проявятся лишь в следующих поколениях (строительство соборов; мелиорация северной Италии по приказу герцога Медичи)
3. Управление без управления — холостая прокрутка механизма директива/индикатива при решении малозначимых вопросов («Как челобитную подаешь, холоп?!»)

Заметим здесь, что возможность управления будущим в европейском средневековом обществе существовала только благодаря Римско-католической церкви, которая как раз обладала развитым административным аппаратом современного типа. Именно наличие

¹⁸⁷При очень больших коэффициентах усиления в аппарате управления «шум» может привести к самовозбуждению административной системы с непредсказуемыми последствиями (например, репрессии 1937-1938 гг. как следствие «отравления» системы ложными управляющими сигналами при проведении индустриализации).

¹⁸⁸Есть, разумеется, налоговая система, некоторое количество чиновников и сановников и пр., но для государственного управленческого аппарата в современном понимании этого термина (то есть для голема Лазарчука—Лелика) эта система мала и обладает низкой информационной связностью. Отметим, что управленческий аппарат существовал в больших империях типа Римской, но история таких империй, и в первую очередь обстоятельства их гибели, заставляет говорить не о традиционном, а именно об индустриальном сценарии. В свое время для обозначения подобных государств использовался даже термин «античный капитализм».

аппарата и вместе с ним сдвига в управлении и привело к катастрофе католицизма — Реформации.

Индустриальная фаза развития ознаменовалась созданием национальных государств с системой разделения властей (де-факто) и переходом от цехового к корпоративному способу организации производства. В обоих случаях возникал административный аппарат, отчужденный как от Пользователя, так и от управляемой системы. Этот аппарат обладал качествами информационного усилителя, он резко повышал эффективность и глубину управления, как директивного, так и индикативного, но он представлял собой достаточно сложную и медленно функционирующую систему. В результате в канале управления возник неустраняемый фазовый сдвиг между директивной и индикативной информацией, относящейся к одному и тому же событию. Этот фазовый сдвиг привел к функциональной перегрузке управленческих каналов, которые отставали от реальности всегда, как бы быстро они ни работали, к снижению качества управления, и в том числе к возникновению автоколебаний в цепи управления, и в конечном итоге к экономическим потерям.

В военной, а в известной мере и в бизнес-сфере возникшую проблему пытались разрешить за счет планирования, то есть управления будущим. Однако планирование имело дело не с реальным миром, а с некой его проекцией, и в этом смысле фазовый сдвиг внутри канала управления заменялся на фазовый сдвиг между реальностью и ее моделью, используемой при планировании. Самовозбуждение административной системы, включающей штабное звено, проявляется в антагонизме штабных и «полевых» структур, а внутри самого штаба — как противоречие между оперативным и стратегическим звеньями управления.

Создание штабного звена тем не менее способствовало улучшению качества управления. Необходимо, однако, иметь в виду, что в государственных структурах мирного времени такое звено отсутствует, а в корпоративном бизнесе оно резко ограничено в правах. Кроме того, самая совершенная штабная структура бессильна против неожиданностей, то есть против случайных событий, которые не могут быть предсказаны в принципе, и против закономерных событий, являющихся результатом процессов с характерными временами, меньшими, нежели сдвиг в контуре управления.

Проблема запаздывающего управления разрешалась в индустриальную фазу за счет избыточной эксплуатации ресурсов, что подразумевало избыточную открытость индустриальной социосистемы. Иными словами, индустриальная Ойкумена всегда существовала за счет территориальной, национальной или классовой Украины, которая и платила за управленческие ошибки¹⁸⁹. Точно так же за административные ошибки крупных корпораций расплачивались юридические и физические лица, не защищенные корпоративным ресурсом.

Глобализация означает помимо всего прочего и утилизацию ресурса Украины. То есть современным национальным государствам, национальным и транснациональным корпорациям придется столкнуться с проблемой запаздывания управления напрямую.

Запаздывание как необходимое условие индустриального капитализма

Итак, фазовый сдвиг в канале управления есть плата за глубину и всеохватность этого канала, за высокое качество индустриального управления. Индустриальное управление на всех уровнях (корпораций, стран, армий) есть управление Прошлым. Попытки обратить это управление в Будущее привели к созданию штабных инстанций: в вооруженных силах — генеральные штабы, в экономике — Госплан или аналогичные структуры, — для которых фазовый сдвиг между настоящим временем и временем управления становился

189В этой связи интересна практика выноса в «третий мир» целого ряда опасных производств. В результате ряд крупных катастроф, вызванных, заметим, именно нарастанием запаздывания в каналах управления, миновал развитые страны и обрушился на Украину. Бхопал можно рассматривать как один из наиболее ярких примеров.

отрицательным. Все знакомое нам «управление» опережало события, но за счет возникновения фазового сдвига между Текущей Реальностью, где находился штаб и Пользователь, и виртуальной Реальностью, с которой штаб работал.

Если в военной области штабное управление было сравнительно эффективным, то в экономической оно приводило к нарастающим дисбалансам и автоколебаниям даже быстрее, нежели обычное запаздывающее управление. Связано это с особенностями функционирования такой имманентной для индустриальной фазы системы, как рынок. Точнее говоря, кредитно-финансовый рынок.

Индустриальное производство принципиально кредитно. За площади, производственные мощности, сырье и рабочую силу приходится платить раньше, чем товар будет произведен и, тем более, продан. Из этого вытекают два важных обстоятельства:

Во-первых, индустриальное производство в целом должно расширяться, что подразумевает рост производства, увеличение объемов продаж и, следовательно, источников сырья и рынков сбыта. То есть индустриальная фаза, рассматриваемая как единый экономический субъект, не может находиться в равновесии с окружающей фазовой средой и должна непрерывно расти.

Во-вторых, начиная производство, предприниматель не знает, какие цены сложатся на рынке в тот момент, когда товар будет произведен и поступит в продажу. Это делает производство облигатно рискованным и вынуждает предпринимателей создавать различные формы монопольных объединений или вертикальных интегрированных структур, способных обеспечить прибыль при любых реальных колебаниях спроса и предложения.

Запаздывание между получением кредита и фиксацией прибыли дает крупным производителям возможность ограничить реальный доход мелких субъектов производства, а система залога позволяет конфисковать инновационные производящие структуры, деятельность которых грозит нарушением равновесия. Иными словами, **именно запаздывание в цепи «производство — потребление» сохраняет производство на индустриальном уровне.**

При отсутствии такого запаздывания рынок немедленно подразделяется на воспроизводящий и инновационный сектора, причем уровень прибыли во втором секторе много выше, чем в первом. Тем самым капитал будет покидать область воспроизводства и стремиться в инновационную область. Другими словами, он будет покидать область, где господствуют крупные и поэтому «медленные» компании, и стремиться в области, где производство наиболее подвижно и изменчиво. **В подобной экономической системе вместо циклического кризиса перепроизводства происходят циклические кризисы корпораций.**

Воспроизводящие производства носят «сырьевой» характер, отличаются низкой нормой прибыли и стремлением к олигополюсности или даже монополюсности. Инновационные производства отличаются высокой нормой прибыли и высоким органическим строением капитала и стремятся к предельной мультиполюсности. При этом, однако, инновационное производство преходяще: на следующем шаге оно либо гибнет, либо вырождается в воспроизводящее.

Поскольку производство и потребление энергоносителей лежит в воспроизводящем секторе, соответствующие цены носят в «быстром мире» зависимый и в известной мере договорной характер. Тем самым экономика с малым запаздыванием между производством и потреблением не является индустриальной: она подчиняется другим законам, и критической для нее является стоимость не энергоносителей, но креативной рабочей силы.

Заметим в этой связи, что индустриальная экономика может быть рассмотрена как частный, низкоэффективный случай креативной экономики.

Низкая эффективность объясняется формальной процедурой возврата ресурса из инновационного в воспроизводящий сектор, то есть в зону с более низким органическим строением капитала.

Эффективность индустриальной экономики тем ниже, чем выше ее управляемость (то

есть величина запаздывания и ссудный процент). Механизмами понижения эффективности (индустриальной деструкции) служат:

- Циклические кризисы перепроизводства
- Избыточное потребление, не обусловленное реальными потребностями
- Индустрия рекламы
- Военная и террористическая деструкция, меры безопасности
- Правовое и налоговое давление
- Экологическая деструкция, природоохранные мероприятия

По мере развития индустриальной фазы механизмы деструкции работают все более и более эффективно, что приводит к непрерывному уменьшению органического строения капитала и опосредовано к падению производительности капитала и увеличению нормы эксплуатации.

Антиглобализм — вызов запаздывающей индустриализации

Механизм перекачки средств из инновационных в воспроизводящие сектора экономики работает тем лучше, чем более связным является правовое пространство как область информационного пространства. Иными словами, запаздывание в кредитной цепи возрастает по мере «застройки» экономического и правового пространства, то есть по мере «старения» индустриальной фазы.

Понятно, что по мере падения рентабельности производства в «застроенных областях» капитал стремится вырваться на менее освоенные территории, где величина запаздывания в кредитной цепи меньше. Таким образом, индустриальная экспансия обусловлена не только поисками источников сырья и борьбой за рынки сбыта (расширение производства вследствие облигатно-кредитного характера фазы), но и стремлением капитала «убежать» из зарегулированных областей в «индустриальную пустыню».

Можно согласиться с тем, что структура фазы меняется по мере того, как изменяется характер географического движения капитала.

В. И. Ленин справедливо характеризует империалистическую стадию индустриальной фазы экономически значимым международным экспортом капитала: **век тоталитарных войн**, господство геополитической парадигмы, колониализм, войны за «естественные границы». Для **века посттоталитарных демократий** речь идет уже не об экспорте капитала, но о вынесении на особые площадки целых производственных комплексов и секторов экономики, в известном смысле — о «бегстве экономики как целого»: геоэкономический мир, неоколониализм, рента отсталости и рента развития, совокупная геоэкономическая рента, борьба за «естественные ценности».

В этом языке мы можем определить глобализацию¹⁹⁰ как обретение информационной

190 Термином «глобализация» принято обозначать три совершенно разных понятия:

1. Глобализация — это одно из проявлений кризиса индустриальной фазы развития. Суть глобализации в том, что конечность размеров Земли начала оказывать воздействие на процессы движения капитала, и в частности привела к падению производительности капитала.

Глобализация есть политика предельного снижения транзакционных издержек во имя вовлечения в индустриальное производство/ потребление последних остатков свободного экономического пространства Ойкумены. Все социальные системы, препятствующие достижению этой цели, подлежат нейтрализации. Эта составляющая процесса глобализации носит естественный и объективный характер.

2. Глобализация — это процесс социокультурного перемешивания: «прозрачность» границ, возможность трансграничного информационного обмена (Интернет), резкое увеличение связности мира как целого. Миграции, резкий рост туризма — непрерывный обмен культурными и материальными ценностями в трансконтинентальном масштабе.

оболочкой человеческой цивилизации новой связности, позволяющее выравнивать индустриальные потенциалы территорий. В роли механизмов, обеспечивающих подобное выравнивание, выступает ВТО, международное торговое законодательство и международный закон вообще, наконец, «антитеррористические коалиции», модифицирующие правовое и индустриальное пространство целых макрорегионов.

Расширение ареала индустриальной экономики — с одной стороны, и усугубление международного регулирования экономики — с другой стороны, привели к исчерпанию индустриально свободных, неосвоенных территорий. Не только капитал, но и экономика если не утратили возможность для бегства, то стремительно его утрачивают.

В этих условиях реальным продуктом экспорта Ойкумены в Украину оказывается «постиндустриальный барьер»: «экспортируется» проблемная зона современной цивилизации. В проекции на пространство экономики это означает: высокая норма эксплуатации, низкое органическое строение капитала, низкая производительность капитала, высокая аварийность.

Но Украина физически не может взять на себя проблемы постиндустриального развития, поскольку не прошла еще индустриальный отрезок пути развития. Информационное пространство Украины застроено «сверху» (другими словами, оно заполнено с точки зрения Ойкумены, жители же Украины большую часть индуцированных смыслов не опознают: для них эти смыслы не существуют, а информационное пространство — пустое). Поэтому постиндустриальная проблемная зона вырождается на Украине в индустриальную. Как обычно, «расплата за индустриальность» — загрязнение среды, потеря страновой независимости по целому ряду наименований продукции, ужесточение «правил игры» в экономике, массовое обезземеливание и другие формы перераспределения ресурсной базы — приходит раньше, нежели начинают проявляться (и притом в понятных обществу смыслах) преимущества индустриального хозяйствования.

Следовательно, антиглобализм мы должны связать с проявлениями столкновений традиционного общества с индустриальным барьером. В истории Европы можно найти немало примеров «барьерных бунтов»: движение луддитов в Великобритании, движение против огораживаний и пр. Заметим в этой связи, что, по крайней мере, некоторые «барьерные бунты» носили религиозную окраску и сопоставлялись с движением Реформации. Сейчас широко обсуждается тема «исламской реформации».

Таким образом, мы рассматриваем антиглобализм как пример «барьерного бунта», как вызов запаздывающей индустриализации, в ходе которой Ойкумена экспортирует на Украину свои индустриальные проблемные зоны и отношения, заставляя Украину платить авансом за выгоды индустриального мира.

Террор — вызов запаздывающему управлению

Мы рассматриваем террор как тактический прием борьбы Украины против Ойкумены (и шире — контрэлит против элит). Современный террор, насколько можно судить, представляет собой продукт взаимодействия двух различных структур. Непосредственно выполняют террористический акт outlaw, «отморозки», доведенные или воспитанные до потери инстинкта самосохранения. При современных высоких социальных температурах этот социальный тип устойчиво воспроизводится в Палестине, в Ираке, на Кавказе и на самом деле во многих других местах. Такие исполнители, Т-группы, стоят недорого, легко обучаются и, конечно, малобоеспособны, за исключением очень узкого спектра условий.

Эта составляющая носит смешанный характер — в ней переплетаются естественные тренды и элементы проектирования. Она объективна, но допускает контроль (в очень ограниченном масштабе).

3. Глобализация — это проект мирового переустройства, направленный на закрепление господства Запада (и прежде всего, США) над остальным миром. Эта составляющая, несомненно, носит проектный характер.

Именно эти условия обеспечиваются планирующей инстанцией — А-группой, сообществом аналитиков, способных ставить цели террористам, организовывать и согласовывать их действия, извлекать из этих действий политическую, культурную или иную выгоду.

Практически Т-группа может никогда не пересекаться с той А-группой, которая ставит ей задачи. Речь идет о поиске партнеров в мировой информационной сети с использованием механизмов, позволяющих объединять ресурсы и целевые рамки самых разных структур, которые не рассматривают друг друга в качестве партнеров и, может быть, вообще ничего друг о друге не знают.

Существующие системы обеспечения безопасности создавались в индустриальное время и не рассчитаны на противодействие АТ-тактике, тем более что террористическое действие может быть осуществлено бескровно — не в форме захвата заложников в школе, а в форме захвата майдана, не киданием гранат, а бросанием апельсинов¹⁹¹.

Таким образом, современные государственные организмы не в состоянии защитить себя и своих граждан от сетевого АТ-террора. Системы безопасности не могут этот террор предупредить. Вооруженные силы не могут с ним бороться. Т-группа имеет возможность выбрать объект нападения, нанести удар и уйти или самоуничтожиться до того, как государственное и военное руководство успеет получить информацию о событии и отреагировать на эту информацию. Мы уже обсуждали схему непрерывного террористического воздействия (последовательные удары террористов по нескольким школам в течение одного дня). Возможна и схема параллельной атаки множества объектов — насыщающее террористическое нападение. В обоих случаях А-группа действует быстрее реального времени: в рамках уже сделанной матрицы событий их время реакции составляет доли минуты. Т-группа задает масштаб реального времени — темпы принятия решений — минуты, скорость нарастания событий — доли часа. Государственное и военное управление существует в индустриальном запаздывающем времени — реакция порядка единиц часов. При «правильном» для террористов выборе параметров, запаздывающее управление будет не ослаблять, а усиливать воздействие террора на общественное мнение, не стабилизировать ситуацию, а раскачивать ее.

Вспомним воздействие первых флеш-мобов пятилетней давности на администрацию магазинов. Реакция была не на появление веселых подростков, одновременно вошедших в супермаркет и обратившихся к продавцам с одинаковыми вопросами, а на то, что остановилось время: действие было массовым и одновременным, мгновенным — маленькое информационное цунами, подготовленное любительской А-группой с нехитрым организационным алгоритмом.

Таким образом, террор как тактика воздействия на общественное мнение является вызовом запаздывающему государственному, военному, корпоративному управлению. Для борьбы с террором могут быть использованы системы с гораздо более высокими рабочими частотами. Например, непосредственный «ответ» Т-группе на уровне населения — без включения общегосударственных или даже региональных каналов управления.

Иными словами, террор во всех его формах должен стать «делом» тех, кто непосредственно с ним сталкивается, в то время как задача работающих на государство и элиту аналитиков — организовывать взаимодействие между индивидуальными антитеррористическими группами и извлекать политическую, культурную и иную пользу из действий этих групп.

Здесь необходимо учесть еще один фактор.

Как тактика — террор есть вызов запаздывающему управлению. Как новую форму политики его можно рассматривать как вызов **запаздывающему праву**. В условиях посттоталитарных демократий террор рассматривается контрэлитами на международном,

¹⁹¹События на Украине и в Грузии настолько напоминают классическую террористическую тактику (ВТЦ, Беслан, «Норд-Ост»...), что могут быть охарактеризованы как «террор без террора», предельная и наиболее эффективная форма воздействия на общественное мнение.

страновом и даже локальном уровне в качестве фактора борьбы за ресурс внимания. Таким образом, террор выступает, с одной стороны, как форма «заявления о намерениях» со стороны тех сил, которые лишены возможности демонстрировать свою позицию в рамках существующего миропорядка, а с другой — как негативная и нелегитимная, но действенная и прибыльная форма «экономики переживания».

В известном смысле террор является «изнанкой» современного цивилизованного общества, которую можно рассматривать как результат **злоупотребления правом**. Структуры и силы, находящиеся вне правового пространства, для Ойкумены просто не существуют или не должны существовать. Поскольку само их существование незаконно, они не видят необходимости ограничивать свои действия какими угодно рамками. И для Т-групп, и для аналитиков террор — вызов запаздывающему или неадекватному праву, устаревшей системе мировой коммуникации.

Террор как вызов отставшему образованию

Наконец, террор можно рассматривать как вызов на столетия отстающей от потребностей сегодняшнего дня «современной» мировой системы образования.

Давно известно, со времен, наверное, Царя Гороха, что обучение в преступных сообществах превосходит по эффективности обучение в самой что ни на есть советской физматшколе 1970-х годов в момент ее расцвета. Почему? Да потому что сделаешь неправильно — можешь сыграть в ящик: босс пристрелит, или полиция, или товарищи по оружию, — в общем, реальная опасность для жизни сильно прочищает ученичку мозги. Хорошо обучаются, а потом хорошо сражаются также обобщенные волколаки, закодированные умелыми гуру и прочими зомбификаторами, в том числе «Рамами» и «Кришнами», «Аллахами» и «Иисусами», на полное равнодушие к смерти. Роботу не больно. Шахид во имя Аллаха готов взорваться на площади, полной неверными, не думая о себе, карме и близких. Кодекс бусидо учил японцев прожить каждую секунду жизни как последнюю, и этот тренинг до сих пор отзывается в японском когнитивном проекте. Сколько веков прошло, а из конечных данностей бытия, среди которых смерть, бессмысленность существования, одиночество, свобода, — японцы неумолимо работают над признанием смерти как фактора развития.

Гуманисты-европейцы поеживаются от японских мультиков, где воистину «не все ль равно вернешься цел или в бою падешь ты, и руку кто подаст в беде: товарищ или враг».

Терроризм пугает сторонников справедливого общества комфортного потребления и вынесения вредных производств за скобки своей цивилизационной ниши — на Украину. Они выбирают безопасность во всех формах, а безопасность в пределе всегда сводится к тому, чтобы ничего не менять, и все, что было, еще раз охранять. Парадокс нынешнего управления как раз в этом и состоит. Требования безопасности обуславливают столько ограничений на принятие решений, что дешевле не принимать их совсем. Поэтому «тормозят» не только сугубо инновационные деяния, но и просто разумные, старые как мир способы, сто раз примененные в «соседнем» производстве. — А у нас нельзя! Какой из 18 ответов на ваше «почему?» вы предпочитаете? Любой. И расходится чиновник с предпринимателем, не слишком довольные друг другом, но знающие, куда идет оппонент — куда все. Бизнесмен идет нарушать закон и обходить «безопасность», а чиновник идет вздыхать и не замечать бизнесмена за мзду, адекватную его якобы риску.

Управление запаздывает потому, что люди сначала пытаются сделать все по закону или по традиции, и лишь когда подступает катастрофа, начинают изыскивать средства и пути. А время не ждет. И террор не ждет. Усовершенствование теряет смысл раньше, чем его успевают внедрить: АТ-группы освоили большие ресурсы, чем борцы за безопасность и «административный ресурс». Получается Украина. Даже стрелять не надо, все и так ясно.

Вы думаете, американский «Энрон», у которого обнаружены приписки и недостача, не пытался сначала поступать по закону? Пытался, побегал по замкнутому чиновничьему

кругу, а потом нашлись люди, которые сказали: мы возьмем на себя ответственность и сделаем что хотим. У нас в России М. Ходорковский тоже хотел...

Государственный голем еще не разучился «сажать». Но сломался по большому счету даже этот первичный управляющий механизм — чиновник говорит: нет, нет, нет, нет, нет, нет... Рамка безопасности обязывает все время «нет» говорить. А голем — система двоичная, он на «нулях» и «единицах» работает, на сочетаниях «нет» и «да».

Робот заскрежетал, пытаясь из одних «нулей» собрать какое-никакое решение проблемы, и начал дымиться. Другого робота нет. Люди все в управлениях: умные и даже кураж имеют, но сдвинуть заевший на «нет» рычажок личность не может. Да и сами личности под «безопасностью» ходят. В общем, за себя и свой карман позицию еще можно рискнуть занять, а для другого дела какого государственного — нет.

Таким людям, «бессильным, но с совестью», с одной стороны, очень страшны, а с другой — очень полезны террористы. Страшны, потому что справиться не сумеют, а предсказать — нет рамки, сиречь фантазии: в бандах не учились. Полезны, потому что только реально террористическими методами можно что-то в своем большом или малом управлении сделать.

Почему в стране полно бандитов у власти? Да потому что «крутые конкретные пацаны» обучаемы, думают быстрее и убеждениями не отравлены. Другое дело, что они про свое думают, а не про государственные стандарты и не про инновационную экономику.

Представим себе совершенно уж идиллическую картинку: все люди на своем месте перестали ошибаться, отвлекаться, тормозить и приняли хотя бы один из постулатов конфликтологии — «атаковать проблему, а не человека!» Что же будет?

Петя в первом классе поймет структуру русского и английского языка и перепишет за полугодие русский букварь на английский, а английский на русский, и «проблема идентичности» на долгие годы будет для него решена. Его товарищ Вася сделает сравнительный анализ семантики двух языков, и они напишут в RAND Corporation письмо, что язык RAND — это только поле для производства инноваций, а сажать американе не умеют, сурепка вырастает. Мама Пети, увидев, что сынок вырос, быстро заменит себе активную субличность на внутреннего пророка и пойдет паломником по земле русской, а с сыном по Интернету будет советоваться, как поступать с полоумным наставником бурятского монастыря. Папа у Васи, который по старой поговорке «силен в математике», наконец перестанет работать в обналаживающей лавочке и в яблонево саду летом подловит-таки яблоко, которое, оставив след на темечке, позволит ему решить пресловутую проблему пангенома. Машенька, убирающая в доме, вылечится от ожирения во сне и... И не будет больше «ошибочных действий» и хождения по кругу. А кто так не сможет, таких будут всемерно жалеть, уважать и платить им по их стремительно устаревающим потребностям...

Петя, и Вася, и папа, и мама, и Маша,— все эти персонажи произвели акцию в означенном флеш-моб стиле «террора без террора», да и не одну. Сначала внутрь: до смерти боялись, но изменились. Потом вовне: сделали так быстро, что общество с перепугу съело. Потом научили других или нашли товарищей, и мир рухнул... Колосс на глиняных ногах он был. **Любить творить куда привлекательнее, чем любить платить.**

В чем террористы, и в особенности А-террористы, нас превосходят: в том, что они очень быстро планируют, быстро находят площадки, кадры, сырье, быстро делают. Они вообще быстро работают и быстро думают. У них нет времени. А у нас есть. Особенно у управленцев. Их волнует безопасность. Вот и хорошо, думает аналитик. Пока противник волнуется, то есть тратит активное время, темп впустую, мои «отморозки» успеют забежать за дом и влезть в окно.

Дебора Клейн, которая работала посредником в конфликтах между подростками американской школы, где букет национальных идентичностей не лучше нашего, говорила о том, что агрессивную энергию нужно культивировать в деятельность по решению проблемы, которая ее вызвала.

Я вспоминаю питерскую бабушку, которая так шибко бежала за азербайджанцем,

отнявшим у нее шапку, что загнала его на четвертый этаж дома и с помощью сочувствующих ее горю жителей, кстати бежавших вместе с ней, сдала героя в милицию, к вящему ужасу его идентичности — «ах, зачем я приехал в Европу».

Террористы, готовящие свою зомбифицированную смену, весьма преуспели в технологиях НЛП: все полезное с Запада, что и способствует «делу Аллаха», они гребут лопатой. Чтоб велосипедов не изобретать. А у нас до сих пор университетские профессора носики воротят: НЛП — не наука. Куда как не наука, зато практика отменная. Работает...

Единственная область, где террористические методы хотя бы как-то используются,— это ОДИ, организационно-деятельностные игры школы Г. П. Щедровицкого. Там распредмечивание заставляет человека менять рамку и заинтересованно разглядывать, что там за ней, пока она снова не упадет на прежнее место.

Подведем итоги главы.

Потеря темпа обусловлена:

- С управленческой точки зрения наличием сдвига фаз между директивной и индикативной информацией в канале управления
- С финансово-кредитной точки зрения искусственно созданным механизмом перетекания средств в области производства с низким органическим строением капитала
- С фазовой точки зрения экспортом постиндустриальной проблемной зоны из Ойкумены на Окраину
- С тактической точки зрения невозможностью для современных государственных структур обеспечить безопасность при очевидной потребности в этой безопасности
- С социальной точки зрения отсутствием учета глобальных интересов мировых и местных контрэлит (то есть потеря мировым сообществом рамки развития)
- С формальной точки зрения острым отставанием парадигматики образования не только от потребностей сегодняшнего дня, но и от реальной практики преступных сообществ и бизнес-элит

Все указанные механизмы являются имманентными для индустриальной фазы развития и не могут быть демонтированы в рамках этой фазы.

Следовательно, мы должны предсказать демонтаж самой индустриальной фазы развития, сопровождаемый ростом колебательных процессов в контурах управления, активной антиглобалистской деятельностью и нарастанием всех форм террора, включая «стилевой» - террор без террора, «оранжевые революции», флеш-моб.

3. Как справиться с потерей темпа?

Работаем с базовыми онтологиями

Представьте себе, что вы бежите по движущейся ленте тренажера и скорость все возрастает. Сначала азарт, потом одышка, а далее только два выхода: перепрограммировать себя на невыносимо быстрый бег или сойти с чертовой дорожки, у которой что-то случилось с программой. Отдышаться и более уже никогда не связываться...

Постиндустриальный фазовый барьер при подходе к нему требует от нашей замысловатой европейской цивилизации увеличения скорости, причем предела роста мы не знаем. Потому и раздражает: есть ли этот предел вообще, или взлетать нам уже нужно, или что?..

Экологическое мышление: сохранение всего и вся, но ценой развития. Не дай Бог, вступите на дорожку, она и понесет. Это страх тех, кто спрыгнул совсем рано. Их можно понять. Они хотят детей предохранить от «перенапряжения в области сердца» и становятся

«горячими, финскими» адептами постепенного и величественного движения назад.

Тот, кто бежал долго и сошел с дистанции у своего последнего предела, тот что-то знает, что-то ощутил, почувствовал, увидел, понял. Эти — особенно опасны. Они могут отрефлексировать свой опыт и даже передать его другим. Иногда мне кажется, что выражение «эва куда махнул» пахнет новой областью науки и практики — **эволюгией**. Грустные интеллигенты возразят нам: беги, кролик, беги! Достанется любителям побегать и от даосских мудрецов. Они вмиг представят нашу жизнь асфальтовой дорожкой с тупиком в конце. В своем быстром, уничтожающем пространстве и время бега мы де не разглядим красоту гор и не вкусим неторопливых вздохов земли.

«Как Вы расслабляетесь?»

«А я и не напрягаюсь...»

Человечество привыкло следовать кодексу образования времен средневековой школы: насмотришься, как делает мастер, попробуй сам (мастер за спиной), напрактикуйся от души на макете и лишь потом становись мастером сам и тогда уже отвечай за свой продукт. Все верно, только нет никакого обращения к собственному мозгу, так — поиск в помойке информации и чужого опыта, выискивание нужного, отработанного, прилаживание оно к своим убеждениям и готово — «умею делать и могу рассказать как».

Как хороши недоучки! Эти не могут рассказать как. Они — жулики. Они пропускают один или два этапа, заменяя его чем? Правильно. Работой мозга, а не поиском в обобщенном Интернете.

Или еще лучше, они видят решения и говорят: будет вот так, и часто не могут объяснить почему. Если последние — дети, им особенно плохо приходится. Их записывают в «незрелые» навсегда, потому что за их открытиями не стояло «мастеров» и никто не приглядывал за выполнением всех этапов процедуры.

Процедура в нашем мире заменяет и подменяет все. Неважно, сколь плоха или сколь хороша очередная концепция российской военной реформы. Важно, соответствуют ли действия реформаторов устоявшейся процедуре, а документы — установленным форматам. Министр образования и науки, умнейший, кстати, человек, способный видеть суть вещей и не терять леса за деревьями, едва ли не кричит своему заместителю: «Как вы посмели принести мне документ со словом “сборка”»? Эмиссар ЕС, культуролог, за плечами которого серьезная работа по восстановлению Хорватии, говорит на семинаре, посвященном проблемам Калининградской области: «Документ должен быть не менее 55 и не более 60 страниц с резюме на 2,5 страницы и приложениями на 150 страниц». Это он объясняет, какова должна быть стратегия восстановления Калининграда / Кенигсберга...

Процедура согласовывает новое, медленно, методично и жестоко приравнивая его к старому. Что такое осел? Арабский скакун, прошедший процедуру согласования... Что такое российские реформы? Гениальные замыслы, бессмысленные процедурой.

Началось движение к «быстрому миру» с банальнейшей вещи — с собирания личных состояний (спонтанных капиталов) в одночасье, с варварского, так сказать, капитализма, неожиданно посетившего в 1990-е гг. нашу большую Родину. В Европе и Америке тоже такое было, но мы, как всегда, опаздываем со своей историей, не напрягаемся, поэтому завели себе рамку «предпринимай и воруй» позднее других. «Кто был ничем, тот станет всем» обрело неожиданную новую редакцию, и в 1987 году обозначился пик рождаемости. Люди уверовали в то, что, удержавшись на тренажере, можно приобрести больше, чем, если просто стоять у турникета и поглядывать на самоубийц своих убеждений.

Восток призывает нас «менять имена и укреплять ритуалы». Мы это и делаем: если бы этот процесс не шел у нас в России исподволь, мы давно бы вылетели из мировой системы хозяйствования. Интересно, где бы сели? За границей барьера? В когнитивном мире, где всемирное ДАО регулирует индивидуальные скорости вполне «рыночными механизмами», или еще где-нибудь? Можно и разбиться об барьер-то. Тогда не будет государства Российского, русскости и всего того, что мы пока бережно несем в рюкзаках и

даже на большой скорости не теряем. Тоже интересно. Только вот кому? «Не все ль равно, какой земли касаются подошвы». Но, разделяя интеллигентский космополитизм и бизнеспофизм мировых корпораций, «я все-таки горд был за самую милую, за горькую землю, где я родился».

Олимпиада «бегунов» награждена жуткими ограничениями со стороны стран-игроков: «Да и нет не говорите, черный с белым не носите». Первый, хорошо известный с грибоедовских времен способ обесценить не то чтобы победу, но и даже начало дистанции бегунов, это обозначить их безумцами. Второй — замалчивать их достижения и «заворачивать» всю рекламу о всяких там барьерах. Кто их видел-то? Третий — капитализировать тех, кто соскочил рано и чувствует себя победителем над «инвалидами». Все та же «умеренность и аккуратность» грибоедовская воспевается почем зря. Еще модно вспоминать прошлое и возводить в принцип «истинное творчество»: один роман в десять лет. И уж совсем удобно поместить на дистанцию десятков сменщиков, чтоб бежали по пять минут. И ничего не поняли про «содержание ветра» уж точно.

Таков издательский рынок сегодня. Пишите быстро — ерунду. Заменяйте все, что можете, трудом литературных «негров». Ваш продукт будет отчужден от вас, да и от издательства сетью богатеющих на вашем труде и креативе торговцев. Если не продали, значит, смысла в ваших озарениях нет. Если не продались, значит, сами дураки, теперь это называется — не вписались. Слезьте, наконец, с дорожки, писать нужно на диване и в покое. Если что-то придумали, мы украдем и растиражируем и выхолостим ваши бредни, увиденные на бегу.

Если вы думаете, что бывший социализм был идеологичен, то вы ошибаетесь. Идеологичен сегодняшний капитализм: ничего не решать, делать то, что делали, укреплять кастовость (по-русски, семейственность). Упрямся в барьер — отъедем на Запад.

Теперь о бегунах. Они ж не от балды бегают, а от радости. Это нужно особо подчеркнуть. Надоело им то меркнуть, то гаснуть. Люди-то они совсем не только хавчиком своим озабочены и «пристройством» детей в систему (сиречь кормушку) государственную или частную. А бегуны берутся из детей, что не выросли и любят экстрим, а не средневековые танцы с дубиной наперевес и ударом, длящимся ровно минуту экранного времени. Татарстан выбирает себе «гонщиков по пустыням» в будущие лидеры, а конкурентом ему выступает другой, БОЛЕЕ МОЛОДОЙ ГОНЩИК. В Исландии дети работают с девяти лет и не переживают по поводу «отсутствия детства». В Ирландии создана система образования, аналогов которой не было в Средневековье, и все довольны, а ВВП растет так, что смотреть завидно. В Новой Зеландии скоро расплодятся хоббиты, а на Камчатке для них построят Ородруин: для «странных», для экстремалов, желающих похоронить свою идентичность в недрах земли, чтоб взлететь над барьером, который к Российскому Востоку куда ближе, чем к Западу, уныло тяготеющему к консервативному ЕС, закованному в пластиковые рамочки.

Работаем с базовыми онтологиями (продолжение)

Базовая онтология, или матрица, на которую «клеится» картина мира человека в процессе его воспитания и развития, формируется, как правило, в слое Текущей Реальности. Даже если перед нами глубоко религиозный человек, с рождения не понаслышке знакомый с одной из вечных религий, все равно онтология — что морально, что неморально — формируется механизмами сегодняшнего мира, пусть и преломленного через личную веру в обобщенного Господа. Второй организующий плотный слой вокруг человека-информационного, следующий за его религиозными убеждениями или их отсутствием, образует идеология или совокупность социальных паттернов рассуждения и поведения, программируемых властями данного общества и разбавленных контрустановками контрэлит.

Полный хаос базовых онтологий возникает при демократическом управлении, выстроенном «сверху» в патриархальных странах. Там формируются отдельные системы

правил «для дома» и «для офиса». В разрывах онтологий возникает или движение к будущему — доверие чужой душе, или движение к прошлому — терроризм во имя горстки ритуалов. Первое бывает очень редко.

Онтология у человека совсем не обязательно формируется до самосогласованной системы принципов, вершина которой составляет предельную онтологию. По М. Лютеру: «На том стою, и не могу иначе». О людях со сменной системой взглядов говорят, что у них «гибкие убеждения». В эпоху социализма это звучало как оскорбление, сейчас произносится как комплимент. НЛП пропагандирует гибкость убеждений, ссылаясь на необходимость рефлексии, взгляда на события с разных сторон (позиций). Классическая методология тем более требует сначала занять позицию, а потом строить и определять способ деятельности или оценивать продуктивность коммуникации. Весь этот прагматичный мир формирования «базовых онтологий на текущую неделю» призывает людей «не париться»: не обобщать, иметь позитивный настрой, делать как все и охранять свою эмоциональную жизнь от стрессов. Никаких больших проектов на подобной предельной онтологии не сделаешь, но оптимальную реорганизацию труда провести можно, равно как можно решить конфликт в семье или на производстве. Вообще-то — значительный шаг вперед по сравнению с существованием вне всякой онтологии.

Для глубокого прорыва в Будущее нужно подключать душу, причем не ее украинский «оранжевый» эрзац и не экстатические призывы очередного фюрера, а именно душу, которая изначально знает, «где во вселенной добро, а где зло». Без харизмы, как в народе называют готовность личности проявить свою предельную онтологию, никак.

Предельную онтологию определить корректно так же сложно, как определить, например, мышление. Профессиональные психологи и именитые методологи никогда не договорятся об этих понятиях. Потому что смотрят с разных позиций.

Будем понимать здесь под «предельной онтологией» совокупность принципов и соответствующих им правил поведения, которые касаются вопроса, что морально для человека в определенных обстоятельствах, а что неморально. Христианство с иудаизмом дают нам 10 заповедей, конфуцианство — правила стратегии жизни, индуизм — зашифрованные космические законы, ислам — образ жизни. Но человеку западному — все мало. Он лепит фюреров и опять ищет новых богов.

Убеждения сердца редко встречаются в природе, а вот убеждений ума — хоть пруд пруди. Часто последние заводятся из всеобщего принципа «искать, где светлее». Сейчас в России в моду вошли региональные убеждения, потому как страновые кончились: человек перестал осознавать себя гражданином большой непобедимой страны, а территория его еще держит, на ней кормушка — условия жизни и труда. Типичное убеждение далекого северного, или восточного, или южного, или западного региона: «нас предали», «нас бросили», «мы временные», «нам должны», «вот переедем — будет жизнь», «у нас плохие условия, нам должны компенсировать те, у кого хорошие». Это что — убеждения сердца? Нет, конечно. Это — хорошо программируемый разум, правда, непонятно чей. Такие убеждения даже государству невыгодны. Просто: ветер принес, люди нацепили и ходят в них, детям передают с увещаниями. Так складывается картинка мира с надписью «ничего не изменишь, будет хуже!». Так рождается «застойная бедность» — страх решений, перемещений, страх выбросить на помойку пойманные в информационном поле случайные глупости. Получается некрасовское «отец мой сорок лет стонал, бродя по этим берегам».

Не лучше обстоят дела и на «западном фронте», за границами Российской Федерации. Там, правда, не принято гнусить о долженствовании, там нужно ставить цели в узком коридоре общественных предпочтений и бежать к ним, широко улыбаясь, упал, очнулся. Гипс. Улыбка. Не дай Бог, озарение тебя накроет, что по кругу бежишь — беда — сразу на обочине оказался, машины едут, никто не остановится. Хочешь предельную онтологию, лопух, первый признак ее приобретения — одиночество. Ну, как подходит тебе, господин портфельный инвестор?

Приближаются развитые страны к постиндустриальному барьеру, и обостряются

неприятности с онтологиями, даже базовыми, не то что предельными. Ранее базовые служили для выживания в содиуме, а теперь норовят стать причиной того, что барьер станет последним видением страждущего клерка — без пяти минут министра иностранных дел среднесортной державы.

Представьте себе, что 20% людей телепатами стали, а остальные — нет. Ну, конечно, попробовать уничтожить будущее можно, но для этого свою онтологию «сиди тихо, а то будет хуже» тоже придется поменять. И очень быстро. А не то — выживут телепаты.

Какие еще варианты?

Ну, например, какой-то нейроумник решит проблему обучения: пара месяцев — и все мировые языки твои, а уж возможности мышления как возрастут. Если пятьдесят картин мира попеременно один и тот же объект показывают. Вот уж «упаковочный бизнес» сойдет на нет! Сущность станет в моде, а не форма, познание, а не приобретение. Ну, ефремовский мир, чистое дело.

Сценариев «свалки народов у постиндустриального барьера» много. Все они сводятся к одному — кто-то устроится на высоком уровне, кто-то останется на прежнем и будет уныло ненавидеть тех, кто перестал ходить «в танке», но небрежно ловит пули и превращает их в цветы. Понятно, что в свалке погибнет много людей, особенно среди тех, кто сам умеет накликал себе рак и прочие информационные заболевания, чтоб скорее сбежать из этого мира. Который их предал. Такие люди нуждаются в сочувствии и прощении. На них еще хватит милосердия Богов.

Очень хочется выжить в «быстром мире» и потом еще пожить в новом, когнитивном: влезть и хотя бы одним глазком заглянуть за барьер. Еще есть уверенность, что некоторые «наши» уже там и даже помогают нам, что есть силы, но мы не слышим их за воем информационных вихрей в головах. Страх потерять свою идентичность гложет целые народы, и ведь что обидно: даже если там за барьером — счастье для всех,— все равно страшно потерять свой немудреный социальный наборчик, собранный случайно, потому что отец «перед смертью не знал, что заповедать сыновьям».

Предельная онтология — это замыкание Космоса в себе. Короткое или длинное. Неизвестно. Выделяющейся социальной энергии, как мы можем отследить по истории великих религий, хватает на огромную гуманитарную революцию: гуманитарную, подчеркиваю, а не технологическую. Таких революций было несколько: самопожертвование Христа, учительство Будды, воинствующее трансграничье Одиссея, энергетические вихри Шивы, выравнивающие жизнь и смерть в Путь, да метафоризация языка Мухаммедом.

Интересно, что обыватель от пиара помнит последнего Пророка и изо всех сил переписывает в рифмованные тексты негодные вирши, не ведая, что инновация в переводе с божественного создается один раз. Нам поздно по китайской традиции «укреплять ритуалы и переименовывать существующее». Это — уже традиция, а не инновация.

Конечные данности бытия: смерть, одиночество, свобода и бессмысленность существования отработаны для нас богами и героями: Шивой, Христом, Одиссеем, Буддой. Последний Пророк вписал в гуманитарный талмуд цивилизации изящные стихи о несостоявшемся рае и стал первым политехнологом среди Старших по Предельным онтологиям.

И если гибель Богов и наследование Героев объединить в книгу для начинающего инопланетянина, то это, видимо, и будет первый учебник нового бытия, где, как во Французском соборе или в общине Бахая, есть место всем идентичностям и все они называются общим словом Человек космический.

У барьера многие перестреляют друг друга, отравят и задавят в толпе. Тех, кто встал на ходули, скинут и затопчут. Того, кто в танке,— задушат. И только крылья смогут спасти. Или искусство двигаться в толпе, или искусство не попадать в свалку. Крылья лучше отрачивать невидимые, а то не напасешься пожарных ангелов. Искусство двигаться в

социальном воздухе нужно развивать уже сейчас.

Почему Иван Ефремов не стал новым пророком?

Советский Союз довольно близко подошел к созданию новой трансценденции. Идеи коммунизма в начитанной аудитории превратились в два очень привлекательных для интеллигенции убеждения: «Жизнь дает человеку три радости: друга, любовь и работу» и «Счастье для всех, даром, и пусть никто не уйдет обиженным». Оба эти убеждения знакомы нам и по миру Стругацких, который куда как более очеловечен, чем занудные, модельные построения Ефремова. Ефремов был философом и ученым, и ему было некогда: спешил он. «Чаша отравы» так и не была опубликована, в 1970-е гг. Ефремов умер, а отравка западного потребления прорвала «железный занавес» и Запад стал миром, в котором прогрессивной и демократичной советской интеллигенции захотелось жить. Иван Антонович не успел спасти свой миф, фальстарт 1950-х годов, как огненный Барлог, умирая в объятиях Берии, таки задел по нему огненным хвостом. Сейчас Ефремова взрослые не читают, дети не знают и не проходят в школе. А элитные гимназические детки образованно цитируют Хантингтона и Фукуяму. Пророков в своем отечестве нет как нет. Модель Ефремова потеряла привлекательность в эру потребления. «Кораблю взлет!» — не случился. В Китае ржавеет наш социалистический мир вместе с ракетными двигателями, которые не отмыть от песка, потому что их не запускали с того момента, как завезли. Монголия, в которой Ефремов путешествовал и о которой писал в своих рассказах, живет в тех же юртах, но с Интернетом и легким мотоциклом у дверей. Так называемое соединение патриархального уклада с техникой. Восхищаются романтики, ужасаются геополитики. А чего стыдиться? Многоукладности у нас в Таджикистане при Советах хватало. Хотя, какой он теперь наш?

В известном фильме прекрасный актер Джонни Депп на гневную реплику: «Вы самый худший пират из тех, о ком я слышал!» Изящно парирует: «Но вы обо мне слышали!»

Поэтому последуем за американской звездой и скажем, что у нас хотя бы была **модель** новой трансценденции, а вездесущая американская АУМ, открыв восемь уровней человеческого и надчеловеческого сознания, все же не поднялась до уровня описания людей будущего и источников развития когнитивной психики. Но модель нашу на рынке идеологий не купили и не отпиарили, а значит — не признали общественно значимой. И товар остался у старьевщика на полке. И значит, модели чего-то не хватало, раз герой вослед за ней не родился и не подправил текущий миф о России.

Есть обнадеживающий аргумент, который, кстати, согласуется с идеями Ефремова, что когнитивная фаза развития цивилизации вряд ли будет привязана к территории отдельной страны. Это будет эпидемия, охватившая мир. И проиграют те люди, у которых появится «врожденный иммунитет», почти как в рассказе У. Тенна «Недуг».

Существуют книги, которые формируют картину мира. Сейчас модно проводить рейтинги, вот и спрашивают людей о том, какие книги их сформировали. Но жаль, что нельзя спросить у книг: каких людей вы сформировали? Образованных, романтических, дружелюбных и любящих познавать? Но было сие формирование до предела дефицитно. Тех, у кого была честь, обокрали, не тронув шпаги. Тех, кто был образован, посадили на хлеб и воду. Тех, кто был дружелюбен, — подставили. А познание обесценили как лишнее занятие, не приводящее ни к чему. И они позволили это с собой сделать. Почему?

Впрочем, это глупый вопрос. Лучше спросить, зачем? Для какой точки в будущем необходимо было довести лучших представителей культуры и науки до «нищеты», «продажного прагматизма» или эмиграции, чтобы что? Видимо, чтобы они построились в полки... Или родился герой, «из нас один, который вспомнил про Зурбаган, когда пришел в Берлин».

Советская Россия не была бессюжетным государством, в ней до 1970-х гг. все время происходили события, которые волновали «зарубеж». Про нас рассказывали сказки. Страна жила в «быстром времени», которое заменялось временем медленным, приходящим,

просачивающимся с Запада. Оно призывало жить спокойно, достойно и демократично, не сидеть до ночи в лабораториях, а в шесть вечера ужинать в ресторане с женой и на океане проводить уик-энд. Джинсы и автомобили быстро соблазнили страну-монаха, и Бог стал обузой для души. Божественной была мечта о рае для всех и об ответственности каждого на своем месте за строительство рая.

После распада Союза случился полный душевный крах. Богов отменили 70 лет назад, а сказку о всеобщем творчестве заменили на фирменный ларек с ценами не для всех.

Ломаться стало не за что, и люди вышли в чисто поле: молодые, еще полные убеждениями образованных родителей. В поле было пусто и холодновато. Во имя мечты, которая рухнула и осмеяна, жить как-то странно, Бога нет, и даже понятия о нем нет. Одиноко, жутко, и осталась голая материальщина Эры Разобщенного Мира.

Самые страшные процессы не замедлили проявиться в школах и в армии — двух самых консервативных структурах общества. В армии стали убивать не за подлость, а просто так — за инаковость, потому что заповедей нет, мечты, куда жить, нет — значит, бессознательное — всему голова.

Мгновенно начали воровать не половину, а все, тут же начался голод в армии, нехватка мощностей на производстве, перебои с деньгами, потому что печатать так быстро не привыкли. Дьявол открыл шлагбаум, потому что Бог давно уже не покровительствовал этой территории. Люди повалили за грань того, где раньше стыдились бывать. «А что делать!» — восклицали они и начинали ругать правительство, олигархов, президентов, чеченцев, всех, кроме себя. У них не было Бога, у них отняли идеологическую крышу, они нашли ответственного за свои «буду» и перестали формировать сюжеты, стали жить, как Д'Артаньян, в перерывах между книгами, медленно плавая по дну в обществе квартирной хозяйки, содержащей таверну. Пожалуй, в сюжете Д'Артаньян был тогда, когда ему улыбалась королева и на конце его шпаги оказывались интересы двух августейших особ. Нынче другие времена. Модно жить за забором и не светиться. Модно медленно и скрупулезно обсасывать решения, а потом не принимать их, модно страховаться от чумы, тюрьмы и упомянутых августейших, ныне правительственных особ. Последние рыцари советского небесного ОМОНа поумирали к 90-м годам прошлого века. Они никого не боялись, потому что прошли лагеря и когда-то сформировали в них элиту страны. Их сюжет был всегда динамичным, ярким: про каждую жизнь можно было снять нехилое кино, в котором производственный роман был бы частью, но не основной. Эти люди влияли на судьбы страны и мира. От них остались книги, которые сейчас надутые издатели концернов рефлекторно переиздают для тех, кто хочет «тех настоящих первых помянуть».

Сегодня у нас кризис сюжетности жизни, словно перед постиндустриальным барьером все принялись скрупулезно доживать, незаметно так сходя на нет и сводя на нет решения. Все больше клиповых всплесков на эстраде, скандалов в прессе, все меньше решений, будоражащих страну на деятельность. Все больше пресловутой политкорректности, а за ней едва ли не прямой уголовщины. Все больше лицемерия. Все хуже в армии, которая голодает и тиражирует насилие и мародерство. Все хлеще консерватизм в школе, где остались озлобленные тетеньки, которым больше не устроиться нигде,— и трудно разменять энергетику своей власти над хорошенькими и обеспеченными пофигистами — сегодняшними школьниками. Какая тут учеба — война идет между учительским «Не позволю!» и бессильным ученическим «Объясните, почему?». У детей хотя бы есть сюжет юности и стремления задавить подростковым бессознательным желанием признания весь этот мир. У учителей и того нет, только бессильная ярость перед будущим.

Талантливые учителя, креативные дети, честные чиновники, такие тоже есть, а также харизматические лидеры всех сфер деятельности увязают в массе бессюжетности. Всей харизмы, всей воли и всего сердца им не хватает повести за собой народ на дело. Нужна поддержка сверху: «во имя чего ты это делаешь, Данко, новоявленный». Имя нового Бога не названо. Старым верят с оглядками. Действительно, беда, то верь, то не верь, 70 лет прошло, не жук чихнул. Вон опять поднимаются структуры ФСБ. До «воронков» недалеко, вертикаль

власти, известно, как в стране укрепляется: по средневековым законам.

Все решения, которые предлагаются по преобразованию страны из спящего болота в страну Великую, ну хотя бы и Ужасную, отклоняются в ужасе. Аргументы: так еще даже в Европе не пробовали! или — это затронет интересы... Да всегда чьи-то интересы затрагиваются! Как будто Александр Македонский, Исороку Ямамото, генерал Шарль де Голль не знали, что их деятельность затронет интересы и даже мир изменит. Сейчас политическая арена заполнена «дипломатичными представителями истеблишмента» с небольшой добавкой в виде идиотов и фюреров. Последние решения принимают, но только не на созидание, а на разрушение.

В литературе поисчезали образы героев, которым хочется подражать, остались фэнтезийные рыцари — пофигисты, ведьмаки-одиночки, тетеньки-стервочки и девушки, работающие в избирательных компаниях и без страха и упрека ведущие бывших уголовников к власти.

Мирзакарим Норбеков¹⁹² уже по всей России центры основал, чтобы люди через осознание своего тела находили волю к победе и выходили в реализацию своих ресурсов.

Вы думаете, у людей ресурсов нет? Ну, да! Полно их. Заставьте их за жизнь бороться, так столько талантов сразу проснется, только глаза протрете, и сюжет поперет, самый что ни на есть красивый, героический.

Но у нас же демократия! Разве можно так с людьми? А спать десятилетиями можно? Методологи вон еще чухаются, развели игры с погружением, ночами не спят, решения ищут, позиции обсуждают, распрепредмечивают личность (вот ужас-то!). Так сразу ясно — уроды моральные, мешают людям спокойно помереть в ожидании наезда постиндустриального барьера, где никто никого спасать-то не будет. И администрация стратегическая будет создана за один час, как ВЧК, одним росчерком пера. Да, наверное, поздно будет... Четыре года принимается решение о создании в стране стратегической администрации. Большевики все-таки были сюжетны. Ошибки их с лихвой компенсировали движение вперед. А у нас, может, и по Маяковскому получится: «Вот вам от погибшей Америки на сто триллионов чек...»

Мы живем в сюжете, пока нас интересно читать.

В кого нам верить, или Есть ли жизнь на Марсе?

Сайентологи — едва ли не последняя массивированная попытка организованно уверовать в нечто новое, оно же хорошо забытое старое. Стоит вспомнить раннего Хаббарда, чтобы понять: смесь протестантизма с бахаизмом, харассментом и терроризмом вряд ли даст какие-то реальные всходы в обществе. Идеи протестантизма прекрасны: Библия — руководство прямого действия: встань, иди и свети; идеи бахаизма еще и демократичны: принимай и понимай все религии, но общество — это не сюжет спасения, харассмент кричит: ату их, во всем тетки, мужики, дети, родители виноваты — нужно подчеркнуть в зависимости от пола и возраста. Ну а терроризм способствует, видимо, мелкой замене комплекса неполноценности манией величия. Примерно такой коктейль из верований и соответственно сформированных идентичностей ждет «Вселенский собор» в окрестностях постиндустриального барьера.

Российский менталитет еще со времен Царя Гороха отличался рефлексивностью: я плохой, кулаком себя в грудь до осознания и дальше — за бутылку. Что и говорить,

192 Мирзакарим Норбеков — автор многих известных книг: «Опыт дурака, или Ключ к прозрению», «Дорога в молодость и здоровье», «Верни здоровье и молодость», «Тайны коррекции фигуры» и многих других. Заведует кафедрой палингенезии Международной академии информации при ООН. Его оздоровительная методика, получившая широкое признание во всем мире, защищена 18 авторскими свидетельствами России. (См. например: *Норбеков М. Опыт дурака, или Где зимует миллион решений. М.: АСТ, Астрель, Транзиткнига, 2006.*)

душевные мы люди: покаемся — и в баньку, а там самогон и простые русские развлечения — прыжки в пруд, снег, бочку, как повезет. Бои кулачные, все чин по чину, поможем противнику встать и, обнявшись, уйдем оба еле живы...Сейчас это отходит. Пришли отморозки, они убивают за деньги, а в церковь ходят в свободное время и подают у ворот изрядно, в общем, Бога не забывают. Каков президент, такова и паства.

Молодежь больше все по разным левым общинам бегают. Если вообще тяготеет к церкви, там у протестантов, мормонов или бахаистов все попроще, без явных глупостей. Православная церковь слегка одиозна для молодых, что-то в ней есть от школы, смешанной с государством, с душевной болью туда не пойдешь, разве свечку поставить перед экзаменом.

Есть убежденные ученые: атеисты, богатству картины мира которых может позавидовать сам Господь. Они отвечают за свой Путь, жизнь и смерть сами и встречают ангела-хранителя только в изголовье последних дней. Это смелые люди, отрицающие любовь Бога и потому всегда остающиеся один на один с Люцифером в неравной, вечной борьбе.

Стремление людей реализовать свою самость и Путь вне концепции Бога или Вселенной — всеобщего энергетического котла мироздания — приводит к ярким вспышкам в жизненном сюжете и неправильным, нелепым концам в этом увлекательном детективе.

Есть люди, верящие в себя, свою счастливую звезду и прославляющие Богов за то, что им повезло. Это энергетические счастливики, которые от улыбки до здоровых внутренних органов пронизаны светом. Ну как меня не любить! Это норбековские герои, которые развили интерес и любовь к себе до того уровня, что это стало приносить результаты. Энергетический анклав дает всем, кто умеет попросить и взять. Разновидности веры в себя принесли нашему миру немало пользы, человек стал более свободен, по крайней мере, от систем «государство» и «медицинское обслуживание». От абсолютной власти государства он освобождается как осознавший счастье дышать, двигаться и существовать на земле, среди природы. От системы «медицинское обслуживание» — через умение регулировать свой организм любовью, вниманием к себе, массажем внутренних органов и прочими чистками, в том числе и от дурных мыслей.

Целители, которые подключают волю и деятельность человека к его выздоровлению, всяко работают на будущее и на выживание индивидов в районе катастроф постиндустриального барьера. Целители, которые используют притирания и погружения в астрал, помимо включения воли и желания клиента, кормят его за деньги вредной жвачкой.

Тем самым развал системы здравоохранения, вычленение из нее тех систем, которые человек с трудом замещает своими усилиями: хирургии, акушерства и стоматологии, ведет к оздоровлению нации и к изучению хилерских техник, а значит, к вниманию к себе, своей уникальности. Своему Пути.

Осталось только институализировать возможность для трудящихся в КЗОТе на две недели в год — отсутствовать по болезни, и сразу ясно, что здоровые добавят себе отпуска, а больные будут стараться уложить свою нетрудоспособность в этот срок.

Известно, что со времен перестройки все заболевания среди сотрудников коммерческих структур свелись к 2-3 дням в году, потому что в первое время варварского капитализма у нас в стране больничные никто не оплачивал.

Зачем нам Бог? Старый или новый? Пара Богов?

В чем печаль кризиса трансцендентности, проще — духовности?

Может быть, ну его, кризис?

Опять мешает отказаться от пристрастного поиска замаячивший в XXI веке барьер. Если человек ни во что не верит, то нечем вернуть его в сюжет, а в жизни он пропадет: схлопнется «жизнь» около барьера для пяти миллиардов из шести живущих на Земле. А у него, сердешного, отравленного периодом застойной бедности от 90-х до сего дня, и сил-то нет, и мотивации лезть куда-то. Пропадет. А те, кто лезут, вдруг засомневаются, сорвутся.

Тоже плохо. Кто-то полетит с перепугу или от счастья, другие не увидят, подумают: умер, отмучился. И потом если некуда жить, то и жизнь ценить не нужно, ни свою, ни соседа, так за дозу убить можно, потом родиться дворнягой и лаять целую жизнь на наркоманов залетных.

Возвращаясь к теме конечных данностей бытия: смерть, одиночество, бессмысленность существования, свобода, — мы приходим к выводу, что молиться человек может только себе — интегрированному сгустку энергии, доставшейся душе от Обобщенного Всевышнего и составляющей основу его самости во всех возможных Реальностях, одна из которых зафиксирована как Текущая. И тогда понятно со свободой: человек делает свой выбор из траекторий, которые лежат перед ним, и содействует тем самым той или иной энергетической системе. Легко с бессмысленностью жизни: только сущность может наполнить смыслом свой Путь, обозначив его поступками, делами, дав ему имя и услышав отклик этого имени хотя бы еще в одном сердце. Молящемуся акту своего творения, сущности, интегралу по возможным траекториям (для атеиста) нетрудно принять смерть как конец одной траектории и начало ее же в другом пространстве. Ну а одиночество лишь подкрепляет собой основу нового верования, если ты веришь себе, своему существованию, то ты один во вселенной, но верно так же и то, что вся вселенная содержится в тебе.

«Да светится имя твое, если у тебя есть имя и ты хочешь, чтоб его светили» — так перевел некий лингвист фразу Р. Желязны, американского фантаста. Что-то многовато ответственности для молящегося, отдает свободой, быстрой смертью, некой бессмысленностью, конечно, и уж точно, одиночеством. Но, по крайней мере, автор романа дарит герою темпоральную фугу. Демократично, не правда ли?

Третий ребенок. Семья. Декабристки. Одинокий голос

Многочисленные интервьюеры спрашивают: «А как же простой-то человек жить будет? Что будет есть? Кого любить? Сколько детей у него родится? А семья? Останется ли семья? Или инкубаторы, может быть, какие? И гендерный вопрос...»

Тут спрашивающего хочется застрелить, потому что он повторяет слова красивые и модные, но к «быстрому миру» отношения не имеющие.

И к России тоже, кстати. У нас харассменты и гендеры не прижились, даже Болонской системе в образовании, столь же нам не подходящей, повезет, по-видимому, больше. Бизнес-леди есть, мужские шовинисты — сколько угодно. А глупостей западных, возводящих в ранг государственных проблем дела семейные, пока нет. Хотя бы где-то мы впереди планеты всей, тут восточные корни, видимо, преимущества имеют.

Семья определяется детьми, а не совместным хозяйством, имуществом, собственностью и прочими акциями. Так что половые отношения у юношества останутся такими же, как сейчас. Ничего не изменится у барьера, разве пиров во имя чумы прибавится, потому что если понимание, мышление, восприятие не сформировалось, то инстинкт займет свое место в голове и будет влечение и притяжение. Ничего страшного. Кролики так и живут.

Останется куча молодежи, которая будет радостно искать и находить свои энергетические, эмоциональные, интеллектуальные половинки и строить с ними совместную жизнь согласно целям и желаниям обоих или одного по их собственному выбору. Еще останется куча юношей и девушек на одну ночь и море друзей всех полов, а вместе с этим никуда не выплеснется море доверия, которое возникает в дружеских группах только в юности, и только оно потом и создает ту субъективную культуру **менеджмента доверия**, который позволяет иногда наплевать на трение и принять решение в его пользу, потому что он однокашник, черт возьми.

Иное дело семья. Тут процессы пойдут в две стороны. Первая: укрепление части семей по признаку — вдвоем легче в «быстром мире», потому что можно менять «полководца» на «начальника штаба» и наоборот. В крепких семьях, которые сошлись по

любви, дружбе, уважению и притяжению и имеют детей, не останется времени на ссоры и споры. Жизнь так ускорится, что любое решение второй половины будет восприниматься как данность и от нее нужно дальше будет действовать. Наконец исчезнет дурная многолетняя ретроспектива: вот если бы ты тогда..., то мы бы уже где были. Исчезнет паразитная рефлексия, останется выбирать оптимальные решения из того, что уже возникло. Эта русская беда с непрерывным рефлексивным самоанализом скоро угробит страну! Уж сколько раз твердили миру, что фарш невозможно повернуть назад, так нет, проворачивают туда и обратно годами и десятилетиями. Вместо деятельности люди обсасывают случившиеся события и поступки, погружаясь в них, ловят те же эмоции. И если бы они в сцены своей первой любви погружались! Так нет же — в ад своих ошибочных действий.

У пары людей, живущих вместе и воспитывающих третьего, в «быстром мире» не будет времени на плавание по подводным морям бессознательного. Вы заметили: когда люди заняты — им некогда ссориться, вот они и будут заняты: то войной за место под солнцем, то любовью, сиречь наполнением друг друга ресурсами для этой войны, то творчеством совместным, будь то огород или каллиграфия. Если случился перерыв в войне.

Почему они сейчас так не делают? Да давления еще нет: или ты будешь эксплуатировать медленных, или тебя будут отжимать быстрые и веселые. Они по твоим костям на барьер хотят залезть, так что изволь все свои ресурсы для жизни использовать, складов в «быстром мире» не будет. Японцы уже сейчас отказались в своих маленьких районных магазинчиках от складов. Они твои вкусы знают, а привезти им дешевле что-то, если ты вдруг нестандартный заказ сделал.

Пара, стоящая спиной к спине в «быстром мире», хорошо справляется с течениями. Такие пары создаются на основе взаимопомощи и/или взаимопонимания, иногда конфликта, который эксплуатирует вибрацию общего энергетического поля и активизирует творчество. Совсем не обязательно сходятся вместе, живут и творят люди с близкими характерами и жизненными устремлениями. Полно семей, в которых не одна сатана, а сразу оба оттуда. Одно позволяет им выжить как семье в «быстром мире» — доверие другому части функций по защите территорий, спонтанная смена этих функций, не критичность, а прагматичность восприятия действий партнера. Отказаться от своей самости в пользу «двойки» требует немалой работы с убеждениями, навешанными родителями или обществом. Но такая работа быстро окупается. Люди радостно живут, творят, легко прощают и быстро зарабатывают, они не боятся работы и отдыхают после ее окончания, а не по свистку начальника, они поддерживают друг друга, потому что друзья или соперники. Потому что созависимость друг от друга они превратили в красивую деятельностьную игру, где есть место и конкуренции, и ухаживанию, и флирту, и любви. В таких семьях дети учатся всему у родителей, но имеют проблемы в школе, где им рассказывают, что такого не может быть никогда.

Подобные семьи распадаются редко, и если такое случилось, то остаются друзьями и сохраняют влияние на детей.

Живущие в «быстром мире», привыкшие работать в паре, мобильные и темпераментные люди иногда в зрелом возрасте от 35 лет вдруг встречают свое лучшее дополнение, чем верный предыдущий партнер. Такое бывает. Медленные рассматривают этот сюжет как трагедию, а наша пара — никак нет.

Более того, если женщина наживает в первом браке двух детей, что вполне вероятно, потому что молодежь начинает жить вместе с шестнадцати, детей заводит к двадцати, и к тридцати пяти годам у женщины двое взрослых детей где-то между десятью и пятнадцатью годами, она родит новому мужу третьего ребенка, потому что хочет жить со своей новой парой семьей, а не «погулять вышла». Так в «быстром мире» будут появляться третьи желанные дети, и депопуляция «джи» замедлится.

Теперь пойдем к медленным. У этих браки будут более стабильными, пока дети не выросли, а дальше супруги сопьются или разбегутся и замкнутся по одиночке. Детей вырастили, сюжет кончился, дальше идти некуда. Вспоминают медленные прошлое и влчат жалкое существование. Быстрые эксплуатируют их труд. А все свободное время медленные

тратят на воспоминания о несбывшемся. Около детей еще держатся, но атмосфера в семье ужасная, ведь если не едешь вперед, то тащишься назад. А если тащишься назад, то ищешь виноватых, а виноват всегда тот, кто рядом, и начинается пиление: вот ты бы мог, вот ты бы могла. Портрет сегодняшней психологической «застойной бедности», постоянно выставлен в рамку всей средней и дальней России. Москва уже сегодня «быстрый мир».

Седой профессор, который составлял в свое время цимес университета, протирает стаканы в баре и беседует со студентами о прошлом. Бар забит. Почему он работает барменом? Глаза не позволяют писать. Два часа в день он диктует. Жить в университетском городке дорого, там самая дорогая земля в Европе. Это университет — переводчик между университетами мира. Здесь создаются «учебники для инопланетян», выверяются знания, которые не зависят от идентичности. Отдельно собирается коллекция мировых мифов. Это — самый капитализированный участок в мире. Профессор подрабатывает барменом, его жена, худенькая миссис, помогает ему. Тогда вместе с солидной пенсией им хватает на маленькую квартиру. Они не захотели уезжать из альма-матер. Никто не удивляется, все любят профессора и его жену. На дворе 2015 год. Страна институализировала оазисы для тех, кто пожелал жить, а не выживать в окрестностях постиндустриального барьера.

В студенческой среде есть семьи: пока двое живут без детей — партнеры меняются, пары складываются иначе. Как появились дети — это семья. Иногда три года хватает, чтобы найти себе новый творческий союз. Ребенок воспитывается здесь же, детские учреждения уникальны, интернациональны. Все дедушки — общие. Эти дети станут международной элитой только потому, что вырастут в плотной информационной среде. Эти дети будут бороться с идентичностями за уникальности, потому что их интернациональное братство детского сада будет трудно разбить границами стран и даже рубежами еврорегионов. Обучение происходит в три такта: погружение в среду вопроса, самостоятельное создание установки или проекта, публичная защита проекта. Круги защиты делятся на круги критики и круги доводки. Никто не парится с вопросом: «Вы хотели меня оскорбить?». Люди давно привыкли атаковать не человека, а проблему. Принято красиво одеваться, флиртовать, заниматься прикладными искусствами, играть в спектаклях. Все эти мероприятия проходят по завершению проектов. До завершения принято работать и черпать радость в работе. Выполняется космический закон труда «Можешь — сделай». Происходят спонтанные революции, голосования, акции протеста и драки. Есть санаторий-профилакторий с решетками. Полно нервных срывов. Есть технологии их снятия и предотвращения. Существует своя маленькая армия, периодически ее отзывают по просьбе МЧС, которая срослась во многих точках со Стратегической администрацией. Последняя вынуждена поддерживать геоэкономический, геокультурный и геополитический баланс страны и мира в окрестностях постиндустриального барьера. Группа «Ватикан» при университете разрабатывает проект «Новая трансценденция». Их не любят за нарушение баланса тактика — стратегия. Они не выдают результата уже восемь лет.

Мир около барьера живет и дышит. Количество техногенных катастроф у одних людей развивает фобии и желание спрятаться и не жить, а у других — формирует тризовское мышление и яростное желание жить, обостряет интуицию, а вместе с ней привлекает толпу ангелов-хранителей, свободных от необходимости охранять медленных, потому что те забились по бункерам и так.

Человек около постиндустриального барьера становится чутким к истине и не совершает ошибок в выборе, по крайней мере фатальных. Полностью исчезают такие порочные правила составления семейных пар, как «стерпится — слюбится», «уведу из ревности к другому», «пора уж замуж, возраст подошел», «хоть бы неприметного, но только своего» и прочий набор стратегически несчастливых браков, с изначально неправильной целью.

Не сработает и механизм «рожу ребеночка — в старости опору» или «скажу — беременна, авось не бросит». Это все — удел медленных людей, которые остаются жить как жили. Пить, грустить, грузить вас печалью и потихоньку сваливаться в технологическую

безысходность испорченного навеки опреснителя и одного мобильника на деревню на случай ЧП. Ни у одного президента голова не будет болеть за этих людей, и ни одно министерство не сломает перья и печати над проблемой: что делать с людьми, которые ведут себя по анекдоту:

— Господь! Помоги моему товарищу: и женой мается, и болезнью, и работа не идет, и дом спалил, и денег нет. Глас Господа: Да хоть бы он лотерейный билет купил...

Население превращается в кадры

Единственным условием превращения безликой людской массы в человеческий и социальный капитал является государственная программа «Шанс», которая дает возможность желающим переехать и устроиться на работу: разовый кредит на пассионарность, не слишком большие деньги, которые государство рискует разово потерять, зато от десяти таких ссуд, использованных по прямому назначению, общественный выигрыш будет велик.

Мобильность — основное качество для выживания в эпоху катастроф.

Подразумевается и территориальная мобильность, и мобильность убеждений при наличии не только базовой, но и предельной онтологии, и гибкость мышления, и обучаемость.

Кто-то в школах выдумал так называемый «индивидуальный подход», и вся советская система образования пошла прахом. Учитель стал произвольным диктатором, который хочет ущемить, а не научить. Но и дети откликнулись тут же, заметив лазейку: слабость учителя как личности и неустойчивость системы, потерявшей структуру. Раньше никто не кричал: я не понял, объясните мне одному, а если нет, то вы — плохой учитель, а я папу позову. Был регламент поведения и регламент усвоения, если кто-то не тянул, занимался сам с товарищами, с родителями, на дополнительных занятиях, но он сам или его семья несли ответственность за эту свою проблему, а сейчас лузер, не способный или не желающий обучаться простейшим вещам, обвиняет всех и вся. Обвиняет, чтобы только не действовать, не выучить, наконец, эти пять несчастных стихотворений, чтобы только развести разговор на полгода и привлечь инстанции. Прямо как в министерстве: решается вопрос, необходим индивидуальный подход. Как вы смели забрать меня в армию, я вот вылетел из института, конечно, потому, что там все уроды преподают.

Нет никакого индивидуального подхода к населению. Он ведь на самом деле бесчеловечен — этот подход, потому что нет ни у нас, ни на Западе, ни на Востоке столько священников и психологов, а среди них не найдется столько личностей, чтобы принимать и прощать именем обобщенного Всевышнего. Бесчеловечен подход, ибо нет и не будет человек, которые смогли бы его осуществить. Это не хорошо и не плохо. Это как две руки. Хорошо это или плохо? У нас нет людей, которым хватит сил поднимать себя, семью, да еще впрячься в оглоблю «застойно бедного» выпивохи, что мечтал быть режиссером на заре перестройки, а сейчас, кроме как матом, иным слогом не разговаривает. Нужны возможности, которых на всех не хватит, тогда будет за них конкуренция. Потом можно после победы одного-двух новые конкурсы создать — проигравшие уже прошли крещение. Они уже не «застойно бедные».

Перед барьером будет много молодежи так называемого среза Мураками, это сильные люди, выбравшие Путь и осознавшие, что одиночество — их удел, а свобода — это тот ветерок, который и ведает переменами. Государства будут жалеть о том, что не сумели утилизировать их ускользающий ресурс. Новое «поколение дворников», которые дочиста выметут свое сознание и будут ждать, сумеет ли привлечь их пустоту Новый Господь. Они создадут иной стандарт семейных отношений, ставя в них свободу превыше всего и соединяясь с партнером в беседе или в постели на миг эмоционального или энергетического рая. Среди них, конечно, затешутся трусы, боящиеся социальной ответственности и прикрывающиеся солидной и модной маской. Они создадут свое искусство: что-то вроде «рефлексия над постмодерном», и общество воспримет их едкую роль как необходимый

элемент трезвой оценки происходящего.

Парадокс последнего километра, или Повесть о первой любви

Экономисты еще в 70-х годах двадцатого столетия подсчитали, что затраты по доставке грузов в значительной мере падают на последний километр оной доставки. Какую же логистику японцы десять лет как учитывают, создавая сети семейных, районных минимаркетов у дома или у офиса вообще без складов? Непонятно.

Как функционирует так называемая неприбыльная экономика? Какому государству она нужна, какому она хотя бы по средствам? Понятно какому — японскому, В некоторой степени — Европейскому союзу. В другой степени — американской Империи. Почему? Потому что в богатых и проектных странах, программно преодолевающих барьер, ценность людского ресурса все время растет и приходится вкладывать в человеческий Капитал, скрупулезно и индивидуально. Супермаркеты скоро выйдут из моды во всем цивилизованном мире, потому что там человеческий капитал энергию теряет, а приобретает упаковки, которые эту самую энергию восстановить не могут. Зачем немцам бесплатно десять лет учить приехавшую по еврейской эмиграции Восточную Европу, Россию и прочие бывшие союзные республики? Затем, что поставили они свой германский когнитивный проект на образование и интеграцию. А почему выдохлись (если выдохлись, это еще доказать надо), так это — другой вопрос. Интеграционные программы, однако, постепенно сворачиваются. Впрочем, все мировые когнитивные проекты по преодолению постиндустриального барьера дефицитны, потому что существуют в национальных или идентичностных границах: каждому не хватает чуть-чуть от другого. Ну, как мужчине всегда не хватает женщины, и десять лет без нее сидеть он не станет. Смешно, но на трех «теток»: Америку, Японию, Россию, — один (прописью: один) «мужчина», и это — седовласый Евросоюз, слегка уставший от «бремени белого человека». Ну, это языковые парадоксы, хотя язык — он на то и язык, чтобы описывать Текущие и Альтернативные Реальности, данные нам в ощущениях. А экономический парадокс состоит в том, что нам, российским гражданам, нашим элитам и властям придется придумать себе срочно экономическое чудо, сотворить его и потом нежно войти в мировую «ярмарку невест» с приличным приданым в виде результата **экономического блицкрига**. Иначе не быть тебе, дева, замужней женой...

Понятно, что «блицкриг» обозначает быстрое овладение тем, что противник создавал долгие годы упорным трудом своих вооруженных сил и экономики.

Советский Союз в свое время показывал миру блестящие результаты в тяжелой индустрии, а значит, и в вооружении, но потребительская корзина просвечивала при этом отсутствием даже необходимого, не то что желаемого. Социальные услуги были бесплатными, но малопригодными для перехода от человека потребляющего к человеку творящему. И в результате мы все благополучно свалились в упаковочный рай выбора из пятидесяти сортов водки. По-прежнему все недовольны, но прибыль пошла, и даже ВВП растет. Если постараться, можно и вдвое натянуть... только зачем?

«Девушка, где будем делать талию?»

Если задачей экономики является получение прибыли, то у нас все отлично — прибыль растет и даже фонд стабилизационный стало некуда девать. Государство богатеет. Богатеет оно, конечно, «в среднем по больнице», то есть часть богатеет, большинство беднеет, социалка упала до нуля. «Застойная бедность» — уже личная проблема президента. А нужен блицкриг. То есть скачок на ровном месте, да такой, чтоб утилизировать раз и навсегда застойную бедность и занять делом тех, кто проснулся в элитах, но еще не понял, что деньги — это власть, конечно, но не вся власть — это деньги... нужно что-то еще. Управление, например. Креатив. Фантазия. Политическая воля, о дефиците которой говорят постоянно. Большевики?

На Западе народ уже пожевал и даже выплюнуть пытается плоды своей же демократической социальной политики — вливания в социальную сферу львиной доли

прибыли. Там родился харассмент, расцвел гендерный вопрос и расплодилось товарищества кляузников-соседей. Там низы все время требуют признания себя людьми, не зная что это такое, а портфельные инвесторы претендуют на духовные миссии, там школьники расстреливают друг друга из автоматов просто от комплексов, а не будучи террористами, а меньшинства с удовольствием прокусывают лишние дырочки в мешке демографических реформ. Дети у белых европейцев и японских японцев рождаются все реже. Америка и Исландия приводят другую статистику, но пока молчат о своих демографических технологиях. Жизнь идет, расцветают пиар, реклама, гуманитарные технологии — все на благо «человека потребляющего». На этом социальном фоне создаются альтернативные учения о бытие, сознании и свободе, ориентированные на «человека индивидуального», для которого потребление имеет меру, а не вес. Искусство умело и не очень насаждает рефлексивную рамку: «люди, вы осознаете, где вы и куда вам?». Элиты заботятся о безопасности и укрепляют дипломатичность и неспешность принятия международных, да и внутренних решений. Это очень удобно для террористов — власти становятся предсказуемыми вплоть до полшага плюс так называемая велферная экономика — все дает немалый ассортимент подручных средств и техники. Европа сетует, но выживает, Америка трещит — слышно в Азии, но внутри — изоляция, Япония смотрит мультики и показывает их всему миру, лучше «занавеса» не придумать, и, что у них там творится, не ясно. Документ про «фронтир внутри» всему миру предъявили, далее смотрите сами... Думайте, если умеете.

Россия сосредоточивается. Хорошо если перед блицкригом, хуже если перед мужиками с вилами. Так и так народ нужно занять, элиты создать, а экономику перестроить на модный нынче человеческий лад.

Что нам мешает? Во-первых, отсутствие все той же пресловутой экономической базы коммунизма. Во-вторых, отставание капитализма ровно на эпоху: у нас еще варвары, которые толком не наворовались, а «там» уже «тридцать первые отделы», которым создают видимость работы, чтобы упадок собственного достоинства не случился. В-третьих, отсутствие этих самых элит, которым пазл по имени «страна Россия» интересно собирать — не за деньги, а так.

На Западе элиты формируются по родовому признаку. Дальше, чтобы снобизм родового признака не выигрывал, отпрыск отправляется в Итон обобщенный, где все такие. Там учат демократии, умеренности и компетенциям управленческим и созидательным. Получаются вполне обтесанные лидеры государственного правления ли, отраслей экономики ли, корпораций ли. Если самородок безродный выбрался в отличники, ему путь в колледж затруднен, но государственные стипендии не оскудели, и никто не скажет про Европу, что прирожденный лидер «из простых» к управлению не прорвется. Случаи бывают, и они нередки.

В России элиты все остались до революции 1917 года, фамилии сосланы и забыты, только появились как элемент социальной жизни программы «генеалогия» и «династические деревья», только просыпается интерес людей к своему прошлому и уважение к предкам. К власти приходят либо «лидеры от сохи», то есть сами прорвавшиеся через служение системе, либо «лидеры от криминала», которые первыми поняли, что плохо лежит на границах междустроя, взяли, присвоили и купили посты. И у тех, и у других элитарных предков не было. Благо государства им «до Шанхая»: разве приколоться, и надежда есть только на их детей, что те образование соединят с генами пробивного папаша. Но тут — своя проблема. Учат их в иностранных колледжах чужой системе ценностей, демократической системе и медленной, традиционной для Европы... Приезжают отпрыски — прямо флигель-адъютанты лицом — руководить отделами папиных министерств, и ничего у них не получается. Все тут не так, как в Европе, очень быстро они понимают, что для безопасности лучше никаких решений не принимать, а только потихоньку насаждать западные порядки и вводить право через ритуалы. А в России народ на ритуалы не падкий, не заплатишь — вернется к своим традициям, а право, то есть «закон», у нас всегда было, «что дышло», и вводить его сейчас, и контролировать это введение — как раз все народонаселение страны и понадобится.

Остается одно: формировать свой пакет лидеров для российских нужд. Не будет лидеров — блицкрига не получится — никто за него ответственности не возьмет, одного Президента на всех не хватит.

Стандартный блицкриг предыдущей большой войны — это взаимодействие танков и полевой авиации и их массированный удар на прорыв. Think tanks, «умные танки», они же «фабрики мысли» в России есть: часть людей еще советского мышления все же оставила свой ум острым и рефлексивным и опирающимся на знание методологии и понимание естественных наук, несмотря на все связанные с этим неудобства для реализации в современной культуре потребления. А «авиации» нет как нет. Под «авиацией», можно, конечно, понимать когорту «летающих методологов», эдакую научную МЧС, способствующую развитию элит регионов или хотя бы осознанию этими элитами, что никакие они не элиты. Но профи мало, полномочий у них нет, олигархи их не жалуют, а власти — опасаются. Бандиты никогда не любили ученых, а уж «рыцари без страха и упрека» тем более опасны. Вот и ходят легенды про немереные гонорары, дурные характеры и оторванность от реальности среди тех, кому приходилось вызывать «летучих обезьян», пользуясь своей «золотой шапкой» неизвестного происхождения.

Инвентаризация «умников» и «практиков», способных принять, продавить решение, а затем и возглавить его выполнение, стране не помешает. Пока этого нет. Значит, государство этим не заинтересовано. И сидят мыслители где-то в Подмоскovie и диктуют свои планы преобразования Родины деревенскому дурачку с ноутбуком, чтоб послал академикам в Москву. А самому глаза не позволяют текст набрать, да и на компьютер денег нет. Бывает и так. И фамилии таких самородков аналитикам известны, и мнения их учитывают. Не учитывают их самих в сфере потребления, продаж и вознаграждений. Не до того. Не позиционирован — не куплен. Справедливо? Да. Но кто-то скоро изобретет в далеком селе Незабалуево маленький ТОКОМАК для обогрева тундры, и взойдут на ней растения диковинные, и забьют фонтаны нефтяные, жаль только жить в эту пору прекрасную ни он, горемыка, ни его соседи не будут.

Все, что случайно и спонтанно, для государства мало пригодно. Зато показано государству заключать эту спонтанность в институты, чтобы она «ток давала в недоразвитые районы». Эффект шарашки, так сказать. Итак, первая задача блицкрига — инвентаризация «летчиков». Одних на самолеты, других в запас. Он, как известно, карман не тянет.

Теперь, что касается «самолетов», то есть системы властных полномочий для этих самых будущих региональных стратегов и тактиков. Лидеров и серых кардиналов.

Нет такой системы, но, заметим, не было ее и в эпоху «красных директоров», а красные директора были, и решения принимались, «и текли, куда надо, каналы и в конце, куда надо, впадали». Значит, готовить лидеров с большими полномочиями нужно на территории страны, а не за пределами, не в демократическом Раю, а в логове бандитов, стойбище романтиков, в деревушке застойно бедных пьяниц и на кухнях безвольных интеллигентов из прошлого.

И первое, на что стоит обратить внимание при приеме в учебные заведения государственного риска, это родословная. С ней абитуриента нужно знакомить, а лучше требовать самостоятельного выявления корней и достоинств рода перед поступлением, а потом проверять, так ли верна гордость за отцовские дела. Это очень не по-советски. Но у нас равенства уже давно как нет, так почему не использовать составляющую рода, которая гарантий к лидерству не дает, но вероятность генетического опыта оного лидерства повышает. Если человек пришел без роду племени, как Ломоносов из Архангельской губернии, нужно на год послать его в архив династических исследований в России, пусть отслужит за еду и общежитие, а далее поймет — хватит ли силенок при равных знаниях сражаться с неравным социальным статусом, с аристократией в пятом поколении.

Структура самого «университета лидеров» должна включать всю **сумму технологий**, которую выработало человечество в обучении, и существовать только тот период, который для этого формирования отведен. Пусть это будут условные три года. Остатний университет

будет функционировать, как поле вокруг почти армейского колледжа подготовки Стратегической администрации страны. Первый такой выпуск должен дать до десяти лидеров каждому региону, и по истечении четырехлетнего срока службы на территории страны эти люди, пройдя подготовку с новоявленными членами колледжа и по другой уже программе, станут такой Стратегической администрацией. Они смешиваются с молодежью — своими преемниками в регионах через срок, поэтому обучение осуществляется как вертикально — через преподавателей, инструкторов и игромастеров, — так и горизонтально, через сетевые связи. Разновозрастные группы вообще обучаются лучше, а «дедовщина» исключается, потому что на территориях остались дела, которые нужно как-то завершить, передать — с одной стороны, и есть молодежные проектные амбиции, с другой стороны, которые видят уже новый блицкриг и плевали бы на старые укрепрайоны, но уважение обязывает.

Интересно, что после первого 3-4-летнего срока первого поколения управленцев нового типа их сменяют кадры, подготовленные ими на местах, а потом снова приходят «университетские». Так сохраняется рамка «антипреемственности».

Теперь, где нам взять такой колледж, такой университет как среду?

Ответ самый простой: там, где больше всего новых технологий, людей, капитала. Значит, например, в Москве или в Московской агломерации ему и быть. Или в Калининградской области, на «выжженной земле» — тоже вариант. Их только два — где очень густо или где совсем пусто. Далее. Решение о назначении лидеров «сверху» как раз согласуется с современной политикой государства. Так почему бы их сначала на лидеров, быстро принимающих умные решения, не научить?

Где взять людей, которые будут их учить? Купить, уговорить, соблазнить. Пригласить из-за границы. Почему такого вуза до сих пор нет? Или почему этой кузницей кадров не является Высшая школа экономики, например? Потому что эти вузы формируют западный образ мысли и новорусский снобизм вместо западного снобизма аристократа от управления и русского образа мыслей. Переставить акценты удастся в новых стенах. В новом проекте. Да и то ненадолго. Но первое поколение «красных директоров» будет выпущено, и с их «ржунцем», украшенным полномочиями, придется считаться. Решение об этой рискованной операции должен принять президент.

Декрет «о российских элитах» нам бы не помешал.

4. Экономический блицкриг — новая тактика России

Бытие определяет сознание — считают экономисты. Иначе говоря, не будет экономики — оголодает культура. Если соревнование мировых систем идет по жетонам промышленного роста, то мы, как страна, или получим эти жетоны, или в пространстве экономических связей на мировом рынке с нами считаться не будут. При этом совершенно неважно: определяет ли бытие сознание, или наоборот — судят по показателям материального производства. Догонять Португалию как-то грустно, потому что догонять — самая неэффективная стратегия, а рассуждать «не догоню, так согреюсь» на языке экономики звучит — «перегреюсь», и потребуются срочный ремонт, для которого нет средств. А за перегревом взрыв бывает, хорошо если дефолт с разовыми суицидами, хуже если социальный с небольшой гражданской войной. Нужен успех в получении жетонов, а конкуренты уже бегут за ними второй круг.

Спасает только то, что экономическая беговая дорожка это не обязательно трек, бежать можно где угодно и когда угодно, лишь бы в оном году нечто получить и на весь мир озвучить. То есть через поле бежать можно, и прочие тризовские решения применять разрешается: например блоху подковать на смех Общему рынку. Цена вопроса, так сказать. Цена пиара.

Нейрофизиологи еще с советских времен твердят миру о недогруженности наших мозгов, а психологи сетуют на ограничивающие всякую деятельность убеждения. Значит,

внутренний ресурс для быстрой деятельности есть, нет только привычки — раз, и управляющая система в клинче нависла над начинаниями — два.

Но, как Агата Кристи признавалась, что перед тем как начать писать роман, она громко повторяет сумму гонорара в течение двух суток. Так и у нас достаточно на всех уровнях повторять: китаец уже в Забайкалье! Японец уже бежит по спирали в небо! Американец уже заполняет милыми глупостями своих фастфудов мировые ландшафты! Ирландец переводит и издает всю литературу мира! А мы что?

Мы догоняем Португалию! Не смешно!

Один шанс мы пропустили: перевести столицу во Владивосток и тем самым основательно запутать и запугать конкурентов открытием нового океана и новой АТР-общности под русской идентичностью. Вместо этого обидели курильчан смертельно, поставив под вопрос их сезонную рыбу и рубежи Родины. Вышло нехорошо. Стратегию вместе с Россией Дальний Восток разрабатывать не спешит. Не верит. Продадут олигархи московские с молотка и Родину, и рыбу. Убеждения территории формируются быстро, а рассеять их сложно. В плохое вообще легче верить.

Долго, захлебываясь в документах, рождается в муках проект «Инновационная Россия». Хороший. Смелый. Жаль, УЖЕ УСТАРЕЛ. Пока принимают, изменились условия, а местные Агаты продались за океан.

Осталась нам хотя и худая, зато до боли знакомая «Барбаросса» — вперед, только не за Германию, а за Россию.

Что такое экономический блицкриг? Это воплощение проекта за год, от предпроектных разработок до продукта, и прекращение работы с ним той же командой опосля года. Кто останется с проектом? Тот, кто не хочет больше блицкрига, таких много. Они продолжают выпуск продукции, пока их не съедят конкуренты. Но руководство снимается и начинает новые предпроектные разработки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ЗАЧЕМ?

(ИСТОРИКО-СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ПОСТСКРИПТУМ К ГИБЕЛИ «КОЛУМБИИ»)

Опять мы отходим, товарищ,
опять проиграли мы бой.
Кровавое солнце позора
Восходит у нас за спиной.

К. Симонов

1

Исследование Космоса можно грубо разделить на три этапа.

Первый был чисто военным. Стратегической целью было создание искусственного спутника Земли. Спутник был важен и сам по себе — в основном, из соображений престижа и как сертификат, удостоверяющий возможности страны доставить полезный груз (ядерную боеголовку) в любую точку земного шара. Успех, достигнутый в 1957 году, позволил перейти к иным горизонтам планирования: человек в космосе, исследования Луны, Марса, Венеры. Создание ракетно-ядерного щита.

Джон Кеннеди, вероятно, был единственным облеченным властью человеком, который воспринял полет Юрия Гагарина не как военный и политический, но как культурный и цивилизационный вызов. Адекватным ответом США должна была стать высадка на Луне, и Кеннеди санкционировал программу «Аполлон», более ресурсоемкую, нежели война во Вьетнаме, и, наверное, более рискованную, нежели Карибский кризис. Начался второй этап покорения Космоса.

Лунная гонка с первых и до последних дней носила нервный характер, поэтому принятые в ее ходе технические решения были сплошь и рядом малоудачны. На этом этапе пилотируемая космонавтика понесла первые потери — «Аполлон-1» и «Союз-1», Гриссом, Уайт, Чаффи, Комаров.

Летом 1969 года США выиграли Лунную гонку, достигнув решающего преимущества в Третьей Мировой войне. И конечно, сразу же начали раздаваться голоса с критикой «безумно дорогостоящего и ненужного» проекта. Какое-то время программа «Аполлон» продолжалась — очевидно, по инерции, но к середине 1970-х годов была окончательно закрыта.

По другую сторону «железного занавеса» тоже не было ясного понимания целей и способов их достижения. Советская лунная программа потерпела крушение и была прекращена. После отставки Н. Хрущева высшее партийное и государственное руководство утратило интерес к Космосу (хотя понимало его геополитическое и военное значение). Финансирование пилотируемых полетов продолжалось, но никакого «сюжета» соответствующие программы не имели. Если бы был жив С. П. Королев, он воспользовался бы возникшей ситуацией безвременья для реализации самых амбициозных своих планов — ни стране, ни космической программе, в сущности, уже нечего было терять. Но преемники Главного конструктора были слишком интеллигентны для подобной безумной стратегии.

В возникших условиях задачи пилотируемой космонавтике диктовала практика. Традиционная ненадежность советской радиотехники послужила одной из основных причин создания в СССР пилотируемых орбитальных станций, и именно эти станции оказались эмблемой и основным содержанием третьего этапа космических исследований. После непонятной катастрофы Союза-11, после ряда крупных неудач с первыми «Салютами», система «транспортный корабль — пилотируемая станция» обрела надежность железнодорожного экспресса. И здесь, разумеется, выяснилось, что значение долговременных орбитальных станций выходит далеко за рамки регламентного обслуживания автоматики, предназначенной для решения военных и простейших инфраструктурных задач. Конец семидесятых—начало восьмидесятых годов — это интереснейшие орбитальные исследования в области биологии, медицины, физики полупроводников. Всерьез обсуждался вопрос об орбитальном производстве сверхчистых материалов.

На этом этапе США бессмысленно потеряли темп. Лунная программа не получила развития, а в создании космических поселений американцы не преуспели: и станция «Скайлэб», и одноименная программа носят все черты плохо продуманной импровизации¹⁹³ — трудно вообще понять, зачем НАСА понадобился этот сомнительный проект.

С 1981 года началась эксплуатация системы «Space Shuttle», создание которой было начато еще при «Аполлоне» и фон Брауне. Конструктивная идеология «челноков» относилась к эпохе Лунной гонки: подобно английским линейно-легким крейсерам серии «Фьюриес», «шаттлы» вошли в строй, когда сражение, ради которого они проектировались, давно закончилось. Как и «фьюриесы», «челноки» оказались «белыми слонами» — в новых исторических условиях перед ними не было задач, оправдывающих высокие эксплуатационные расходы и низкую надежность¹⁹⁴ кораблей.

Первоначальный замысел предусматривал постройку шести «шаттлов» и двух аппаратов принципиально нового типа. Речь шла об орбитальных «космических буксирах» с двигателями на ионной тяге. «Буксиры» предназначались для перевода «челноков» с низкой круговой орбиты на геостационарную орбиту, а при необходимости — и на селеноцентрическую. Система «Space Shuttle» + «Space Tow» была прекрасным инструментом для освоения Луны. Велись эскизные проработки и по Марсу.

¹⁹³Под долговременную орбитальную станцию переоборудовали третью ступень ракетносителя «Сатурн».

¹⁹⁴Статистику смотри в статье «Усталость металла: аналитический экспресс-анализ версий катастрофы “Колумбии”» или на сайте www.cosmoworld.ru/spaceencyclopedia.

В реальности, однако, ни один «Шаттл» не побывал даже на высокой околоземной орбите, не говоря уже о прочих воздушных замках. «Буксиры» были сначала отложены, а затем и вовсе исключены из программ НАСА, флот «челноков» создавался более десяти лет и так никогда и не достиг штатной численности в шесть аппаратов.

Как результат, США получили сложный, дорогой и небезопасный в обращении аппарат, способный доставить в космос 6-8 человек и 29,5 тонны груза. В «третью эпоху» пилотируемой космонавтики такие возможности были избыточны¹⁹⁵: «нормальный» экипаж долговременной космической станции — это 2-3 человека.

Этап ДОС, начавшийся в 1971 году, продолжается в мировой космонавтике по сей день. В последнее десятилетие он приобрел международный характер — в связи с окончанием «холодной войны» и крахом СССР.

2

Кто-нибудь из читателей этой статьи способен на память назвать имена тех, кто сейчас находится на МКС? Ну хотя бы сказать, сколько их и из каких они стран?

Этот простой тест позволяет оценить современную меру популярности космических исследований. Большинство людей просто ничего не знают о них. Меньшинство знает и считает совершенно бессмысленными. «Человек уже сделал свое дело в космосе».

Что ж, катастрофа «Колумбии» — как ни цинично это звучит — пришла вовремя. Она прервала обычную космическую рутину и поставила под сомнение программу ДОС, вяло развивающуюся более четверти века. Когда-то С. П. Королев считал, что эта программа станет плацдармом для следующего шага — освоения «малой системы». Сейчас плацдарм оборудован со всеми удобствами. Жаль только «в текущей версии истории» он, надо думать, использован не будет.

Гибель «Колумбии» в резкой форме поставила перед человечеством вопрос «зачем?» Если пилотируемые исследования продолжают «просто так», или «по традиции», или потому, что надо как-то использовать созданную ранее дорогостоящую технику, то вот вам цена традиции. Семь человек.

Если же эти полеты кому-то и для чего-то действительно нужны, если у них есть реальная цель и, следовательно, можно говорить о некоей стратегии, то эта стратегия должна содержать вразумительный ответ на вопрос: зачем человек находится в космосе, хотя уровень риска таких полетов составляет 2%, что очень много¹⁹⁶?

3

Вопрос, конечно, носит трансцендентный и личный характер. Тем не менее на него можно дать ответ, который претендует на статус объективного. Если этот ответ и не содержит в себе истину, он, во всяком случае, является вызовом возобладавшему здравому смыслу.

Тридцать пять лет назад, когда имена космонавтов и названия космических кораблей были на устах у всех, любой школьник понимал, что такое часовые пояса, и мог объяснить, как широта тропика и полярного круга связана с наклоном земной оси к плоскости эклиптики. Кроме того, он знал географию: наглядно представлял себе океаны и материки, острова и проливы, природные зоны и экономические районы.

¹⁹⁵Наиболее полезной работой, совершенной «шаттлами» за всю историю этой космической системы, стал ремонт орбитального телескопа «Хаббл». Необходимо, однако, иметь в виду, что эксплуатация «челноков» обошлась гораздо дороже, нежели новый «Хаббл».

¹⁹⁶Согласно исследованиям психологов, человек начинает ощущать тревогу, если уровень риска превышает одну тысячную процента (10^{-5}).

Сейчас ситуация изменилась радикально. В десятом классе хорошей Санкт-Петербургской школы никто не может показать на карте Бассов пролив, да и Ла-Манш видели далеко не все, или дать внятное толкование феномену смены времен года. Физический смысл полярного круга не понимает ни один школьник. То, что Земля — шар, ученики пока еще помнят, но геометрические размеры этого шара уже представляют довольно слабо. В целом складывается «карта знания», характерная скорее для средневекового сознания, чем для индустриального.

Приведем в качестве примера структуру личной Вселенной современной пятнадцатилетней девушки (результат интервьюирования).

Земля имеет форму шара радиусом около 100 000 километров. Расстояние до Луны составляет около 500 000 километров, Солнце находится «несколько дальше, возможно, до него более миллиона километров». Земля вращается вокруг своей оси и вокруг Солнца — система мира пока еще осталась гелиоцентрической. В Солнечной системе девять планет. Звезды «очень маленькие (дословно: «децильные») и, наверное, находятся там же, где Солнце. Может быть, ближе или раза в полтора дальше».

Вселенная сжалась до несчастного миллиона километров, причем 10% ее занимает Земля.

При чем здесь Космос? С формальной точки зрения увлечение космонавтикой помогает удерживать рамку представления о Земле как о небесном теле: сплюснутом у полюсов эллипсоиде вращения с большой полуосью около 6400 км, совершающем за год оборот вокруг Солнца и за сутки оборачивающемся вокруг своей оси, наклоненной к плоскости орбиты под углом 66 градусов 23 минуты¹⁹⁷. Другими словами, Космос позволяет перейти в рефлексивную позицию относительно Земли, увидеть земной шар со стороны.

На философском (точнее, цивилизационном) уровне мышления связь выглядит еще более явной. Пока человечество было занято Космосом, и прежде всего Глубоким Космосом, линия фронта все дальше отодвигалась от Земли. В 1969-1974 гг. фронтом была Луна; за чертежными досками велась проработка марсианского проекта, а в художественной литературе исследовалась проблема галактического этапа развития Цивилизации. Земля была «хоумлэндом», привычным, родным, изученным, безопасным, понятным миром. А свою «малую Родину» люди, обычно, знают. Даже не учат — просто знают.

В последней четверти XX столетия время — по крайней мере, в исследованиях Космоса — пошло назад. Луна была потеряна: сегодня ни одно государство не может повторить программу «Аполлон», и, то, что эта невозможность носит организационно-финансовый, а не технический характер, не меняет дела. С оставлением Лунного плацдарма фронт отступил к Земле и в значительной мере потерял определенность. И люди, в большинстве своем, утратили рефлексивный взгляд на Землю. Тем самым Земля перестала быть хоумлэндом и лишилась атрибута понятности. Сразу же мир потерял в глазах людей определенность и рассыпался в фасеточную структуру, характерную скорее для средневекового, чем для индустриального сознания.

Эту фразу нужно понимать буквально: несмотря на глобализацию (а может быть, благодаря ей), современный человек ощущает географическую реальность «точечно». Пространство, разделяющее цивилизованные домены, видится лишенным метрики, в том числе семантической, и населенным дикими людьми, которые, может быть, и не люди вовсе. Земля, как целое, не воспринимается вообще или представляется неопределенной в форме и

¹⁹⁷ Это представление естественно порождает несколько групп знаний: географические координаты (отсюда, в свою очередь, протягивается «стрелка» к сферической и цилиндрической координатным системам, обобщенным координатам и теоретической механике), смена дня и ночи, линия смены дат, западный перенос в атмосфере, пассаты, экваториальные и полярные течения, Гольфстрим, климатическая зональность, смена времен года, полярный день и полярная ночь, ряд оптических законов.

размерах, непонятной и небезопасной.

С отступлением линии фронта мера неопределенности возрастает. Когда человек совсем уйдет из Космоса, массовое сознание окончательно поглотят раннесредневековые поведенческие паттерны.

4

Итак, пилотируемый Космос представляет собой важнейший инструмент социальной рефлексии. Самим фактом своего существования он формирует внешнюю по отношению к Земле позицию, являя собой «зеркало мира». Утрата такого зеркала приводит к деградации и последующей фрагментации коллективного тоннеля Реальности по средневековому образцу.

Отступление с космических плацдармов — неважно, осуществляется ли оно из экономических соображений, или мотивируется ценностью человеческой жизни, или обосновывается философско-психологическими императивами, — есть одновременно и отход с Земли на землю. А для европейской цивилизации, жизнесодержащими ценностями которой являются свобода и познание, а структурообразующим принципом — развитие, в том числе и в форме неограниченной экспансии, потеря захваченного пространства означает движение вспять во времени. «Кино», которое прокручивается в обратную сторону.

И опять-таки — это не поэтический образ, а реальность, в том числе и экономическая. С семидесятых годов падает производительность капитала. К концу XX века этот параметр опустился до уровня 1890-х годов, причем скорость падения нарастала. На рубеже тысячелетий ослабление способности денег производить деньги привело к кризису высокотехнологичных секторов экономики¹⁹⁸, сейчас в связи с неконтролируемым ростом золотовалютных резервов крупнейших индустриальных государств речь идет уже о **кризисе ликвидности капитала**.

Даже чисто формально потери от десятипроцентного снижения отдачи капиталовложений превышают в разы все затраты на исследование и освоение Космоса оптом — прошлые, настоящие и будущие¹⁹⁹. В действительности дело обстоит гораздо хуже: падение ликвидности капитала есть проявление общего кризиса индустриальной экономики и соответствующей фазы развития.

Кризис этот, конечно, неизбежен, но темпы его нарастания и способ разрешения зависят от нас. Сейчас есть все основания опасаться, что развитие событий пойдет по наихудшей версии «постиндустриальной катастрофы» с демонтажем существующей промышленной цивилизации.

Отступление культуры, ее движение вспять во времени проявляется не только в сворачивании космических исследований и перманентном кризисе сверхзвуковой пассажирской авиации. Весьма показательна внезапно проснувшаяся у ряда горожан тяга к земле (в России это проявляется в совсем уж уродливой форме работы на приусадебных участках²⁰⁰).

Цивилизация есть системный объект, и регресс в одних культурных областях отнюдь

198 Это привело к падению основных экономических индексов в США и опосредовано в остальном мире. Суммарные потери Dow Jones Industrial составили около 2500 единиц, что эквивалентно уменьшению активов более чем на два триллиона долларов.

199 Даже если считать их «чистыми затратами» и притворяться, что телекоммуникационные системы, спутниковая связь, космическая метеорология и т.п., не говоря уже о конверсионных производствах (тефлон, например), к космическим исследованиям никакого отношения не имеют.

200 Стоимость продукции, выращенной на таких участках, заоблачна. Естественно, с учетом реальной цены рабочей силы — квалифицированных городских специалистов. Необходимо также принять во внимание отрицательное влияние воскресного труда на выполнение специалистом своих прямых обязанностей. Уже сейчас есть фирмы, в которых работникам доплачивают за то, что они отдыхают в выходные дни.

не компенсируется прогрессом в других²⁰¹. И оставление Лунного плацдарма не случайно сопровождалось торможением научного и технологического развития; падение производительности, а затем и ликвидности капитала есть просто обратная сторона кризиса НТР.

5

Иногда приходится слышать, что космическая экспансия не столько остановилась, сколько была переведена в виртуальную область. Нет смысла покорять Вселенную с помощью космических кораблей, имея в качестве перспективы для ближайших поколений в лучшем случае малую систему, если в воображаемых мирах, живущих внутри компьютера и отображающихся на его дисплее, уже сегодня можно завоевывать Галактику.

Опыт показал, однако, что современные компьютерные развлечения являются не вполне достаточной заменой реальности — просто потому, что всякая деятельность в виртуальном мире носит иллюзорный характер.

Само собой, «высокая виртуальность», в которой нельзя поставить эксперимент, позволяющий провести различие между ней и реальным миром, обладает всеми свойствами подлинности. Но, во-первых, построить такую виртуальность ничуть не легче, чем запустить в массовую серию десантные сигма-Д-звездолеты, и, во-вторых, Текущая Реальность так или иначе останется самым продвинутым из миров-отражений: ВИРТУ вторично относительно ВЕРИТЭ.

«Даже сейчас мы с Блейсом каждый могли бы найти тени Янтаря, где каждый из нас стал бы правителем и смог бы провести все время постоянно сидя на троне. Но для нас это было совсем не то. Потому что ни один из этих городов не был бы реальным Янтарем, городом, в котором мы родились, городом, от которого все остальные города обрели свои формы»²⁰².

Во всяком случае, «здесь и сейчас» ссылки на виртуальный космос и «невероятное развитие компьютерных технологий» являются всего лишь удобной возможностью замаскировать проблему и сделать вид, что все не так уж плохо.

6

Последний ответ на вопрос «зачем?» дает социальная термодинамика. В отсутствие космической экспансии (хотя бы в паллиативной форме исследований) ноосфера Земли по мере завершения процесса глобализации приобретает все черты замкнутости. Для замкнутых социосистем выполняется закон неубывания социальной энтропии, то есть меры страдания человека в социуме. Иными словами, всякая социальная инженерия в глобализованном мире, **ограниченном рамками Земли**, бессодержательна и, более того,

201 У поэта и историка Л. Вершинина эта мысль приводится в приложении к Российской империи:

Подумайте, граф, толково:
отступишь всего на шаг —
и станет русское слово
бесцельной грудой бумаг.
Осыплется слава пылью,
держава сгорит в огне...
И Ригу сдадим, и Вильно,
и Ревель уйдет чухне!

202 Желязны Р. Янтарные хроники (Хроники Эмбера). СПб.: Terra Fantastica, 1996. Термины ВИРТУ и ВЕРИТЭ также принадлежат Р. Желязны (Желязны Р., Линдсколд Дж. Доннерджек. М.: АСТ, 1999).

аморальна: любое улучшение человеческого существования в одной области замкнутой системы ухудшает его в других областях. В действительности дело обстоит даже хуже, поскольку любые необратимые процессы в обществе сопровождаются выделением социального тепла. Со временем «перегрев» глобализованного мира с неизбежностью достигнет величины, несовместимой с индустриальными формами организации.

Итак, значение космических исследований определяется не утилитарной пользой, которую можно от них получить (такая польза, если только не ограничиваться близким околоземным пространством, по меньшей мере, сомнительна), но культурными и цивилизационными императивами. Люди должны находиться в Космосе для того, чтобы человечество сохраняло потенциал развития. Люди должны знать Космос, чтобы их личные вселенные не съезжались до радиуса горизонта. Люди должны осваивать Космос, потому что иначе нельзя решить проблему глобализации.

В предложенных смысловых координатах «Колумбия» и ее экипаж, а в широком смысле — и вся космическая программа приобретают статус гамбитной пешки в той странной шахматной партии, которую человечество тысячелетиями ведет с неведомым Игроком, заметим, получив преимущество по дебюту. Сейчас принято говорить о «ситуационном управлении», пришедшем на смену проектному и традиционному подходу. В сущности, ситуационное управление сводится к вполне известному по штабным играм рубежа XIX-XX веков контекстному сценированию. И в этой рамке анализ катастрофы «Колумбии» может быть расписан по трем сценарным веткам, содержание которых символически выражается следующими цитатами:

- «Тайманов пожертвовал в дебюте пешку, но инициативы получил не больше, чем мог бы иметь при равном количестве пешек. В течение всей партии белые мучительно старались отыграть пешку, но так и не преуспели в этом, а лишняя черная пешка прошла в ферзи (*Д. Бронштейн. Международный турнир гроссмейстеров*)²⁰³

- «Любопытное положение с геометрическими мотивами. Черные кони симметрично расположены по краям доски, готовясь к прыжкам на c4 и f4, черные ладьи стоят рядышком на 7-й линии, а белые - на вертикали с. И те и другие играют пока роли скорей объектов, чем субъектов атаки. Диагональ d1 - h5 загружена фигурами, которые не сильны в действиях по диагоналям... Можно взять пешку e5, тогда все фигуры придут в движение, наступит хаотическое состояние...» (*Б. Вайнштейн. Мыслитель*)²⁰⁴.

- «...гамбит - он и есть гамбит, отдали фигуру — получили игру, и дело с концом...» (*К. Еськов. Последний кольценосец*)²⁰⁵.

ЛУНА ОСТАНЕТСЯ ТАМ

«Луна была там, а мы здесь. Поэтому мы и полетели».

Приписывается Нейлу Армстронгу

1

Я принадлежу к поколению ровесников космической гонки. Мне было четыре месяца, когда Юрий Гагарин совершил первый космический полет. Я помню, как в октябре 1964 года по радио одновременно читали «Сердце Змеи» И. Ефремова, рассказывали о полете «Восхода-1», первого в мире многоместного космического корабля с экипажем в составе В. Комарова, К. Феоктистова, Б. Егорова и объявляли об отставке Первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева. И я очень хорошо помню день, когда американцы полетели на Луну. Само

²⁰³*Бронштейн Д. Международный турнир гроссмейстеров. М.: Физкультура и спорт, 1956.*

²⁰⁴*Вайнштейн Б. Мыслитель. М.: Физкультура и спорт, 1981.*

²⁰⁵*Еськов К. Последний кольценосец. М.: Эксмо, 2003.*

собой разумеется, я не понимал тогда значение этого факта — ни для «всего прогрессивного человечества», ни для двух соревнующихся сверхдержав, но очень хорошо помню ощущение обиды и поражения. «Мы должны были быть там первыми! Мы!»

Сейчас мы знаем, что поражение было решающим.

Жаль только, что все так быстро забыли о нем — и в США, и в СССР/России.

В статье, посвященной юбилею Бориса Натановича Стругацкого²⁰⁶, я назвал 1960-е годы временем «последнего общего наступления человеческого разума» и отметил: «Наступление это закончилось неожиданным и тяжелым поражением, и, между прочим, плацдарм на Луне был потерян».

Сейчас о Луне опять начали говорить. О ней вспомнили китайцы, на нее обратили внимание японцы, неожиданно и Дж. Буш-младший решил позабавить избирателей риторикой времен Дж. Кеннеди, и наш «Роскосмос» вспомнил о своих наработках. Кстати, очень интересно, что везде речь идет о довольно далеком будущем — где-то за горизонтом 2018 года. Кеннеди, помнится, потребовал решить проблему Луны еще до конца десятилетия — не имея ни носителя, ни опыта успешных космических полетов, ни современной вычислительной техники²⁰⁷. И кто-то еще сомневается в замедлении развития Человечества?

Кстати, по моим прикидкам из всей этой «новой лунной программы» ничего путного не выйдет — разве что у китайцев. Законы стратегии учат, что бессмысленно после неудачного наступления начинать такое же и в той же конфигурации. Да и по логике: одинаковые причины влекут за собой одинаковые следствия. То есть в лучшем случае мы опять захватим плацдарм и снова не сможем его удержать.

2

В 1970-х годах Конгресс США отказал в средствах на три последние экспедиции по программе «Аполлон», решив, что уже потраченных 26 миллиардов долларов совершенно достаточно. Я не буду сравнивать эту сумму (вообще говоря, по меркам сегодняшнего дня довольно скромную) с расходами на войну в Ираке или, например, со стоимостью программы производства бомбардировщиков В-2, для которых в мире отсутствуют адекватные цели. Замечу лишь, что успех экспедиции Армстронга дал американцам возможность беспрепятственно реализовывать свою геокультурную стратегию победы в «холодной войне», что дорогого стоит. Но даже чисто формально: этот грандиозный и заслуженный успех повысил капитализацию территории страны на многие триллионы долларов и включил ее в очень узкий список «бессмертных государств», о которых будут помнить, пока существует человеческий разум.

Можно подсчитать и конверсионную прибыль — от тефлоновых сковородок до устройств мобильной связи и систем мониторинга сердечной деятельности. Но фирмы-изготовители получают свои прибыли и не расположены делиться ими ни с НАСА, ни с «Роскосмосом». В самом деле, при чем тут Луна?

Когда говорят о дороговизне космических исследований, всегда считают прямые расходы и прямые доходы. Потому что косвенные не научились считать. Это касается и американцев, которые променяли главный вариант космической экспансии: человек в космосе — Луна — Марс — астероиды — системы больших планет, на во всех отношениях компромиссный, хотя и впечатляюще красивый проект «Space Shuttle». Причем

206Переслегин С. К 75-летию Бориса Стругацкого//Нева. 2008. №4.

207Версию о том, что в 1969 году американцы не были на Луне, я обсуждать отказываюсь. Все «аргументы» на этот счет принадлежат эпохе виртуальной реальности, 1990-м годам — то есть, они исторически неадекватны. В 1960-е годы механизмы принятия решений были другими, как и сами лица, принимающие решения. Кстати, в 1969 году никто особенно и не сомневался, что многие видеоматериалы сняты на Земле. Связано это было отнюдь не с желанием обмануть публику, а просто с соображениями секретности. Вообще-то был разгар «холодной войны».

первоначально «шаттлы» мыслились как один из элементов космической системы, позволяющий осуществлять исследования космоса со всеми удобствами. Как водится, на создание всей системы денег не нашлось, время было потеряно и вспомогательный модуль стал самоценным. Теперь приходится изобретать под него задачи и загодя писать некрологи: потеряны два «челнока» из пяти эксплуатировавшихся, то есть 40%. Эти потери были бы приемлемой платой за Марс и астероиды, но отнюдь не за рутинную доставку людей и грузов на низкую орбиту, что модифицированные «Союзы» делают и надежнее, и дешевле. Конечно, если бы заработала вся система: «челноки», «тягачи», станции на низкой орбите, станции на стационарной орбите, исследовательские корабли открытого Космоса... но ничего этого нет, есть только «шаттлы», вылетавшие свой ресурс. «Так усовершенствование, отмщая небрежение им, обратилось во вредоносность»²⁰⁸.

У нас в СССР/России главный вариант закончился в 1964 году, когда Лунная программа потеряла своего главного менеджера — Н. С. Хрущева. Было бы интересно написать альтернативку, в которой бывший Первый секретарь не отправляется на персональную пенсию, а остается членом Политбюро, ответственным за космические исследования. И не надо говорить, что в тоталитарном государстве такое невозможно. Как раз в тоталитарном государстве возможно все и быстро.

Лунная программа обрела бы свою «руководящую и направляющую силу», причем силу, способную заставить Королева и Челомея найти компромисс. По известной формуле Л. П. Берии: «Если два коммуниста не могут договориться по вопросу, имеющему оборонное значение, значит, один из них — враг. Мне сейчас некогда выяснять, кто из вас враг. Я вернусь через час...»²⁰⁹ Внесение согласования в усилия страны резко обострили бы ситуацию, открылось бы поле для содержательной игры. Не могу отказать себе в удовольствии привести любимую цитату: «Сильная и уверенная в себе, сознательная воля главнокомандующего могла бы во много крат повысить динамику битвы, устранить помехи маневру, внести согласованность, — словом, направить события по иному руслу. Такой вариант был вполне возможен, а кто может определить пределы осознавшей себя и всю обстановку твердой и непоколебимой воли, в особенности такого могущественного аппарата, каким было германское главное командование?»²¹⁰ Или Политбюро ЦК КПСС.

Во всяком случае, шансы были. Даже в Текущей Реальности оставалась надежда облететь Луну раньше американцев. Успех, конечно, эфемерный, но он дал бы все основания продолжать Лунную программу. Первый облет — наш, первая высадка — их. Чья первая база? И где-то впереди, далеко за линией фронта сияет Марс, **главный приз лунной гонки**.

Брежневское Политбюро пожалело космонавтов (риск действительно был предельный, но, кстати, не запредельный, как у «Аполлона-11»), и эта последняя возможность была потеряна. Нет ничего ценнее человеческой жизни? Так, дайте человеку возможность самому распоряжаться собственной жизнью. Идея облета Луны на недошедшем корабле была высказана самими космонавтами в письме, обращенном к высшему руководству страны.

В 1990-е годы, когда погиб Советский Союз и разрушалось все, созданное им, было модно обвинять космос в низком уровне жизни в СССР. Как-то никто не обратил внимание, что во второй великой космической державе — США — уровень жизни оставался весьма высоким. И кстати, если бы сегодня мир пользовался бы не только ближним, околоземным космосом, но и малой системой, мы, например, не имели бы проблем с кризисом генерирующих мощностей и распределительных сетей. Весьма вероятно, что и продовольственная проблема была бы решена (за счет накопленного опыта в создании высокоэффективных искусственных экосистем, необходимых в длительных космических

208 *Соболев Л.* Капитальный ремонт. М.: Художественная литература, 1989.

209 По преданиям атомщиков такая история действительно приключилась во время реализации атомного проекта. За час спорщики договорились...

210 *Галактионов М.* Париж 1914. Темпы операций. СПб.: Terra Fantastica; М.: АСТ. 2001.

перелетах).

Но суть — не в этом.

3

Значение Дальнего Космоса — вовсе не в «ненужных камнях с ненужных планет», не в космических ресурсах, использование которых в ближайшее время, по меньшей мере, сомнительно, и даже не во всякого рода полезной конверсии типа «ядерного кубика» или «манны небесной» (космического хлеба). Ценностью является сам Космос.

Говорят, что виртуальная реальность обесмыслила долгие и дорогие космические исследования: ведь при помощи современной компьютерной графики можно уже сегодня исследовать океаны Титана и наблюдать за восходом Юпитера с Амальтеи. Рассуждающие так забывают, что компьютерная реальность создается людьми и, следовательно, содержит в себе лишь то, что они знают или могут помыслить. Остановка развития в конце XX столетия потому и произошла, что набор смыслов и образов, связанных с Землей, практически исчерпан. Мы обречены жить в эпоху постмодерна, эпоху комбинирования и рекомбинирования многократно использованных мыслеконструкций.

Новые образы, новые символы, новые структуры мышления ждут нас за гранью привычного опыта. И никто ничего не может сделать с тем фактом, что Космос остается наиболее обозначенным фронтиром развития. Можно игнорировать это обстоятельство, можно придумать тысячу других фронтиров (океан, тайны живого...), но себя обмануть нельзя. «Во Вселенной каждое разумное существо знает, где добро и где зло», — говорит герой американского фильма «Ка-Пекс». И здесь, на Земле, каждый человек знает, где на самом деле нужно искать смысл существования. По А. Тойнби²¹¹, локальная цивилизация есть ответ на локальный вызов (джунглей, океана, пустыни, арктического холода...). Тогда наша глобальная (ну, по крайней мере, глобализованная) Цивилизация должна искать ответ на глобальный вызов бесконечности космического пространства, и уклониться от этого вызова она не может.

То есть может, конечно, но очень дорогой ценой.

«Сказали мне, что эта дорога меня приведет к океану смерти, и я повернул обратно. С тех пор всё тянутся передо мною кривые глухие окольные тропы...»

4

Я все-таки надеюсь дожить до того дня, когда родится первый ребенок, зачатый в Дальнем Космосе. И хотя с точки зрения Будущего, Прогресса, Человечества не имеет никакого значения его национальная принадлежность, я все-таки надеюсь, что этот ребенок будет гражданином моей страны — как бы она ни называлась «даже в том, добром будущем вашем».

211 Тойнби А. Постигание истории. М.: Прогресс, 1990.